

СМЕНА

Февраль

■ Николай Леонов. "Козырные валеты"

■ Евгений Носов. Жаних

СОВРЕМЕННОМУ МОТОРУ

МАСЛО

ЛУКОЙЛ

Главный редактор

Михаил Кизилов

Редколлегия:

зам. главного редактора

Борис Даниюшевский

Николай Левинев

зам. главного редактора

Сергей Попов

главный художник

Виталий Федоров

Шамара Чинина

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

299

февраль (1612)

Сдано в набор 10.1.99

Подписано к печати 27.1.99

Бумага офсетная.

Печать офсетная.

Заказ № 166

Тираж 50 000 экз.

Цена свободная

101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14,

212-15-07 — для справок.

250-29-39 — отдел реализации.

Факс (095) 250-59-28.

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Reg. № 014832

Учредитель —

ООО "Издательский дом

журнала "Смена".

Рукописи, фото и рисунки

не возвращаются.

Набор, верстка и цветоделение

ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в типографии

ОАО ПО "Пресса-1"

В случае полиграфического брака

обращаться в типографию

ОАО ПО "Пресса-1"

257-42-29

257-41-03

Журнал выходит

12 раз в год.

© "Смена", 1999.

34 Евгений Носов

ЖАНИХ

Рассказ

174 Николай Леонов

**"КОЗЫРНЫЕ
ВАЛЕТЫ"**

Криминальная повесть

264 Михаил Казовский

АФРИКАНКА

Юмористический рассказ

4 Игорь Гаманов

СМЕРТЬ ПО ЗАКАЗУ

14 "СУДЬБА, СУДЬБОЮ,
О СУДЬБЕ..."

Представляем победителей
конкурса
"Моя родословная"

24 Олег Дзюба

**РЫБАЛКА
ПО-КАМЧАТСКИ**

46 Алексей Якушин

ЧИСТИЛИЩЕ

72 Елена Агашина

"ПОЧЕМУЧКИ"

Светлана

86 Бестужева-Лада

ПОЩЕЧИНА

116 Борис Сопельняк

ОГОВОР

134 Анна Курникова:

**"Я ДЕВУШКА
ИНТЕРЕСНАЯ
ВО ВСЕХ
ОТНОШЕНИЯХ"**

159 Николай Александров

**ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ
ЖИЗНЬ**

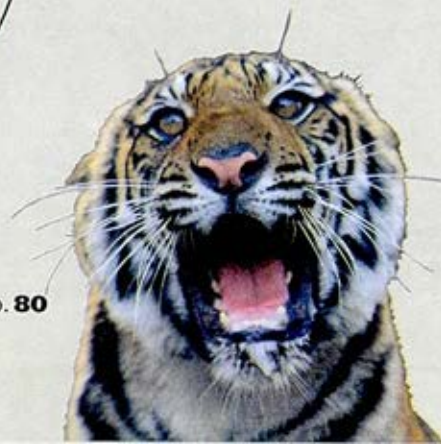
февраль '99

В НОМЕРЕ:

стр. 134

стр. 80

56 *Любовь Русева*
ПОЭЗИЯ ДУШИ

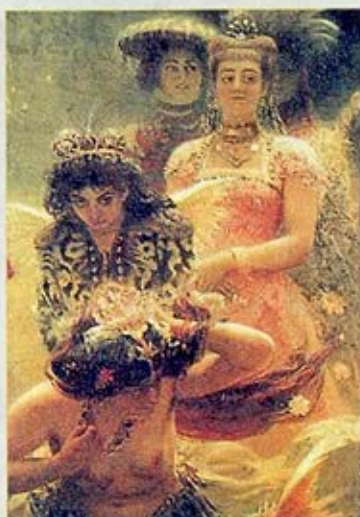
80 *Лада Акимова*
АП... И ТИГРЫ
У ЕГО НОГ

94 *Лидия Байрамова*
ИЛЬЯ РЕПИН

140 *Иван Зюзюкин*
ОРДЕН ЛЮБВИ
АДМИРАЛА

154 *Светлана Окунева*
"ОТПЕТЫЕ
МОШЕННИКИ"

288 *Людмила Кандалова*
ПАВЕЛ ПЕТРОВ

стр. 94

71 *Анатолий*
Вершинский

172 *Ирина Путьева*

Анна
Малышева
ТЕЛО В ШЛЯПЕ

Погибает генеральный директор компьютерной фирмы, вскоре умирает от отравления ядом его невеста. Две почти одновременных смерти — это уже не случайность. Но что тогда? Несчастный случай, убийство на бытовой почве или разборки между конкурентами? Сложный узел поручено распутать старшему оперуполномоченному МУРа Василию Коновалову, а помогает ему молодая журналистка Александра Митина, от лица которой и ведется рассказ в этой слегка ироничной, но очень увлекательной детективной повести.

Шатьяна
Смолькова
В ПОЗЕ
СТРАУСА

Мы знаем: СПИД — это что-то страшное, непоправимое, смертельное. И во всех отношениях грязное. Представьте после этого чувства женщины, зараженной СПИДом... трижды.

66
март '99

АНОНС:

СМЕРТЬ ПО ЗАКАЗУ

Игорь ГАМАЮНОВ

В начале 90-х заказные убийства на фоне квартирных краж и уличных ограблений поражали воображение, казались криминальной экзотикой, занесенной из других стран. Но с каждым годом число таких преступлений растет. Их исполнители разнообразят места нападения — это уже не только подъезды городских домов, а офисы, сауны, дачные поселки и проселочные дороги. Жуткая охота за людьми становится, к сожалению, обыденностью нашей жизни.

Заказчицу звали Лялей

После громких заказных убийств — священника Александра Меня, тележурналиста Владислава Листьева, банкира Ивана Кивелиди, депутата Госдумы Сергея Снорочкина — потрясенное общественное мнение отнесло эти преступления к разряду новых. Время, мол, такое — переходное, и смерть по заказу — своего рода общественная болезнь. Лечить, говорили, конечно, надо, но в общем-то «с возрастом» может, и само пройдет.

Оказалось: не проходит. Совсем недавно в этом печальном списке появились новые имена: вице-мэр Санкт-Петербурга Михаил Маневич, редактор газеты «Советская Калмыкия» Лариса Юдина, лидер Движения в поддержку армии, депутат Госдумы Лев Рохлин. И, наконец — депутат Госдумы Галина Старовойтова, чья смерть в подъезде петербургского дома повергла в шок всю страну.

Теперь ясно — сама собой такая «болезнь» не пройдет. Но для того, чтобы ее вылечить, нужно знать, как она в нашей жизни по-

явилась. Нание у нее главные симптомы. Стоит лишь заглянуть в судебную статистику, чтобы обнаружить: убийство "по найму" не занесено к нам откуда-то. Этот вид преступления процветал и раньше, только числился в так называемой "бытовухе", когда родственники избавлялись от своих близких чужими руками.

Знакомый следователь рассказал несколько подобных сюжетов: жена за бутылку водки попросила бродягу убить опостылевшего мужа. Гуляка-сын нанял уличных приятелей лишить жизни богатенького отца-профессора, чтобы завладеть наследством. То есть подобные преступления не новость. Новость то, что сейчас не просто выросло их число, а они стали по своему исполнению несравнимо изощреннее. Появились и люди, для которых выполнение подобных заказов — промысел. Сами же психологические механизмы этого преступления, по утверждению специалистов, почти не изменились.

С одним таким "бытовым заказом" пришлось познакомиться в Мосгорсуде. Представьте: в клетке для подсудимых сидит миниатюрная женщина, почти девочка. Вздернутый нос, выпуклый лобик, кудряшки до плеч. Елене Ветровой, в девичестве — Донцовой, 23 года. За малый рост в кругу друзей и дома ее звали Лялей.

Странно было видеть это хрупкое существо на одной скамье с коренастой, мрачноватого вида женщиной и рослым мужчиной с тяжелыми жилистыми руками.

На суде Ляля ото всего отпиралась: не заказывала она убийства своей свекрови. Никаных денег убийце Александрову не обещала.

В квартире же в момент преступления она оказалась случайно. А помогала Александрову и его сожительнице, уже после убийства, вытаскивать дорогие шубы из шкафа и паковать их только потому, что он ее запугал. Затем Ляля оглушила сидевшую в зале публику такими подробностями: "Я с тринадцати лет росла в доме своей свекрови Светланы Николаевны Ветровой... Она обонала мою дочь, свою внучку, очень на нее похожую. Возила нас по турпутевкам за границу, дарила подарки..."

Да не ошибка ли следствия, подумал я, привела ее на скамью подсудимых?

Там, на суде, выяснилось: Ляля появилась в доме Ветровых в трудные дни — 18-летний сын Светланы Николаевны, Андрей, случайно сбивший на мотоцикле человека, отбывал наказание в колонии, и тринадцатилетняя Ляля, девочка из соседнего дома, ходившая в тренировочном костюме и драных кедах, писала ему романтические письма. Для поддержания духа. Она оказалась настойчивой — чуть ли не канцый день бывала у своей будущей свекрови, чьим весьма прибыльным занятием было выращивание и продажа породистых собак, помогала выгуливать щенков, ходила по магазину. А кан-то, ближе к возвращению сына из колонии, Ветрова взяла на свидание с ним и Лялю. Ей было уже семнадцать — там-то они с благословения мамы и зарегистрировали свой брак, после чего Ляля ездила к нему на свидания уже как жена. Андрей, вернувшись из колонии домой, застал Лялю беременной. А став отцом, обнаружил в себе полное отсутствие каних-то чувств — и к ре-

бенку, и к Ляле. Сочиненная в письмах любовь рассеялась, как утренний туман. Начались ссоры, которые кончились тем, что Андрей ушел из дома матери — у него была своя жизнь, и он не хотел, чтобы в нее вмешивались.

Обида Ляли была безмерной — и на ушедшего от нее мужа, и на его мать, которую считала виноватой во всем. И чем больше она эту обиду копила, тем сильнее утверждалась в мысли: "Они (то есть Ветровы — **И.Г.**) МНЕ ДОЛЖНЫ. Мне и ребенку". Ей мало было тех денег, которыми осыпала ее свекровь. Ей хотелось заполучить сразу все, чем свекровь владела: просторную, хорошо обставленную квартиру, пять дорогих шуб в шкафу, долларовый счет в банке. И тогда позвонила подружке — повару столовой № 4 Ольге Усачевой, 28-летней женщине. Пожаловалась на свекровь, добавив, между прочим, что ничуть не расстроится, если с той "что-нибудь случится". Усачева намек поняла и тут же передала трубку своему сожителю Александру (объяснив потом в суде: "У меня ребенок в ванне мылся, долго болтать некогда").

Уже на следующий день Александр, слесарь по газовой аппаратуре, которому хронически не хватало на выпивку, договорился с Лялей. Он с Лялиной свекровью был знаком, как, собственно, и его сожительница Усачева. Они пришли к Ветровым якобы для разговора о работе ("за животными ухаживать") и после выпивки, прямо за столом у гостеприимной Светланы Николаевны, прикончили ее заранее заготовленным обрезом металлической трубы. Как выяснил суд, сама Ляля в этот момент была в соседней комнате со

своим ребенком и пятилетней дочерью Усачевой, которую гостя привела, так как "за ней присмотреть было некому". Вот Ляля и присматривала.

Когда все было кончено, шубы упакованы, вынесены и увезены, Ляля, замкнув квартиру Ветровых, отправилась со своим ребенком в соседний дом, где в тесной квартире жили ее родители, а через два дня заявила в милицию о пропаже "горячо любимой" свекрови.

На Петровке, 38 она старалась убедить сыщиков, что якобы видела мельком у Светланы Николаевны каких-то незнакомых людей, даже попыталась составить их фоторобот. Но переоценила свои актерские способности. Проницательные оперативники, поймав на противоречии, вынудили ее рассказать правду.

На суде она в своих показаниях путалась, злилась, посверкивала глазами на всех — на своих подельников, на судью, даже на своего адвоката.

Как отдать долг с помощью пистолета "ТТ"?

Специалисты, изучающие заказные убийства, говорили мне: главная причина количественного роста этого вида преступлений — в резком имущественном расслоении. Киллерство — это попытка силовым путем поделить (или отнять) богатство. Таков, по их мнению, основной, ведущий мотив большинства заказных убийств. Даже тех, которые приобретают политическую окраску.

Сопутствуют этому преступлению и другие, нередко — бытовые мотивы: обычная неприязнь, перерастающая в ненависть, подогре-

тая однажды алкоголем до взрывного состояния. Провоцирует же его тотальное осознание всеми слоями населения, что нынешняя государственная власть предельно слаба и ей не до каких-то там соседских или бандитских разборок — ей бы укрепить свою весьма хрупкую властную вертикаль да рассчитаться с громадными внешними и внутренними долгами. К тому же всем известно о сращивании преступных группировок с правоохранительными органами. Отсюда — массовая уверенность в том, что всех чиновников можно купить. И — размывание нравственных ориентиров, которые и раньше-то определялись у многих не столько убеждением, сколько страхом. Страх ушел, а вместо него явилось, говоря словами Достоевского, ошеломительное открытие: *"все позволено!.."*

Поэтому география, мотивы и жертвы заказных убийств становятся необъятно разнообразными. В Йошкар-Оле 85-летняя Пелагея Фоминична, устав от пьяных гулянок своей дочери, приведшей собутыльников в единственную у них комнату, заказала ее убийство за 4 бутылки водки. Мотив — затмевающая разум ненависть (а, может, опустошительная усталость и безысходность?). В Москве дама бальзаковского возраста решает освободиться от супруга, но в то же время — остаться в его квартире, для чего нанимает двух подростков, заплатив каждому по 7 долларов. Тут мотивы ненависти и корысти переплетены. В Твери отец с сыном всю ночь играли в карты, сын проиграл отцу вначале автомобиль, потом приватизированную квартиру. Решил долг не отдавать и нанял

киллеров, которые убили отца. Ничаной особой вражды между отцом и сыном соседи не замечали, как, собственно говоря, и душевной привязанности. Оказался отец не нужен, к тому же — опасен, в расход его!

Но "бытовуха", по свидетельству специалистов, в массиве заказных убийств занимает небольшое место и довольно легко раскрывается. Это она дает спасительную возможность руководителям правоохранительных органов в публичных отчетах солидно заявлять: "Как бы трудно ни раскрывались такого рода преступления, мы все-таки добиваемся положительных результатов!.."

А результатов-то — нот напланал.

Вот что происходит в этой сфере на самом деле. В 1992 году зарегистрировано 102 заказных убийства, раскрыто 11. В 1993 — 228, раскрыто — 60. В 1996 — 580, раскрыто — 70. Примерно такая же картина в 97-98 годах. То есть раскрываемость в среднем составляет около 10 процентов.

Сколько в этих процентах легко раскрываемой "бытовухи", доблестные сыщики не говорят. Зато обстоятельно объясняют, что убийства по найму — наиболее сложная для раскрытия группа насильственных преступлений, что выполняют их высокопрофессиональные "специалисты" в условиях глубокой конспирации, что заказчик и исполнитель нередко не знают друг друга, так как между ними цепочка посредников, на выявление которой требуется значительное время.

Убедительно звучит!.. Только вот не идет у меня из головы эпи-

зод, случившийся в Сокольниках, на берегу Яузы. Там, у моста, есть кафе "Очаг". Именно там в 12 часов дня двое крепких парней без накой бы то ни было конспирации (даже без масок на лице!), убивали предпринимателя, собиравшегося сесть в свой автомобиль. Они расстреливали его из двух пистолетов ТТ не торопясь, целясь сначала в руки и плечи, только потом — в живот, в грудь и, наконец, в голову. Они убивали его так медленно, потому что внутри кафе, за столиком, сидел другой предприниматель, заказавший это убийство, и он просил расправиться со своим коллегой помедленнее. Пятью минутами назад с своим столиком он перемолвился с жертвой, узнав, что тот все так же настаивает на возвращении долга с процентами, а это не входило в планы заказчика, и он дал знать стоявшим на улице парням о начале операции. С особым волнением он проследил за ней до конца, убедился, что долг с процентами ликвидирован, затем сел в свой автомобиль и уехал.

Парней поймали. Оказалось, они из Читы, приехали в Москву подработать, но ничего подходящего, кроме этого заказа, найти не смогли. Они признали свою вину полностью, но так и не назвали ни посредника, ни заказчика, потому что знали: эти денежные тузы найдут способ расправиться с ними и в тюрьме, если они проговорятся.

Мне не раз приходилось писать о трудной, иногда просто героической, работе оперативников и следователей, и они мне буквально вдолбили в голову истину: "Легче всего раскрыть преступление по горячим следам!" Поэтому оправдательную фразу руководи-

телей правоохранительных органов о цепочке посредников, требующей на ее выявление "значительного времени", считаю лукавой отговоркой. Как и слова о том, что очередное убийство по найму выполнено профессионалами, а потому труднораскрываемо. Будто само расследование этого преступления ведут не профессионалы. Хотя, может быть, именно в этой отговорке — суть проблемы? А может, — наши следователи недостаточно квалифицированы? Хорошо хотя бы то, что отличные профессионалы у нас все-таки есть, и об одном из них я расскажу.

А пока — еще несколько штрихов к характеристике явления. Социологи выяснили любопытную подробность: в 1989 году женщин среди заказчиков чужой смерти было 60 процентов. А в 1996-м такими заказчиками в основном стали уже мужчины — 90 процентов. То есть эмоционально-корыстные мотивы заказных убийств энергичнее всего проявили себя не столько в бытовой сфере, сколько в совсем иных... Каких именно?

И тут статистика дает довольно точный ответ: наибольшее число жертв заказных убийств за все эти годы составили бизнесмены — 46 процентов. На втором месте — лидеры преступных группировок, их 38 процентов. Затем идет категория лиц, владеющих крупной недвижимостью (в основном это пожилые владельцы приватизированных квартир) — 8 процентов. И на последнем месте — 3 процента — государственные служащие, не угодившие тем, спрятавшимся в тени, заказчикам чужой смерти, чьи сверхдоходы зависели от решений их жертв.

Выстрел в безлюдном коридоре

Одно из самых таинственных заказных убийств, довольно долго пребывавших в числе "висянов", — гибель двух директоров Московского вентиляторного завода. 25 января 1995 года, засидевшись в своем кабинете до позднего вечера, Александр Миронов наконец-то собрался домой, вышел в безлюдный в тот момент коридор управленческого корпуса и был тут же застрелен. Выстрелов никто не слышал — киллер, видимо, пользовался пистолетом с глушителем.

Но этой смертью дело не закончилось. Спустя два года, 13 февраля 1997 года, заменивший Миронова Вячеслав Ваксман, так же засидевшись в директорском кабинете, вышел, оставив почему-то на столе свой дипломат и мобильный телефон, сел за руль "Волги" и — исчез. Три дня спустя его "Волга" была обнаружена припаркованной у магазина "Людмила", а сам он, точнее, его труп, оказался в багажнике автомобиля.

Сменивший их директор Олег Балкинд на докучливые вопросы корреспондентов отвечал, что особого желания директорствовать у него нет. И объяснял ситуацию так: завод заключил солидные контракты с Бельгией, Германией, Голландией, Ираном, Китаем, и потому являет собой довольно выгодную кормушку для преступных группировок, которые без конца делят территорию Москвы (и, конечно же, других городов) на сферы влияния. Кто именно покушался на доходы вентиляторного завода, Олег Балкинд не говорил, потому что, по его словам, не знал, к нему еще не приходили, а если придут с требованием платить, то, как он

признался, *"не знаю, что отвечу, но рассматривать ультиматум придется, ведь мы беззащитны"*.

Новый директор и в самом деле мог не знать, кто именно покушался на его завод, хотя, да простит мне читатель мой скептицизм, я не сильно верю в это. Как совсем не верю в то, что правоохранительные органы не ведают, какие и где именно преступные группировки утверждают столь страшным образом свое "право" участвовать в доходах того или иного предприятия.

В Москве ли, в другом ли российском городе стоит поближе познакомиться с предпринимателем средней руки, тебе тут же назовут кличку преступного "авторитета", чья группа, став "крышей", взимает с него регулярную дань. И если кто-то "не знает", то это может означать следующее: здесь столкнулись интересы двух и более преступных группировок, в их разборках гибнут недостаточно гибкие руководители, а стражи порядка по разным причинам не хотят всерьез вмешиваться в конфликт, отделяясь формальным расследованием.

Такая вот была у меня версия, пока московские сыщики не опровергли ее: в их поле зрения попал молодой, напористый заместитель директора вентиляторного завода по кадрам, имевший, по мнению следствия, и с первой и со второй жертвой особые счеты, мечтавший занять хлебное место, нанявший, чтобы его расчистить, двух, судимых в прошлом, работников этого же завода. Когда суд подтвердит (или опровергнет) версию следствия, я расскажу читателям эту историю подробнее. А сейчас — несколько слов о "вмешательстве" стражей порядка в процессы деле-

жа территорий и предприятий преступными группировками.

В Мосгорсуде не так давно слушалось уникальное в некотором роде дело группы работников правоохранительных органов. Среди сидевших на скамье подсудимых — майор внутренней службы ГУВД, старший следователь Следственного комитета МВД, бывший старший помощник прокурора межрайонной прокуратуры, адвокат и, наконец, профессор Московской высшей школы милиции. Все они, как свидетельствовали документы, помогали весьма известной солнцевской преступной группировке разваливать уголовные дела на попавшихся в руки милиции бандитов, спасая их от наказания. Причем делала это довольно долго, постоянно и с высокой степенью профессионализма! К тому же — за крупные валютные суммы!

Надо быть совсем уж наивным, чтобы не предполагать всякий раз, когда следствие по заказному убийству затягивается, что тормозят ход следствия отнюдь не только естественные трудности, но еще и — крупные деньги.

Да, конечно, заказное убийство — это действительно сложный для раскрытия вид преступления. Да, действительно, следователей-профессионалов у нас катастрофически не хватает (они уходят в адвокаты и в охранные структуры коммерческих фирм — из-за чрезмерной нагрузки и нищенской зарплаты). Нередко следственные действия ведут студенты-заочники юридических институтов (которые, кстати говоря, подозрительно быстро обзаводятся собственными "Жигулями" и "Нивами").

Эти проблемы (плюс к перечисленным — слабое техобеспече-

ние, медленно работающая судебно-медицинская экспертиза, финансируемая, как весь Минздрав, по остаточному принципу) уже несколько лет бодро озвучивают с различных трибун и телевизионных экранов руководители-правоохранители. А так как с годами положение не меняется, возникает простая мысль: вдруг и эти дежурные оправдания тоже оплачены преступными группировками?

Ведь несмотря на все нерешаемые, с начальственной точки зрения, проблемы, честлюбивые сыщики, упрямо не желающие жертвовать своей профессиональной честью, раскрывают заказные убийства. Еще и потому, что всякий раз начинают расследование с классического вопроса, сформулированного еще в римском праве: "КОМУ ВЫГОДНО?.."

Цена одной жизни — 80 тысяч "баксов"

"...Я в своей работе иду не столько от преступления, сколько от предполагаемого преступника," — сказал мне на Петровке, 38 работник МУРа, майор милиции Александр Яковлев. Он сухощав, подвижен. Без конца отвлекается на телефонные разговоры, помечая всякий раз что-то в записной книжке. 22 года милицейского стажа. Из них 16 — в МУРе. Награжден орденом "За мужество".

Рассказывает скупо, оговариваясь: после суда напишете с подробностями. Основная работа — с оперативниками. Нужно суметь вычленишь в огромном массиве предоставляемой ими информации главное. Он сумел. Взяли банду, промышленявшую грабежами и заказными убийствами.

Ее держали под наблюдением, зная, кто ею руководит. Зная, с кем из других "авторитетов" этот вояка налаживает связи. Зная, кого на какое дело из членов банды может послать.

Один из бандитов был у "авторитета" на особой примете: рязанский, судим за кражи, 30 лет, вляпался по-крупному, случайно помяв на своей машине иномарку другого большого "авторитета", который тут же поставил его на "счетчик", от чего сумма бандитского штрафа выросла до фантастического размера. Переговоры двух "авторитетов" решили его судьбу так: пришел заказ стоимостью 80 тысяч долларов — убийство бизнесмена. Уберет его рязанец — "счетчик" отключается и штраф аннулируется.

Банду взяли, когда со дня преступления прошло уже несколько месяцев. Допросы велись так, что рязанец решил: на Петровке, 38 о нем знают все. И — раскололся.

Трудно ли было выявить посредников и выйти на заказчика? Александр усмехается: "Бандиты чувствуют себя героями, пока к нам не попадут. Тут уж каждый трясется за свою шкуру, торгуя чуной".

Заказчиком оказался ближайший коллега убитого, бывший его одноклассник, содиректор общей фирмы, клявшийся на поминках вдове, что непременно отомстит за смерть друга. Когда за ним приехала милиция, сотрудники фирмы были в шоне. Смерть коллеги ему понадобилась, чтобы стать вдвое богаче, хотя и он, и его жертва числились в десятке самых богатых "новых русских".

Да, приходится констатировать: пуля стала в России универсальным средством: с ее помо-

щью "выбивают" долги, которые через арбитражный суд не вернешь и за пятилетку; она убирает настырного кредитора или соперника (по бизнесу или по грабежу); пуля держит в страхе зарвавшегося чиновника, набившего карманы взятками, но не выполнившего своих обещаний.

Но почему все-таки пуля, а не механизмы рыночной экономики, как замышлялось в начале реформ?

Вот что сказал мне об этом в коротком интервью известный юрист, Председатель Арбитражного суда России **Вениамин Федорович Яковлев**:

— ...В советское время вся наша экономика управлялась из одного центра. Необходимо было вытеснить старую систему элементами новой. Сейчас мы эти элементы создаем на ходу.

— Но Западу для этого понадобились сотни лет.

— И мы могли начать не с чистого листа. Россия существует целое тысячелетие. У нас до 17-го года имелось совсем неплохое экономическое законодательство. И арбитражные суды существовали, только назывались коммерческими. Этот инструмент был выброшен, заржавел... Его надо восстановить... Рыночная экономика — это упорядоченная и довольно жесткая система. Полной свободы воли там нет, ты проявляешь себя в рамках общепринятых правил... У нас сейчас идет беспрецедентный процесс: нет в истории примера, когда бы за такой короткий срок проходил массовый передел собственности!..

Да, конечно. Отсюда, наверное, и все наши беды: торопимся, рубим с плеча. Как в 17-ом году.

тан и в 91-ом. А вот что думает по этому поводу Генеральный прокурор России **Юрий Ильич Скуратов**:

— Ситуация с заказными убийствами в России соответствует криминализации нашей экономики в целом. Она свидетельствует, что передел собственности у нас не закончился, что экономическая реформа, помимо прочих допущенных ошибок, оказалась не просчитана с точки зрения криминальных последствий.

...Но алиби не помогло

Под конец еще один сюжет, когда, начав именно с этого вопроса "Кому выгодно?", следователи раскрыли сложное заказное убийство. Оно было организовано по всем канонам этого подлого искусства: заказчик знал только одного посредника, всего же их было четверо. Исполнитель из четверых знал последнего, зато ему ничего не было известно о жертве: ни имени, ни должности. Показали издалека немолодого человека, велели запомнить лицо. И — дали пистолет.

Выстрел прогремел поздним мартовским вечером в Екатеринбурге, в подъезде дома, и жизнь немолодого человека была мгновенно оборвана. Убийца, забросив пистолет под какой-то забор, благополучно скрылся. Он только из газет узнал, кого лишил жизни: это был доктор технических наук, лауреат нескольких госпремий, создатель суперсовременного оружия, генеральный конструктор "ОКБ" "Новатор" Валентин Алексеевич Смирнов.

Лучшие сыщики Урала распутывали цепочку преступления, справедливо предположив, что

смерть Смирнова кому-то должна принести колоссальную выгоду. И — выяснили: Юрию Пинженину, давнему соратнику Смирнова, ставшему у него в фирме "Новатор" заместителем директора. Это он, Пинженин, без ведома Смирнова стал распоряжаться деньгами фирмы, подделывать документы, прикарманивать громадные суммы. Смирнов, обнаружив его "самодеятельность", был обескуражен и возмущен. Решил обратиться в правоохранительные органы. Но пока собирался, Пинженин уехал в командировку в Москву. Выстрел прозвучал именно тогда, когда у Пинженина было 100-процентное алиби.

Но сыщики, узнав о ссоре Смирнова с Пинжениным, стали разрабатывать эту версию. И спустя 21 день после убийства взяли всех: заказчика, четырех посредников и исполнителя, выяснив: жизнь Смирнова Пинженин оценил в 25 тысяч 500 долларов. Эта сумма, переходя через посреднические руки, сильно уменьшилась: исполнителю досталось 3 тысячи. Он, кстати, стал активно сотрудничать со следствием, нашел тот забор, где выбросил оружие. Пистолет все еще лежал там, куда убийца его бросил. На нем даже сохранились его отпечатки.

...Я понимаю — пример этот, хоть и характерен в общей картине заказных убийств, в чем-то уникален. Хотя бы в том, что "заказан" был не какой-то там бизнесмен, каких много, а крупный ученый-производственник.

Но разве не должна быть всякий раз уникальной работа следователей в раскрытии таких, самых коварных и подлых преступлений?

“Судьба, судьбою,

Более ста читателей “Смены” откликнулись на предложение редакции рассказать об истории своего рода, своей семьи. Победители конкурса были названы в январском номере журнала. Теперь — более подробное с ними знакомство...

Все наши уважаемые участники конкурса в присланных письмах щедро поделились с нами, и с тысячами читателей “Смены” очень дорогим и очень личным, сокровенным: памятью, любовью, историей своей семьи. Спасибо вам!

Как и судьбы людские, они такие разные, ваши письма...

Изданная типографским способом “Поколенная родословная роспись рода Щукиных из деревни Запрямая Таборской волости Оханского уезда Пермской губернии XIX-XX веков”, над составлением которой десять лет работал “исследователь рода, генеалог-любитель”, как он сам представляется, Александр Ильич Щукин из города Нытва Пермской области.

И 96 рукописных тетрадных листов под названием “Блоннот моего детства”, который “подготовила впрок”, в 1986 году, последнем году своей жизни, семидесятипятилетняя русская женщина-крестьянка, получившая трехклассное образование, видевшая гражданскую войну, красных партизан и героя Чапаева, одолевшая голодуху предвоенных, воен-

ных и послевоенных лет. “Блоннот моего детства” Евдокии Васильевны Бородастовой из рода Ермановых прислал из Ставрополя ее сын, Николай Иванович, который в своем письме слово “Мама” неизменно пишет с заглавной буквы.

Они такие все разные, судьбы родов российских. И такие все равно ценные для судьбы России...

А Россия — на всех одна

Читаешь их — словно учебник истории перелистываешь: судьбы людские складываются в судьбу поколения; судьба нескольких поколений — это уже судьба страны.

Но то, что в учебниках называется историческим фактом, событием, периодом — революции, войны, диктатуры, — становится для отдельного человека, а то и для всего его рода судьбой, поворотом биографии.

“Мой дед, — пишет Ольга Юрьевна Бенсон из поселка Пено Тверской области, — Иван Иванович Памфилов, родился в 1893

О судьбе...

году в Пензенской губернии, в семье помещиков. Родители его были довольно богаты, поэтому содержали большой дом, конюшню, держали собак для охоты; няня и гувернантка занимались с детьми. Прабабушка, Антонина Семеновна, подарила мужу пятерых дочерей и троих сыновей, из которых мой дед был самым младшим.

Размеренную жизнь семьи Памфиловых нарушила 1-я мировая война. В действующую армию был призван мой дед Иван. В одном из первых боев он попал в плен. Прекрасная страна Венгрия стала для него тюрьмой. Там, в Венгрии, встретил дед и свою первую любовь. Русский военнопленный и венгерская девушка полюбили друг друга, как они думали, навсегда. Но опять вмеша-

Из семейного архива О. Бенсон:
на верхнем снимке — прадед Федор Памфилович Памфилов;
средний снимок — прапрабабушка Елена Карповна Бояринова и прадед Иван Федорович Памфилов;
внизу — дед Иван Иванович Памфилов с сестрой Верой.

Фото 1929 года: ученицы 7 класса школы-номмуны;
справа в верхнем ряду — бабушка Игоря Пиняева,
Августа Леонидовна Ермолаева.

лась история. 1917 год, в России революция. После заключения мира с Германией состоялся обмен военнопленными. Везти с собой в Россию иностранку новые власти Ивану запретили.

Вернулся Иван совсем в другую страну. Имение родителей разорено, самих их уж нет в живых, сестры и братья разъехались кто куда. Покончил самоубийством брат Сергей, погибла под колесами поезда любимая сестра Вера, не стало Нины-старшей. Следы остальных затерялись.

Нужно было начинать жизнь сначала. Иван, еще молодой и полный сил, не ожесточился оттого, что история снова, да так круто и жестоко, повернула его судьбу, и принял новую власть спойноно, как должное. Вот только долго не мог забыть свою венгерскую красавицу и потому женился позд-

но, в 43 года. Его жена, а моя бабушка, Татьяна Ивановна Налмынова, была моложе деда на 9 лет. Ее отца в 30-е репрессировали за то, что он был священником. Чудом удалось спастись семье: спрятали добрые люди в подвале”...

При всей несхожести родовых, при том, что жили наши деды и прадеды в самых разных российских городах и весях, несмотря на то, что родовые норни участников конкурса уходят в совершенно разные социальные слои — от потомственных дворян до потомственных крестьян, — есть в их семейных биографиях много общего. В редкой фамильной истории не упомянут хотя бы один из родственников, ставший жертвой ГУЛАГа, в каждой оставила след Великая Отечественная...

И если прадед Ольги Бенсон, в силу своего церковного сана, являлся для уничтожившего его государства "чуждым элементом", то Павел Русинов из рода Александра Трофимова, приславшего на конкурс свою родословную, был совершенно "своим" деревенским пролетарием. Согласно справке, выданной Быковским сельсоветом Ачитского района Уральской области в декабре 1933 года, был Павел Михайлович сыном "маломочного середняка, Михаила Власовича Русинова, все задолженности которым уплачены полностью и чье семейное положение — 10 человек". Павла Михайловича государство уничтожило руками не ченистов, а колхозного сторожа, который убил его из-за нескольких стручков гороха — во исполнение Особого постановления ЦИК и СНК СССР "Об

охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности". Проще говоря, по "закону о пяти колосках".

Вообще, из всех присланных в редакцию историй российских родов не оказалось ни одной, в которой плескались бы молочные реки меж кисельных берегов с пряничными доминками, где из поколения в поколение размеренно жили-бы-поживали-и-добра-наживали предки авторов работ "Моя родословная". В судьбе России таких "рек" никогда и не было.

Нина Ивановна Евсеева, приславшая материал о роде Евсеевых, столетие которого десять детей Ивана Федоровича Евсеева отметили в 1996 году, взяв за точку отсчета день венчания своих бабушки и дедушки, пишет:

Год 1924-й: братья Норостышевские; в центре — дед И. Пиняева, Израиль, слева — Янов (он вернется с Великой отечественной инвалидом), справа — Арон (ему суждено погибнуть на фронте).

...Дед наш Ф.П. Евсеев в метрических книгах записан как тобольский гражданин. Его отец и дед тоже были мещане православного вероисповедания. А вот по линии бабушки, Самохваловой в девичестве, наш род корнями уходит к казакам, прибывшим в Тобольск в XVII веке для караула у "государственных амбаров". Грамоте дедушка и бабушка обучены не были, но были людьми добрыми, трудолюбивыми и мудрыми и постарались, чтобы дети их получили образование... Пятеро из восьмерых детей Федора Павловича и Татьяны Михайловны в первые годы советской власти участвовали в ликвидации неграмотности... В 1914 году после окончания Тобольского высшего начального педучилища их дочь, Глафира, направлена в Тарский уезд Омской области. С того времени проработала она 40 лет в школах Тобольска, Ханты-Мансийска, Омска, Сургута... Другая дочь, Таисия, еще студенткой Ленинградского пединститута им. Герцена оказалась на Ямале, ездила на оленях с "красным чумом", собирала детей ненцев, селькупов, остяков и вогулов в школу-интернат, которой потом и заведовала. Так и осталась работать учителем начальных классов на Севере...

...1937 год. В стране репрессии. Наш дядя, старший лейтенант Михаил Евсеев, после службы в РККА окончивший Объединенную военную школу имени ВЦИК в Москве и направленный в Ленинградский военный округ, военным трибуналом осужден на 20 лет с пятью годами поражения в правах. На всю его семью, включая братьев и сестер, сразу легла

печать "члены семьи врага народа" со всеми вытекающими отсюда последствиями. 10 лет ГУЛАГа, затем столько же — на поселении в Сибири.

... 1941 год. Великая Отечественная война. Тобольский военкомат решает вопрос: брать ли на фронт братьев "врага народа"?..

...Октябрь 1945-го. Нам повезло! Дождались отца с войны, дядя Алеша вернулся с Урала, с трудового фронта, зять, Прокопий Дмитриевич Ларионов приехал домой контуженный, раненый, потерял на войне глаз. Но главное — живые!..

...И снова начались для рода Евсеевых мирные трудовые будни..."

Надо заметить, слово "труд" и все его производные в этом письме встречаются часто.

Род же Евсеевых в плане трудолюбия совершенно удивителен: "За 84 года, — пишет Нина Ивановна, — 30 человек из нашей семьи работали воспитателями детских садов, школьными учителями, преподавателями высших и средних учебных заведений. Педагогов среди супругов представителей нашего рода — еще 20. Так что общий педагогический стаж пятидесяти человек к 1998 году составляет 1192 года".

Зачем?

Все реже встречаются семьи, где гостю протягивают старый семейный альбом и подолгу рассказывают о каждой пожелтевшей фотографии целые фамильные предания. Все чаще встретишь людей, которые уж и не помнят, когда, в каком году в последний раз навещали родные могилы.

Столетний род Евсеевых...

А, и в самом деле, зачем человеку знать прошлое своего рода, свои уходящие в глубь веков и истории корни? Пушкин с его "любовью к отеческим гробам" несомненно. И вообще, чем уж так отрицательны те "Иваны, родства не помнящие"? Тем, что живут лишь сегодняшним днем?

Но почему тогда кто-то и тридцать, и пятьдесят лет с фанатичным упорством разыскивает могилу солдата, погибшего "где-то под Ненигсбергом"? Что такое особенное чувствуют они, когда, отыскав-таки родную фамилию в длинном списке над братской могилой, часами стоят подле, и лица их светлы и умиротворенны?

Кто-то сказал, что любовь к будущему столь же абстрактна, как и любовь к прошлому. Не думаю, что Игорь Александрович Пиняев, автор конкурсной работы

"Моя родословная до 7 колена", с этим согласится.

"Семейство Пинаевых — московские старожилы. В "выписи о рождении" — свидетельстве о рождении — моей бабушки Елены Федоровны указано постоянное местожительство: Москва, Подкопаевский переулок, дом 7, кв. 11. В этой квартире родился и мой отец. Когда гуляю по Подкопаевскому, то испытываю щемящее чувство: вот по этим старым тротуарам ходил мой прадед Федор Васильевич Пинаев, которого я успел подергать за усы. Прадед дожил до 91 года.

Другой мой дед носил славную фамилию Нащенин. И приятно встречать упоминание о Нащениных у С.М. Соловьева в его "Чтениях и рассказах по истории России". Но сейчас из рода Нащениных, кроме меня, в живых никого

не осталось, дед был последним Нащениным и теперь покоится на старом московском кладбище в одной могиле с прадедом Федором и своим сыном Александром, моим отцом...

...Прапрадед Федор Евдокимович Ермолаев, высокий, голубоглазый, русоволосый, в 17 лет славился богатырской силой. В Звениговском Затоне — рабочем поселке на Волге любимым развлечением молодежи, как, наверное, и во многих других уголках России, были кулачные бои на льду реки. Федор кулачных боев избегал, боялся убить соперника своими кулачищами. Но вот однажды лучший друг сумел его раззадорить, уговорил померяться силами. И случилось то, чего так боялся Федор: в бою он случайно убил друга. И хотя это было уголовно ненаказуемо, Федор страдал, не находил себе покоя. Батюшка посоветовал идти в Соловецкий монастырь замаливать грех. Оставив в Затоне невесту, Федор пешком ушел в Соловки, где два года выполнял в монастыре самую тяжелую работу.

...Мать еще одной моей прабабушки, прапрабабушка Мальвина, была личностью примечательной. Говорят, она в молодости была красавицей необыкновенной и долго сохраняла красоту. Была она урожденная Ягелло из польско-литовского королевского рода Ягеллонов, правда, угасшего в XVII веке. Родители ее, графы, участвовали в восстании польских шляхтичей и были казнены, а их трехлетняя дочь сослана в приволжскую глухомань. И в Затоне ее звали просто Маланьей. Она пять раз вдовела, и всякий раз ее вновь брали замуж...

... В 20-е годы прадед и прабабушка вступили в партию. Прадеда послали с продотрядом по соседним селам отбирать у крестьян зерно, и однажды он чудом спасся от смерти — знакомый предупредил, и он успел сбежать. А тех продотрядников, что не успели, раскатали меж бревен...

... Надо сказать, что Советская власть немало дала обитателям "медвежьего угла". Младший брат прадеда, Павел, получил высшее образование в Ленинграде. В 30-е моя бабушка и многие ее двоюродные сестры учились в вузах, в основном в Казанском университете.

Сначала новая власть многое дала, а затем и немало горя принесла. Павел был репрессирован и до 57 года находился в лагерях. Выжил, но вернулся стариком с лысой головой, а вся лысина в каких-то ямках — следы пыток, напали кипятном на голову.

Двоюродный брат моей бабушки, Ваня, — в 41-м ему шестнадцать исполнилось, — работал в войну шофером грузовика. Заехал однажды домой пообедать, а кто-то слил у него из бака бензин. Посадили мальчишку на 10 лет за вредительство. Выпустили его в 52 году совершенно больного домой умирать. А младший бабушкин брат по молодости лет тоже на фронте не был, подростковом точил снаряды, был стахановцем...

...Многих, о ком я написал, уже нет в живых. Но еще жива память. Леонидов у нас четверо. В память прадеда есть и Анатолий. Есть и маленькая Мария, моя племянница. Между моей прабабушкой Марией и ее праправнучкой Марией ровно 100 лет: одна родилась в 1890 году, другая — в

1990! Мама похожа на них обеих, младше одной и старше другой на полвека. Не прервалась связь времен. Посмотрите на их лица — двух Марий, между которыми ровно 100 лет. Разве они не похожи?"

Автор этой родословной, судя по обстоятельности письма, представлялся человеком пожилым. Но москвичу Пиняеву, как выяснилось из аккуратно вычерченной и приложенной им к тексту генеалогической схемы, не 80, а 25 лет. Пожалуй, надо бы поостеречься вторить распространенному нынче стереотипу о бездуховности молодых и их наплевательском отношении к прошлому, к родной истории.

Вот и автор другого письма оказался молод. Хочу также процитировать его подробно, потому что в нем петербуржец Константин Озеров, по-моему, дает ответы на все "зачем" и "почему", с которых начинается эта глава.

"Я родился и жил до 17 лет в Советской Литве, в Вильнюсе. Моя мать, литовка по национальности, отдала меня в литовскую школу. Мать мне много рассказывала о трагической гибели ее отца, до 1948 года боровшегося с режимом в рядах "лесных братьев". За это отца и мою семилетнюю мать с дедушкой и бабушкой энкавэдэшники вывезли на 4 года в Сибирь, где уже томились в лагерях многие ее дядья и тетки. В одном из мерзлых вагонов по дороге в Сибирь умер мой прадед, Винцас Вабалас. Бывали в детстве моменты, когда мне хотелось взять материнскую фамилию Вабалас и не смущаться больше из-за своего русского происхождения.

О России я знал по рассказам моей русской бабушки, приехавшей с дедом в 1946 году восстанавливать хозяйство Литвы.

Из этой краткой предыстории можно понять, почему моя литовская родня не любила русских. Но и моя русская родня танже не очень жаловала литовцев. Бабушка по отцу, когда сердилась, называла литовцев "фашистами": когда немцы оккупировали Новгородчину, то ее мать и брата они вывезли в Литву и в качестве рабов сдали под Шауляем хуторянам в хозяйства.

На одной фотографии мой русский прапрадед Мануил Васильевич запечатлен в адмиральской форме с "орлами" на плечах, с классической, разведенной надвое бородой. Он командовал броненосцем "Полтава" во время подавления Бонсерского восстания в Китае в 1901 году и броненосцем "Сисой Великий" в Цусимском сражении. Когда в 1911 году делался этот снимок, контр-адмирал еще не знал, что его младший сын, Николай, погибнет на подводной лодке в Первую мировую войну, старший сын, Василий, будет расстрелян в гражданскую, а третьего, моего прадеда, репрессируют в 1938-м...

Остался на снимках и он, мой прадед, молодой и веселый гардемарин у пушки на бастионе Петропавловской крепости. Как я уже сказал, в 1938 году его с моей прабабной Ольгой Алексеевной, дочьерью потомственного почетного гражданина Кронштадта Алексея Ушакова, расстреляли свои же, русские люди, в Большом Доме на Литейном проспекте.

После поступления в ленинградский институт я продолжал

исследовать фамильные корни. За четыре года учебы я перелистал тысячи книг, выписывая всех Озеровых, попадавших на глаза. Чувство, что где-то лежит ключ к разгадке моего прошлого, все время двигало меня вперед, придавало сил и крепило надежду на успешный исход моих родословных изысканий...

...На гребне каждого сгиба отечественной истории с XV века я нахожу "своих". Среди них были бояре, московские и провинциальные дворяне, наместники, воеводы, стряпчие и стольники, стрельцы, потешные солдаты, гренадеры, гвардейцы, генералы, сенаторы, губернаторы и дипломаты, драматурги и предводители дворянства. Познакомившись с послужными списками конкретных людей, я перестал думать о российских военных как о генералах Иволгиных и Скалозубах. Россию собирали, строили и защищали миллионы серьезных, умных и талантливых россиян.

Из моего родословия я знаю, что в 1487 году дети боярские князя Андрея Можайского (брата Ивана III) Нечай и Лиходей Озеровы со своими людьми "жгли села и грабили литовские волости", даже "Пречистую Церковь выбрали, што ноли было". Воем безобразии Иван III обещал королю польскому "разобраться". Столетием позже, в 1571 году, Иван Грозный послал на Соловки воеводу Михаила Озерова, где тот и погиб, защищая северный наш форпост от шведов и немских немцев... Во всех войнах прошлых веков сражались за Россию мои предки и родственники. Озеровы бились с французами на Бородинском поле, воевали с

турнами в Болгарии и, чего уж тут скрывать, умирляли астраханских татар, кавказских горцев и польских повстанцев 1863 года.

В Военно-Морском архиве ВМФ в Санкт-Петербурге хранятся послужные списки всех моих предков, служивших на флоте со времен Петра I. Я даже видел автограф своего пра-пра-пра-прадеда: "Андрей Озеров руку приложил" было подписано в конце послужного списка конца XVIII века.

...Из исследований А. Сиверса я знал, как называлось наше родное поместье и какие еще деревни принадлежали моим предкам. В библиотеке Академии наук с очень подробной карты XIX века срисовал точное расположение этого поместья в Осташковском уезде Тверской губернии.

...Осташковский краеведческий музей, как и все подобные советские музеи, основное внимание уделял флоре и фауне края и истории классово-борьбы. А вот карты губернии или уезда, где были бы указаны деревни прошлого века, мы среди музейных экспонатов не нашли. Уже на выходе я наугад спросил у бабни-билетерши, не слыхала ли она о деревне Леоновское. Бабна встрепенулась, отложила спицы и затарахтела: "Нано не знать, я там каждое лето проводила в детстве, там аллеи красивые березовые с трех сторон высажены". Утром, умирая от нетерпения, мы с отцом поехали на первом автобусе по указанному адресу "восстанавливать прошлое".

...Две аллеи сохранились прекрасно, зеленеют высоченные березы, издаലെка укрывая путника от солнцепека и сопровождая его

до самого центра деревни, до места, где стояла когда-то усадьба. Саму ее сожгли вскоре после революции. Только по заросшим травой буграм угадывался фундамент. От прохожего узнали, что в деревне есть старонил, "тутошняя с рожденья". Зашли мы с отцом к Гавриловне в избу, представились журналистами, собирающими материалы о крае. Обрадовалась бабна, что в такой глуши нашли ее журналисты, стала чаем нас поить с сушками. Отец и спроси у нее, не помнит ли фамилию помещиков этой деревни. Бабна призадумалась на минуту, а потом сказала: "Озеровы". "Точно", — обрадовался отец. Тогда мы представились, даже паспорта показали и ксерокопию из Сиверса, где написано, чем владели наши деды-прадеды. Надо было видеть лицо этой старушки...

Большой сторонник родословных поисков, отец П.А. Флоренский указывал, что для человека "необходимо знать, представлять и синтезировать в своем сознании прошлое своего рода, закреплять его всевозможными способами". Непросто поддается такому синтезу в моем "литовском" полушарии мозга информация о том, что мой родственник А.Ф. Озеров состоял с 1864 года адъютантом при графе Муравьеве в

Литве. Этого графа литовцы до сих пор называют "вешателем" за жестокую расправу над участниками восстания 1863 года. Но "русское" полушарие услужливо поднидывает "литовскому" исторические сведения про Михаила Даниловича Озерова, о котором осталась запись в разборной десятине 1613 года по Зубцовской вотчине: "Головою своею и службою добр, да на государевой службе быть не с чего, так как государевы земли лесом поросли с литовского разорения"... В результате такого "обмена базой данных" целостность моего интернационального мозгового двуединства благополучно восстанавливается".

Судьба наша пишется задолго до нашего рождения. Приходящий в эту жизнь человек начинает ее отнюдь не с нуля: каждый из нас лишь продолжает давным-давно начатую и не один век писаную историю своей семьи, своего рода. И от того, как жили, что несли с собой миру деды и прадеды, во многом, бывает, зависит и наша жизнь. Пока помним об этом — живы будем, и жива будет Россия.

По поручению жюри конкурса
Галина БРЫНЦЕВА,
корреспондент "Смены"

Рыбалка по-камчатски

Олег ДЗЮБА

фото Вадима Гилленрейтера

На втором году после октябрьского переворота неизвестный и доселе финн надумал поискать на Чукотке людей каменного века. Оставив обретшую независимость страну и одолев полсвета, он рмыд ноги в водах Берингова пролива, но был разочарован: чукчи и эскимосы давно позабыли мастерить из камня наконечники стрел, а вполне обходились винчестерами. Зверобой и Не думали разить китов кремневыми гарпунами, предпочитая стальные, которые знаменитый по всему Тихому океану купец Свенсон привозил летом из Сан-Франциско.

Опечаленный путешественник двинулся назад, но был вынужден зазимовать на Камчатке. По весне он увидел ход лосося и в балтийской скупулезно-

стью запечатлел допотопной своей кинокамерой бурление воды, выплескивавшейся на берега от натиска рыбьих стай, аборигенов, перегораживавших сетями устья рек и спешивших ухватить от щедрот океана пропитание на грядущую беспросветную зиму. Домой странник вернулся, но научной славы не снискал. А пленка полвека провалялась на каком-то чердаке в Хельсинки, а потом попала в руки финским этнографам, которые оценили хроникерский опыт забытого ходока в неолит и по какому-то поводу даже подарили копию его фильма коллегам из Москвы.

Профессор Илья Гурвич показал мне эту ленту пятнадцать лет назад в кинозале Института этнографии. К тому времени я провел на Камчатке далеко не

худшую треть жизни и размахом рыбной ловли удивить меня было трудновато. Отчаянному финну это, впрочем, вполне удалось. Грандиозность запечатленного им вполне сравнима с кадрами довоенной кинохроники со строительства Магнитки или Челябинского тракторного. И там, и тут имелся истинный энтузиазм масс. Правда, персонажи камчатской рыбалки в отличие от бетонщиков и доменщиков уповали не на светлое будущее, а бились за право дожить до будущей весны.

В затяжную полосу трудовых порывов Намчатка угодила одновременно со всей страной, так как хронические неурядицы коллективизированной деревни заставляли властимущих уповать на бесплатно возобновляемые океанские ресурсы. К тому

времени вся держава была как бы поделена между могучими отраслевыми ведомствами. Скажем, Урал оказался под пятой Минчермета, Минтяжмаша и сходных с ними "минов". Нольма с Чукоткой обрели мрачную славу с нелегкой руки Дальстроя МВД. Намчатке же некуда деваться было от Минрыбхоза, и слава рыбного цеха заставляла полуостров десятилетиями жить в соответствии с биологическими циклами обитателей окрестных морей. С мая по сентябрь — лосось, а еще ранней весной — минтаевая страда, летом — треска близ Анадыря, осенью — охотоморская сельдь... Можно припомнить еще пристипому у Гавайских островов, аляскинского морского онюня. Всех не перечесть, а многих уже и нет. Одних рыб выловили подчистую, другие оказались под защитой чужих экономических зон.

Не поживи я на Камчатке, век бы не знал про существование черной, как антрацит, "угольной", которая если и уступает осетру, то разве что громкой славой. На далеком материне очереди выстраивались за ставридой второй свежести, а здесь любители морских деликатесов сговаривались с колхозными рыбаками из поселка Сероглазка, что в пятнадцати минутах езды на автобусе от центра Петропавловска, и те без оплаты или за символическую бутылку горькой оделяли завсегдаев причалов грудями моллюсков, которых тралы сгребали со дна попутно с камбалой и треской... Попав через много лет на рыбный рынок в сицилийском городке, я поенился от цен, по каним земляни Архимеда безропотно нагружались мидиями, которыми на Камчатке брез-

говали даже напрочь пропившиеся "бичи" из рыбного порта. (Народ на полуострове обитал все больше пришлый, ему с голодных послевоенных времен милей была картошка с селедкой.)

В брежневские годы у местных отделений связи очереди жаждущих отправить посылку на материк выстраивались задолго до присутственных часов. Мало кто из обитателей тихоокеанской окраины уклонялся от возможности порадовать родственников морскими дарами. Всесильный тогда Минрыбхоз высчитал, что больше половины пресервов из сельди, без лимита продававшихся на Камчатке, минуют желудки аборигенов и уплывают в западные дали. Простить такое отступление от госплановских правил министерство не смогло, и национальная закуска в пятикилограммовых банках на самой Камчатке стала превеликой редкостью.

Не позабыть мне и другого казуса. Столь ценимый ныне минтай еще в начале семидесятых считался рыбой прежде всего кормовой, ее нещадно перемалывали на муку или тушками отправляли на животноводческие комплексы для белковой подкормки. Стоит ли говорить, что свиньям и коровам минтая на зуб часто не попадало, ибо свинарки и доярки заботились и о сытости собственных семейств.

От таких воспоминаний впору было впасть в мизантропию, и сравнения ради я в первый же день командировки на Камчатку отправился в ближайший гастроном полюбоваться на рыбный отдел.

Ах, лучше бы вообще в него не заходил. За одним из витринных

стекло мрачнел далений от пробуждения аппетита лососевый балык, вяленая камбала по астрономической цене и запечатанные в пластик кусочки красной рыбы. В витрине мороженой рыбы было повеселее, обилием палтусов, кальмаров и камбал она почти не уступала московским соблазнам при втрое меньших ценах. Но, судя по ассортименту, ближайшей соседкой Камчатки по глобусу оказалась Норвегия. Самая аппетитная из рыбных закусок оказалась родом из скандинавского города Бергена, местонахождение которого из-за невообразимой отдаленности мне с первой попытки даже не удалось припомнить.

Рассматривание яств с родины викингов очевидно проявилось на моем лице нечто вроде отчаяния, и житель Петропавловска, оказавшийся рядом, сжалился, посоветовав поскорее заглянуть на рынок.

Мудрость подсказки открылась мне с первых шагов по рыбным рядам. Ни о чем подобном в прежние времена и помыслить было нельзя. Свежевыловленная корюшка с ее огуречным запахом соседствовала с вязанками корюшки вяленой. Бочки икры сменялись алыми пластами свежeproкопченной нерки, за ее неповторимый цвет нередко именуемой просто красной... В этом изобилии не хватало разве что горбуши, на которой для большинства наших соотечественников знакомство с лососевыми прелестями и заканчивается. Решив, что в рыбном краю ничего случайного быть не должно, я отправился за консультацией к уважаемому мной с давних пор специалисту, и с первых же минут разговор с за-

местителем директора Камчатского НИИ рыбного хозяйства и океанологии Борисом Вронским пополнил коллекцию странностей эпохи перехода от строя к строю.

Камчатский лосось, привыкший тысячелетиями беззаботно мигрировать из рек в моря, а потом возвращаться к родным истокам на нерест, будто природой самой задуман был как вечный (в масштабах обыденного сознания) источник калорий и прибылей. Сами обитатели полуострова и в царские, и в советские времена ловили его в основном в реках или неподалеку от устьев. Зато японцы давно приспособились добывать и чавычу, и нерку, и кету в открытом море. Хваткие обитатели архипелага перегоранкивали подступы к камчатским рекам десятками километров сетей. Прорваться в родные реки сквозь такие преграды лососю было не легче, чем солдатам, идущим в атаку, одолеть спирали Бруно. В начале семидесятых камчатская красная рыба медленно, но непреклонно приближалась к занесению на страницы "Красной книги".

Потом прибрежные государства планеты спохватились и договорились о двухсотмильных экономических зонах. Дальневосточным траулерам не стало бесплатного доступа к побережью Канады за хеном серебристым, зато японские шхуны вынуждены были мыкаться без права входа в квадраты, где они издавна повадились выставлять свои сети.

В первое же лето лова по новым правилам рыба хлынула в устья потоками, невиданными едва ли не со времен, запечатленных камерой странствующего финна. Рыбе попросту негде ста-

ло нереститься. На отмелях рек и озер, где завершающие жизненный цикл лососи каждый год кружили в брачных танцах, возникла такая давня, что ихтиологам всерьез пришлось задуматься над угрозой потери нерестилищ. Прежние жесточайшие ограничения пришлось сначала смягчать, потом отменять.

Горбуши ловилось больше других. (У японцев она особым почитанием не пользовалась, они предпочитают нерку и на горбушачьи косяки стараются без нужды не отвлекаться.) Эта представительница лососевых успевает нагуляться в море за два года и особенно щедро плодится по четным годам. Когда-то ее натиск принимали на себя наземные рыбозаводы, но сейчас охотоморское побережье полуострова, где в основном и ловится горбуша, с ними почти распрощалось. Оставшимся комбинатам хватает забот с рыбой поблагородней. Что же касается плавзаводов, то им возле западной Камчатки всегда было неуютно. Береговая полоса там без укромных бухт, укрыться от штормов негде. В позапрошлом году ветра выбросили на мель в самом устье реки Озерной морозильный траулер, переоборудованный под плавбазу. Аварийная посуда едва ли не заперла устье, осложнив выход в море малых сейнеров здешнего рыбоколхоза и грозя перекрыть доступ к нерестилищам драгоценному стаду нерки озера Нурильского. Злосчастную "Калитву" пришлось взрывать, так что шуму получилась много.

Но это все иллюстрирующие ситуацию обстоятельства. Суть же в том, что ту же самую горбу-

шу в урожайные годы разрешается просто-напросто потрошить, забирая икру и бросая тушки на берегу! Пустить их в дело никому не под силу.

Прошлым летом телезрители не раз содрогались при виде никем не считанных тонн горбуши, которую полными кузовами "КамАЗов" безжалостно вывозили гнить подальше от рек. При виде этого зрелища я невольно припомнил тоскливое наблюдение вологодских социологов, отметивших, что если прежде у детей частенько констатировали избыточный вес, то сейчас речь о нехватке граммов, а то и миллиграммов! Несчастной — а как еще о ней сказать — горбуши между тем в вологодских магазинах не наблюдалось.

Многим читателям памятно, как в тревожном для страны начале девяностых Австралия предлагала задаром отдать нам овечьи отары. Ларчик щедрости живущих под созвездием Южного Креста открывался просто: блеющее поголовье обогащает тамошних скотоводов своей постоянно отрастающей шерстью, мясо в таких количествах антиподам ни к чему. Дешевле отдать нашей тощающей нации, чем самим тратиться на забой и утилизацию (читай уничтожение отбракованных гуртов). В ту пору я много мотался по стране, но затоваривания бараниной нигде не обнаружил. Это и понятно: за морем телушка полушка, да рубль перевоз!

Камчатка, конечно же, поближе Австралии, но горбушу с нее возить опять же невыгодно. Да что там горбуша, если здешние консервы из крабов едва ли не

выкатились за пределы рентабельности.

Соседям по карте — сахалинцам — намного проще. Им до железной дороги рукой подать. Одолели на пароме Татарский пролив и вот она магистраль! А с Камчатки до Владивостока четыре дня ходу. Плюс к тому разорительные транспортные тарифы. Не говоря уж о европейской части России, везти хотя бы в Сибирь далеко и дорого. Выходит, что доярнам из подвластного генералу Лебедею края камчатской рыбы по-прежнему не видать.

Между тем кое-что с Камчатки на материк все-таки отправляют. Парадоксы российского бытия не всегда позволяют наполнить желудок по разумной цене, но потешить самолюбие ездой на иномарке не мешают. На моих глазах в аэропорту Петропавловска-Кам-

чатского во чрево грузового Ил-86 заезжали японские джипы. Приятель, подвозивший меня в город после прилета, с ходу объяснил ценовой расклад. Его джип с 40-тысячным пробегом вместе с растаможкой и доставкой из Ионогамы обошелся примерно в 10 тысяч долларов. Перелет в Москву "тойоты" подобных габаритов обойдется еще тысячи в полторы. А там предъяви документы на выезде с аэродрома и нати, куда душа манит и дела влечут.

Зато урвать трюм-другой презираемого когда-то минтая желающих все больше. Объяснить его современный успех рискну, припомнив шведскую водку "Абсолют". Примечательным вкусом она не обладает, но в Америке ее пьют за милую душу. А все потому, что тамошние питухи предпочитают крепкие напитки не в чис-

том виде, а в смеси с ослабляющими пьянящий эффект ингредиентами. И как основа для контейлера "Абсолют" оказался вне конкуренции. Нечто сходное и с минтаем. Суховатая, постная рыба она залась идеальным сырьем для всевозможных имитаций рыбных деликатесов. Не вдаваясь в тонкости переработки, скажу, что всем известные крабовые палочки с самими крабами не имеют ничего общего, кроме аромата, которым они обязаны добавлению порошка из размолотых панцирей. Остальное из хитроумно обработанного минтая.

В Охотском море, куда камчатские рыбаки прежде отправлялись лишь за тем, чтобы выполнить план по валу, а потом, ближе к осени, зарабатывать на дорогой сельди, теперь давка. Отмени квоты, и новые, так сказать, "тихоокеанские страны" вроде Польши или Украины все подчистую вычерпают. Дальневосточные лидеры — кто громче, как приморский губернатор Наздратенко, кто тише — грезят об одном: увидеть Охотское море внутренним российским водоемом, откуда всем остальным минтай, не говоря уже о сельди, будет отпущаться лишь строго контролируемые "дозами".

Доживем ли мы до такого радостного финала, или сторонники расставания с Южными Курилами добьются своего и море придется делить с претендентами на "северные территории"? Гадать не берусь, российская политика нередко куется по настроению и по зашедшей в гены привычке к скоростным свершениям. Но говорить, что сейчас в Охотоморье каждый пришелец ведет себя, как в сво-

ем огороде, слава Богу, уже не приходится.

...За час до моего прихода у начальника Камчатского бассейнового управления по охране и воспроизводству рыбных ресурсов и регулированию рыболовства Владимира Бурканова побывал влиятельный по камчатским меркам председатель рыболовецкого колхоза. Нанануне инспекция застукала в запретной зоне колхозного промысловика. Теперь впереди суд, огромный штраф, убытки... Председатель и пришел качать права, как в старые "добрые" времена.

— Я предлагаю ему, — рассказывал мне Бурканов, — заказывай вертолет, летим, сверим данные. Докажете, что мы виноваты, платим за аренду, нет, то все по закону. А он помолчал и говорит: "Лететь-то зачем? Просто выпустите и все!"

На экране компьютера между тем мелькали точные данные по выловам судов, промысляющих в контролируемой зоне. Каждая тонна рыбы, каждый перегруз, сведения о перемещении бортов постоянно заносятся в память и вычислить мухлевщиков в случае необходимости довольно просто. Бурканов только рунами разводит, вспоминая публикацию в солидной московской газете, из которой явствовало, будто компьютерный контроль за промыслом минтая пока что недостижимая мечта.

В Камчатрыбводе, как по старинке в разговорах именуют управление, мечтают наделять каждое судно системой автоматической фиксации всех перемещений промысловика. Тогда каждый финт в любой момент предстанет, как на

ладони. Заодно отпадут и упреки, что проверяющие суда инспекторы не всегда чисты на руку. Память компьютера не бумажный протокол, ее так просто не перепишешь. Впрочем, и разговоры о подкупе не всегда навет. Другое дело, что берущие иной раз сродни Хлестанову. Совсем недавно в Охотском море порезвилась группа мошенников, объявлявшаяся на судах в форменной экипировке инспекторов. Лжерыббводовцы вымогали дань и растворялись в пространстве.

Вопрос, отчего рыбаки без боя расставались со своими кровными, пока что остался открытым. Или нахрап был уж очень силен, или сами дающие облипли подозрительной чешуей?

Соблазнов в море много. В прежние времена хитроумные капитаны брали в море полный трюм водки. Такая валюта помогала легко сговориться с приемщиком улова на борту плавбазы — тот запросто обвешивал одних промысловиков, зато приписывал лишние тысячи центнеров другим. Кое-кто на этом залетал, другие совсем недурственно наживались. Держать неучтенную рыбу на самих траулерах смысла не было. Нуда ее денешь, если в иные дни и законный улов сдать на плавбазу не каждому удавалось. Теперь ставки покруче. Приемщиков под разными флагами найти нетрудно. Можно и просто сняться из района промысла и рвануть в южнокорейский Пусан, а там избавиться от рыбы за твердую валюту, которую в твоём нармане потом ни один налоговый не вычислит.

Конечно, перепродана рыбы за пределами таможенной зоны

приносит казне гигантские убытки. Но бороться с этим трудно, поскольку любой промысловик до отплытия проходит таможенный контроль и фактически чист перед законом. А рыбу он ловит далеко от таможни и продает, не возвращаясь предварительно в Авачинскую губу. К тому же коммерсанты соседних стран платят за рыбу в срок, а то и вперед, а от наших зачастую жди для начала нервотрепки, а расплаты когда-нибудь потом...

Обидно, но эпиграмма из владимовских "Трех минут молчания" — "Рыбу — стране, деньги — жене, а сам — носом к волне" — теперь обойдется без уточнения, наной именно стране рыба...

Как бы там ни было, а без богатств окружающих морей Камчатка себя не мыслит. Классика российского юмора и та звучит здесь с местным колоритом. Коммерческая радиостанция Петропавловска-Камчатского, передающая ежедневный римейк на темы современных похонждений Остапа Бендера, заставила Великого Комбинатора учредить товарищество с ограниченной ответственностью "Хвосты и чешуя". Как иначе, если только рыбные доходы и помогают выживать на краю света, нуда даже молоно забрасывают по воздуху из Москвы. Есть, конечно, еще и соблазнительно богатые золотом недра. Но с презренным металлом местные власти пытаются держать ухо востро. Разработку рудных месторождений экологически чистым делом не назовешь и, как сказал мне консультант областной администрации по науке Азиз Алисеров, без предельной осторожности здесь не обойтись. Вытравить главную и одноименную с по-

луостровом рену, близ которой и таятся золотиносные пласты, при нередкой у нас безалаберности ничего не стоит. А эффент...

От Бориса Вронского я услышал о поучительном сравнении выгод от золота и от лосося. По американским данным, все золото восплетого Джеком Лондоном Клондайкна впору оценить примерно в миллиард долларов. Золота там сегодня уже не сыскать, зато аляскинский лосось принес прибыли в шесть раз больше и продолжает здравствовать на радость промышленникам и гурманам!

Между тем и технический прогресс живой природе не всегда в тягость. Драгоценная нерна способна иной раз менять свои обычаи и обходиться без привычного для лососей морского периода жизни. Причиной тому вулканы и землетрясения. Некогда тектонические подвижки отгородили от океана стадо нерни озера Кроноцкого. Рыба, однако же, не вымерла, а приспособилась к новым условиям. Нокани, как именуют вынужденных мутантов, уступают своим сородичам в весе и размерах, но на вкус ничуть не хуже прародителей. Этой вот оседлой неркой и заселили ихтиологи озеро Карымское, обреченное, казалось бы, на вечное бесплодие из-за каскада водопадов, не пропускающих рыбу на нерест.

Эксперимент удался, но в продуманный ход вещей вмешался строптивый вулкан Карымский, очередное извержение вскипятило все содержимое водоема, превратив его в подобие гигантской кастрюли с нерочьей ухой.

Вулканы, однако, могут приносить и пользу. Прецедент тому я

отыскал в своих же блокнотах почти четвертьвековой давности. Тогда, в сентябре 1975 года сотрудник камчатского отделения ТИНРО (ныне КамчатНИРО) Юрий Басов подвел меня к бассейнам экспериментальной базы на речке Паратунке. В одном водоемчике была обыкновенная речная вода, в соседнем малькам было теплее, так как на стенках закреплены были радиаторы с термальной водой из недалекой снванизны. В третьем бассейне рыбки плеснались в смеси речной воды и подогретой подземным жаром. В первом водоеме мальки кинжуча держались на глубине, вяло реагируя на корм. Их собратья в утепленных садках были куда крупнее и энергичнее. Всех отловили в одной речке, у каждого исходный для контроля вес — 500 миллиграммов. Только вот мальки из утепленного бассейна обогнали других в росте более чем втрое. Суть проблемы в том, что две трети речного периода жизни кинжучата почти не растут. Зато стайки рыбок всегда выются возле природных горячих ключей, которых так много на Камчатке. Отсюда и идея ускорить рост мальков, чтобы они за один сезон набирали сил для морских скитаний. В перспективе маячили возможности создания одомашненного стада лосося, превращения его в прирученного странника. Впрочем, мало ли о чем ни мечталось на нашем веку?! Как бы то ни было, а снова оказавшись на Камчатке, я поинтересовался судьбой давних опытов.

Басова на полуострове уже не застал. С тех пор он защитил диссертацию и одно время был научным руководителем российско-

японского предприятия "Камчатка-Пилленга-годо". Фирма занималась строительством рыбоперерабатывающих заводов и вполне в этом преуспела. (Давние опыты пришлось ко времени, и мальки, выросшие в воде, подогретой подземным теплом, уверенно почувствовали себя во взрослой жизни.) А дальше все пошло, как всегда. Генеральный директор "Камчатка-Пилленга-годо" Валерий Ищенко показал мне пачку безответных запросов во всевозможные рыбные инстанции и на имя бывшего депутата Госдумы от Камчатки Михаила Задорнова (ныне министра финансов).

Дело в том, что рыбные питомники строились благодаря отчислениям, которые Япония исправно платит России, компенсируя урон от собственного рыболовства в нашей экономической зоне. Со временем где-то наверху сочли, что камчатские рыбноводы свое получили и пора ставить финзаплаты на другие прорехи. Финансирование приостановили, и о благородных целях совместного предприятия напоминает теперь только название сахалинской речки Пилленги, где когда-то начиналось сотрудничество с японцами по восстановлению запасов лососевых. Заводы было предписано передать Камчатрыбводу, а фирма Ищенко строит ныне гаражи и общественные туалеты. Фирме стало не до науки, и

бывший ее научный руководитель вернулся в родной Санкт-Петербург.

В системе Камчатрыбвода будущность заводов тоже туманна. Организация эта небогатая, а времена, когда природное тепло именovali даровым, уже прошли. За подогретую вулканами воду приходится платить, так что Борис Вронский, руководивший лабораторией, в которой начинались опыты по разведению лосося в термальных водах, и не скрыл в разговоре со мной скептицизма по поводу будущей судьбы опробованного метода.

Российская специфика, конечно же, коварна, но и ее удастся иной раз обратить во благо. Один из новых адресов уже известен. Энергетики, стремясь избавиться от необходимости платить сотни тысяч долларов за доставку на Камчатку горючего для котлов теплоцентрали, сделали ставку на малые гидроэлектростанции. Главный инженер "Камчатэнерго" Юрий Дельнов рассказал мне, что одной из первых даст ток ГЭС на реке Толмачевой. А водохранилище, необходимое для подпитки энергией турбин, может стать прекрасным питомником для той самой нокани, с которой расправился вулкан Нарымский. Реку Толмачеву извержениями вряд ли зацепит, так что оседлой нерне не будет угрожать ничто, кроме сетей.

А раз так, то еще порыбачим!

Жаших

Евгений НОСОВ

Если захочется побывать в Малых Репицах, где неплохо берет ныне редкий подуст, то следует высматривать не саму деревеньку, а тамошнее сельпо, возле которого и обозначена автобусная остановка. Магазин в Репицах новый, построенный из силиката, будто из кубиков пиленого сахара, так что хорошо виден издали.

По причине торговли разливным керосином, магазин поставили не в уличном ряду, как до пожара, а вынесли за деревню, на телячий выгон. К тому же прежняя торговая точка располагалась как-то не по справедливости. Кто жил рядом или через дорогу, тому явная выгода. Стоило отодвинуть оконную занавесочку, как сразу видать, на месте ли Васючиха, какой товар разгружает: ежели хорошее чего, то можно и подскочить на босу ногу, занять очередь в первом десятке. А кто живал по дальним концам, те оставались в накладе: “Бывало, развезет, а ты прись, не ведая, открыто или нет. А ежели дехвицит какой, то завсегда — к самым одоньям... А теперь ладно: с любого двора магазин видать. Снует по выгону народ, стало быть, открыто, густо повалил — значит новый товар поступил: стиральный порошок или пачечная вермишеля...”

И продавщица Васючиха (по паспорту — Васильевна) тоже довольна: вот тебе в полсотне шагов — асфальтовое шоссе, подвести чего не по грязи, опять же на товарооборот влияет и даже на культуру местного пайщика. Прежде иная репицкая покупательница — и неумытая, и непричесанная, дескать, таковское дело, все свои, некого стесняться. Теперь же спрехвала не пойдешь, потому как в магазин приезжие люди заглядывают, а то и зарубежные туристы. Натуральный мед берут, летом — яблоки, тыквенные семечки для послабления... Того гляди, на фотоаппарат защелкнут...

Одним словом, удачный получился магазинчик: приветливый и место — никому не в обиду. Вот только вокруг — ни кус-

тика, ни деревца, голимый пустырь, выгоравший в иное лето до бурой неприглядности и скуки.

— Что ж такая промашка? — сетовали приезжие. — Посадили бы чего...

— Мы и хотели, — соглашались местные, — да бабы воспротивились.

— Отчего же?

— Кричат: вам, мужичью, абы кусты да заслоны. А нам ничего этого не надобно. Нам чтобы торговлю не застило...

На знойном полуденном выгоне все же обитала кое-какая живность. Семейками, во главе с петухами, бродили разномастные куры. Возле пересохшей болотины толочся гусиный выводок. Недремные папаша и мамаша зорко поглядывали с высоты своих шей-перископов, тогда как голенастые гуськи-подростки, все еще в своих светло-желтых мохерах, тыкались морковными носами в сухое, растрескавшееся днище. Они будто недоумевали: куда подевалась желанная вода, та, похожая на зеленый кисель майская лужа, на просторах которой они еще недавно весело резвились, играли в салочки. Встряхивая ушами и вяло взмыкивая, бесцельно, туда-сюда переходил рыжий кудлатый бычок, волоча за собой на веревке железный шкворень, от которого искрометно брызгали возросшие в числе кузнечики. За бычком неотступно, настороже следовали две молодые белые курочки, еще без взрослых зубчатых гребней, с округлыми голубиными головками. Едва шкворень принимался ерошить траву, как обе курочки, вздрогнув крыльями, пускались вдогонку за разлетающимися стрекунами, которые, ликуя от солнца и льющегося зноя, блаженно звенели и тирликали по всей забывшейся мертвым сном луговой округе.

Время от времени обитатели выгона навещали Васючихино торговое заведение. Особенно любили бывать здесь деревенские куры, которые, собрав все просыпанное на крылечке и около него, забивались под застреху керосиновой землянки, где, улегшись в уже готовые лунки, выбитые предшественницами, принимались за излюбленное банное дело. Топорща перья, чтобы открывался доступ к самому телу, они короткими вскидками то одного крыла, то другого, азартно нагребали на себя горячую, сухую пыль и, утолясь и обессилев, медленно опадая крыльями, блаженно замирали в сладостном забытии, задерживая серым шершавым веком оранжево-янтарные глаза.

Молодые же курочки, как бы оберегая еще мало ношенные, ладно пригнанные платица, всей своей новизной и легким облегающим кроем делавшие их похожими на школьных выпускниц, предпочитали более опрятное и необременительное занятие, впрочем, как и вся теперешняя молодежь. Будто на конурсном подиуме, картинно, долговязо прохаживаясь вдоль стен, как бы демонстрируя эту свою долговязость в желтых

колготках, они в какой-то момент высоко подпрыгивали, склеывая с теплых магазинных кирпичей зазевавшихся мух.

Что до гусей, то большешлапые, бесперые подростки, телами все еще обгонявшие свои умственные способности, многозначительно интересовались всякой ненужностью, даже зубчатыми пивными крышками или пустыми конфетными фантиками, перебирали их клювами, поворачивая и так, и этак, переговариваясь и обсуждая находки детскими подпискивающими голосками, заставлявшими умиленных родителей зорко бдеть задержавшееся детство.

Тем временем рыжий бычок с неотступным шкворнем на веревке, сопя и выфыркивая зеленые травяные пузыри, увлеченно обнюхивая тарные ящики, возбуждавшие крепкими незнакомыми запахами, чесался о них боком, расшатывая и руша на себя ящичные штабеля, нимало не пугаясь этой порухи, а, напротив, как бы довольный содеянным, побрел к сельповским ступеням, чтобы полизать солоноватые перила и в знак удовлетворенности оставить Васючихе теплую, парящую лепешку.

Чем заметнее калился выгон, тем все реже появлялись на нем репицкие покупатели. Васючиха уже несколько раз выходила на крыльцо, глядела из-под руки на замершую пустошь: не идет ли кто... По случаю наступившего безлюдья она уже было собралась накинуть замок, чтобы слетать по неотложному делу в родное Абалмасово (всего-то в двух верстах по шоссе и в десяти минутах на велике), как на одной из троп, что от репицких дворов во множестве сбегались к торговому центру, замаячила белым платком согбенная старушенция, сосчитывая свои дробные прищлепистые шажки долгой клюкой.

— Здравсьте! — подбоченилась Васючиха. — Леший несет эту Павловну. Небось, за пустяком или так, потрепаться...

Впереди Павловны бойко шустрил по дорожке, выныривая из кашек и полынков, мохнатый белый завиток, из чего следовало, что Павловна жалует не одна, а в сопровождении некой живой души ростом не выше окрестного травостоя. Этаким крутой крендель способен сотворить только собачонок, пребывающий в добром расположении духа от своего беспечного путешествия в летний погожий день, да еще бегущий впереди хозяйки!

Перед магазином собачонок, далеко опередивший Павловну, внезапно оказался на открытом бестравном пространстве, выбитом машинами. Смущенный такой нерасполагающей переменной, а еще тем, что под стеной магазина сидели заезжие байдарочники с устрашающе вздутыми рюкзаками, испускавшими терпкий, пронзительный запах затиснутой в них перегретой резины, он настороженно замер на своих коротких и кривых ножках, и его добродушно закрученный кренделек поникло сполз со спины. Не зная, что ему делать, песик присел и вопрошающе оглянулся на Павловну, но та, приуставшая от

зняя и долгопутья, продолжала сосредоточенно и невидяще тыкать тропу костяно навощенным батоном.

— Жучок! Жучок! — знакомо поманил собачонка мужик-репчанин, вместе с байдарочниками тоже дожидавшейся автобуса. — Чего застеснялся, хвост поджал? Тут все свои. Иди, дурак, покурим. Ну-ка, давай сюда лапу!

Жучок, узнавая и не узнавая мужика, неуверенно перебрал передними лапками, словно обутыми в белые пинетки. Склонив голову, он бочком поглядел на репчанина, продолжавшего хрипло манить и щелкать пальцами и, не поверив в его панибратство, на всякий случай зашмыгнул за широкую юбку Павловны, в самый раз поравнявшейся с ним.

— Зачем пожаловала-то? — с высоты крыльца, будто с трона, спросила Павловну Васючиха, мельницей вертевшая на пальце большой магазинный ключ. — Уж не за помадой ли? Я намедни целый короб “Ванды” завезла. Еще не открывала, будешь первую.

— Ой, девка! — издали причетно откликнулась Павловна, останавливаясь и передыхая. — Какие помады, какие помады?.. Насмехаешься, што ль? Мне бы постного маслица. А то чибрики затеяла, глядь, а в бутылке — муть одна. Масло-то есть, али зря бежала?

— Еще есть малость, заходи...

— Да вот пропасть какая, совсем никуда стала: посудку-то я забыла! Порожня приперлась. У тебя, Васильна, не найдется ли, куда б налить?

— Найдем, уважим...

— Ну, слава те... А то ить не ближний свет обратно за бутылкой вертаться. Да и пряников хотела маненько...

— И пряники имеются. Глазурованные.

— Не засохлые?

— Третьего дня завезла. Хоть губами ешь.

— Эко ладно-то. Ты, Васильна, дай-ка мне штуки три в счет пенсии...

— А почему три?

— Тот раз я у тебя семь штук одолжила. Для ровного счета дала б троечку...

— Ладно, заходи...

Павловна пересекла толоку и с оханьем и криком взнеслась на крыльцо. Застаясь бабкиной юбкой, боязно озираясь то на байдарочные рюкзаки, то на матерого гусака, вызревшего угрозым зраком, Жучок проследовал за Павловной и неумело, косолапо, задевая писей ступени, вскарабкался на высокий помост. Он вознамерился тоже нырнуть в сумеречную прохладу помещенья, но Павловна не позволила, выставила в дверной прощелок свой протертый кед и назидательно, словно на паперти, сказала:

— Низя, низя нехристю. Погодь тут, я скоро.

Жучок истоиво поскреб захлопнувшуюся дверь и, убедившись в ее неприступности, тоненько и слезно заскулил. Но никто не внял его горестным “воплям”, и он потерянно и смиренно припал боком к кованому подножью двери.

Известно, однако, что беда не ходит одна: в самый этот момент в дырку меж крылечных баласин просунулся рыжий Быча. Он тупо, бодуче уставился на Жучка, должно, пытаюсь понять, взаправдашная ли это собака или просто оброненная собачья шапка. Бычина морда с широким плоским межглазьем, поросшим упрямыми завитками, в которых запутались цеплючие катышки дурнишника, придвинулась так жутко близко, что Жучка обдало отвратительным духом сброженной травы, шумно вырывавшимся из влажных бычачьих ноздрей.

Самообладание вконец покинуло Жучка, тем паче, что отодвинуться от этой мерзкой морды было некуда, и он опрометью бросился с крыльца, оставляя на ступенях мокрое многоточие...

Бдительный гусак, разумеется, не упустил случая припугнуть удирающую собачонку: изогнувшись шеей, он зашипел ядовито, распахнул ветрила и, подняв взмахами сухую перетертую траву, сделал устрашающую пробежку вдогон. Потерявшийся Жучок метнул белками скошенных глаз и, поджав хвост под самый голый живот, постанывая и повизгивая взрыдно, надал еще пуще и, пытаюсь укрыться, найти защитное место, лохматой шаровой молнией влетел под навес керосинки.

Но лучше бы Жучок этого не делал: едва он заскочил под земляной навес, как там, в терпкой пещерной прокеросиненной спертости, вдруг что-то не то взорвалось, не то обрушилось. В клубящемся перьями и пылью сумраке истошно закудахтали исполощенные куры. Суматошно толкаясь, тесня друг дружку, они с воплями выметывались наружу, больно наступая когтястыми лапами на опрокинутого Жучка. Его и самого будто вышвырнуло какой-то землетрясной силой, и он, нахлестанный крыльями и осыпанный банной пылью, очутился в жарких и жестких зарослях чертополоха, с боков обступавших керосиновое хранилище.

Все эти злоключения стряслись с Жучком в тот самый миг вращения планеты, когда Павловна пребывала в убажжающей душу магазинной прохладе, напоенной благоговейной вкрадчивой кофейно-ванильной приностью и перечно-горчичной острейцей выставленных съестных товаров, снадобий к ним и приправ, тогда как от противоположного прилавка веяло кожаном и шубно, клеенчато и одеколонно, отчего размягченной Павловне никуда не хотелось уходить, возвращаться в знойное, полуденное репицкое бытиё, в обветшалую избу с опрешшим углом, к помятой алюминиевой кастрюле на лавке, в которой пузырилась наскобленная на терке серая картофельная дрегва. А еще было у нее желание если не потрогать всю эту магазинную бла-

годать, тем паче — испробовать по самой малости, то хотя бы неспешно потолковать с Васючихой, поведать ей свое, выпытать ейное, особенно если вынесет из подсобки стакан настоящего заварного чаю с конфеткой, как иногда случалось в прошлые разы.

Оно, может, и к лучшему, что Павловна замешкалась в магазине и ничего не видела. За это ее отсутствие Жучок постепенно отдышался в своем заключенном чертополоховом вертепе, убрал тряпично свисавший язык и несколько раз сотрясся всей шкурой, выколачивая из нее пыль и щепной мусор. Для окончательного успокоения он поскреб сперва за правым ухом, потом — за левым и, сложив перед собой обе передние лапки — белое к белому, коготок к коготку, смиренно приник к ним головой и сквозь колюки принялся следить за магазинной дверью.

Тем временем жизнь окрест магазина приняла свое прежнее беспечное течение.

Рыжий Быча, должно быть, привлеченный запахом цветочного мыла, пытался сдернуть с бельевой веревки меж двух врытых столбов какую-то Васючихину постирушку, тоже весело раскрашенную колокольцами и васильками. Но поскольку тряпица была прочно схвачена прищепками, а веревка после каждой потяжки натужно пружинила, то постирушка, резко взлетая, всякий раз нахлестывала Бычу по упрямой морде, тем самым доставляя ему занятное удовольствие.

Рядом молодые гуськи, раздобыв кем-то оброненную сушку, азартно гоняли ее по двору. Каждый норовил ухватить и съесть находку, но сушка, выветренная до одеревенения, не поддавалась никаким поклевкам и щипкам. Своей неуязвимостью она еще больше возбуждала долговязых несмышленишей, и те, толкая друг друга, недозволенно отпихивая противника крепким шишковатым закрылком, совсем по-хоккейному носились за дырявой шайбой, орудуя долгими шеями с оранжевыми наконечниками, очень похожими на фирменные клюшки. Старший Гусь Гусич со всей строгостью и неподкупностью следил за этой игрой, и на его белой важно выпяченной груди весьма не хватало судейского свистка.

Любительницы же земляных бань, отбежав в сторону и сбившись в табунок, некоторое время испуганно тянули шеи, озирались и, квохча, обсуждали случившееся, так и не поняв, что же произошло... Но все вокруг оставалось без изменений, даже откуда-то появился оранжевоперый молодцеватый петух с золотистой прошвой по вороту — а ля Ришелье, — сразу же некстати принявшийся ухаживать за неприбранными, всклокоченными дамами, писать по земле выпущенным крылом и совершать кавалерские загибоны, уверяя цокающей скороговоркой, будто он знает, где запрятано жемчужное зерно, и предлагает лучшей из лучших последовать за ним. От этого ло-

веласничанья петуха куры окончательно успокоились, но не последовали за ним искать обещанный клад, а начали одна за другой, сторожко поднимая лапы, снова пробираться к своему банному заведению.

На все это смиренно поглядывал Жучок, ему тоже хотелось побегать на свободе, но он не смел, время от времени горестно вздыхал и, опадая боками, выпускал из себя глухое, похожее на жалобу ворчание.

А Павловна все не выходила от Васючихи, зеленая магазинная дверь по-прежнему оставалась запертой, и от ее равнодушной неподвижности делалось еще тоскливей.

Жучок уже подумывал отправиться домой один: сперва отползти на брюхе сколько-то, чтобы никто не заметил, а потом вскочить и припустить что есть духу. Но осуществить это все как-то не решался. А скорее, ему мешал невнятный навязчивый запах, иногда слабо наплывавший откуда-то издалека, с выгона. Жучок приподнял голову с лап и пошевелил закрылками ноздрей согласно старой собачьей поговорке: лучше один раз учуять, чем десять раз увидеть. Сквозь керосиновый флерок, привычно витавший над врытым железным баком, пробивалось нечто приятное, мясное. У проголодавшегося Жучка с языка побежала слюна. Он нетерпеливо вскочил и принял охотничью позу: спрямил хвост и прижал к груди переднюю лапу. Этому его никто не учил, в его роду не было ни пойнтеров, ни легавых, поисковая стойка получилась как-то сама собой. Сразу же подтвердилось: пахло действительно мясом и не просто мясом, а мясной сладковатой томленостью. Так однажды пахла ливерная колбаса, которой, почему-то поморщась и обзвав себя старой беспамятной вороной, угостила его Павловна. Она без сожаления отдала ему порядочный кусок. Бережно и благодарно принимая угощение, он тогда боязливо вскинул глаза на Павловну: не ошиблась ли? Жучок никак не мог взять в толк, почему Павловна не стала есть свою половину, как бывало прежде, ведь та колбаса показалась Жучку особенно запашистой. Она пахла точно так же, как теперь тянуло с выгона. И окончательно выверив направление, Жучок сделал несколько осторожных бесшумных шажков...

...Манившее место оказалось ворохом строительного мусора, оставленного здесь после открытия магазина. Куча уже задернилась и поросла мелкой сорной ромашкой. У подножья этой "исторической" пирамиды, будто часовой, стоял навязяжку долговязый гриб, ростом гораздо превышавший Жучка. Он-то и навевал на округу этот душный ливерный аромат.

За долгое свое стояние гриб состарился, остроконечная морщинистая шапка, похожая на атаманскую папаху, съехала набок, а единственная штанина пожелтела и лопнула по всей длине. В этой разверстой ране, сочившейся липкой дегтярной жижей, упоенно бражничали какие-то черные сутулые козявы.

Жадно внюхиваясь, Жучок изучающе обошел вокруг грибной ножки и, наконец, убедился, что крепко пахнущая штукавина — вовсе не ливерная колбаса, а нечто несъедобное и вообще непонятное. Но запах пробирал до самого нутра, так что уступить находку он никому не хотел, а потому решительно поднял заднюю лапу и старательно побрызгал прямо на честную компанию козьяв. От этого мероприятия гриб сронил свою смушковую папаху, а его нога переломилась пополам и тоже не устояла...

Павший великан испустил такой густой, обволакивающий ливерный букет, что не выдержавший искушения Жучок с глухим урчанием припал к грибным останкам и несколько раз потерся о них белым шелковистым горлом. Но, не удовлетворившись этим, он опрокинулся навзничь и, постанывая самозабвенно, вертляво ерзая крестцом, принялся вмазывать в себя размятую кашицу.

Накатавшись вдосталь, Жучок бодро вскочил и, счастливо лучась глазами, возбужденно пробежался туда-сюда, испытывая необыкновенный подъем духа и желание немедленно, сию же минуту пересмотреть все отношения и восстановить справедливость. От внезапного прилива бодрости он лихо царапнул землю позади себя, далеко отшвырнув крошево старой штукатурки, и резво обежал мусорную кучу. Его черные ушки вскинулись острыми косячками, а хвост снова воспрял крепко закрученным бубликом.

В таком вознесшемся самочувствии пребывать на месте не было возможности, и Жучок, оставляя за собой шлейф грибного аромата, гордясь им и сам себе нравясь, пустился в пробежку по более широкому кругу, неожиданно повстречав на его периметре оранжевого петуха, ошивавшегося возле куриных бань. Петух вскинулся восклицательным знаком, вздорно, возмущенно закокословил: "Кто таков? Кто таков?" Жучок не стал представляться, заискивающе вертеть хвостом, а решительно ринулся на кочета, так что тот, перестав чиниться, надменно встряхивать гребнем, закрывавшим то один, то другой глаз, совсем простецки побежал прочь, промелькивая сзади оголившимися подштанниками: "Не имеешь права!.."

— Н-гаф! — вдогонку пальнул Жучок и, опять царапнув землю задними лапами, вернулся к грибному месту.

Вторую пробежку он совершил против часовой стрелки и оказался на толке возле байдарочных мешков. Жучок с лаем пробежал так близко, что мог их куснуть, но мешки даже не шевельнулись, наверное, спали, и он лишь полаял на них злобно, с разбега.

— Жучок! Жучок! — опять поманил репицкий мужик, шлепая ладонями по колену. — Чего шумишь? Выпил, что ли? Иди сюда, обормот.

Жучок чуть задержался, признал в мужике соседа Николая и приветно дернул хвостом. Присутствие знакомого человека

придало ему еще больше решимости, и он, зачистив звончатым лаем, бесстрашно подлетел к рыжему Быче.

— Н-гай! Н-гай! Н-гай! — колокольцем залился Жучок, припав перед Бычей на передние лапы и задорно потряхивая над собой закрученным хвостиком.

Быча разморенно уставился на собачонка туманно-синими глазами, не понимая, чего от него хотят. А когда понял, что ему предлагают что-то веселенькое, то в ответ охотно мотнул лобастой башкой с двумя рожками по сторонам, похожими на бабулины наперстки, тем самым как бы говоря: “Ты — так, а я — так!”

Жучок ловко отпрянул, забежал сбоку и добавил лаю. Быча, путаясь в собственных четырех ногах и вездесущей веревке, не очень проворно развернулся, но собачонка там уже не было, а лай раздавался с другого бока. Быча задвигал большими шерстистыми ушами, но в этот миг его больно дернули за хвост.

— Э-э! — обиженно замычал Быча. — Ты вот как... Я так не хочу...

— Н-гаф! Н-гаф!

— М-ма-ма-а...

Этот допоухий увалень, еще не научившийся бодаться и всех принимающий за своих приятелей, однако своим добродушным сопением так напугавший тогда Жучка, вдруг отвернулся от бестолковой собаки, не пожелавшей весело попрыгать друг перед другом, и обиженно потрусил в луговую скуку, волоча за собой царапавший землю шкворень. Жучок догнал и цапнул зубами эту убегающую забабаху, но она оказалась железной и раскаленной солнцем, подобно той сковородке, которую он однажды, по молодости, лизнул, когда Павловна, жарившая свои чибрики на дворовой загнетке, отвернулась по какой-то потребе.

— Н-гаф! Н-гаф! — погрозил Жучок недругу за такой подвох, но тут же плюхнулся наземь, чтобы пугнуть блоху, нехстати куснувшую за самый крендель. Однако хвост оказался недосягаемым, чего Жучок прежде не знал, и он со все возрастающим азартом завертелся вокруг самого себя, щелкая зубами со всем в малости от укушенного места.

Мудрый Гусь Гусич словно вычислил этот благоприятнейший момент, когда Жучок, вертясь, потеряет всякую ориентировку на местности. Крадучись, низко пластаясь, чиркая по земле дородным подбородком, Гусь Гусич дотянулся-таки до собачонка и ущипнул его за штанину так, что набил себе рот черной собачьей шерстью. Жучок ойкнул от неожиданности, но не пустился наутек, как полагал Гусь Гусич, а напротив — цапнул его за крыло и вырвал большущее, с косой оторочкой перо, похожее на то, каким писал еще Пушкин. Пера было очень жаль, тем более, что таких дорогих экземпляров имелось у него всего несколько, и вознегодовавший Гусь Гусич больно хлестнул

Жучка вскинутым крылом, что вызвало у того прилив возмущенного лая, небывалой звонкостью заполнившего, казалось, всю округу от Абалмасова до Нижних Репиц и все воздушное пространство между ними до высоты птичьего полета.

— Тфай! Тфай! Тфай-тфай-ай!

Его белые пинетки мелькали то слева, то справа перед опешившим Гусем Гусичем, который уже начал остерегаться держать голову у земли и шипеть с этой приземленной позиции, а его угрозное шипение все чаще перебивалось обескураженным гортанным кегеком.

Дворовый шум и гам, наконец, принудили распахнуться кованую дверь. На крыльце запальчиво объявилась Васючиха, следом, поотстав, выбралась и Павловна.

— Что за содом?! — Васючиха перегнулась через перила. — Это чей же такой, заливастый? Аж уши закладывает. Не твой ли?

— А то чей жа... — Павловна, укрываясь от солнца, потянула на себя застреху белого платка.

— Нет, ты погляди на него! — изумилась Васючиха. — Четырехлапая варезка, а гусака напрочь затуркал. Аж перо у него выпало. У меня в магазине такие же перья, только со стержнем. Ну, молодец! Ну, парень! И правильно! Так их, ошивал! Гони всех взащей! Сладу с ними никакого нету. То вон ящички вверх тормашками перевернут, то лепех наделают... Третьего дня один заезжий, наш ли, чужой ли, сейчас их не разберешь, вижу, машина с восемью фарами, дак он-то нечаяно ступил каблуком на куриную завитушку да и поехал с порожка и так жажнулся, что до машины едва доволокся. Вот жду из района неприятностей, мол, не чищу, не посыпаю... А мне на кой все это? Слушай, Павловна, отдай-ка мне кобелька? Ну, хорош! Ну, шустер! Отдай, а?

— Насовсем, что ли? — не поняла Павловна.

— Ну хоть до зимы. Пока снег падет.

Павловна переобняла клюку, но промолчала.

— Дак а на что он тебе? Чего охранять-то? А у меня, сама видела, сколь всего... Да хоть бы и на двор иждивенцев не пускать... Это сегодня еще Никульшиных коз не было. Те, подлые, аж на крышу по ящикам залазят. Отдай, а?

— Не-е, девка... — не сошлась Павловна.

— А хочешь, я тебе за него бутылку масла за так налью?

— Не-е...

— Ну, вдобавок пряников насыплю? Целый кулек? Ты же пряники уважаешь...

— Не надо и пряников. — Павловна, стесняясь своего отказа, прятала глаза от Васючихи, глядела куда-то далеко, за выгон.

— Такой пустяк уступить не хочешь, — напирала Васючиха. — Я ведь к тебе со всей душой... И наперед сгодится...

— А я с кем остануся? — Павловна опять подпернула платок. — Пустые углы съедят.

...Жучок, увлеченный потасовкой, наконец ухватил бабкину хрипотцу и, не раздумывая, расстался с Гусь Гусичем. Повизгивая от нетерпения, помогая себя подбородком, он единым порывом одолел высокие ступени и тотчас заподпрыгивал перед Павловной, заплясал на задних лапах. Потом заодно перекинулся и на Васючиху.

— Фу-у! — отняла руки Васючиха и сама отшатнулась. — Да от него чем-то несет!.. Нет, нет, не прыгай на меня... Фу, какая мерзость! Павловна! Да усмири ты его!

— Это у него вроде одеколона, — ровно сказала Павловна. — Для бодрости.

— Ничего себе — одеколон!

— Дак от тебя, чую, тоже несет... Всем охота покрасоваться...

— Ну, сравнила! — всерьез обиделась Васючиха. — У меня — “Ванда”! Да убери ты его, честное слово!

— Ладно... — Павловна принялась ощупью спускать ногу с крыльца, цепко хватаясь за перила. — Спасибо за маслице, за чай-сахар.

— Да чего уж... — отозвалась Васючиха, все еще пряча руки за спину.

— Айда, жаних! — причмокнула губами Павловна, зазывая Жучка. — Пошли в бочке купаться.

Жучок походно уложил на крестце черно-белый кренделек и, заняв место впереди Павловны, бодро и споро зачастил бело опушенными лапками, время от времени оглядываясь на бабулю: идет ли?.. ■

С Алексеем я встретился в компании, которая собралась у моей соседки по лестничной клетке. Довольно быстро я догадался, что он — врач: мало кто в тот вечер не лез к нему за консультациями по поводу своих болячек. Алексей не отбрыкивался, не без удовольствия демонстрировал эрудицию, но вместе с тем и мэтра из себя не изображал. У меня в то время хворала мать: жаловалась на сильные боли в ноге... Приходил участковый хирург, сказал — отложение солей. Я отважился и попросил Алексея посмотреть, благо ходить не далеко. Он без лишних слов согласился. Я привел его к себе, он поздоровался с мамой, задал ей несколько вопросов и сказал, что ему смотреть ее нет смысла, участковый врач абсолютно прав. Выйдя из квартиры, он придержал меня: "Это онкология. И судя по всему, безнадежная"... Мне стало страшно: я поверил ему. Не знаю, почему — поверил. Мама умерла через пять месяцев. От рака. Алексей помог с больницей... Он работал в ней врачом-реаниматологом.

Позже мы много раз перезванивались. Встречались накоротке. И я каждый раз ощущал в себе тот — лестничный — страх. Однажды я привел его к своему старинному приятелю, который конструировал аппараты искусственного дыхания. Из лаборатории, после абсолютно мне непонятого разговора на сугубо профессиональные темы, перебрались к приятелю домой. Засиделись. Решили заночевать. Перед тем как лечь спать на разложенный в гостиной диван, вышли покурить на балкон. И тут я честно поведал Алексею о своих ощущениях. Он кивнул: "Да, так бывает. Но что поделаешь, я, к сожалению, умею увидеть смерть. Строго говоря, в этом нет ничего особенного, а страшного — тем более. Просто насмотрелся я на нее в своем отделении".

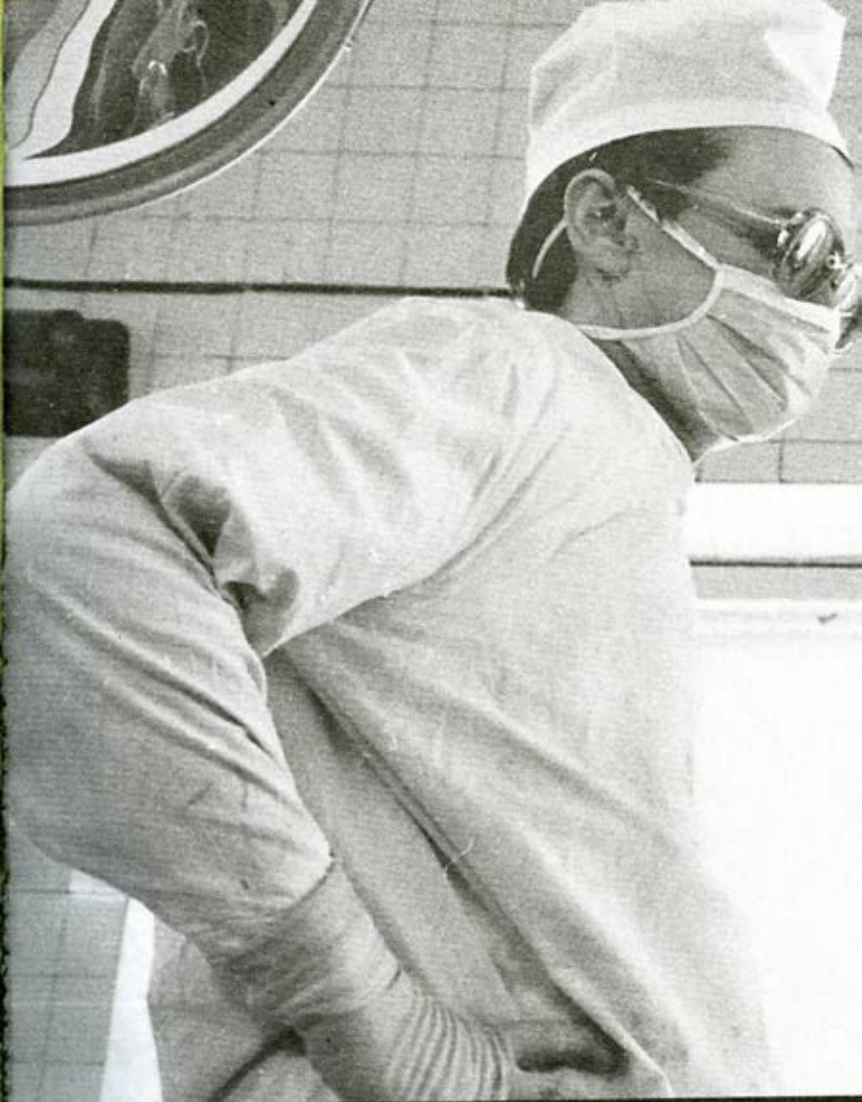
И тогда я начал задавать вопросы. А через десять минут приволок диктофон — Алексей не стал возражать. Было видно, что ему тоже хотелось что-то понять про себя. Единственно, что он попросил, так это убрать из текста профессиональную, как он сказал, матерщину.

Леонид Шаров

Алексей ЯКУШИН

ЧИСТИ

JAMMIE

Прости меня, дед...

Иной раз все хочется проклясть. В первую очередь себя — не слишком в этот момент любимого. Представьте: первый час ночи, я дежурю в отделении, и больше врачей-реаниматологов в радиусе полутора километров, наверное, нет, и два старика (обоим за шестьдесят) в разных концах палаты изготовились умирать. У одного инфаркт. У другого инсульт. Ситуация была бы вполне штатной, если бы не в двух экземплярах на одного меня. Кого спасать? Как разорвать себя между двумя умирающими? Я носился между ними... А ангел смерти, эта непредсказуемая сволочь, — да простят мне коллеги эту метафору — беспрестанно перелетал от одной койки к другой... Впрочем, метафора извинительна, потому как, при всей красивости, точна. В ту ночь я с этим ангелом разошелся вничью: он забрал себе одного из стариков, другого оставил мне. Это было объективно и в общем-то справедливо... Я успел сделать все, что от меня в ту ночь требовалось. Я вытащил того, кого и должен был вытащить. Не сообрази я этого, черта с два бы ангел смерти поделился со мной. Некоторые называют этого "ангелочка" святым Нондратием...

Под утро сидел в закутке, курил — мысли разные в голову лезли. По медицинской части я себя упренуть не мог. Я в ту ночь работал профессионально. Но были секунды, когда передо мной стояла пресловутая проблема выбора — из двух жизней, из двух смертей. Профессия профессией, а жуть все-таки берет. Хорошо, что одного только меня. Хорошо, что об этом никто никогда не узнает.

Так что, прости меня, дед... Тот, который лежал поближе к стене.

Сердчишно у тебя оказалось уж больно изношенное. Разорвал его обширный инфаркт — с таким инфарктом о каком массаже разорванного сердца может идти речь? Нет, я, пона мог, держал тебя на искусственном дыхании, но, еще раз прости, был ты обречен... Впрочем, ты и так теперь всех простил — снопом и без разбору. И мне, уж если и виниться, то перед спасенным инсультником. А пуще всего перед его родней. У этого деда сердце —

дай Бог каждому, а вот в мозгу кровоизлияние. Вывезут его из реанимации. И будет он долго лежать сначала в палате, потом, если не погибнет от осложнений, дома. неподвижный. И вряд ли оклемается настолько, чтобы хотя бы до сортира доползти. Жена его и дочь станут каждый день переворачивать, протирать спиртом смердящее тело, смазывать пролежни фурацилином или марганцовкой, менять засранные простыни, кормить с ло-

жечки. Пусть простится мне грубость выражений, только так точнее всего. Да и противоположна реаниматологу сентиментальность...

Вот на что я их, бедных, обрекаю. А помер бы дед — погоревали бы они месяца два да и стали бы тихо мирно ходить на кладбище. Но я мог иначе...

Зачем все это? Смерть требует уважения... Мы ведь ее не обманываем. У нас с ней честный договор

да — да, нет — нет. И ничего между. Любой реаниматолог это знает.

Порог жизни — двадцать минут

Вообще, реаниматологи могут оживлять куда больше людей, чем это происходит в действительности. Ведь что такое смерть? Надо ли говорить, что за всю свою историю человечество так и не смогло ответить на этот вопрос, и не знаю — ответит ли когда. Но если попробовать объяснить ее явление с точки зрения физиологии и, что называется, на пальцах, смерть — это то, что наступает, когда в результате кислородного голодания гибнут клетки коры головного мозга. Питает их кислородом кровь. В мозг кровь гонит сердце. Смерть начинается тогда, когда останавливается сердце. Или тогда, когда человек перестает дышать — то есть, проходя через легкие, кровь не насыщается кислородом. Но дело в том, что можно заставить сердце биться. Можно заставить человека дышать. Иначе говоря, можно не дать ему помереть.

Можно вернуть к жизни и тех, кто вышел за допустимые пределы клинической смерти...

Правда, эти пределы — штука лукавая. Здоровый, молодой мужик может пробыть на том свете заметно дольше старика. Многое зависит от того, где человек умер: одно дело, если в клинике, другое, если на улице или дома — тут решают секунды, врач может появиться не сразу. Но в любом случае человек без вмешательства реаниматора может рассчитывать на шесть-семь минут обратимой смерти.

Реаниматолог растягивает это время. Потому что тут же подключает пациенту аппарат искусственного дыхания, тут же начинает массаж

сердца, вводит стимуляторы. Словом, много чего делается. И кровь в это время худо-бедно продолжает обогащаться кислородом, худо-бедно гонится с помощью механизмов или рук реаниматолога в мозг. Но я не зря сказал: худо-бедно. Все равно кислорода недостаточно. Все равно клетки мозга, хотя и не так быстро, гибнут. Если за двадцать минут больной не подает признаков жизни — оживление прекращается. Говорят, что это время собираются растянуть чуть ли не до сорока минут. Не слишком я в это верю. Формально можно установить любой порог продления жизни человеческого организма, любой срок обратимости смерти. Но это будет сродни самообману. Правда, есть технология, при которой мозг охлаждается, следовательно, перестает так остро нуждаться в кислороде, но пока я о такой технологии только слышал.

“Просроченные”

...В тот день я уже закончил дежурство. Пока то да се, в отделении стала “уходить” молодая женщина. Кто надо, бросились ее вытаскивать. Время идет. Ничего не получается. Зовут меня на помощь. Начал я делать непрямой массаж сердца. Два ребра женщине сломал при этом. Ничего не поделаешь: это так и называется — реанимационная травма.

Тут необходимо пояснить: не так уж это и трудно — сломать человеку ребра. Да и не ребра дане — хрящи, соединяющие их с грудиной. У молодых хрящи эластичные, их так просто не повредишь. А у стариков они костенеют, делаются хрупкими, могут сломаться и от небольшого усилия реаниматолога. Есть тут одна профессиональная тонкость: сломанные ребра считаются у нас

отметной качества, что ли, — значит, работал реаниматолог на полную катушку, себя не жалел. А целы у твоего пациента ребра — всякое о тебе коллеги могут подумать.

Забилось у женщины сердце...

Чуть погода прикинули — переборщили со временем, вышли за двадцатиминутный предел. Но, думали, может, обойдется: молодая все-таки. Приволокли энцефалограф. Проверили. Не обошлось...

Ее потом отправили умирать в другое отделение. Да, умирать. Все эти люди, которые вышли из клинической смерти после истечения контрольного срока, обречены. Чтобы поддерживать их жизнь, нужны особые условия, особый уход. Кто их может себе позволить? В каной больнице такое обеспечить?

Часто "просроченные" умирают от сепсиса. От пневмонии. Ведь искусственное дыхание — пална о двух концах. Если не вдаваться в детали, то оно происходит по схеме, прямо противоположной той, по которой человек дышит естественным образом. Отсюда отеки легких, отсюда и пневмония.

Та женщина умерла через месяц.

Зачем?

Но как все-таки живуч человек! Нам бы, людям, радоваться...

Лежал у меня один парень. Жертва автомобильной аварии. Раздробило ему часть позвоночника. Мало того, каная-то железянка въехала ему в пах. По идее, парень должен был помереть от кровопотери. Или от болевого шока. Но исхитрился не помереть. Довезли его до хирургии. Хирурги, что надо, сделали. Что могли — сшили. Ности частично скобами скрепили. А я потом вывел его из шока. Помню, пришел в себя,

лежит, улыбается. Меня тогда перевернуло всего. Чему, думаю, улыбаешься? Ходить он не смог бы — не на что было его туловищу опираться. Только в кресле нататься — и то очень не скоро, после нескольких тяжелых операций, что дадут ему возможность хотя бы сидеть. Самое паскудное — он и малую, а равно и большую нужду без посторонней помощи справиться был не в состоянии. И знал я еще, что была у него невеста. Она пару раз приходила под дверь нашего отделения. Передачи, глупая, приносила. И тонне радовалась: жив остался жених. Не стал я ему, конечно, ничего говорить. Не мое это дело. А было бы мое — не знаю. Нет, не сказал бы, наверно. Во всяком случае не сразу. Особенно про то, во что превратились его гениталии. Парня в положенный срок свезли в хирургию — в обычную палату. Через месяц он перерезал себе горло. Хватились поздно. Хотя это, сдается мне, и к лучшему.

И сколько таких случаев было! Пусть, не таких трагических. Но не мне эти трагедии оценивать.

Вредное производство

Вообще, то, чем я занимаюсь, называть "реанимацией" не совсем правильно. Для этого существует другой термин — "интенсивная терапия". Так это и называют на Западе. Если не ошибаюсь, придумали интенсивную терапию в Скандинавии. Это позволило существенно сократить смертность от инфарктов. Мы начали ее прантиковать с шестидесятых годов. А вообще-то еще в Библии один из пророков реанимировал человека посредством искусственного дыхания...

Не могу сказать, что работа в реанимации слишком уж тяжела физически. Но вот душевное напря-

жение... Да, это есть. Особенно в детской реанимации. Вот где бы я никогда не смог работать.

Система суточного дежурства — тоже не подарок. Может, поэтому в реанимации работают большей частью мужчины. И большая часть этих мужчин — молодцы. Исключения, разумеется, есть. Знаю я и с прекрасными реаниматологами-женщинами, и с пожилыми реаниматологами. Но все-таки, как правило, к сорока люди из реанимации уходят. Кто в начальство. Кто в науку. Кто в более спокойную медицинскую специальность. Бывает, что уходят и раньше — устают. Однако очень часто эти до срока ушедшие возвращаются. Многим после реанимации другая медицина кажется скучной. К тому же как войдешь в ритм дежурств, так и заведешь себя на много лет вперед.

А вот мрут реаниматологи, насколько я знаю, чаще прочих врачей. Инфаркт — это наша профессиональная болезнь. Вредное, можно сказать, у нас производство. Нам за это к зарплате тридцать процентов приплачивают.

Святому Кондратию ни рублей, ни долларов не сунешь

А зарабатываем мы по-разному. Тут все зависит от больницы. От ведомства, которое за ней стоит. От того, есть ли в этой больнице медицинское страхование или нет. Там, где есть, платят больше. Но скоровспомощные услуги страховке не подлежат, так что те больницы, куда больных свозит "скорая помощь", обходятся сугубо государственными дотациями.

Если прикинуть, то российский реаниматолог в среднем получает сегодня что-то около тысячи. Руб-

лей, конечно. Сравнить с оплатой труда западных специалистов, сами понимаете, бессмысленно. Так уж у нас повелось: труд дипломированного специалиста, способного вытащить человека с того света, приравнен к труду паринмастера, хотя, надо полагать, и очень квалифицированного.

Ну и спросите меня сейчас — беру ли я взятки? Без стеснения отвечу: конечно, беру. (Хотя я не должностное лицо и то, что мне суют в карман, взяткой назвать нельзя. Но, ладно уж, пусть — взятка, я согласен.) Я их беру тогда, когда дают. А когда не дают, то не беру. Особенно я им радовался, когда случились у меня семейные неурядицы и нрать мне было нечего.

Не вижу смысла на четвертом десятке норчить из себя девственницу. Пусть те, кто дает, думают, что я как-то по-особенному буду в случае чего делать массаж их родственнику. Наверное, им от этого легче. Хотя внутри реанимационного отделения действуют другие законы. Святому Кондратию до лампочки — взял ты, не взял. И мне тоже все равно — дали, не дали. Мне главное — всегда быть лицом к мониторам. А больше всего мне нравятся те больные, которые не преподнесут сюрпризов, которые, как бы тяжело они ни были, находятся в стабильном состоянии. Вот это-то и повышает их шансы. Не деньги...

Плюсы нашей бедности

А вообще-то, — что, впрочем, для меня не слишком удивительно, — наши специалисты на фоне западных коллег выглядят молодцами. Плохо это или хорошо, но нас учили (да мы и сами к тому привыкли) больше полагаться на свои силы. На свой опыт.

Мы, может, и рады были бы, как американцы, всякую секунду уповать на приборы, но только наное у нас оборудование, чтобы ему доверять? До сих пор во многих реанимациях фурычат аппараты для принудительной вентиляции легких первого еще поколения. Отнюдь не импортные — доморощенные. Мы их "рошками" называем — официально они назывались РО-7. Если разобраться, примитив жуткий. Но надежный. (Хотя, слышал уже, в последние годы больные, посредством этих аппаратов дышащие, стали помирать. И не мудрено: "рошкам" все мыслимые эксплуатационные сроки давным-давно вышли.)

Отечественные дефибрилляторы. Ну, эту штуку все в фильмах видели. Ниношники сплошь и рядом больные высоковольтным разрядом прошибают. Хотя дефибриллятор многим нашим пациентам категорически противопоказан. Да и толку-то от него, от нашего. У него сила разряда кончается чуть ниже той величины, с которой рекомендуется лишь начинать дефибрилляцию.

Правда, в последние года два стали в наши реанимации поступать заграничные приборы. Хороши — ничего не скажешь! Только я в них ни черта не понимаю — не учили меня с ними работать. Я к этому электронному монстру и подойти боюсь. В его импортных кнопках без отечественного станкана не разберешься. А он, чуть что не так нажмешь, пищать начинает, что-то ему антивно не нравится.

Но это я малость сгущаю краски. Вообще же, считается: наши врачи в их реанимации запросто могут работать, а вот они в нашей реанимации — никогда и ни при каких условиях.

Вот где в полной и всепобеждающей своей полноте выказывает себя таинственная русская душа — в реанимации! Американец без прибора, без томографического анализа, без компьютерного обсчета слова не скажет, шага не сделает (хотя в этих мудреных делах его научили разбираться превосходно). А мы на одной голой интуиции выдаем нагора то же самое и сверх того. Опытный отечественный реаниматор в состоянии по одному только внешнему виду больного узнать его биографию. Утрирую, конечно. Но от нехорошей своей жизни выработали мы в себе умение не бояться и самим принимать решение. И сей жизненный фантор для тех бедолаг, кто попадает к нам в реанимацию, зачастую является решающим.

Сострадать не имеешь права

Я на реаниматолога специально не учился. Пришел из терапевтов. Можно сказать, из романтических побуждений: хотел видеть результаты своего труда немедленно, а не ждать их — на то она и терапия — годами.

И результаты своего труда я и впрямь стал видеть, что называется, не отходя от койки. Только уж очень разными были эти результаты. Часто пишут: врач безмерно страдает от своей беспомощности. Реаниматолог обязан внальывать, а не страдать. Пона ты страдаешь по одному умершему, другой больной загнется.

Но вот что в нашем деле самое страшное. Поступила в приемный покой девчонка лет двадцати. Осмотрел ее дежурный эндокринолог, так как страдала эта девчонка диабетом. И поставил диагноз: диабетическая кома. Оно, кто спорит, правильно.

Но диабет, если так можно выразиться, многогранен. И номы диабетические тоже бывают разные. Эндокринолог — а был он еще молодым специалистом — определил: у девочки гипогликемическая кома. Ошибся. Кома ее имела другую природу. С ошибочным диагнозом она поступила ко мне. Я ее и стал вытаскивать, сообразуясь с наличием у больной соответствующего ему состояния. Тем более, что из лаборатории пришли анализы, в которых, снажем так, умеренный процент сахара в крови в целом подтверждал мнение эндокринолога. Мне бы перепроверить... Не удосужился. Через какое-то время я ее худо-бедно из номы вывел. Отправил из реанимации в обычную палату.

Спустя два часа зовут — уходит девчонка. Я все бросаю и к ней в палату. Вижу, что-то не то. По-быстрому взял у нее кровь. Отправил на анализ. Сообщают: у нее сахар запредельный. А это означает гипергликемическую кому. Эх, что б тебя! Забираю девочку в реанимацию. И на этот раз делаю все, что надо и как надо. К утру пришла малышня в норму.

Все в этой истории со счастливым концом было, в общем-то, невероятным стечением обстоятельств. Не просто ошибка, а тройная ошибка. Сначала ошибся принимающий врач. Потом ошибся я, потому что не провел все исследования до конца, не перепроверил диагноз. И, наконец, грубо ошиблась лаборатория, занизив количество сахара в крови. И от того, что девушку удалось спасти, мне легче не стало. Испугался я тогда: это ж на каком волоске висела жизнь человека?! Которого, сделай мы все правильно, можно было вытащить без особых проблем.

Будь здоров, обвинитель!

Тут один журналист, побывавший в реанимации, тиснул в газете статью о своих приключениях. Будто лежал он один-одинешенек на койке, никто к нему не подходил, никто на его расспросы, что ему там налили в капельницу, не отвечал. Будто связали его по рукам и ногам. Будто внатили ему лошадиную дозу снотворного. Будто ночью санитары и санитарки вкупе с сестрами и врачами устроили в реанимации гулянку под нодовым названием "Проводы покойников" и носились по отделению на каталках, будто сорвал он с себя путы, вырвал из рук катетеры, облился кровью, выполз в коридор и прекратил безобразную вакханалию.

А что? Я ему верю. Конечно, лежал он один и, конечно, было ему неприятно, что никто к нему не подходил и не говорил ласковых слов. Он ведь не в терапию попал и не к психоаналитику. И что ему, страдальцу-правдолюбцу, в капельницу налили — не его ума дело. Раз живой — значит, не цианистый калий. Связали? Также правильно. Мы почти всех привязываем к койкам. Входит человек в кому — дергается. Выходит из номы — дергается. Приходит в себя и еще не в вполне ясном сознании сразу норовит вытащить из себя все эти трубки. И снотворного ему очень правильно внатили (жаль, что мало!) — и ему, и всем окружающим спокойнее. А про гулянку в реанимации... Бывает, конечно, всякое. Парни молодые, девчонки — кровь с молоком. Им о смерти и думать-то противно. А тут каждый день — смерть по углам скребется. Давит на психику. Видать, в ту ночь просто не было в реанимации тяжелых, все пациенты

пребывали в стабильном состоянии. Вон — этот, правозащитник, даже отвязаться ухитрился и скандал затеять...

Божий Промысел, физиология; и мы — посередине

Еще меня спрашивают: а не изменится человеческая личность после перенесенной клинической смерти? Тут мне каждый раз приходит на память древний анекдот. Больной спрашивает у врача: "Скажите, доктор, а я после операции смогу играть на скрипке?" "Ну, конечно, сможете", — успокаивает врач больного. "Ну надо же! А до операции не играл".

Но мне в реанимацию поступают люди, о существовании которых я до этого не имел ни малейшего представления. Как я могу судить: изменился мой клиент или нет, коли я его прежде в глаза не видел? Я и после-то — не вижу. Хотя психиатры и психологи, интересующиеся этой проблемой, утверждают, что пережившие клиническую смерть меняются. Порой сильно. Память у них частично пропадает. Потом, говорят, может восстановиться. То ли мозг, постепенно приходя в норму, реконструирует стершиеся воспоминания, то ли это делают близкие, помогая своими рассказами. На скрипке, если человек до этого не знал, с какого конца к ней подходить, он играть не будет. А вот утратить это свое умение может, такие случаи бывали. И еще: многие пережившие клиническую смерть делают более агрессивными. Почему — точного объяснения не существует. Откровенно говоря, я о таких вещах, не имеющих разумно-научного объяснения, хоть и знаю, но не думаю.

Во-первых, нет времени думать о всякой не имеющей отношения к делу чепухе. Во-вторых, реанимация — это такое место, в котором ты раз за разом убеждаешься в незыблемости законов физиологии. Вот он — самый страшный грех реаниматолога: забыть в этих законах хотя бы самую малость. Нельзя реаниматологу относиться к человеку, как к средоточию духовных богатств, к высшему Божьему творению, к вместилицу всеобъемлющего и всепроникающего разума. Эти красоты — там, за стенами больницы. Это там — все люди разные. В реанимации они отличаются только полом, возрастом, анализами и диагнозом. И смотреть на них необходимо, как на механизмы, которые надо починить и завести. Если это еще возможно. Да, они страдают. Но далеко не все — только те, кто в сознании. И те не столько физически, сколько морально — всякому страшно умирать, страшно думать, что умрешь. Физически в реанимации страдать не дадут: хвала наркотинам и прочей анестезии.

А коли отойдет человек, то ведь в точном соответствии с теми же физиологическими законами. Иного не дано. Иного я не видел. Об ином я не знаю.

Но вот бывает... Ночь. Вроде как все в отделении спокойно. В другие палаты не зовут. Сидим бригадой. Пьем чай. Ведем неспешные разговоры о том, о сем. Ну и начинаем невольно рассуждать... Что ведь мы к Богу-то ближе всех. Ближе попов. У нас тут, считай, чистилище. Как бы то ни было, а сортируем человека помаленьку. Не по грехам воздаем, не по благодеяниям. Скорее, идя на поводу у все тех же законов физиологии. Но в Промысел Божий все-таки лезем. ■

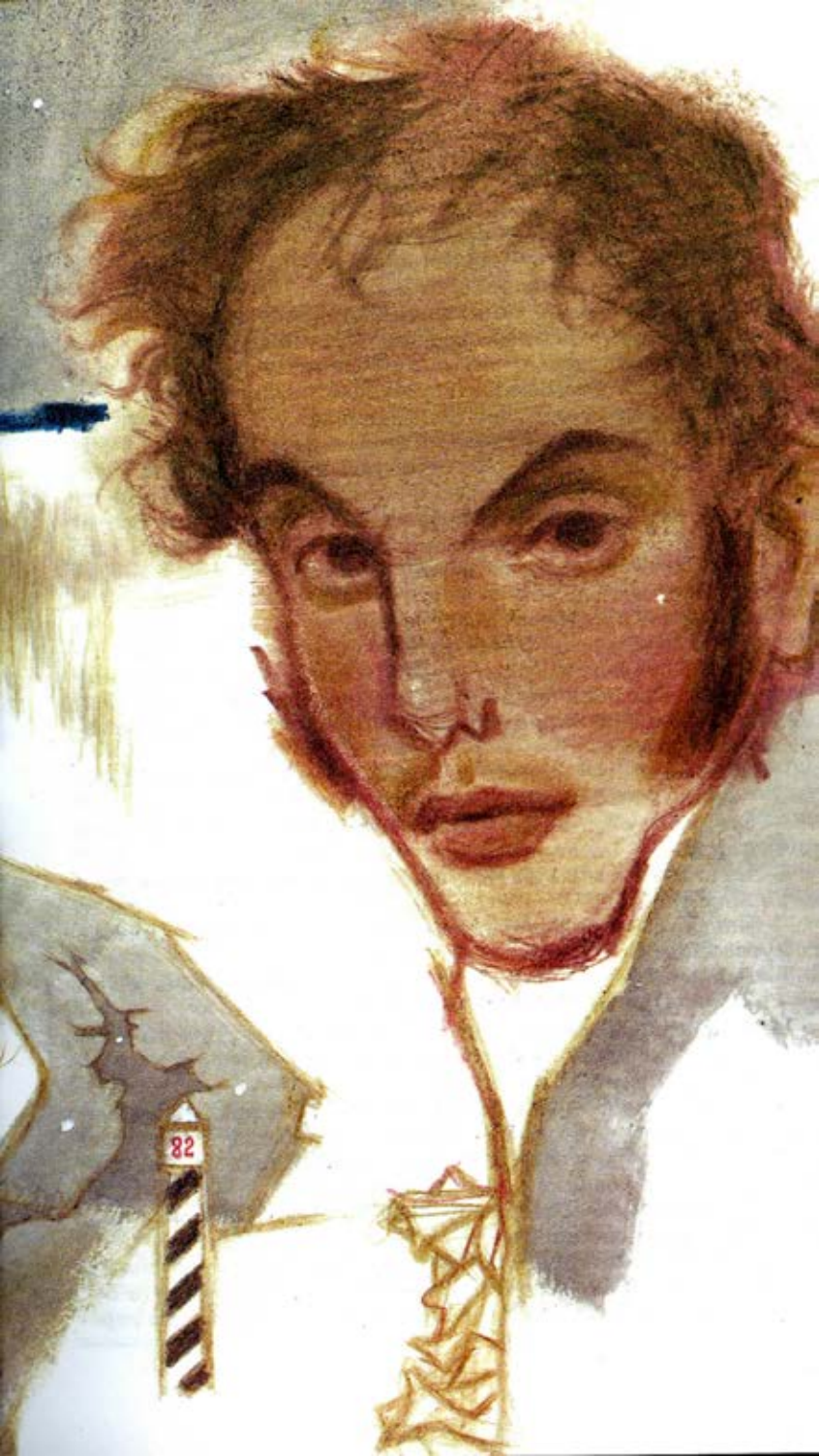
ВЗВОД ДУШИ

Любовь РУСЕВА

—Как ты посмела, негодная, войти в дом и явиться ко мне! — в гнев крикнула Марья Григорьевна Бунина на Елизавету.

Молча, с беспредельной покорностью, подошла молодая турчанка к барыне и поло-

жила своего младенца к ее ногам. Через несколько минут тягостного молчания вновь раздался голос властной помещицы:

— Поддай-ка мне Васеньку-то, — строго сказала Марья Григорьевна дочери Варваре.

— Маменька!.. — только и смогла выговорить заплакавшая от радости Варвара и подала ребенка.

— Ну что ж, Лизавета, ты не виновата. Будь по-старому в доме. А Васеньку воспитаю я... Как родного.

В Марье Григорьевне, по воспоминаниям современников, необыкновенный ум сочетался с редкой добротой души. Для своего времени она была очень образованной женщиной и читала все, что печаталось на русском языке. Муж ее, Афанасий Иванович Бунин, видный вельможа, был честным, благородным и деятельным человеком. Род его восходил к польским рыцарям Буникевским, чьи портреты украшали гостиную в красивом имении Мишенское Тульского наместничества. У Буниных было одиннадцать детей, из которых к 1770 году в живых осталось пятеро: четыре дочери — Авдотья, Наталья, Варвара, Екатерина и сын Иван. Афанасий Иванович был другом Григория Орлова и мечтал женить своего сына на дочери могущественного фаворита.

Иван учился в Лейпцигском университете и вынес оттуда не только хорошие знания, но и страстное увлечение романтизмом. Еще до отъезда за границу юноша полюбил некую девицу Лутовинову и по окончании учебы собирался на ней жениться. После его возвращения на родину (1781) в доме Буниных разыгралась трагедия.

— И слышать не желаю! Не бывать тому! Ишь чего надумал! — бушевал Афанасий Иванович.

— Отец, не губите меня и мою возлюбленную. Нам не жить друг без друга, — отчаянно умолял отца Иван.

— Неча пустое молоть! Ишь ты, нахватался романтизму в поганой неметчине!

— Папенька, не берите греха на душу, позвольте жениться на Лутовиновой.

— Воля моя непреклонна. Под венец поведешь дочь моего друга, князя Орлова. Дело это решенное.

Но Ивану Афанасьевичу не суждено было повести кого-либо под венец: от нервного потрясения у него случился удар, и наследник рода Буниных скончался.

Во время русско-турецкой войны 1768-1774 годов мещане и крестьяне ездили за армией маркитантами. Когда один из крестьян Бунина, оброчный крепостной, собрался в дорогу и пришел проститься с баринном, тот шутя сказал:

— Привези мне, братец, хорошенькую турчанку; видишь, жена моя совсем состарилась.

Покорный крестьянин принял за чистую монету эти слова и в 1770 году привез из завоеванных Бендер от старого друга Бунина подарок: двух сестер красавиц-турчанок, взятых из гаре-

ма паши. Старшей, Сальхе, было шестнадцать лет, а младшей, Фатьме, одиннадцать, она скончалась через год.

Сальху крестили и дали ей имя Елизаветы Дементьевны Турчаниновой. В доме Бунина турчанку все приняли приветливо. Барин и барыня ее ласкали, старшие дочери обучали читать и писать по-русски; младшие, Варвара и Екатерина, чьей нянькой она была, очень любили. Особенно баловал пленницу друг Афанасия Ивановича — обедневший дворянин, живший при его усадьбе, А.Г. Жуковский. Андрей Григорьевич по-отечески относился к ней и старался во всем угодить. Дворовые девушки зазывали Сальху-Елизавету на посиделки, а на святках просили погадать. Ключница Василиса приучала турчанку к домоуправлению, а когда та умерла, Елизавета стала домоправительницей, распорядилась слугами и всеми хозяйскими делами по усадьбе и каждое утро должна была являться к барыне за приказаниями.

Жила Сальха в отдельном домике. Смуглолицая красавица приглянулась Афанасию Ивановичу Бунину. Вначале он старался соблюдать приличия и скрывал свою связь с турчанкой, но потом переселился к ней в домик, обставив его роскошно. После такого поступка мужа разгневанная Марья Григорьевна запретила дочерям общаться с Сальхой, а последней появляться в барском доме. Первые три дочери Сальхи и Бунина умерли в младенчестве. Афанасий Иванович по делам часто уезжал из имения, и в один из таких его отъездов в январскую ночь 1783 года Сальха родила мальчика — будущего гения русской поэзии.

Бунин попросил своего друга Жуковского крестить и усыновить мальчика. Тем самым сын турчанки и русского вельможи получил дворянский титул и имя Василий Андреевич Жуковский.

Марья Григорьевна тосковала по своему безвременно умершему единственному сыну. Женская интуиция не обманула Сальху: она почувствовала, что ее младенец может быть воспринят барыней как замена Ивану. Когда Афанасий Иванович в очередной раз отлучился из имения, Сальха-Елизавета взяла сына, которому было всего несколько месяцев, и, нарушив запрет входить в барский дом, принесла его к ногам Марьи Григорьевны. Мальчик примирил семью Буниных и объединил два дома.

К ребенку приставили целый штат нянек, окружили заботой и любовью. Он рос баловнем и почти исключительно в женском обществе, что определило его по-женски мягкий характер.

Когда мальчику исполнилось 6 лет, Бунин нанял ему гувернера немца, который был, как и большинство таких авантюристов XVIII века, портным. Со своим подопечным он обращался довольно жестоко: при малейшей ошибке при чтении или за плохо выученный урок сек его, бил линейкой по пальцам и ста-

---

вил на горох. Учитель постоянно ворчал, топал ногами, а впечатлительный ребенок плакал и ничего не мог усвоить.

Приемный отец, видя все это, некоторое время терпел. Но однажды, когда за стеной раздался шум, добрый Андрей Григорьевич не выдержал и, открыв дверь в классную комнату, увидел, что его Васенька плачет, стоя на коленях на горохе, а гувернер бешено вопит и размахивает розгой. Жуковский тут же позвал Бунина. Немец был прогнан. Приемный отец сам стал заниматься с мальчиком: обучал его счету, русскому языку и рисованию. Василий продолжал резвиться и играть с девочками в рыцарей.

В 1790 году приятель Бунина, тульский наместник Михаил Никитич Кречетников, вызвал его на службу. Бунин переехал со всей семьей в Тулу, где в марте 1791 года в возрасте семидесяти пяти лет скончался. После смерти мужа Марья Григорьевна от каждой из четырех долей наследства взяла по 2.500 рублей и отдала деньги Елизавете Дементьевне для обучения сына.

Супруги Юшковы, в доме которых жил и учился Василий, слыли высокообразованными людьми. Варвара Афанасьевна была одарена музыкальным талантом, она же руководила тульским театром. Петр Николаевич был близко знаком с просветителем Н.И.Новиковым. В своем доме супруги организовали салон, где устраивались чтения Карамзина, ставились спектакли. Вся эта обстановка рано пробудила литературные интересы Жуковского, он написал трагедию "Камилл, или Освобождение Рима", которая была поставлена на домашней сцене. Окрыленный успехом спектакля, Василий написал другую пьесу: "Госпожа де-ла Тур"; пробовал писать и стихи.

А вскоре в жизни Жуковского произошло знаменательное событие. В 1796 году в журнале "Муза" тринадцатилетний Василий напечатал "Стихи на случай рождения Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Павловича". Редакция сделала к стихам приписку: "Сочинитель сей аллегории маленький крошечный стихотворец. Какой луч надежды блестит на заре его?"

Василий возвращается к Юшковым, где он познакомился с Андреем Тимофеевичем Болотовым, автором великолепных мемуаров. "Из посторонних лиц этого времени, — вспоминал впоследствии поэт, — самое памятное и любезное для меня есть лицо Болотова... он был самый привлекательный человек и сильно на меня действовал своею многосторонностью". Андрей Тимофеевич, страстный любитель природы, знал всех птиц и животных. Он часами и настолько увлекательно рассказывал о лошадях, овцах и коровах, что дети, бросив свои игрушки, слушали его, затаив дыхание. Именно Болотов посоветовал родным Жуковского отдать его в Московский университетский благородный пансион.

Начался новый и очень важный период в жизни будущего поэта. Родные отдают его в Московский университетский пансион, который оказал самое благотворное влияние на развитие и формирование нравственно-эстетических идеалов и литературных наклонностей Жуковского. В этом учебном заведении насаждался культ личных и гражданских добродетелей, самоусовершенствования, были заложены основы просветительских воззрений, которые стали фундаментом его философско-эстетических взглядов.

Круг преподавания в пансионе включал в себя 36 предметов. Режим дня был довольно жестким. Вставали мальчики в пять утра, с шести до семи часов готовили уроки, в семь надзиратели вели их в столовую, где после молитвы и чтения вслух небольшого отрывка из Евангелия подавался чай. С восьми до двенадцати — уроки, в двенадцать — обед, с часу до двух — свободное время, с двух до шести — снова лекции, затем полдник и приготовление уроков, в восемь — ужин, а в девять — после молитвы и чтения Библии — сон. С тех пор Жуковский всегда вставал в пять часов.

Особое внимание в пансионе уделялось гуманитарным наукам. Словесность эмоционально читал молодой и пылкий преподаватель Михаил Баккаревич.

— Поэзия есть одна из приятнейших наук, которая является усладительницей жизни человеческой, — говорил он ученикам. — Рифмы почитаются от некоторых пустыми гремушками, и это сущая правда, когда в стихах только и достоинства, что рифмы, когда в них нет ни огня, ни живости, ни силы, ни смелых вымыслов, составляющих *душу* поэзии, одним словом — когда в стихотворце нет дара... Стихотворный язык есть музыка. Хорошие стихи, помимо слов и их смысла, несут в себе необъяснимое очарование звуков и ритма. Иногда одна нота, нестройно, неправильно взятая, портит всю симфонию...

Лекции Баккаревича навсегда врезались в память юноши. Именно музыкальностью восхищала современников поэзия Василия Андреевича. В воспевании очаровательных пейзажей и различных оттенков чувств поэт не знал себе равных.

В пансионе Жуковский подружился с Александром Тургеневым, сыном директора университета. Вместе они засиживались в библиотеке, пробовали писать стихи. Александр ввел своего друга в семью ("тургеневский кружок"), все его братья были на редкость одаренными и незаурядными личностями. Шестнадцатилетний Андрей, старший из братьев, был студентом Московского университета, знал латынь, французский, английский и итальянский языки, много переводил с них. Он писал стихи и вел дневник. Жуковский тоже стал вести дневник.

— Не следует тратить время на чтение журналов и корявых переводов, — поучал его Андрей. — Нужно стараться узнать

все изящное и глубокое на тех языках, на которых оно существует.

Василий загорелся прочесть в оригинале любимых поэтов — великих романтиков Гёте и Шиллера, стал усиленно заниматься немецким и латынью, которыми владел неважно.

— Гёте и Шиллер — сладостные мучители сердец, — говорил Андрей, — им я обязан величайшими наслаждениями ума и сердца. Они — поэты *чувства*. Чем сильнее чувство, тем достовернее поэтическое слово.

Андрей приступил к переводу “Вертера” Гёте и привлек к этому и Жуковского. Это была великолепная школа самообразования и шлифовки стиля.

В конце 1800 года Василий Андреевич закончил пансион с серебряной медалью и поступил “городовым секретарем” в московскую Главную соляную контору. Служба тяготила его, и в 1802 году он подает в отставку и возвращается в Мишенское, где проводит почти безвыездно пять лет. Здесь он не только пишет стихи, но и занимается образованием дочерей своей сводной сестры Екатерины Афанасьевны. Считавшаяся первой красавицей в наместничестве, она в 1792 году вышла замуж за Андрея Ивановича Протасова. Супруги страстно любили друг друга, но счастье их было недолгим — через пять лет Андрей Иванович умер от чахотки. Екатерине Афанасьевне не было еще и тридцати, но она не пожелала больше выйти замуж и всю свою жизнь посвятила воспитанию дочерей: Маше и Саши. Маша и определила весь жизненный и творческий путь Василия Андреевича Жуковского.

Екатерина Афанасьевна способствовала сближению Жуковского с Карамзиным, который приходился ей свойственником: младшая сестра мужа Протасовой была первой женой Николая Михайловича.

Карамзин встретил молодого человека приветливо. По утрам они работали, а по вечерам гуляли и беседовали.

— Николай Михайлович, даже вашим противникам ясно, что вы являетесь отцом нового русского слога. Вы совершили почти невозможное: один взяли за тяжкий руль — и повернули его!

— Вам, Василий Андреевич, продолжить начатое мной. Новый мир понятий, ощущений, духовных потребностей вы должны выразить в своих творениях. Мой юный друг, возышайтесь душой при любых неблагоприятных обстоятельствах, — пожелал на прощание Карамзин Жуковскому.

Обстоятельства не замедлили явиться. Через несколько месяцев Василий Андреевич получил письмо от Ивана Петровича Тургенева: “...Лечил лучший медик государев... А мой цвет увял в лучшую пору!...” Умер самый близкий друг — Андрей Тургенев. Не помня себя, выбежал Василий Андреевич из дома и до ночи бродил по окрестностям. “... Мое сердце разрывается,

но горесть и слезы его не возвратят, — отвечал убитому горем отцу Жуковский. — Он так был достоин жизни! Теперь, признаюсь, жизнь для меня потеряла большую часть своей прелести... Мысль об нем была соединена в душе моей со всеми понятиями о щастии”.

Смерть друга была только началом потерь и горестей поэта. Жуковский продолжает переводить, писать и серьезно заниматься с дочерьми Протасовой. Он читал с ними Руссо, Сен-Пьера, Жанлиса; раскрывал перед ними красоты природы, гулял по окрестностям, собирал гербарий, рисовал пейзажи. Девочки были влюблены в Жуковского, говорили ему “ты”, называли то Василием Андреевичем, то Базилем. Особенно Маша, словно по какому-то таинственному внушению, потянулась к нему всей душой. Маша привыкла анализировать с ним свои поступки, даже самые мелкие, и в результате сформировалась необыкновенная по своей красоте личность, которая была поэтическим созданием Жуковского.

Василий Андреевич стал замечать, что очень скучает без Маши. “Что со мною происходит? Грусть, волнение в душе, какое-то неизвестное чувство, какое-то неясное желание! — записал Жуковский в дневник. — Можно ли быть влюбленным в ребенка? Но в душе моей сделалась перемена в рассуждении ее! Третий день грустен, уныл. От чего? Оттого, что она уехала! Ребенок! *Но я себе ее представляю в будущем*, в то время, когда возвращусь из путешествия, в большем совершенстве!.. Это чувство родилось вдруг... Я им наполнен, оно заставляет меня мечтать, *вообразить будущее*... Я был бы с нею счастлив, конечно! Она умна, чувствительна, она узнала бы цену семейственного счастья и не захотела бы светской рассеянности... Я был бы счастлив *дома*, с моею женою”.

Жуковский неоднократно намекал Екатерине Афанасьевне на зародившееся в нем чувство к Машеньке. Он верил, что родные не воспрепятствуют его счастью, и Мария Андреевна станет его женой. Но ошибся. Сводная сестра не желала серьезно относиться к словам Жуковского. Отношения их стали неискренними.

Василий Андреевич, в подражание Карамзину, мечтал совершить путешествие по Европе. Об этом он говорил Маше, чем ее огорчал. Но наполеоновские войны сделали эту поездку невозможной, они же обратили лирика Жуковского к патристической теме.

Поражение под Аустерлицем уязвило все российское общество. Именно это всеобщее русское чувство поэт выразил в “Песне барда над гробом славян-победителей” — она была опубликована в “Вестнике Европы” и прославила Жуковского. На улицах Москвы незнакомые люди снимали перед ним шляпы и пожимали руки. Стихотворение было положено на музыку.

Став знаменитым и получив предложение стать с января 1808 года редактором "Вестника Европы", Василий Андреевич отправляется к сестре в Белёв, чтобы попросить руки Маши. Любовь их невозможно было уже скрывать, и Жуковский признался Екатерине Афанасьевне в своих чувствах.

— Во-первых, Базиль, Маша еще ребенок, — сказала возмущенная Екатерина Афанасьевна.

— Матушка, я о женитьбе говорю как о деле будущем, — мягко возразил Василий Андреевич.

— Во-вторых, ты обманул мое доверие и допустил в себе чувство, какое не пристало иметь дяде к племяннице.

— Матушка, но ведь мы с тобой *сводные* брат и сестра, а подобные браки не редкость в наше время.

— Маша не поступит против моей воли, таков ее характер, да и ты сам воспитал ее так.

— Это судьба!.. Кроме Маши не может быть у меня другой возлюбленной и супруги...

Протасова была настоящей дочерью своего отца и решительно воспротивилась браку. После не удавшегося объяснения с Екатериной Афанасьевной любящие стали испытывать еще большую нежность друг к другу, но чувство их пронизали безнадежность и обреченность. Трагизм существования, невозможность счастья вдохновили поэта на одно из самых заветных его стихотворений — "К Филалету", которое стало первым подлинно оригинальным русским стихотворением о любви.

О незабвенная, друг милый, вечно милый!

Почто, повергнувшись в слезах к твоим ногам,

Почто, лобзая их горящими устами,

От сердца не могу воскликнуть к небесам:

"Все в жертву за нее! Вся жизнь моя пред вами!"

Почто и небеса не могут внять мольбам?..

Жуковский с тоской покидает родной край и возвращается в Москву, где приступает к редактированию журнала, всецело подчинив его своим эстетическим взглядам и вкусам, первоначально он был почти единственным его автором.

В первом же номере Жуковский высказывает цель и задачи журнала — воспитание общества. "... Первое достоинство журнала — разнообразие... Ожидаю великой пользы от хорошего журнала в России!.. Хороший журнал действует *вдруг* и на многих; одним ударом приводит тысячи голов в движение... Итак, существенная польза журнала — не говоря уже о приятности минутного занятия — состоит в том, что он скорее всякой другой книги распространяет полезные идеи, образует разборчивость вкуса, и, главное, приманкою новости, разнообразия, легкости незаметно привлекает к занятиям более трудным, усиливает охоту читать, и читать с целью, с выбором, для пользы! Охота читать книги — очищенная, образованная —

сделается общею; просвещение исправит понятия о жизни, о счастье; лучшая, более благородная деятельность оживит умы.”

В 1811 году, после смерти матери, Василий Андреевич вновь просит у Протасовой руки дочери.

— Я требую, Базиль, чтобы ты никогда даже не заговаривал с кем-либо об этом, раздраженно ответила Екатерина Афанасьевна.

Но Жуковский не теряет надежды.

В июне 1812 года началась Отечественная война. Жуковский в это время заканчивал свою знаменитую балладу “Светлана”. В Муратове и Черни, имени друга А.А.Плещеева, все повторяли стихи, которые запоминались с первого раза:

Раз в крещенский вечерок

Девушки гадали:

За ворота башмачок,

Сняв с ноги, бросали...

12 августа Жуковский был зачислен в ряды московского ополчения в чине поручика.

— Хочу окурить свою лиру порохом, — сообщил Жуковский Вяземскому, уходя на войну.

Свое желание он исполнил блестяще. После Бородинского сражения Василий Андреевич был причислен к штабу Кутузова. Именно здесь он принес большую пользу, вдохновляя русскую армию. Его настоящим оружием была не сабля, а перо — поэтическое слово помогало громить врага и гнать его из России.

В начале октября 1812 года перед Тарутином поэт написал знаменитого “Певца во стане русских воинов”, первые варианты которого расходились в списках по армии. “Часто в обществе военном читаем и разбираем “Певца во стане русских воинов”, новейшее произведение г. Жуковского, — писал в походных записках боевой офицер Иван Лажечников. — Почти все наши выучили уже сию пиесу наизусть. Какая поэзия! Какой неизъяснимый дар увлекать за собою душу воинов!.. Довольно сказать, что “Певец во стане русских” сделал эпоху в русской словесности и — в сердцах воинов!”

Вдохновленный сражением под Красным Жуковский написал стихотворение “К старцу Кутузову” (названное потом “Вождем победителей”). Стихотворение было отпечатано листовкой в походной типографии и распространено в армии. Михаил Илларионович понимал, что слово автора “Певца во стане русских воинов” воодушевит россиян сильнее иного приказа.

После сражения под Красным Василий Андреевич заболел горячкой, от которой чуть не скончался. Ему дали длительный отпуск, и он приезжает в Белёв к Протасовым, все еще не теряя надежды быть осчастливленным. Но надежда сменяется отчаянием.

Жуковский ввел в дом Протасовых своего друга Александра Воейкова, который вскоре его предал. Он сразу же понял, что Маша и Василий Андреевич любят друг друга и что мать против их брака. Этот лицемер, который перед тем признался другу, что любит свою кузину, у них растет ребенок, и он собирается на ней жениться, как только найдет доходную службу, стал ухаживать за Сашей и очень скоро, к ужасу девушки, стал ее женихом. Саша плакала, но воля матери — превыше всего. Воейков умел угождать хозяйке и особенно тем, что в истории с Василием Андреевичем принял ее сторону и осуждал друга.

— Сколько слепоты, — сетовал поэт Плещееву, — удивительно... оборотень Воейков кажется ей ангелом, и она отдает ему бедную Сашу, ангела... Господи! И не видит счастья Маши, ведет ее ко гробу!

Слова его оказались пророческими.

Александр Воейков желал получить место профессора русской словесности в Казанском или Дерптском университете. Жуковский содействовал этому, он попросил Александра Тургенева помочь. Светлым лучом проскользнуло сквозь мрачные предчувствия поэта согласие сводной сестры на его поездку вместе с ними в Дерпт, правда, только в качестве брата.

В Дерпте Протасовы познакомились с местным обществом. Среди них хирург и пианист-виртуоз Мойер, который стал учить Марию Андреевну игре.

Приехал и Жуковский — знаменитого поэта встретили с восторгом и почетом. Его стихи здесь все любили и читали. Русские офицеры и генералы, вернувшиеся из заграничного похода, устраивали с ним встречи, на которых бывал и будущий исторический романист И.И.Лажечников. “Записан в сердце моем день, когда я узнал сего скромного, несравненного Певца нашего, Поэта, коего гению поклонялся я с самого малолетства!”

Сразу же по приезде Василий Андреевич, полный надежд, вновь просит руки Маши — и вновь отказ. Протасова требует его удалиться из Дерпта. Уезжая, Жуковский попросил Марию Андреевну:

— Не позволяй собою жертвовать, а заботься о своем счастье. Не переживай, родная, мне везде будет хорошо — и в Петербурге, и в Сибири, и в тюрьме, только не здесь, где не дадут мне ничего доброго исполнить... Прошедшего никто у меня не отымет, а будущего — не надобно.

Жизнь Марьи Андреевны была в этот период очень тяжела. Разлученная с единственным любимым на Земле человеком, Маша сильно похудела и стала часто болеть.

Всю власть в семье взял в свои руки Воейков. Он стал пить, устраивать скандалы в семье, лекции читал плохо, авторитет его в городе упал совершенно. “Воейков обещал маменьке убить Мойера и Жуковского и потом зарезать себя. После ужина он опять был пьян, — записала Маша в дневнике. — У маменьки

пресильная рвота, а у меня идет беспрестанно кровь горлом. Воейков смеется надо мной, говоря, что этому причина страсть...”

Этот тиран не только ни во что не ставил ни Протасову, ни жену, но пытался поработить и Марию Андреевну. Он шпионил за ней, перехватывал письма Жуковского, требовал с нее клятвы, что она без его согласия не выйдет ни за кого замуж, намекая, что действует в интересах ее и возлюбленного, обещая устроить их судьбу.

Не выдержав всего этого, Маша решила пожертвовать собой, уступить матери и выйти замуж за Мойера. Этот шаг позволил бы Жуковскому жить у Екатерины Афанасьевны и свободно видеться с Машей.

Это решение Маши настагает поэта в Петербурге. “Мой милый, бесценный друг!.. Я решаюсь писать к тебе, просить у тебя совета, как у самого лучшего друга после маменьки... Я хочу выйти замуж за Мойера. Я имела случай видеть его благородство и возвышенность его чувств и надеюсь, что найду с ним совершенное успокоение. Я не закрываю глаза на то, чем я жертвую... Милый Базиль! Ты будешь жить с ней (Протасовой — Л.Р.), а я получу право иметь и показывать тебе самую святую, нежную дружбу, и мы будем такими друзьями, какими теперь все быть мешает. Милый Жуковский!.. Что касается до меня, то я потеряю свободу только по имени; но я приобрету право пользоваться дружбой твоею и сказывать тебе ее.”

“Давно ли мы расстались? — писал в ответ Жуковский. — Ты знаешь то, что я чувствовал к тебе, а я знаю, что ты ко мне чувствовала, — могла ли, скажи мне, произойти в тебе та перемена, которая необходимо нужна для того, чтобы ты имела право перед собою решиться на такой важный шаг?.. Неужели я такая презренная тварь, что уже меня можно раздавить, не думая даже, что я могу почувствовать боль?.. Сердце разрывается, когда подумаю об этой жестокости, об этом холодном самовластии, которое величают материнскою любовью. Но скажи, Маша, разве ты не обязана подумать и обо мне? Разве для тебя не нужно избавить меня от такой мысли, которая отравит всю мою жизнь, от мысли, что тебя *принудили выйти замуж, опасаясь меня!* Я не могу согласиться на замужество твое, *теперь не могу!* И есть ли...”. Жуковский так и отправил это письмо недописанным.

Василий Андреевич перестал писать — “поэзия отворотилась”. Он приезжает в Дерпт, чтобы убедиться в решении Маши. В конце концов он дает свое согласие на ее брак и принимает самое живое участие в том, чтобы лучше устроить судьбу той, которую любил и которую так и не смог назвать своей женой.

14 января 1817 года Маша обвенчалась с Мойером. “Борьба кончилась, но вместе с нею и деятельность, — говорил Жуковский другу своему Александру Тургеневу. — Не могу читать

стихов своих... Они кажутся мне гробовыми памятниками самого меня, они говорят мне о той жизни, которой для меня нет! Музыка моя молчит, и я сплю!"

Василий Андреевич не ошибался в трагической развязке разлуки с Машей. Его любимая угасала. Надорвавшийся от переживаний организм не выдержал. Маша, предчувствуя свою смерть, писала Жуковскому: "Друг мой! Это письмо получишь ты тогда, когда меня *подле вас* не будет, но когда я еще ближе буду к вам душою. Тебе обязана я самым живейшим счастьем, которое только ощущала!.. Жизнь моя была наисчастливейшая... И все, что ни было хорошего, — все было твоя работа... Сколько вещей должна я была обожать только *внутри сердца*, — знай, что я все чувствовала и все ценила. Теперь — прощай!"

25 февраля 1823 года Жуковский, взяв отпуск, вместе с Александрой Андреевной приезжает в Дерпт, так как ожидалась роды Марьи Андреевны. Прошли две недели, и Василию Андреевичу необходимо было возвращаться на службу.

Через два дня после отъезда Жуковского настиг самый страшный удар — Маша умерла.

Еще во время разгара любви Жуковского, чтобы отвлечь его от сердечной трагедии, друзья хлопотали о должности, от которой он не смог бы отказаться. В мае 1815 года Василий Андреевич был представлен императрице Марии Федоровне и вскоре назначен преподавателем русского языка у великих княгинь Александры Федоровны и Елены Павловны. После восшествия на престол императора Николая I Жуковский назначается воспитателем великого князя-наследника — Александра Николаевича, будущего императора Александра II.

Исполнением возложенных на него обязанностей Жуковский пытался облегчить исцеление наболевшего сердца, что ему не удавалось, и грусть была основным его состоянием. Горестные воспоминания не покидали его и отразились в прекрасной поэме "Ундина" и драме "Камознс".

В 1839 году воспитание наследника было окончено, и Жуковский с сознанием свято исполненного долга пожелал своему питомцу:

— Да на гряде высокой, Александр, не забудь святейшего из званий: *человек!*

Россия помнит, кто вложил столько человечности в восприимчивую душу своего ученика, увенчанного именем Царя Освободителя.

Занимая высокое положение при дворе, Жуковский с готовностью помогал каждому несчастному. Этот благородный человек был чуток ко всякому чужому горю. По образному выражению П.А.Вяземского, Василий Андреевич был представителем "русской образованности перед троном безграмотным". Друг и единомышленник А.С.Пушкина, он не раз гасил конфликты

между царем и великим поэтом, помогал ему в трудные минуты. Жуковский выступал в защиту И. В. Киреевского, А. И. Герцена, декабристов и многих других. Благодаря его хлопотам и деньгам был выкуплен из крепостной неволи Т. Г. Шевченко.

Окончив служение при Александре Николаевиче, поэт мечтал провести свои последние годы на родине, в любимом сельском уединении, но жизнь распорядилась по-своему. В 1841 году Жуковский на склоне лет венчается в русской полевой церкви в Штутгарте с Елизаветой фон Рейтерн — дочерью его старого друга художника, и поселяется в Дюссельдорфе. Поэт уехал за границу не надолго, но остался навсегда. Потребность семейного счастья никогда не покидала душу поэта, а с годами одиночество все сильнее угнетало его. Василий Андреевич был рад встретить полюбившую его девушку, убеждал себя и других, что нашел, наконец, то, чего жаждал так долго.

Семейная жизнь не дала Жуковскому полного счастья, так как болезнь супруги не позволяла ему вернуться на милую и горячо любимую родину. Василий Андреевич старался как всегда заглушить свою боль напряженным трудом: он перевел “Одиссею” Гомера и готовил к изданию собрание своих сочинений. Поэт вынужден был часто и подолгу находиться в темной комнате, так как один глаз его ослеп, а второй почти все время был воспален. Читать Жуковский уже не мог. Родные и близкие стали писать ему письма на французском языке, чтобы жена могла их прочесть, а написанные произведения читал вслух камердинер.

“И странное дело! — писал Жуковский Плетневу, — почти через два дня после начала моей болезни загомозилась во мне поэзия и я принялся за поэму... которой создание я отлагал до возвращения на родину и до спокойного времени оседлой жизни. Я полагал, что не могу приступить к делу, не приготовив многого чтением, — вдруг дело само собою началось, все льется изнутри... что напишу с закрытыми глазами, то мне читает вслух мой камердинер и поправляет по моему указанию: в связи же читать не могу без него; таким образом леплю поэтическую мозаику и сам еще не знаю, каково то, что до сих пор слеplено ощущью, — кажется, однако, живо и тепло... Думаю, что уже около половины (до 800 стихов) кончено: если *напишется так, как думается*, то это будет моя лучшая, высокая, лебединая песнь...”

— Вот истинный жрец Муз, несмотря на преклонность лет и недуги старости! — с восхищением воскликнул друг.

Незадолго до смерти Жуковский сочинил Плетневу свою истинную лебединую песню — элегию “Царскосельский лебедь”, полную высокой печали и совершенную по поэтической красоте. “Присылаю Вам, — писал поэт Плетневу, — новые мои стихи, биографию Лебеда, которого я знал во время оно в Цар-

ском Селе... Мне хотелось просто написать картину Лебеда в стихах, дабы моя дочка выучила их наизусть". "Ах ты, мой старый лебедь, — писал из Парижа Вяземский, — пращур лебедный, да когда же твой голос состареется? Он все свеж и звучен, как и прежде. Не грешно ли тебе дразнить меня своими песнями, меня, старую кукушку, которая день и ночь только все кукует тоску свою. Стихи твои прелесть... "Лебедь" твой чудно хорош..."

Не посчастливилось Василию Андреевичу увидеть рощи и поля родные, глотнуть ароматного сельского воздуха, увидеться и проститься с друзьями и родными. Последние годы жизни, уже немощный и старый, поэт прожил в Баден-Бадене, где и скончался в 1852 году в ночь на 12 апреля.

Так сошел в могилу отец русского романтизма.

Его похоронили в склепе на загородном кладбище Баден-Бадена. На одной из плит были выбиты стихи поэта: "О милых спутниках, которые сей свет присутствием своим животворили, не говори с тоской *их нет*, а с благодарностью *были*". В августе того же года слуга Жуковского Даниил Гольдберг привез на пароходе в Петербург прах поэта. 29 августа состоялись похороны в Александро-Невской лавре. Гроб несли студенты петербургского университета. Присутствовавший на погребении романтик следующего поколения и ученик Жуковского — замечательный русский поэт Федор Иванович Тютчев, написал стихотворение "На смерть Жуковского".

*И этот-то души высокий строй,
Создавший жизнь его, проникший лиру,
Как лучший плод, как лучший подвиг свой,
Он завещал взволнованному миру...
Поймет ли мир, оценит ли его?
Достойны ль мы священного залога?
Иль не про нас сказало божество:
"Лишь сердцем чистые, те узрят Бога!"*

Анатолий ВЕРШИНСКИЙ

* * *

*Все ближе зарницы, но грома не слышно,
и тополь устал симулировать плеск
ночного дождя. Или, начатый пышно,
ничем завершится небесный бурлеск?*

*Иль тщетно голодный тоскует по туче,
как сытый — по звездам, утерянным в ней?
Иль даром с полуночи племя паучье
снует по щелястому полу сеней?*

*Иль попусту ясной порой сенокосной
в стога торопилась убраться трава?
Иль зря у моей молодящейся крестной
болела с утра на грозу голова?*

*О, как эта притча деревне знакома:
высокое небо, зарницы вдали,
глухие посулы блудливого грома,
немая истома иссохшей земли.*

* * *

*У дня зеленой краски нет:
зеленый цвет — соборный цвет.*

*Нефрит капустного листа.
Смарагд малинного куста.*

*Амазонит лесной листвы.
И ярь-медянка муравы.*

*И прихотливый малахит
прибрежных плакальщиц-ракит.*

*И хризопраз речного дна...
Но слишком речь моя бедна.*

*Покамест я листал словарь,
набухла киноварью ярь.*

*А малахитовый ивняк
латунной тяжестью набряк.*

*И я твержу, сменив тона,
что желтизна — не желтизна...*

ШПОЧЕ

Елена АГАШИНА

“Мам! Ну, почему?.. Почему он крутится-то?” — Было совершенно ясно, что, не получив ответа, мальчишка, уже раз в седьмой задающий свой вопрос, с места не сдвинется. Как бы мать ни тянула его за руку к стенду с электронными играми. Все попытки молодой женщины найти разумное объяснение тайне — “Там где-то моторчик, наверное, спрятан” — были неудачны. Ее семилетний сын лишь досадливо мотал головой, не отрывая взгляда от несмончаемого кружения подвешенного на ниточке диска: “Нет там никакого моторчина, не видишь, что ли!” А уже через полминуты следовало очередное “Мам, ну почему?!.”

Надо было срочно вмешаться, и Сергей, прервав нашу беседу, направился спасать родительский авторитет.

Сергей Солнцев — инженер. Именно он автор этого стенда в Центральном павильоне Всероссийского выставочного центра, мимо которого вы вряд ли пройдете, не задержавшись: кто же, скажите, проходит мимо тайны? Тем бо-

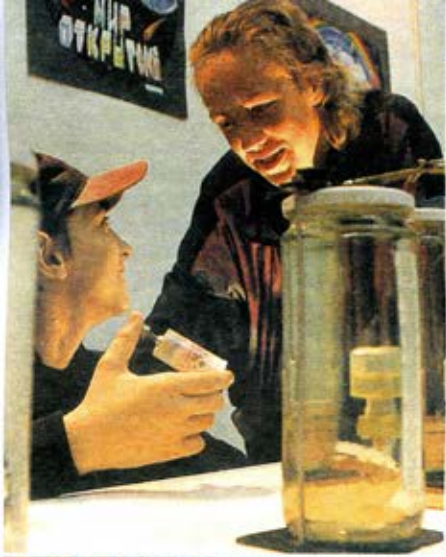

Музей

лее, когда она так красива. За стеклянной витриной "сами собой" начнутся маятники и крутятся разноцветные плоскости, летают яркие игрушечные птички-бабочки и безостановочно вертятся волчки. Без видимой на то причины вращается так поразивший мальчишеское воображение диск, в неостановимом вихре скрещиваются лопасти двух вентиляторов, а в широкой вазе трепещет бело-голубой светящийся сгусток "внеземного происхождения"...

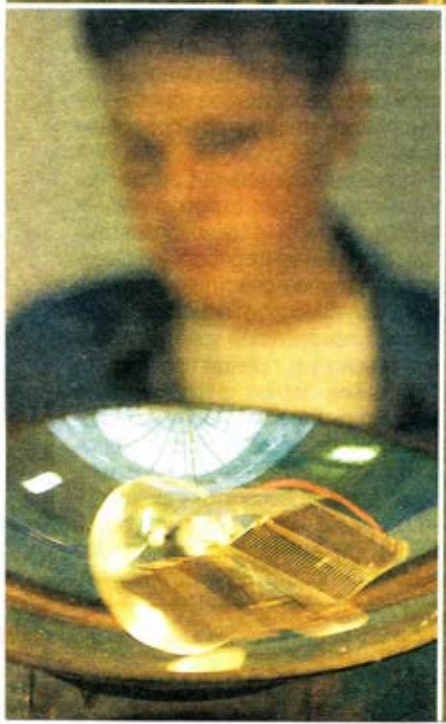
Свои изобретения Сергей называл "солнечными структурами" — в соответствии с основополагающим принципом их работы. И бывает совершенно счастлив, если кому-то из наиболее продвинутых в физике посетителей удастся самостоятельно тот принцип разгадать. Остальным, менее информированным, но пытливым умам с удовольствием объясняет, как энергия света превращается в кинетическую, рождая весь этот таинственно кружащийся и пульсирующий мир. Причем рассказывает обо всем так просто и доходчиво, что

фото Игоря Яковлева

его прекрасно понимают даже самые маленькие "почемучки". Дети пользуются особым расположением Сергея: каждый желающий, не отходя от стенда, получает возможность самостоятельно провести серию "чародейских" физических опытов и из зрителя превратиться в действующего волшебника. Желающих, как вы понимаете, хватает. Многие потом приходят еще и еще...

Кружок научно-технического творчества — звучит не очень современно. Но именно такой кружок юных физиков, техников и изобретателей образовался и действует здесь, в Центральном павильоне ВВЦ, под руководством Сергея Солнцева.

Почемучки — двигатели прогресса. С их неумного стремления, повстречавшись с тайной, с загадкой, во что бы то ни стало ее понять и объяснить — и началась, наверное, когда-то наша цивилизация.

Сергей почемучек уважает.

Так много солнца в холодной воде

С Солнцевым и его "солнечными структурами" я познакомилась по чистой случайности: в этом павильоне ВВЦ в рамках Всемирных юношеских игр проходил Всемирный фестиваль юных интеллектуалов "Научно-технический досуг — понолению XXI века". Давно не видела столько хороших, живых и светлых — *нормальных* — детских лиц сразу. Я бродила по огромному павильону и грелась в положительных эмоциях. То, что я здесь увидела, позволяло с большим оптимизмом взглянуть в завтрашний день страны. А значит, и в свой собственный.

Авторитетное жюри, состоящее из ученых музеев, все девять

дней, что длился фестиваль, рассматривало и оценивало по десяти номинациям научные, образовательные, компьютерные, игровые проекты, действующие модели и манеты юных интеллектуалов из восемнадцати стран мира. Я же в это время составляла собственную "галерею солнечных структур".

Странно было бы, например, пройти мимо ученика Сергея Солнцева, его однофамильца, представлявшего на фестивале конкурсный проект "Солнечная галерея". Перед глазами знакомо сияло, переливалось, вращалось, вибрировало... Да что они тут, сговорились, что ли — интриговать именно таким образом зрителей?!

16-летний Роман Солнцев с ходу расставил все точки над i:

— Я в своих экспонатах всего лишь использовал идею Сергея. Обязательно напишите: автор идеи — он, Сергей Солнцев. Я не хочу, чтобы его интересы были ущемлены.

Солнцев-старший уточнил: не просто "использовал идею", но технологически воплотил ее в проекте

абсолютно оригинально, по-своему. Это подтвердило и жюри, присудив солнечному двигателю "Сатурн" первое место в номинации "Самый эстетичный проект". Роман, хотя и обрадовался, но довольно критично воспринял формулировки жюри:

— Эстетичный — верно, солнечные структуры зрелищны сами по себе. Но ведь некоторые из них могут иметь практическое применение — это гораздо важнее!.. Меня, например, беспокоит проблема глобального потепления: на Земле стало слишком много источников парниковых газов, их выбросы начинают уже менять климат. А солнечные структуры можно рассматривать как модель использования солнечной энергии — энергии будущего. Скажем, солнечный вентилятор — один из экспонатов моей галереи — вполне патентоспособен: он использует энергию ветра и солнца, преобразуя ее в электрическую. Это можно применять в народном хозяйстве.

У старшего Солнцева я спросила: "Что нужно, чтобы дети захотели заниматься наукой?" Сергей ответил: "Тайна". Детям непременно нужна тайна. Тайна — это от взрослого. Сверхлюбопытность — от ребенка. И, разумеется, необходима среда, окружение, которое будет подпитывать ребячий интерес, придавать ему все новые импульсы.

— Солнечные структуры я для того и придумал, — признался Сергей. — Человек наблюдает за ними и думает: почему же все это не падает, вращается? Как устроено? И начинают донапываться до сути. В первых моих моделях все было на виду — и солнечные элементы, и моторчик, который от них вращается. Потом я спрятал и то, и другое.

В одной из последних моих моделей — "Солнечном волчке" — не видно ни моторчика, ни батарей, а он "все-таки вертится"! Получилась загадка даже для профессионалов. А уж если мальчишка ею озадачится, да влезет в учебники, да придет ко мне с тем, до чего сам додумался, — значит, это наш человек. Таких мы и ждем!..

...Представляя заинтригованной публике свои экспонаты "Городок вертушек" и "Веселый танец", Константин Юрьевич Левин заметил: "А если сделать их на заводе как детскую игрушку, это будет просто сказка!"

Впоследствии жюри фестиваля присудило этому проекту второе место в номинации "Устройство, максимально приближенное к вечному двигателю" (разумеется, и жюри, и нам с вами известно, что двигатель такой — сказка, несуществующая мечта человечества). Автор, Константин Юрьевич — так он мне представился, и я не вину оснований называть его иначе, — четырнадцатилетний человек, обстоятельный, неторопливый и в себе уверенный. Не факт, что до конкурса он рассматривал свои вертушки, работающие от ионизаторных источников именно как прообраз "вечного двигателя", но оспаривать решение жюри не стал — жюри видней!

В 1995-м тогда еще одиннадцатилетний Константин Юрьевич участвовал в выставке детского научно-технического творчества, проходившей в Кувейте. Как "цирковые дети рождаются в опилках", а "театральные — на сцене", он, похоже, явился в этот мир с паяльником в руках. С трех лет — завсегда-тай Центрального павильона, где работает его отец; с шести — сво-

бодно чувствует себя здесь же в роли гида, способного толково объяснить принцип устройства экспонатов. Сегодня, утверждает без смущения, редню находит новую для себя информацию не только в журнале "Наука и жизнь", но и в Интернете.

Я спросила, знают ли о его увлечении одноклассники?

— Знают, но особого интереса не проявляют, — был ответ. — А есть ребята, которые из гордости ничего не спрашивают, хотят показать, что сами умные, хотя и, видно, что им любопытно.

Я искренне посочувствовала таким гордым и нелюбопытным его одноклассникам. Жаль, что для российской науки они, видимо, потеряны. Зато на Константина Юрьевича Левина она, кажется, вполне может рассчитывать.

Бейсболка с вентилятором

Мой любимый литературный герой Холден Колфилд — из повести "Над пропастью во ржи" Дж. Д. Сэллинджера — носил дурацкую красную кепку задом наперед. Чем, в частности, демонстрировал свое неприятие лицемерно-правильного мира взрослых. А его почти ровесник, четырнадцатилетний Петр Родин, к взрослым, кажется, относится вполне терпимо. Но вот банальных головных уборов тоже не приемлет.

"Снучную", купленную на вещевом рынке обычную бейсболку, годную разве чтобы прикрыть от солнца голову, Петя превратил в предмет многофункциональный и эпатажный. На ее козырьке уже знакомые нам солнечные элементы, от которых вращается прикрепленный сбоку небольшой овеивающий

лицо вентилятор. Сзади — миниатюрный радиоприемник, сбоку — наушник. Сооружение венчает спиралевидная антенна с маленьким российским флагом. Конкурсный проект "Бейсболка". Знай наших!

— Знакомый увидел — заказал: "Сделай и мне! За любые деньги". Я могу, вот только элементы дороговаты. Я вообще-то еще хотел мигалку придумать, но с ней плохо все смотрится. А зеркала под козырек для заднего обзора — обязательно сделаю. А еще, чтобы обезопасить себя от вредных атмосферных излучений, думаю ее экранировать: прошью тонкой медной проволокой и заземлю на подошве...

Петя — москвич, живет неподалеку от ВВЦ и Останкинской телебашни. В этом районе особенно много параболических антенн направленного действия — источников небезразличных человеческому организму радиоманнитных излучений. С этим обстоятельством Петр (вслед за некторыми специалистами, обеспокоенными здоровьем жителей Останкино) связывает возросшее в Северо-Восточном округе столицы число детей, рождающихся с различными аномалиями. Он собирается, используя все тот же принцип экранирования, защитить свою квартиру от вредных излучений.

Есть и другие идеи. Ну, например, сделать портативный озонатор воздуха, чтобы и в переполненном транспорте чувствовать себя, как в лесу; создать модель вертолета, заменив вспомогательный хвостовой винт четырьмя крыльями, расположенными под углом.

Жаль, что в списке победителей фестивального конкурса Петра

не оказалось. Но Сергей Солнцев говорит про "коллегу Родина", что у него все впереди:

— Сейчас паренек проходит необходимый в его возрасте процесс накопления информации. Понимаете, в его конструкциях-"приколах" типа бейсболки нет изобретения как такового: гайку с винтом можно купить и в отделе забавных сувениров, а заземление и экранирование очень давно применяются в радиотехнике. Но Петя же *сам* додумался, как заставить винт крутиться, *сам* расположил солнечные элементы. Он *сам* методом проб и ошибок решает многие конструкторские задачи. И делает — *для себя* — открытия. Для подростков это очень важно: самостоятельно разобраться в природе физических явлений, понять принципы действия приборов и попытаться грамотно их воспроизвести. Не пройдя через это, трудно стать настоящим изобретателем.

"Педагогический эквалайзер"

В моей "галерее солнечных структур" оказались и ребята из московской 40-й школы-интерната. Они представили на конкурс два проекта, и оба были удостоены высшей оценки: "Бермудский треугольник" четырнадцатилетнего Яниса Крюкова — как самый оригинальный и "Модифицированный водолаз Декарта" двенадцатилетнего Максима Жовтневого — как лучший проект, имеющий практическое применение.

Призы Всемирного фестиваля юных интеллектуалов — две изящные "Ники" — скромно поблескивали на фоне конструкций из стеклянных банок и колб, отвоєванных у поварах из интернатской столо-

ни и спасенных из бесхозного кабинета физики. А история такова.

...Около двух лет назад в интернете, где физика фантически не преподавалась — учителя не было, физический кабинет пришел в запустение, а уроки от случая к случаю проводили, как умели, преподаватели других предметов — вдруг объявился человек, пожелавший изменить ситуацию. Нет, он не был профессиональным педагогом. В сегодняшней системе альтернативного среднего образования учителя с учеными степенями не такая уж и редкость, когда речь идет о престижных платных лицеях и гимназиях. Но кандидат технических наук Вадим Иосифович Гвоздев из пяти предложенных ему школ выбрал интернет, где, как известно, тот еще "детский контингент".

— Наверное, вам к дому поближе было? — предположила я мотивы решения. И услышала неожиданный, будто из не сегодняшней жизни ответ:

— Да просто кто-то должен ведь и детьми с трудными судьбами заниматься...

Друзья определили Вадима Иосифовича в идеалисты и от души посмеялись. Домашние приняли его идею, мягко говоря, без энтузиазма. А в кабинете физики 40-го интерната действительно началась новая жизнь. С нескучными уроками, на которых поощрялись любые "дурацинные" вопросы и хотелось ломать голову над ответами. С научными (ни больше ни меньше) конференциями, темы которых завораживали даже неисправимых "намчадалов" с последних парт: например, "Может ли Гулливер разговаривать с лилипутом?" или "Опасен ли лед в Москве в крещенские морозы?".

Помните солнечное "От взрослого — тайна"? Похожий принцип исповедует в педагогике и учитель физики Гвоздев:

— Детей можно заинтересовать, лишь "сделав стойку на ушах": только представив им известные и набившие оскомину из-за многократных учительских объяснений явления в самом неожиданном ракурсе. И чтобы слонные понятия физики, математики или химии стали им доступны, ты должен исхитриться и, не вульгаризируя науки, сделать эти понятия занимательными, интригующими. Есть такое устройство — энвалайзер. При музыкальной радиотрансляции через него пропускают звуки, чтобы сминшировать их огромный перепад — от пианиссимо до фортиссимо, сделать их приемлемыми для человеческого слуха. У учителя — похожая роль...

Кружок, который работает в физическом кабинете Вадима Исифовича, так и называется — "Физмат-энвалайзер". Нет, конечно, повального увлечения наукой в стенах школы-интерната не наблюдается. Но несколько ребят физикой и техническим творчеством занялись всерьез. Теперь уже трудно установить: кто именно предложил обогатить "водолаза Денарта" — изобретение выдающегося математика и философа XVII вена, демонстрирующее законы Паскаля и Архимеда, — новыми функциями; и кому пришлось в голову смоделировать одну из гипотез, объясняющих аномалию Бермудского треугольника. И сами идеи, и их последующее воплощение во многом — плод коллективного творчества. Но на финишной прямой, когда надо было честно вкалывать с утра до ночи, са-

мыми выносливыми и преданными цели оказались Янис и Мансим. Потому лавры победителей конкурса достались им по справедливости.

И все же главный лауреат — их учитель. Обожающий, по его личному признанию, "технически сообразительных ребятишек" ученый, изобретатель и идеалист Вадим Гвоздев.

Сегодня он озабочен тем, чтобы найти "патриотически настроенных спонсоров для поддержки школы-интерната". Чтобы наборы "Модифицированный водолаз Денарта", которые наглядно и занимательно демонстрируют действие физических законов, появились в каждой школе (в интернате готовы наладить их производство). Чтобы удалось издать совершенно, по его убеждению, необходимый на уроках физики сборник "100 задач "водолаза Денарта" — ученикам XXI вена". Чтобы, насколько это возможно, оградить двух талантливых мальчишек, Яниса Крюкова и его младшего брата Дениса, от выпавших им недетских жизненных трудностей, что привели их в интернат...

*Российские интеллигенты! —
Из прошлого благая весть
И те мечты, и те легенды...
Они сегодня тоже есть.
Те удержавшиеся листья
Среди неслыханной зимы,
Исполненные бескорыстья
И долга... Вряд ли это мы.*

Вряд ли это мы?.. Может, ошибается Константин Ваншенкин в печальном своем предположении относительно судеб российской интеллигенции конца нашего вена? Есть, и сегодня есть такие... "солнечные структуры". ■

A...

И ТИГРЫ У ЕГО НОГ

Когда-то, в самом начале своей цирковой карьеры, Мстислав Запашный был акробатом, воздушным гимнастом, наездником, дрессировщиком лошадей. Сегодня он — народный артист СССР, лауреат Государственной премии, директор Сочинского цирка — каждый вечер выходит на манеж, чтобы зрители увидели его тигров и слонов — аттракцион, равных которому нет в мире.

— Мстислав Михайлович, Запашные — одна из самых знаменитых цирковых династий в России, не так ли?

— Да, ей почти 120 лет. И дед, и бабушка, и наши родители, и пятеро детей — все отдали жизнь цирку.

Цирковую карьеру династия Запашных начала в 1882 году. Мой дед Нарл Томсон, выступавший под

псевдонимом Мильтон, был клоуном и эксцентриком. Мама крутила сальто и жонглировала. Отец был приглашен в цирк Иваном Поддубным для участия в чемпионате по французской борьбе.

У меня с сыном аттракцион "Слоны и тигры", жена работает с питонами и морскими львами. Этим летом мы работали в цирке на Цветном бульваре в Москве. В Новом цирке выступают мои племянники — дети Вальтера. В "Шапито" в Химках работает еще одна племянница. По другим циркам работают

еще двенадцать. Даже внуки уне выходят на манеж.

— *Запашный — это ваш псевдоним?*

— Нет, это настоящая фамилия. Псевдоним был у нашего деда, потом у мамы с отцом.

— *Сколько лет вам было, когда вы впервые вышли в манеж?*

— Пять. Мы не потомственные дрессировщики, как Дуровы, не потомственные иллюзионисты, как

Ню. Нам от мамы с папой ничего не осталось, кроме права войти в манеж. Но я знал, что настоящий артист цирка — это человек, который владеет всеми жанрами циркового искусства. Н этому и стремился. И начал с акробатики — это в цирке азбука.

Когда мне было одиннадцать лет, я работал перед Сталиным. Это было в 1949 году. В Большом театре шел концерт, куда включили наш с Вальтером номер. Так вот у меня осталась коробка изпод конфет, на которой написано: "Маленькому артисту — Иосиф Сталин".

— *Он вам лично вручил?*

— Конечно.

— *А в цирк Сталин приезжал?*

— Сталин никогда не был в цирке. Хрущев приезжал. Брежнев всегда ходил в цирк, очень его любил.

— *Когда вы смогли сказать: "Вот он — мой успех"?*

— Успех пришел через титанический труд, через тернии, мне никто не стелил красную дорожку. Зато я знаю, что у меня крепкий успех.

Мы никогда никого не копировали — это отличительная черта

семьи Запашных. И всегда были лучше других в тех жанрах, в которых работали. Любой наш недруг вам скажет, что мы с Вальтером и драчуны, и что с нами тяжело разговаривать, и что порой мы непредсказуемы. Но то, что мы слабые — вам никто не скажет. Даже самый наш злейший враг.

Я вот что еще хочу сказать. Создавать — это мелочь. Главное — пробить. Я пробивал спектакль "Спартак" 25 лет. Приходил к министру, а он мне говорил: "Зачем вам восстание рабов, когда у нас Леонид Ильич получил премию за мир". Через все это тоже нужно было пройти, и главное — устоять.

— А я думала, что фамилия Запашный открывала перед вами все двери...

— Знаете, зачем мой сын постоянно репетирует не только на манеже, но и во дворе цирка с восьмимесячным тигренком, хотя у него папа такой знаменитый? Потому что я с детства ему говорю: "Упустишь время — потом будет поздно".

С любым животным надо заниматься индивидуально. У нас десять тигров. Четыре морских льва, два слона и каждому из них мы уделяем по часу в день. Зачем, спросите вы? Затем, что у зверя, как и у человека, бывает детский, юношеский

и взрослый возраст. Когда тигр становится взрослым, он чувствует свою силу. Ему говоришь: "Иди на место", а он идет на тебя. Ему ведь не скажешь: "Вася, ну пойдешь, пожалуйста, на место". Начинаешь настаивать, а он все равно идет на тебя, ломает палку. Бросается на тебя. Это надо суметь перебороть.

— А если тигра ударить?

— Животных нельзя бить. Есть другие методы. Нужно работать так, чтобы тигр почувствовал, что его характер ни при чем, что он обязан делать то, что положено. Если бы человека так воспитывали, все бы было в порядке.

Когда я ухожу от тигра, он уже должен ждать меня, радоваться моему возвращению. Если плохо отработал, после выступления будет

отрабатывать до тех пор, пока не сделает так, как надо. Отработал хорошо — получай кормежку. А если ты будешь бить животное, оно перестанет тебе доверять. Никогда не даст тебе руку.

— Руку?

— Мы лапу называем руной.

— А морду — лицом? Создается впечатление, что вы своих питомцев очеловечиваете.

— Так и есть на самом деле. "Дай руку. Закрой рот, подними ногу". Они очень чувствуют мое настроение, различают интонацию. И я должен чувствовать их настроение.

У меня была тигрица, которая ходила на задних ногах, как человек. Это получилось совершенно случайно. Я давал ей мясо и она сделала шаг ко мне, не прыгнула. А именно сделала шаг, как человек. Так вот второго таного шага я два с половиной года добивался.

— Со слонами так же тяжело работать?

— Люди неправы, когда говорят: толстокожий, как слон. У слона нежная нога. Почти что папиросная бумага. Ее можно ногтем поцарапать.

Слоны очень способные животные. Слон лучше любой балерины ногу нинет. Иногда. Во время кормежки. Одна слониха другой так ногой по челюсти может врезать, что вторая стоит, качается, словно в нондауне.

— Ничего себе. А зачем?

— Ей кажется, что у другой еда внуснее.

— А правда, что слоны нагор любят?

— И коньяк любят, и водку, и пиво с удовольствием пьют.

— Мне ваши помощники рассказали случай, когда слону вместо

нагора налили что-то другое. И он, почувствовав это, набрал содержимое в хобот и окатил человека.

— Это было молоко. Слоны не то молоко налили.

— Интересно, а зачем слону водка?

— Мы даем водку с чаем, это согревает, улучшает работу желудка, тонизирует организм. Нагор слоны пьют в чистом виде.

— А если они немного "переберут"?

— Мы же не даем по двести литров. Однажды мы везли их в самолете из Мельбурна в Хабаровск. Тигры, слоны... Девяносто тонн веса. Летчики боялись взлетать. Представляете, если слониха на взлете решит переступить с ноги на ногу! А мы везли двух слоних по пять тонн каждая...

— И что вы сделали? Дали снотворное?

— Снотворное слоны очень плохо переносят, у них слабое сердце. Мы с сыном смешали десять литров водки, восемь вина, добавили пива...

— Достойный ерш, ничего не скажешь.

— Слоны все это с удовольствием выпили. Когда они чуть-чуть ослабли, мы их положили и я дал команду, что можно взлетать. Прошло часа четыре, слониха Рани встала. Облопотилась на стенку и издавала такой жалобный вздох, что я понял — ей не очень хорошо после выпитого. Дал ящик пива. Она опохмелилась. А перед посадкой мы все повторили заново.

— Вы, конечно, безумно любите свою работу и своих подопечных и можете о них говорить часами. Но вы-то сами какой в жизни, что любите, а что ненавидите, что делаете после работы?

— Ненавижу предательство, это самое страшное для меня. К сожалению, меня часто предавали. В том числе и друзья, с которыми дружил по тридцать лет. Ненавижу лонж, ненавижу, когда люди занимаются не своим делом, а делают вид, что все знают.

Люблю все новое, люблю работать, писать сценарии, ставить большие тематические спектакли. Люблю своих животных, свою семью.

Люблю рассольник, солянку, люблю есть утром нашу без молока, без сахара, без масла, люблю кукурузные хлопья.

— *А женщин любите?*

— Я обожаю женщин.

— *Интересно, и какие вам нравятся?*

— Посмотрите на мою жену и вы все поймете. Мы вместе девять лет.

— *Это много или мало?*

— Знаете, бывает и одного дня много. Поговоришь с человеком один день и сам себя спрашиваешь — зачем я с ним разговаривал? А бывает, и двадцати лет мало. С первой женой мы простили двадцать семь лет и разошлись.

— *Почему?*

— Трудно сказать. Она прекрасная женщина, мать моих детей, мы до сих пор дружим, большую часть жизни были вместе, а потом ей захотелось работать самой, начались трения. А где-то и я за этой работой не уделял ей должного внимания.

— *Вы ревнивый?*

— В молодости был очень ревнивый. Не признавал несправедливости. Если кто-то наврал обо мне, допустим, во Владивостоке, я мог слетать туда, набить морду и вернуться.

— *Представим, вы узнаете, что вам изменяет любимая женщина. Что вы делаете?*

— Мой младший брат убил жену, отсидел пятнадцать лет. Не выдержал измены. Если мне хотя бы покажется, что она изменяет, я не допущу этого, мы просто расстанемся. Насилие над человеком — в любой ситуации — должно нести за собой определенные последствия. Убил — значит сам застрелился.

Женщина — самое главное существо на планете. Ее нельзя не любить, не уважать... А вот те условия, в которые поставлена русская женщина испокон веков — это позор нации. Разве можно жить женщине так, как она живет? Будь моя воля, я бы обязательно сделал так, чтобы женщина работала только в первой половине дня, если она вообще хочет работать. Остальное время она должна уделять себе, делать все, чтобы близость с любимым человеком была ей в радость. Если ей все в радость, то и в семье радость.

— *Ваша супруга тоже из цирковой семьи?*

— Нет. Ира закончила училище при оперном театре в Нижнем Новгороде, потом как балерина прошла по конкурсу в цирк. Участвовала в одной из пантомим. Стала артисткой цирка. Вышла замуж. Вместе с мужем сделала акробатическую пару. Работала и канатоходцем, и жонглером. Потом в ее жизни появился я. Теперь дрессирует морских львов, питонов и удавов. ■

Беседу вела **Лада АКИМОВА.**

Фото **Михаила Пшенинова**

Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

ПОЩЕЧИНА

Сколько Маша себя помнила, столько считала абсолютной неудачницей, даже, можно сказать, неудачницей-профессионалкой. Стоило один-единственный раз не подготовиться к уроку, как ее тут же вызывали к доске, хотя бы уже и спрашивали накануне по тому же предмету. Новые колготки рвались почти мгновенно и в самый неподходящий момент, на юбке, только что принесенной из чистки, появлялось пятно, у блузок отлетали пуговицы, а у туфель — каблук. Даже самые дорогие товары имели обыкновенные заканчиваться прямо перед ее носом, а уж о чем-то изысканном можно было и не мечтать: либо цена оназывалась за пределами, либо образец — только для витрины. Если кто-то обращал на нее внимание и назначал свидание, можно было быть уверенной, что наутро она проснется с жестокой ангиной, тяжелым гриппом или жутким флюсом. И так далее. Но все это были только цветочки.

Для поступления в облюбованный институт иностранных языков не хватило всего лишь одного

балла, а роковую роль сыграло то, что фамилия Маши начиналась с буквы "я": практически всех недобравших столько же, сколько и она, приняли, но на букве "у" вакансии закончились. Так что пришлось поступать в педагогический. Там на группу в двенадцать девчонок приходилось два парня, причем из тех, о которых принято говорить "без слез не взглянешь". Но и они, и все остальные ребята в институте Машу, казалось, просто не замечали, хотя внешне она была ничуть не хуже остальных: среднего роста стройная шатенка с красивыми серыми глазами. И умом ее Бог не обидел, а вот не везло с поклонниками, и все тут. Будто кто сглазил или наслал на нее "венец безбрачия".

Наконец судьбе надоело над ней издеваться, и она милостиво подарила встречу с Максимом. Произошло это в электричке, которой Маша регулярно ездила из своего Подмоскovie в город, а Максим возвращался от своего армейского друга, у которого накануне засиделся за полночь. Ничего особенного Максим собой не представлял: шофер, без высше-

го образования, без изысканных манер, не слишком красноречивый. Но Маша решила, что ждать прекрасного принца глупо — а годы уходят, она уже заканчивает институт и до сих пор ею никто хотя бы даже слегка не заинтересо-

вался. Максим же увлекся настолько серьезно, что через месяц после знакомства и нескольких прогулок по Москве предложил расписаться. Маша согласилась не задумываясь, хотя ее институтские подруги морщили но-

сини и говорили о несомненном мезальянсе.

— Учительница и шоферюга! Такое только в кино показывать! О чем ты с ним говорить-то будешь? — ядовито интересовались они.

Маша отмалчивалась. Максим звезд с неба не хватал, но был человеком добрым и работающим. А кроме того, владел большой комнатой в коммунальной квартире. Далеко от центра, в старом доме, с многочисленными и не слишком дружелюбными соседями, но все-таки это было жилье в столице. Там Маша и прописалась после очень скромной свадьбы. А когда, получив диплом, была направлена в школу неподалеку от своего нового дома, то подумала, что полоса невезения в ее жизни, кажется, закончилась. И слава Богу! Хорошенького, как говорится, понемножку.

Когда Максим узнал, что Маша ждет ребенка, то стал работать еще больше, хотя и без того не был лентяем. Ему хотелось обеспечить своего сына всем необходимым, а в том, что родится сын, Максим не сомневался ни секунды. Так оно и произошло, только ребенка он не увидел: когда Маша была на восьмом месяце беременности, разбился в страшной авткатастрофе. По официальной версии — уснул за рулем, что скорей всего соответствовало действительности, ведь выспаться ему никогда не удавалось, из одного рейса он немедленно уходил в другой, одержимый желанием купить наследнику все самое лучшее.

Наследник — тоже Максим, Максимка — родился недоношен-

ным, слабеньким, да и саму Машу едва спасли: сказались нервное перенапряжение, шок и весь кошмар такого раннего и нелепого вдовства. Но ребенок, вопреки мрачным прогнозам врачей, выжил, потихоньку стал прибавлять в весе и... плакать, плакать, плакать. Весь первый год жизни сына запомнился Маше как бесконечное хождение взад-вперед по комнате с плачущим сынишкой на руках. На родителей надеяться не приходилось: мать не могла бросить свое натуральное хозяйство — единственное подспорье нищих пенсионеров, да и отца нельзя было оставлять надолго.

К концу первого года стало ясно, что денег, скопленных Максимом-старшим, уже нет — проели, потратили на лекарства, нехитрую одежку. На полагавшееся Маше пособие можно было разве что не умереть с голоду, если не платить за квартиру и свет, а самой ходить в лохмотьях. Надо было выходить на работу, но при мысли о том, что придется отдать ребенка в ясли, да еще платить за это издевательство немалые для Маши деньги, у нее внутри все переворачивалось. К тому же ясли означали непрерывные болезни Максимки, а значит, больничный лист с половиной и без того смешной зарплаты учительницы и бесконечные неприятности на работе: женщина с маленьким ребенком на руках в нашем обществе традиционно считается "человеком второго сорта".

Спасли положение Машины родители: забрали внука к себе, хотя им самим пенсии хватало в обрез. Но деньги — это уже дело третьей степени важности, работы Маша не боялась, а известие

о том, что о яслях можно забыть, восприняла как отмену смертной казни. Главное было — найти эту самую работу, точнее приработок.

Последующие два года наглядно показали, что современная российская жизнь не рассчитана на то, чтобы в ней преуспевали молодые, вечно печальные женщины со специальностью преподавателя русского языка и литературы. А любая мало-мальски денежная работа требовала того, чем Маша не владела в принципе: хорошего знания иностранного языка, умения работать с компьютером или хотя бы стенографировать и, главное, прекрасно выглядеть и стильно одеваться. Торговать в палатке или с рук? Она безумно боялась иметь дело с деньгами. Работать на телефоне? В коммунальной квартире это было невозможно. "Челночить"? Вообще нереально: хрупкую, болезненно-застенчивую и вежливую Машу растоптали бы в буквальном и переносном смысле слова...

В конце концов она нашла выход — не самый удачный, конечно, но хоть какой-то. Помимо преподавания брала перепечатку любых рукописей, какие только удавалось достать: конкуренция тут была ожесточенной, а в затылок дышал все тот же вездесущий компьютер. И еще мыла несколько подъездов в своем доме. Все вместе взятое позволяло предельно скромно существовать самой и раз в месяц отвозить родителям и сыну деньги и кое-какие подарки. Маша научилась ездить "зайцем" в электричке, хотя стоило ей это немалых нервов. Научилась покупать самые дешевые продукты на оптовых рынках. И сама не заметила, как преврати-

лась даже не в рабочую лошадь, а в самую настоящую заезженную клячу.

Она нигде не бывала, почти ни с кем не виделась, на работу ходила в одних и тех же юбке и блузке, давно потерявших даже намер на элегантность. Туфли и сапожки чинила сама, так что выглядели они соответственно. Но все сверх необходимого минимума предназначалось Максимке. Конечно, можно было попытаться сдать кому-то комнату, переехать к родителям и иметь стабильный доход. Но соседи слышать не хотели о том, чтобы вместо тихой и безропотной Маши в квартире появился неизвестный новый жилец или, не дай Бог, жильцы.

Единственным человеком, с которым Маша время от времени виделась, была ее институтская приятельница Лариска. Даже не приятельница — так, конкурсица. В свое время Лариска активно не понравилась Максиму и, будь он жив, ноги бы ее в их доме не было. Но когда Маша осталась одна, у Лариски кан-то вошло в привычку время от времени забегать к ней посплетничать, похвастаться новым платьем или поклонником, поделиться фантастическими планами на будущее. Ничего из этих планов, как правило, не осуществлялось: Лариска была глуповата, жадна и сама себе всегда все портила чрезмерной откровенностью и нахрапистостью. Но она не унывала и, в отличие от Маши, неудачницей себя не считала. "Еще не вечер, — философски замечала она после очередного фиаско, — будет и на нашей улице праздник!"

Только праздник что-то задерживался. В его ожидании Лари-

ска перепробовала все мыслимые и немыслимые занятия: ездила "челноком" в Китай и Турцию, была официанткой в "Макдональдсе" и барменшей в каком-то второразрядном кафе, торговала косметикой. Работать по специальности она не желала категорически, поскольку по сравнению с Машей чувствовала себя богатой и благополучной, а уж быть "училкой"... Ищите другую дуру!

И вот эта самая Ларисна позвонила Маше в один из вечеров, когда она тщетно прождала обещанную рукопись для перепечатки, а перед этим днем, в школе, битый час потратила на то, чтобы убедить — безуспешно! — разодетую и увешанную украшениями мамашу, что "тройка", полученная ее дочкой за сочинение — это еще много, и что девочка русского языка не знает и знать не желает. Слово "счастье", например, упорно пишет через "щ", все остальное — в том же духе. Но до мамыши доводы здравого смысла явно не доходили, а свой последний, самый убедительный "аргумент" она приберегла напоследок:

— Я сама, может, не сильно грамотная, но где рот, а где ложка и без вашей литературы разберу. Зато поглядите на меня и на себя. И перестаньте травить... трав-ми-ро-вать ребенка. В крайнем случае сами незаметно ошибочки-то поправьте. А мы в долгу не останемся.

Мамашу эту Маша, разумеется, не послушала, но мерзкий осадок в душе не проходил, равно как и не покидала мысль о том, что лучше было бы согласиться. Наплевать, что маленькая лентяйка останется неграмотной — ей мама с папой и так все нуют. А "благо-

дарности" Мансимке хватило бы на курточку, да еще бы и на пару килограмм бананов осталось. Полученная на этот раз вовремя зарплата положения не спасала, а приработок, на который была вся надежда, похоже, не состоится.

Лариска же даже не заметила подавленного состояния подруги и возбужденно тархтела в телефонную трубку:

— Я тебя очень прошу, выручи! Понимаешь, пригласили в гости, очень милые, интеллигентные люди, роскошный стол, ну и все такое. Одной мне идти неудобно. Выручи, ради Бога, заодно и развлечешься...

— Не могу, — вяло отозвалась Маша. — Устала, настроение скверное, с работой подвели...

— Ну вот, видишь, — оживилась Ларисна, — значит, вечер у тебя свободный. Перст судьбы. Отдохнешь опять же.

— Да мне и надеть-то нечего!

— Это поправимо! У нас же с тобой фигуры одинаковые. Так что сиди и жди — я скоро буду.

И, не дожидаясь ответа, повесила трубку. Маша отошла от телефона с некоторым раздражением: вечно эта Ларисна пытается бежать впереди паровоза. Ну, ничего, пронатится зря, может, поумнеет.

— Маша! — оклинула ее одна из соседок, женщина неопределенного возраста с вечно поднятыми тонкими губами, — деньги на коммунальные платежи все уже сдали. Вы, как всегда, особенная? Мало того, что я сама все подсчеты делаю...

"И всегда начисляешь мне плату за электричество на двоих, хотя Мансимка здесь не живет. И каким-то образом исхитришься

записать мне дежурство по местам общего пользования именно в те дни, когда у меня нет ни сил, ни лишнего времени. Сама себя назначила старшей по квартире и пьешь из всех кровей...”

Ничего этого вслух Маша, конечно, не сказала, а ответила тихо и вежливо:

— Я только сегодня получила зарплату. Сейчас отдам деньги. Извините.

— Вот-вот, “извините”, — неслось ей вслед. — Мужа в гроб своей алчностью загнала, теперь копейки считаешь...

Маша закрыла за собой дверь комнаты — репертуар соседки она знала наизусть. Взяла со стула свою выдавшую виды сумку — и ахнула. На бону сумки зиял огромный разрез. И даже не проверяя, Маша поняла: вытащили кошелек с получкой. Негодяй в автобусе воспользовался тем, что в толкучке она чуть ли не спала, стоя, и вытащил.

Оставалось только упасть ничком на диван и зарыдать. Что Маша и сделала. В таком состоянии ее застала примчавшаяся Лариска, но, узнав, в чем дело, особого сочувствия не выразила.

— Плохо, но не смертельно, — деловито отреагировала она. — Сколько у тебя там было? Ну разве это деньги? Половину я тебе сию секунду одолжу, больше просто с собой нет. Отдашь, когда сможешь, частями. Но выручи и ты меня: мне в гости обязательно надо приехать с подругой. Я обещала. И, как на грех, никого найти не могу. Кстати, там и заработать можно... если захочешь, конечно.

— Это как? — тупо спросила Маша.

— Очень просто. Как многие женщины зарабатывают, вместо того, чтобы подъезды мыть. Ты молоденькая, хорошенькая, культурная. Не будешь душой — за один вечер получишь столько, сколько за три месяца имеешь.

Первым желанием Маши было выставить Лариску за дверь. Вторым — подойти к окну и прыгнуть вниз. С девятого этажа — почти наверняка. Но потом ей вспомнился Максимка, то, как он ждет ее приезда, радуется подаркам и ланочкам, так сладко обнимает за шею и трется своей нежной щечкой о ее щеку... И, наконец, она подумала неожиданно для себя сухо и цинично: что ж, раз мне за мою честную и в общем-то нужную работу платят гроши, да и те сегодня украли, почему я должна оставаться добродетельной и голодной и рыдать в подушку? Почему я не могу купить своему ребенку игрушку, шоколадку, лишнюю пару ботинок? Почему?..

Эта последняя мысль перевесила все остальное.

Лариска привезла с собой все необходимое: нарядное платье, косметику, бижутерию. Она вертела Машу, как куклу, прилаживая броские клипсы, поправляя прическу, одергивая платье. Та словно застыла и подчинялась приятельнице чисто машинально — как на примерке у портнихи. Наконец процедура “превращения Золушки в принцессу”, как выразилась Лариска, была завершена. Из зеркала на Машу глянула щедро накрашенная, расфуфыренная и совершенно не знакомая ей молодая женщина. Ларискин вкус сназывался и в слишком ярком платье, и в совершенно немысли-

мой высоты "шпильках", и в вычурной прическе. Но Маше было не просто все равно, она испытывала прилив какой-то мстительной радости: раз вынуждена становиться шлюхой, так и буду выглядеть, как шлюха. И пошли вы все...

С этим самым выражением она прошла мимо онемевшей от изумления соседки, сунув ей, не глядя, деньги на коммунальные платенки. С этим же выражением вошла вслед за Лариской в квартиру старого и не слишком ухоженного дома в самом центре Москвы. По размерам квартира не уступала ее собственной коммуналке. Но была отделана и обставлена с некоторой даже претензией на роскошь — в Ларискином, правда, вкусе. При взгляде на чудовищные бордовые с золотом обои в прихожей Маша вспомнила когда-то читанного Мопассана и его описания публичных домов. Нестерпимо захотелось удрать, но Лариска подталкивала в глубь квартиры.

Кроме хозяина квартиры и, похоже, близкого Ларискиного приятеля, в гостиной оказался только один человек — мужчина средних лет и средней наружности с необычайно властным и одновременно усталым выражением лица. Судя по тому, как подхалимски-завискивающе разговаривал с ним хозяин, представившийся Стасином, и как перед ним лебезила Лариска, у Антона ("Просто Антон, без церемоний") были и деньги, и власть. И именно для него Лариска пригласила Машу. Особой радости Антон, правда, не выразил:

— А помолуже подружки у тебя не нашлось? — осведомился он у Лариски.

Та засуетилась:

— Ну, ты скажешь, Антон! Нам с ней только-только по двадцать два года исполнилось...

Три года она предусмотрительно убавила.

— Ладно, располагайтесь, — снизошел Антон. — Сначала выпьем, закусим, чем Бог послал, а уж там — неважно, был бы человек хороший. Верно, Стасик?

Стасик захихикал и стал разливать шампанское. Лариска тем временем накладывала себе закуску, попутно тихонечко толкая Машу ногой.

— Да не занимайся ты так, дуручка, никто тебя не укусит. Поешь пока, смотри, какие деликатесы... Шампанского выпей — вместо наркоза.

— Я шипучку не пью! — вдруг громко сказала Маша. — Уж если пить, так что-нибудь покрепче. Коньяк в этом доме есть?

— Найдется для хорошего человека, — заинтересованно глянул на нее Антон. — А ты, оказывается, девочка с перцем. Тем лучше.

Лариска, зная, что Маша вообще не пьет, вытаращила глаза и попыталась что-то сказать, но осеклась, встретившись с взглядом совершенно незнакомых, ледяных глаз приятельницы. Та залпом выпила большую рюмку темно-желтого напитка, услужливо поднесенную Стасином, и откинулась в глубоком кресле:

— Еще одну и сигарету, — приказала Маша, чувствуя, как липкий страх внутри превращается в какую-то странную смесь равнодушия и отчаяния. Пусть будет, что будет, но на трезвую голову ей этот кошмар ни за что не вынести.

— Прошу, — на сей раз рюмку и сигарету ей поднес сам Антон. — А ты не слишком резво начинаешь, малышка? Ночь длинная...

Маша только мотнула головой, пытаясь прикурить от его золотой зажигалки. Делала она это первый раз в жизни и понятия не имела, как за это приниматься. Но как-то справилась.

Через полчаса комната поплыла вокруг нее и она только чувствовала, как Антон придвигается к ней все ближе и ближе. Еще через мгновение она почувствовала его горячую и тяжелую руку на своем колене, вдруг представила себе все то, что вот-вот должно произойти, поняла, что ни за что на свете не осмелится потом поцеловать своего малыша, и резко вскочила на ноги. Хмеля в голове как не бывало. Маша побежала к выходу, но у самых дверей ее догнал Антон.

— Нуда ты? Считаешь, мало предложили? Я могу доплатить... если заслужишь.

И Маша, не помня себя, дала ему увесистую оплеуху. Ахнул Стасик, что-то заверещала Лариска, но Маша уже мчалась к выходу, по наноному-то наитию отпирала хитроумный замок на двери, уже была на улице. Как добиралась до дома, она впоследствии припомнить не могла. Но — добралась. И рухнула в постель замертво — то ли от коньяка, то ли от перенитого, то ли от того и другого вместе.

Разбудил ее стук в дверь. Маша глянула на будильник и ахнула: полдень! Опоздала на работу! Только этого ей не хватало...

— И вам гости, Машенька, — послышался из-за двери приторно-сладкий голос самой вредной из соседок. — А вы сегодня что-то не встаете и не встаете...

"Лариска пришла выяснять отношения", — обреченно подумала Маша, мгновенно вспомнив вчерашний вечер. — И дернуло же меня с ней связаться". Она накинута халат, открыла дверь и остолбенела. В коридоре с огромным бунетом роз стоял... Антон.

— Простите, пожалуйста, — тихо сказал он, — вчера все получилось безобразно. Вы правильно меня по физиономии... Не сумею отличить приличную женщину от... Хотя я не очень-то верил, что приличные еще есть. Тем более — среди приятельниц Лариски...

— Теперь верите? — с некоторым вызовом спросила Маша, позволяя нежданному гостю как следует разглядеть все убожество ее комнаты, да и самой хозяйки, если на то пошло. Чувствовала она себя омерзительно и выглядела, наверняка, соответствующе.

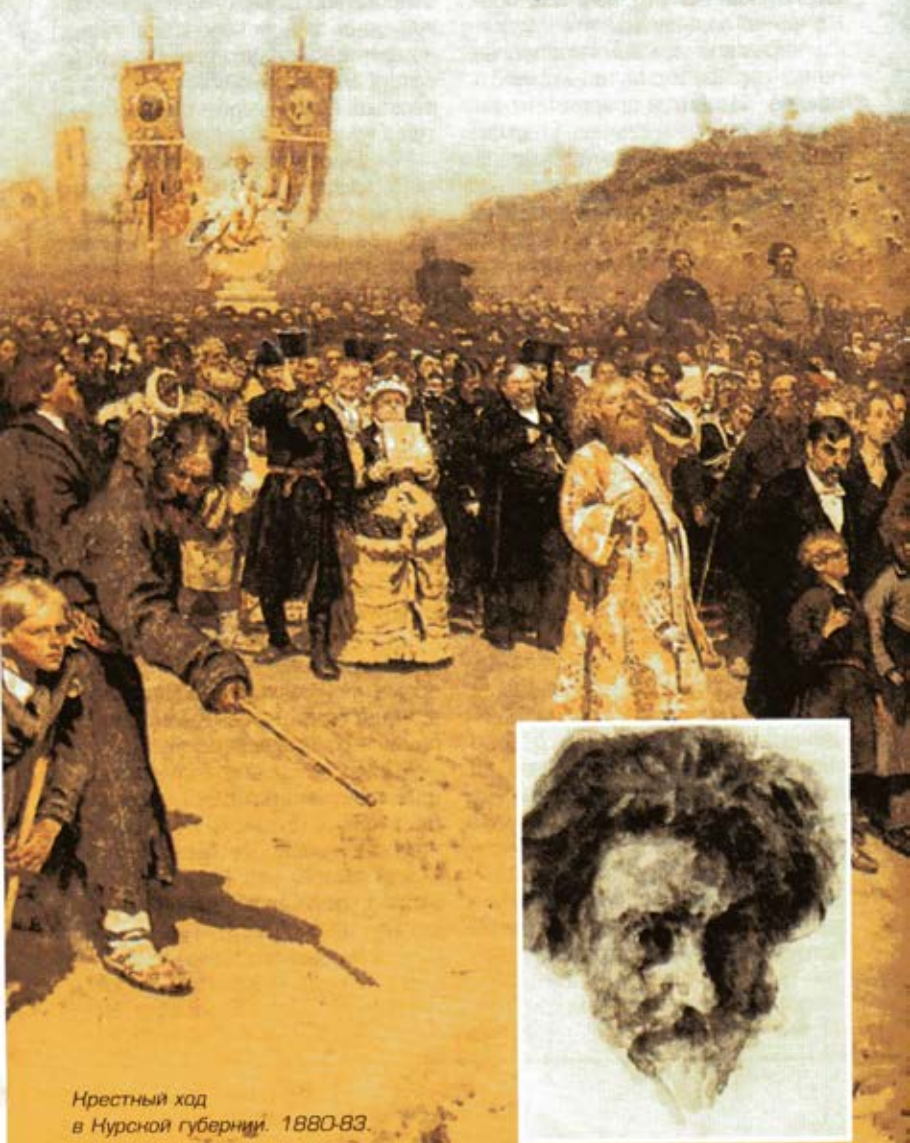
— Теперь верю, — серьезно ответил Антон. — Сейчас я не вовремя, понимаю. Но можно с вами еще встретиться? Мне Лариска все рассказала про вас...

Два месяца спустя Маша вышла замуж за Антона. Свадьба была очень пышной, Лариску тоже пригласили. Но Антон взял с Маши слово, что больше она с этой своей приятельницей общаться не будет.

Хорошенького понемножку. ■

Лиля БИРАМОВА

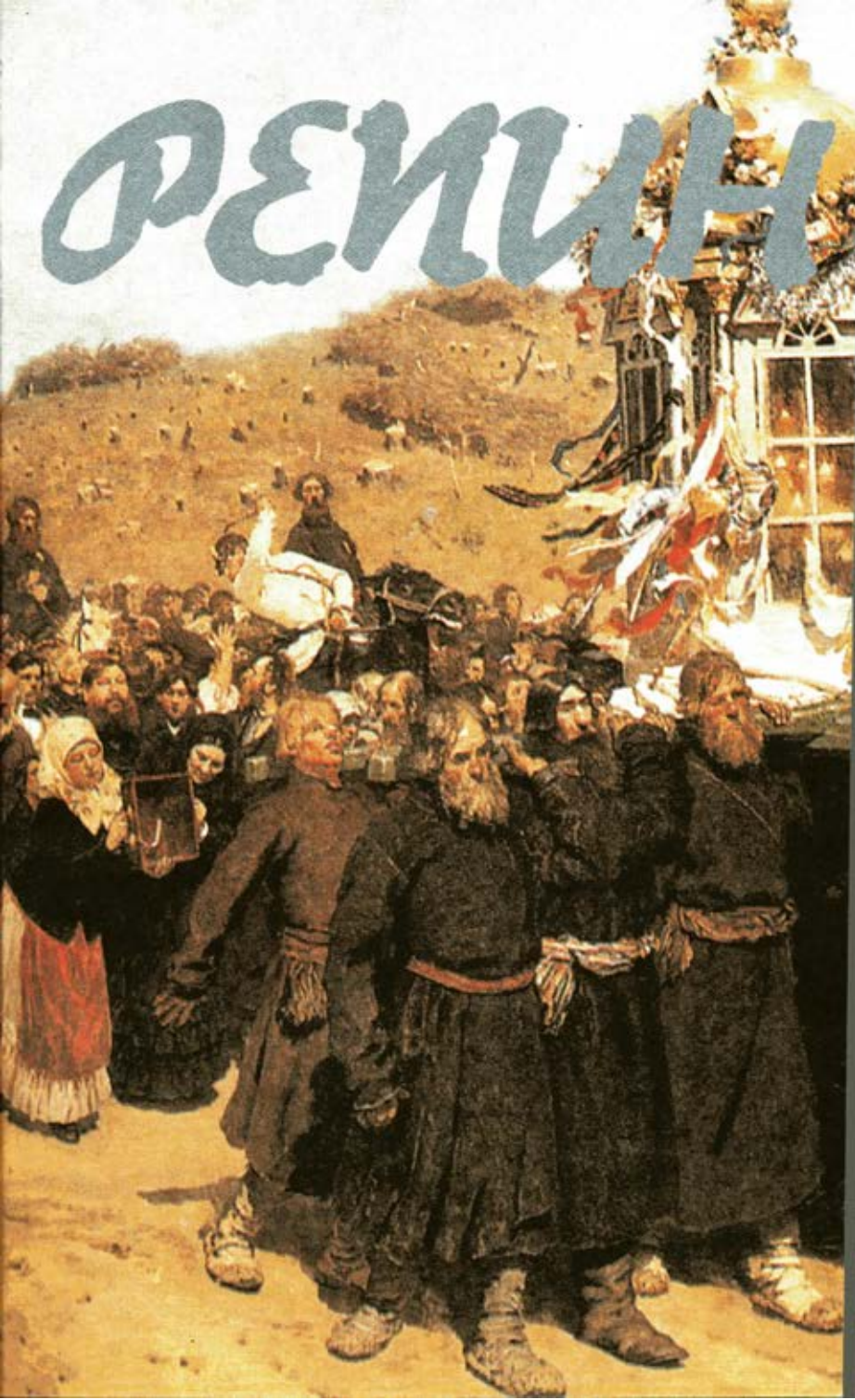
Илья

Хрестный ход
в Нижегородской губернии. 1880-83.

ДЕНІН

Уже стояли густые темные сумерки и падал бесшумно мягкий снег, когда 1 ноября 1863 года во двор петербургской гостиницы "Олень" въехали сани. Через мутное и запотевшее гостиничное окно было видно, как из саней вылез подвижный молодой человек в добротной шинели, ухватил тяжелый чемоданчик и скорой походкой направился в парадный подъезд. В гостинице молодой человек выбрал самый дешевый номер (рубли — в сутки), заказал с дороги самовар и после бесчетного количества стаканов забылся счастливым сном путешественника, который добрался, наконец, до своей заветной цели. Наутро, когда окна заливала еще ночная мгла, он, наскоро одевшись, выскочил на улицу и через пару минут стоял на берегу темной Невы и неподвижно глядел на молчаливо-торжественное здание императорской Академии художеств.

Это был девятнадцатилетний Илюша Репин, приехавший сюда из своего тысячеверстного далека. "Мною овладело тогда восторженное забытие, — рассказывал он, — и я долго стоял у сфинксов и смотрел в двери Академии, не выйдет ли оттуда художник — мое божество, мой идеал".

"Восторженное забытие", охватившее молодого Репина в то неприветливое петербургское утро, родившееся в нем предчувствие счастья и ощущение щедрости жизни, кажется, не покидало его больше никогда. Вообще, Репина принято считать — а это так и есть на самом деле — художником революционным, пропагандирующим в своем искусстве популярные в то время либерально-демократические идеи. Большинство его капитальных вещей: и знаменитые "Бурлаки", и "Крестный ход", "Не ждали", "Арест пропагандиста" или "Отказ от исповеди" — посвящены острой критике существующего строя, теме народного бесправия и угнетения и полны сочувствия к гордым и отчаянным смельчакам-революционерам. Существуют свидетельства мемуаристов, рассказывающие, какое вдохновляющее и агитирующее воздействие имели картины Репина на молодежь, как некоторые беспокойные головы прямо рядом с ними давали клятву верности своим революционным идеалам и принципам.

Все это безусловно так, но, вместе с тем, читая репинские книжки или воспоминания о нем, или разглядывая его семейные фотографии, неожиданно открываешь другого Репина. Не революционера, то есть человека вечно озлобленного, недовольного, постоянно кого-то свергающего, а Репина доброжелательного, ласкового, восторженного, потрясюще счастливого и веселого. Эта неизменная ровная веселость и счастливость Репина и составляет, быть может, его главную и основную черту. Ибо, кажется, ни один влюбленный в мире, ни один богатый наследник не был так полно, гармонично и, главное, долго-предолго счастлив, как наш всенародный любимец Репин. И хотя родился он не в Петербурге, а в заштат-

ном и пыльном городишке Чугуеве в десятках верст от Харькова, и отец его был всего лишь военный поселянин, — звание презренное в российской империи, — всю свою жизнь он ощущал себя как бы обладателем счастливого лотерейного билета, который неизвестно по какой причине достался ему.

Какую бы фотографию мы ни взяли наугад — со студентами, детьми, с профессорами Академии, с товарищами-художниками или гостями “Пенатов,” — всегда безошибочно узнаем Репина по его особой, изящной и несколько молодцеватой осанке, по артистически разбросанным кудрям и светлой, легкой улыбке. Ребячески доверчивая улыбка не покидала его никогда, даже на самых последних фотографиях, когда из стройного и галантного кавалера он превратился в немощного, вечно зябнущего старичка с несгибающимися пальцами и пледом на плечах, и тогда на его губах играла тихая, блаженная улыбка счастливца. На какой бы странице мы ни раскрыли репинские книги (а писал он много, всегда талантливо и вдохновенно), нас захлестнет неистовая энергия репинского счастья, его вечно захлебывающегося и торопящегося восторга. Бесчисленные восклицательные знаки, нескончаемые “дивные картины” и “минуты бесшабашного счастья”, и все в таком количестве, что просто не верится — неужели эта фантастически райская страна, одарившая его такими дивными и светлыми минутами счастья, всего лишь наша несчастная и многострадальная Россия, над которой смеялся сквозь слезы Гоголь, в которой тосковал и мучился Достоевский, да где и сам Репин писал свои небезызвестные “Не ждали” или “Арест пропагандиста” — вещи очень критические по отношению к существующему строю.

Репинская счастье представляется удивительным феноменом, чем-то неслыханным в истории российского художества. В самом деле, в бесконечной череде наших вечно страдающих и погибающих художников Репин выглядит каким-то странным незнакомцем, словно прилетевшим с другой планеты. Кипренский, Венецианов, повесившийся Сорока, сошедший с ума Федотов, спившийся Саврасов, трагический Иванов, угрюмый Серов, безумный Врубель, у каждого из них были свои претензии ко времени, к эпохе, свои разочарования и своя трагическая повесть. И только в Репине никогда не наблюдалось ни единой трещинки, надлома, недовольства или, не дай Бог, уныния или ненависти к кому-либо.

Вся репинская жизнь, и в особенности юность и молодость, представляется в его интерпретации какой-то нескончаемой цепью редких удач и неслыханных везений. Удачей стал приезд его, провинциального иконописца, в Петербург, счастьем — сознание того, что он находится в одном городе с императорской Академией художеств, что учится в рисовальной школе на бирже. А все остальное — бедность, убогое пи-

тание: ломти черного поджаренного хлеба с горячим чаем — оставалось где-то на периферии сознания, не мешая и не за-слоня главной светлой картины.

И при всем том, в нем присутствовала обаятельная скромность и критически трезвое и недоверчивое отношение к себе. Очень характерен в этом смысле эпизод, рассказанный им самим — о начальном периоде своей питерской жизни. На бирже он был сразу покорен тем уверенным совершенством рисунка, которым владели тамошние учителя. Пытался им подражать, но безуспешно: его рисунок выглядел как будто и грязнее, и хуже. Досадуя на свою неловкость и нераспорочность, он считал, что его работу оценят невысоко. И когда вывесили, наконец, список с оценками, он искал себя в самом конце. Не найдя же себя и тут, страшно расстроился. Он почти плакал, когда какой-то мальчишка одернул его и сказал: “Смотрите! Ведь ваша фамилия написана первой!” И изумительна реакция будущего лучшего художника России — он не поверил.

Неверие в собственную исключительность и гениальность, в то, что он действительно — первый, осталось в нем навсегда. Часто бранил слишком ретивых критиков за чрезмерную неумеренность их поспешной хвалы, любил называть себя “посредственным тружеником” и каторжным ежедневным трудом отработывал свое громкое имя. Удачи не делали его высокомерным, неудачи не озлобляли против других — и то, и другое он принимал в рабочем порядке, как необходимые поправки к собственному труду.

Вот еще один эпизод. В Академию Репин попал благодаря деньгам, внесенным его благодетелем генералом Прянишниковым. Сценка, в которой бедный начинающий живописец молит важного генерала заплатить за него в Академию 25 рублей, одна из лучших в его воспоминаниях “Далекое близкое”. В юном Репине, вынужденном простаивать в прихожей богатого барина, а потом униженно кланяться нужные ему деньги, нет не только ни капли уязвленного самолюбия или оскорбленной гордости, напротив, через десятки лет он со слезами нежности и восторженного умиления вспоминает бывшего благодетеля, который со своей дорогой “ароматической сигарой” и импозантным халатом казался ему тогда “каким-то высшим существом”. “Мне показалось, — вспоминает он, — что это существо не говорит на нашем языке. Рука его была так чиста и красива, что я невольно приложился к ней...” И далее: “...когда он опять, прощаясь, протянул мне руку, я бросился целовать полу его атласного халата, и у меня фонтаном брызнули слезы”. (Вспоминал ли Репин эту сцену потом, когда писал своих гордых пропагандистов и революционеров?) “Благодарностью ему я полон через все края. И я писал, как мог, горячо, чуть не со слезами умиления благо-

Садко в подводном царстве. 1876.

дарил его за счастье, которое он мне доставил: особенно лекции профессора мне казались всегда недостижимым для меня по своей возвышенности миром знания — науки; я просто писал ему, что с раннего утра и до позднего вечера я занят и благословляю его”.

Поступив же в Академию, Репин тем более пребывал “в величайшем восторге и в необыкновенном подъеме”. “Это был медовый год моего счастья”. Все обычное, рядовое и мелкое, то, что для всех учащихся давно превратилось в привычную рутину жизни, в скуку и будни: расписание занятий, аудитории, самый академический воздух, а главное, “научные лекции настоящих профессоров” — вызывали в нем приступы вдохновенного энтузиазма. Кажется, ни один поэт не описывал так свои поэтические восторги, как Репин свой первый учебный день в Академии: важную лекцию по начертательной геометрии, занятия скульптурой, всемирной историей и живописью. Благоговение перед наукой, едва ли не священный трепет перед каждым образованным человеком так и осели в нем крепкой привычкой уже навсегда. Даже будучи в преклонном возрасте, он ездил из “Пенатов” в Петербург, чтобы послушать лекцию ученого профессора о проблемах египетского искусства или, услышав однажды от студента-медика пространную лекцию о пользе ночного сна на свежем воздухе, он всю оставшуюся жизнь истязал домочадцев требованием спать в холодной комнате при любой температуре. Старшая его дочь Вера частенько наблюдала, как у отца к утру вся борода и усы покрывались инеем.

В Академии Репин делает быстрые успехи: уже через месяц после поступления он получает за рисунки первые номера. И неудивительно: в Петербург он приехал не робким, неумелым учеником, а крепким профессионалом, известным мастером, услугами которого охотно пользовалась вся чугуевская округа. Бывало, еще шестнадцатилетним подростком его приглашали за сто-двести верст от Чугуева ехать с артелями в соседние губернии расписывать церкви и писать образа. Мастерство юного Репина, его культурность, трезвость и интеллигентность высоко ценились местными подрядчиками и заказчиками, и его заметно выделяли из толпы грубо невежественных и вечно полупьяных артельщиков.

А с какой трепетной нежностью и любовью он вспоминает своих давних товарищей — чугуевских живописцев! Уже пройдя Академию, объездив всю Европу и повидав все знаменитые шедевры мира, сделавшись сам знаменитостью и приятелем многих замечательных живописцев, он шлет привет своим чугуевским учителям без тени снисходительного высокомерия и зазнайства. Кажется, что именно там, в провинциальном и Богом забытом захолустье и была его главная школа живописи.

Еще в рисовальной школе на бирже Репин познакомился с Крамским. Молодой и серьезный Крамской сразу выделил его среди толпы безликих и бесталанных учеников и пригласил к себе. В Академии их знакомство продолжилось. Влияние Крамского, как вождя и идеолога целого направления, и на Репина, и на все русское искусство было двояким: положительное и отрицательное. Положительное — мысль о создании русской национальной школы живописи. России, пробудившейся, наконец, от долгой спячки, нужны были свои темы, свои сюжеты и герои, и родной, российский, а не условный, греко-римский пейзаж. Заслуга передвижничества как раз и состояла в том, что оно сделало российское художество русским.

Беда же заключалась в том, что, освобождая российское художество от обременительной опеки Академии, передвижничество закрепощало его новой и не менее стеснительной идеологией. “Художник — есть критик общественных явлений”, “он должен быть выразителем важных сторон жизни общества”, Рафаэль велик вовсе не потому, что “писал лучше всех”, а потому, что у него были свои великие идеи, а без великих, вечных идей всякое искусство превращается просто в “художественный хлам, который забывается на другой день и проходит бесследно для общества”, — вот чему учил молодой, очень серьезный и авторитетный Крамской своего юного собрата-провинциала. И тот слушал, ловил каждое слово на лету и запоминал на всю жизнь — ибо в каждом слове этого передвижнического катехизиса ему чудилась великая правда, живая истина, которая только и делает искусство настоящим.

Между тем в Академии, несмотря на то, что чем больше он увлекается Крамским, тем меньше доверяет Академии, дела Репина идут по нарастающей. Несмотря на всю мертвую и нудную схоластику задаваемых в Академии тем: “Товия мазет глаза ослепшему отцу своему” или “Ангел смерти истребляет первенцев египетских”, он умеет внести в них толику своих живых наблюдений и вложить вполне реальное содержание. Правда, не обходится и без казусов: его ангел смерти оказывается слишком физически крепким и до неприличия реально душил юного первенца-египтянина, ну да ничего, академический Совет его лишь мягко одергивает, а в основном одобряет.

На большую золотую медаль Репин пишет знаменитую впоследствии картину “Воскрешение дочери Иаира”. Поначалу картина не задавалась. Расхолаживающее влияние Крамского сказалось и здесь: в нежелании браться за столь далекий от реальной жизни и казавшийся надуманным сюжет. Больше месяца Репин бился над ним, пытаясь трактовать его и так, и эдак. Наконец, когда воображение устало работать,

одно живое воспоминание расшевелило его. Он вспомнил, как умирала любимая сестренка Устенка, как притих и словно погас их родительский дом, как скорбно горела свеча у изголовья несчастной. Стали находиться и нужные жесты, и позы, и необходимый для сюжета таинственно-мрачный свет. На конкурсной выставке картина понравилась и блеском живописного мастерства, и свежестью решения сложной темы.

Им заинтересовались денежные тузы, и к Репину, еще недавно бегавшему в поисках дешевой халтуры, стали обращаться за выполнением крупных заказов. Первым поступил заказ от владельца московской гостиницы "Славянский базар", пожелавшего увидеть у себя в концертном зале большую картину-панно, изображающую музыкальных знаменитостей. Картина предполагалась большой: около 4 метров ширины, и довольно сложной по композиции. Требовалось изобразить известных славянских композиторов, всех с портретным сходством и при этом ведущих живую, непринужденную беседу. Репин добросовестно взялся за исполнение и, наверное, с блеском и быстро закончил бы картину, если бы не капризный заказчик, который замучил художника мелочными придирками. "Сколько крови перепортили вы мне вашими понуканиями, — раздраженно писал ему утомленный художник. — После последней вашей телеграммы я просто работать не могу. Работа из-под палки возможна ли художнику? Это так нетактично, чтобы не сказать — неделикатно с вашей стороны. Клячу подгоняют кнутом. А не рысака".

И тем не менее, все досадные неприятности, связанные с картиной, с лихвой компенсировались щедрым гонораром. Полторы тысячи рублей — сумма для начинающего художника сказочная, она сразу сделала его достаточно богатым и позволила жениться на В. Шевцовой.

Но не эта работа над скучным и малоудавшимся полотном и не женитьба делают для нас интересными эти годы, а "Бурлаки", популярнейшее из репинских созданий, над которым он работал как раз в то время. Однажды, еще в бытность Репина в Академии, какой-то беспечный и праздный приятель затащил его кататься на пароходе. День был погожий, погода стояла солнечная, и пароход весело бурлил по Неве. У Репина, привыкшего безвылазно сидеть в мастерской и не высовывающего нос дальше чахлого академического сада, рябило в глазах от пестроты и яркости красок. Неожиданно по светлому и радостному полю чудной картины поползло какое-то странное и неприятно-зловещее пятно. Пятно приближалось, росло и оказалось ватагой бурлаков, уныло бредущих по песчаному берегу.

Резкий контраст между праздничным сиянием дня и внезапным появлением грязных фигур произвел на Репина силь-

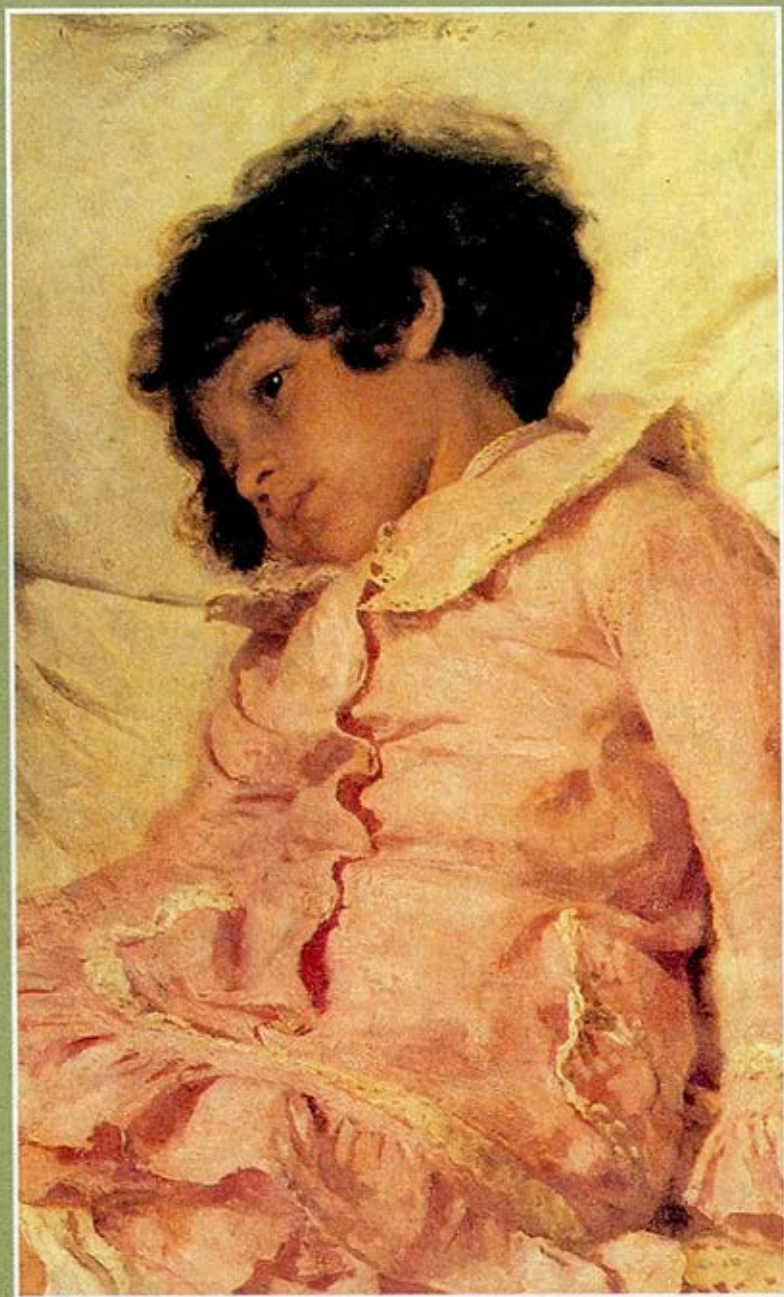

ное впечатление. Было что-то завораживающее и притягивающее в этом близком соседстве роскоши и нищеты, изящной праздности и постыдного рабства, светлой, нарядной красоты и звериного облика несчастных. Невозможно было вообразить “более живописной и более тенденциозной картины!” — восклицал впоследствии Репин. Он даже задумал вначале написать все как видел: барышень и бурлаков, мир богатства и его изнанку. Но Федор Васильев, человек более чуткий в художественном отношении, отговорил его, справедливо заметив, что “уж очень много рассудочного” будет. Решили оставить одних бурлаков, но зато отправиться за ними на Волгу, где уж “бурлаки так бурлаки” и где, что ни бурлак, то сам самородок.

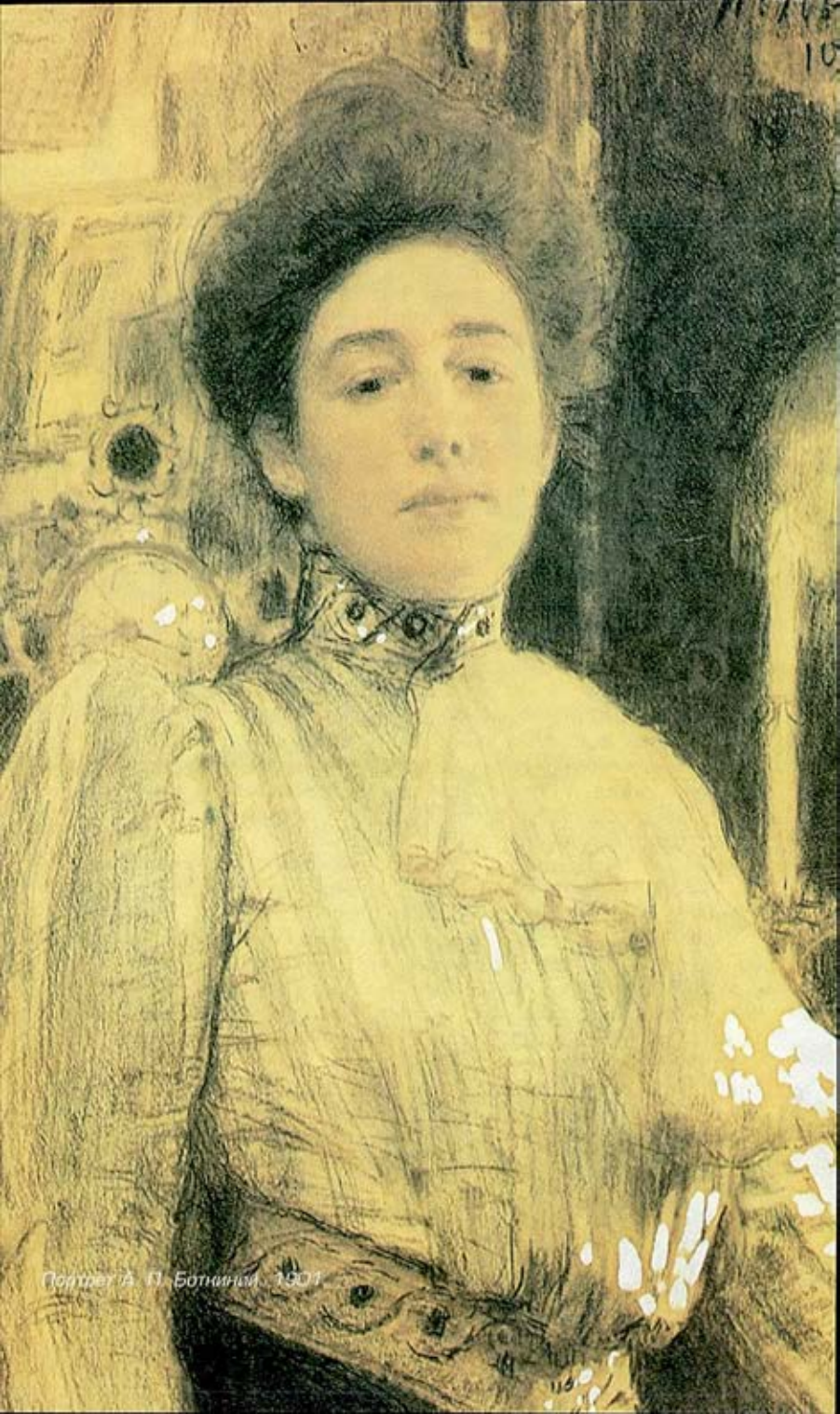
Волжская одиссея Репина, описанная им в его книге, принадлежит, быть может, к самым светлым, счастливым и беззаботным страницам во всей русской литературе. Молодость, веселье, восторг и упоение жизнью, бесконечное доверие к ней звенят здесь в каждом слове, в каждом восклицательном знаке. Даже глупые и нелепые стычки с начальством и местным населением тонут в общем потоке любви и приязни, желании добра и веры в него. Выражения: “мы были в безумном упоении от всего”, “празднество жизни”, “бешеное веселье” или “минута бесшабашного счастья” пестрят на каждом шагу и создают ощущение почти телячьего, детского восторга.

В конце лета Репин привез волжские этюды в Петербург. Специально, чтобы на них взглянуть, в Академию пожаловало высокое начальство: вице-президент Академии, великий князь Владимир Александрович. И снова неожиданное признание в устах будущего отрицателя монархии: “Какой сюрприз! — восхищенно писал Репин. — Великий князь Владимир Александрович моложе меня на два года, красавец, со звонким чарующим голосом. Я восхищался им в душе...” И вот она — удивительная ирония судьбы. “Бурлаки”, которые и для либеральной, и для советской России навсегда стали символом народного бесправия и угнетения, написаны по заказу великого князя. Революционные “Бурлаки” так и висели до самой революции в его дворце. “И надо правду сказать, — пишет Репин, — что великому князю картина эта искренне нравилась. Он любил объяснять отдельные характеры на картине: и расстригу попа Канина, и солдата Зотова, и нижегородского бойца, и нетерпеливого мальчишку...; всех их знал великий князь, и я слышал собственными ушами, с каким интересом он объяснял все до самых последних намеков даже в пейзаже и фоне картины”.

И “Бурлаки”, и в еще большей степени “Крестный ход в Курской губернии” принадлежат, быть может, к самым удавшимся из репинских созданий. Кажется, он так увлекся красотой Божьего мира, его великолепием, блеском красок и

Надя Репина, дочь художника. 1881.

Портрет А. П. Боткиной. 1901

счастьем своей принадлежности к нему, что вся идеологическая шелуха как-то сама собою отпала и отошла на второй план, уступив место естественному художническому счастью и восторгу. Однажды, в редкую минуту освобождения от дурмана идеологии и политики, он написал со свойственным ему юношеским пылом: "Невольно возникают в таких случаях прежние требования критики и публики от психологии художника: что он думал, чем руководствовался в выборе сюжета, какой опыт и символ заключает в себе его идея?"

Ничего! Весь мир забыт; ничего не нужно художнику, кроме этих живых форм; в них самих теперь для него весь смысл и весь интерес жизни. Счастливые минуты упоения!"

С жадностью человека, словно только что вышедшего из тюрьмы, он набрасывается на самые простые, самые банальные явления жизни и любит их ими. Для него самый ничтожный, самый мелкий и незначительный пустяк: какой-нибудь корявый лапоть на ноге мужика, цветастый кушак, бабий платок, жандармский китель, черные лица побирушек или сухой раскаленный зной есть драгоценность, потому что все это принадлежит жизни. И зритель мгновенно откликнулся на эту живую красоту. В "Крестном ходе", — вспоминал А. Бенуа, — нас, разумеется, не прельщало наивное сопоставление фанатичных богомольцев и грубых жандармов, но исключительно только красота превосходно переданного знойного дня и великолепно выраженное движение живописной толпы". В "Не ждали" наш глаз скользил по ходульной мелодраме, по довольно поверхностно созданным типам, но зато с наслаждением останавливался на превосходно написанном интерьере, на сильных красках, на бодрой простой живописи".

Ах, если бы он мог удержаться на высоте этой открывшейся ему любви и живописных восторгов... Но нет, словно какая-то непонятная сила тянула его в другую сторону. Когда читаешь о нем воспоминания современников, и прежде всего о его жизни в "Пенатах" вместе со второй супругой Н. Б. Нордман-Северовой, то неприятно удивляешься претенциозной безвкусице его куоккальского быта. Все эти знаменитые отвалы из сена, над которыми потешался весь Петербург; вертящийся круглый стол для гостей, позволяющий обходиться без прислуги или, по крайней мере, создающий видимость ее отсутствия; глупые надписи, развешанные по всему дому: "Все делайте сами", "Идите прямо" и т.д., жуткие "храмы Изиды", "Шехерезады", "Прометей". Да и сама Нордман-Северова с ее романом "Крест материнства" и с быстро меняющимися увлечениями. То она была суфражисткой, то яркой вегетарианкой, то проповедовала какой-то "Волшебный сундук", а то ходила в мороз в пальто, подбитом сосновыми стружками. Все это как-то портит и мельчит образ большого художника и делает его просто смешным. Положим, не сам

Репин являлся автором такой карикатурной жизни, а его чересчур экспансивная супруга, но ведь он сделал свой выбор (кстати, даже в выборе шибко прогрессивной женщины тоже видна тяга Репина ко всему модному и непременно передовому) и, по крайней мере, в первые годы не раскаивался в этом. Чуковский пишет, что “в 1907-1910-м она и Репин были неразлучны: художник проводил с ней все свое свободное время, писал и рисовал ее портреты. Восторженно говорил о ее дарованиях и вообще, как говорится, души в ней не чаял. Я не помню случая, когда бы он уезжал без нее куда-нибудь на концерт или в гости. Она сопровождала его и в Ясную Поляну — к Толстому, и в Москву — к Сурикову, Остроухову, Васнецову и другим его близким друзьям”.

Да кроме того, и в самом Репине, как это ни грустно звучит, было нечто такое, что допускало возможность этого странного брака и не менее странного быта. Рядом с такими гигантскими полотнами, как “Бурлаки” или “Крестный ход”, очаровательными вещицами вроде “Дерновой скамьи” или “Хирурга Павлова в операционном зале”, теми живописными безделицами, которые иногда вырывались у него как будто невзначай, когда кисть играет, увлекаясь красотой форм и красок, так вот рядом с этими действительно превосходными работами у него было немало просто провальных и безвкусных. Таких как огромная и нелепая картина “Какой простор!”, или знаменитая его неудача, поразившая даже друзей, “Иди за мной. Сатано”, или “Николай Мирликийский”, или серия картин, написанная им в период увлечения так называемым чистым искусством, и которые, видимо, так плохи, что даже нигде не публикуются.

Он постоянно хотел казаться, не будучи им, каким-то великим мыслителем, пророком, объясняющим и трактующим свое время, открывающим горизонты. Отсюда и неистребимая тяга к монументальной исторической живописи, от которой его всегда предостерегал его большой друг В. Стасов, вовремя заметивший полное отсутствие у Репина дара исторического воображения. Разбирая неудачу с “Царевной Софьей”, Стасов справедливо писал: “И причина тому не в недостатке даровитости, ума, исторического приготовления, соображений, но единственно в натуре Репина. Он не драматик, он не историк, и, по моему глубокому убеждению, пусть он напишет хоть 20 картин на исторические сюжеты, все они мало ему удадутся”. И далее, сравнивая Репина с драматургом А. Островским, Стасов продолжает: “Оба они таланты глубоко реальные, неразрывно связанные с одной лишь современностью и тем, что видели собственными глазами, что пронеслось перед их разгоревшимся чувством. У обоих вовсе нет того воображения, которое способно перенести автора в другие времена и в другие места. Способность постижения передачи

у обоих принадлежит нераздельно и исключительно теперешнему миру, теперешней жизни, теперешним людям, и вне этого их деятельность теряет силу, правду и прелесть”.

Кроме того, в Репине присутствовала и какая-то суетливая поспешность, постоянная восторженная увлекаемость новыми сюжетами и темами. Ему всюду хотелось поспеть, везде сказать свое слово, а отсюда и непродуманность и поверхностность многих его картин, и какая-то досадная случайность в

Воскрешение дочери Иаира. 1871.

выборе тем. Скажем, смехотворный и анекдотический сюжет для “Запорожских казаков”, годный разве для небольшого живописного этюда (первоначальный этюд для “Казачков” действительно и красив, и живописен), он раздул до громадных размеров и попытался сделать из него нечто эпически монументальное.

Однако, справедливости ради следует заметить, что ни один только Репин страдал вышеперечисленными недостат-

ками. Это была прямо-таки повальная болезнь среди художников того несчастного времени. Художники стеснялись быть просто живописцами, просто писать — на радость себе и зрителям. Суровое и совершенно бездарное в художественном отношении время требовало от них идеи, содержания, проповеди. И художники старались и пыжились, как могли, угодить и подыграть ему, чтобы не попасть под его безжалостные колы.

Правда, была у Репина одна область в живописи, где он мог укрыться от неусыпного ока либеральной критики. Это портреты. Именно здесь он создал целый ряд первоклассных шедевров, хотя и с некоторыми оговорками. Уже при жизни Репина находились критики, которые упрекали его в некоторой "мясистой" его портретов, в том, что телесность в них преобладает над внутренним и духовным. И действительно, тому, кто привык любоваться портретами Боровиковского, Левицкого или Кипренского, кто умеет ценить в портрете изящество и красоту, живописность и одухотворенность, то есть чистую поэзию, репинские портреты могут показаться слишком прямолинейными, грубоватыми и лишенными игры, поэзии и артистизма. Это — просто жизнь без всяких там живописных штучек и прибаамбасов, да их, кстати, Репин и не любил. Именно поэтому ему, как правило, не удавались женские портреты, которые без игры, без фантазии, без влюбленности в женщину и в ее особый мир, вообще вряд ли могут быть писаны. Увы, репинское время требовало, прежде всего, пользы и прямоты и смеялось над чистой поэзией, вспомним хотя бы, как смеялся Писарев над бесполезностью пушкинских стихов. Но даже и в рамках такой, достаточно узкой задачи Репин достиг впечатляющих результатов. Его уникальная способность мгновенно и фотографически точно схватывать малейшие черточки действительности, острая наблюдательность, способность почувствовать человека и выразить его конкретную, неповторимую индивидуальность, его суть, без всякого романтизма и поэзии, плюс энергичная, смелая, сочная живопись и здоровое, бодрое отношение к жизни делают Репина выдающимся портретистом. В этом смысле его несомненно самый лучший портрет — портрет М. Мусоргского.

Писать гения всегда тяжело. Можно написать его внешнюю, показную сторону, его славу, величие, его достоинство и гордость, что Репин и пытался делать в портретах Тургенева, Толстого, Римского-Корсакова и других, то есть пойти по самому традиционному и накатанному пути. Но гораздо труднее увидеть за внешней, беспроблемной стороной то сложное, внутреннее, часто темное и противоречивое, что и составляет суть гениальности, его тайную внутреннюю работу, а может быть, и ту страшную цену, которую гений всегда платит за свою способность быть пророком и гением. Каким-то шес-

тым чувством Репин вдруг почувствовал в своем приятеле Мусорьянине, сидящем перед ним в зеленом больничном халате, — то тяжелое, больное, страшное и непредсказуемое, что невозможно подогнать ни под какие плоские человеческие определения, но что только и составляет действительную жизнь Человека и Гения. В водянистых и блеклых глазах его несчастного Мусоргского открываются такие страшные бездны и такие мрачные пропасти, от которых действительно пробегает холодок по спине.

Революция застала Репина в “Пенатах”. У Корнея Чуковского, хорошо знавшего Репина в его последние годы и написавшего о нем восторженную книжку воспоминаний, есть один поразительный эпизод, который как нельзя лучше характеризует настроения нашей либеральной интеллигенции в предреволюционные годы. Чуковский рассказывает, что как-то заметил Репину о том, что в его портретах таится будто бы “зловещая сила: почти всякий, кого он напишет, в ближайшие же дни умирает. Написал Мусоргского — Мусоргский тотчас же умер. Написал Писемского — Писемский умер. А Пирогов? А Мерси д’Аржанто? И чуть только он захотел написать для Третьякова портрет Тютчева, случилось так, что Тютчев в том же месяце заболел и вскоре скончался.

Присутствовавший при этом разговоре писатель юморист О.Л. д’Ор (Оршер) сказал умоляющим голосом:

— В таком случае, Илья Ефимович, сделайте милость, напишите, пожалуйста, Столыпина!

Все захохотали. Столыпин был в то время премьер-министром, и мы дружно ненавидели его.

Прошло несколько месяцев, Репин сказал мне:

— А этот ваш Ор оказался пророком. Еду писать Столыпина по заказу Саратовской думы.

Писал он Столыпина в министерстве внутренних дел и, возвратившись после первого сеанса, рассказывал:

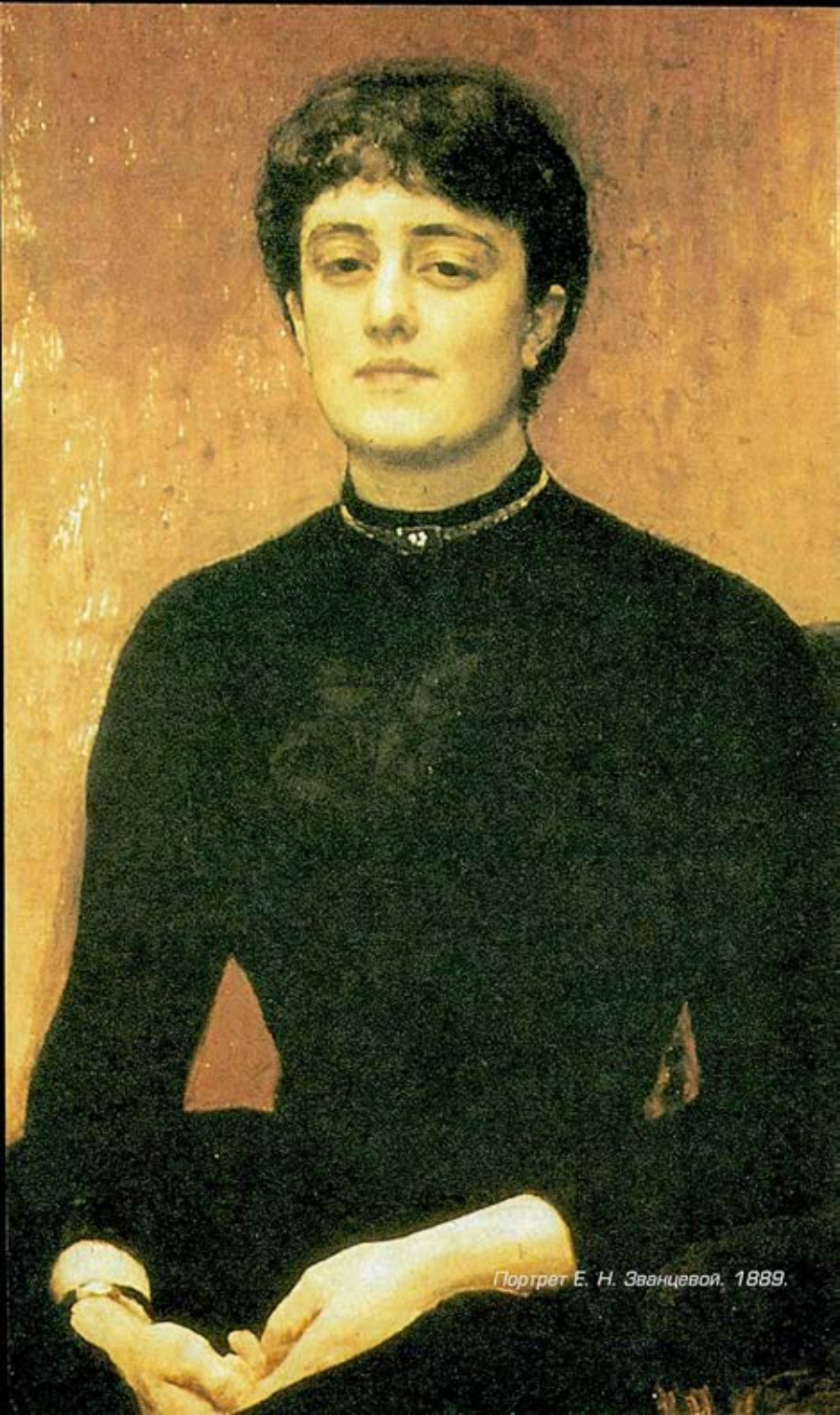
— Странно: портьеры у него в кабинете красные, как кровь, как пожар. Я пишу его на этом кроваво-огненном фоне. А он не понимает, что это — фон революции.

Едва только Репин закончил портрет, Столыпин уехал в Киев, где его сейчас же застрелили.

Сатириконовцы говорили, смеясь:

— Спасибо Илье Ефимовичу!”

Он повторил ошибки многих русских людей, поверивших в революционную демагогию, и разделил участь большинства из них. Революция отрезала его любимые “Пенаты” от России и его вместе с ними. Сам того не желая, он оказался в невольной эмиграции. Его чудачка-жена, удивлявшая в свое время весь Петербург своими смешными выходками, умерла от чихотки в швейцарской больнице для бедных. Прелестное дачное местечко Куоккала, которое когда-то было местом палом-

Портрет Е. Н. Званцевой. 1889.

Портрет Н. В. Пирогова. 1881.

ничества всей русской интеллигенции, приехавшей сюда посмотреть на великого Репина, — заглохло и захирело, превратившись в провинциальную дикую глушь. Не было больше знаменитых “сред”, собиравших изысканную петербургскую публику — знаменитых русских писателей и поэтов, художников и певцов, не было и милого домашнего общения. Остались только старость и одиночество.

“Теперь я здесь, уже давно, совсем одинок, — жаловался он в письмах к Чуковскому. — Припоминаю слова Достоевского о безнадежном положении человека, которому “пойти некуда”. Да, если бы вы жили здесь, каждую свободную минуту я летел бы к вам”.

Революция, которую он так долго и жадно ждал, пронеслась и над ним, разрушив его счастливую и безмятежную жизнь и лишив тех опор, на которых она держалась: родины, благодарной публики, всенародной славы и благосостояния. Разрушила и его иллюзии по поводу благотворной и очистительной роли всех революций. Напуганный рассказами о зверствах большевиков, он по-детски радовался, когда нечаянно узнавал о “воскрешении” своих друзей и близких, о том, что Кони или Поленов, например, оказывается, не расстреляны, а все еще живут и дышат. Он пытался приспособиться и к этой скудной жизни и предлагал свою дружбу финнам: написал большую работу под названием “Финские знаменитости” и обратился в гельсингфорский музей “Атенеум” с просьбой купить ее. Но там отказались взять ее даже даром, и он говорил Чуковскому: “Вот до какого позора я дожил: и даром не берут моих картин”.

Впрочем, и в одиночестве, и в забвении, и в дряхлости он по-прежнему не отходил от холста и вынашивал свои любимые замыслы. Улыбка не сходила с его старческих губ, а его письма, как и в былые годы, обрушивали на верных корреспондентов град восклицательных знаков, свидетельствующих о неугасающей способности его — удивляться и радоваться.

“Да, пора, пора подумать о могиле... — писал он в одном из последних писем Чуковскому. — Было бы весело избавить всех близких от всех расходов на похороны... Это тяжелая скука.

Пожалуйста, не подумайте, что я в дурном настроении по случаю наступающей смерти. Напротив, я весел и даже в последнем сем письме к Вам, милый друг. Я уж опишу все, в чем теперь мой интерес к остающейся жизни, чем полны мои заботы.

Прежде всего я не бросил искусства. Все мои последние мысли о Нем, и я признаюсь: работал, как мог, над своими картинами... Вот и теперь, уже, кажется, больше полугода я работаю над... картиной “Гопак”, посвященной памяти Моде-

Портрет М. П. Мусоргского. 1881.

ста Петровича Мусоргского... Такая досада: не удастся кончить... А потом еще и еще: все темы веселые, живые.

А в саду никаких реформ. Скоро могилу копать буду. Жаль, собственноручно не могу, не хватит моих ничтожных сил; да и не знаю, разрешат ли? А место хорошее... Под Чугуевской горой, Вы еще не забыли?"

Кажется, он так и ушел от нас — хлопотливый, вечно занятый, с доброй улыбкой на губах и с лукавыми веселыми глазами врубелевского Пана...

ПРИГОВОР

Союза Советских Социалистических Республик

выездная комиссия

Судебной Коллегии Верховного Суда Союза

в составе:

Председательствующего — Бригадвоенюрриста З. З. УЛЬРИХ

Членов: Бригадвоенюрриста Д. Я. КАНДЫБИНА и
Военного юрриста 1 ранга З. З. БУДАНОВА

При секретаре военном юрристе 2 ранга Н. З. БОДЯЖИ

В закрытом судебном заседании, в гор. Москве

1 февраля 1950 года, рассмотрела дело по обвинению

КОЛЬЦОВА МИХАИЛА ЕФИМОВИЧА, 1938 г. р.

редакционной коллегии газеты "Правда" — за пре-

дусмотренных ст.ст. 58-1-а, 58-10, 58-11 УК РСФСР

Борис СОПЕЛЬНЯК

Росчерк красного карандаша

Популярность этого человека была сравнима с популярностью челюскинцев или папанинцев, его репортажами зачитывалась вся страна, к его книгам писали предисловия Бухарин и Луначарский, он переписывался с Горьким, встречался со Сталиным — и вдруг арест... Что натворил этот любимец партии и правительства? Более полувека по этому поводу ходили всякого рода версии и домыслы. Недавно мне удалось найти ответ на этот вопрос — в следственном деле № 21620 по обвинению Михаила Ефимовича Кольцова. Три тома нелепейших признаний, убийственных характеристик и, от этого тоже никуда не уйти, три тома кошмарных показаний, которые сыграли роковую роль в судьбах многих и многих людей.

Открывается дело постановлением об аресте и привлечении к ответственности по статье 58-II УК РСФСР. Примечательно, что утвердил его лично Берия. Думаю, что его подпись родилась не случайно: чтобы арестовать такого человека, как Кольцов, нужна была виза не менее чем наркома внутренних дел. Очевидно, была и другая виза, только устная: не согласовав вопроса со Сталиным, даже Берия не мог поднять руку на человека, которого в Кремле "ценят, любят и которому доверяют" — именно так говорил о Кольцове человек из ближайшего окружения Сталина.

Самое странное, что именно в те дни, когда Михаила Ефимовича стали приглашать в Кремль и говорить, как его ценят, Кольцова начали обуревать дурные предчувствия. Вот что рассказывает об этом периоде жизни Кольцова его родной брат, известный художник-карикатурист Борис Ефимов.

— Когда брат на короткое время приехал в Москву весной 1937 года, на Белорусском вокзале его встречала "вся Москва" — писательская и газетная. Отблеск захватывающей борьбы в Испании ложился на боевого правдиста, создавал вокруг него ореол популярности и уважения. В эти дни брат чрезвычайно занят на всякого рода собраниях и совещаниях, ему приходится рассказывать о своих испанских впечатлениях самым различным аудиториям слушателей.

Несомненно, самой серьезной из этих аудиторий была немногочисленная, состоящая всего из пяти человек. Это Сталин и четверо самых приближенных к нему лиц. Вопросы к Кольцову и его подробные ответы заняли больше трех часов. Наконец, беседа подошла к концу. И тут, рассказывал мне Миша, Сталин начал чудить. Он встал из-за стола, прижал руку к сердцу и поклонился. "Как вас надо величать по-испански? Мигуэль, что ли?" "Мигель, товарищ Сталин", — ответил я. "Ну так вот, дон Мигель. Мы, благородные испанцы, сердечно благодарим вас за ваш интересный доклад. Всего хорошего, дон Мигель! До свидания!" "Служу Советскому Союзу, товарищ Сталин!" Я направился к двери, но тут он снова меня окликнул и как-то странно спросил: "У вас есть револьвер, товарищ Кольцов?" "Есть, товарищ Сталин", — удивленно ответил я. "Но вы не собираетесь из него застрелиться?" "Конечно, нет, — еще более удивляясь, ответил я. — И в мыслях не имею". "Ну вот и отлично, — сказал он. — Отлично! Еще раз спасибо, товарищ Кольцов. До свидания, дон Мигель".

На другой день один из вчерашней "четверки" сказал Кольцову:

— Имейте в виду, Михаил Ефимович, вас ценят, вас любят, вам доверяют!

А со мной Миша поделился неожиданным наблюдением.

— Знаешь, что я совершенно отчетливо прочел в глазах хозяина, когда он провожал меня взглядом?

— Что?

— Я прочел в них: "Слишком прыток".

— Вскоре Кольцов уехал в Испанию, — продолжает свой рассказ Борис Ефимович. — По возвращении оттуда внешне как будто ничего не изменилось — он оставался одним из редакторов “Правды”, председателем иностранной комиссии Союза писателей, редактором “Огонька”, “Крокодила”, “За рубежом”. Больше того, летом 1938-го он был избран депутатом Верховного Совета и несколько позже членом-корреспондентом Академии наук СССР. Орденом Красного Знамени была отмечена отвага, проявленная Кольцовым в Испании. И все же...

— Не могу понять, что произошло, — говорил брат, — но чувствую, что-то переменялось. Откуда-то дует этакий зловеющий ветерок.

Кольцов искренне, глубоко, фанатически верил в мудрость Сталина. Все в Сталине нравилось ему. И вместе с тем...

— Думаю, думаю, — повторял он бывало, — и ничего не могу понять. Что происходит? Каким образом у нас вдруг оказалось столько врагов? Ведь это же люди, которых мы знали годами, с которыми жили рядом! Командармы, герои гражданской войны, старые партийцы! И почему-то, едва попав за решетку, они мгновенно признаются в том, что они враги народа, шпионы, агенты иностранных разведок. В чем дело? Я чувствую, что сойду с ума... А недавно Мехлис показал мне резолюцию Сталина на деле недавно арестованного редактора “Известий” Таля: несколько слов, адресованных Ежову и Мехлису предписывали арестовать всех упомянутых в показаниях лиц. Понимаешь? Люди еще на свободе, строят какие-то планы на будущее и не подозревают, что уже осуждены, что по сути дела уничтожены одним росчерком красного карандаша.

А потом был звонок, зловеющий звонок. В Москву приехали командующий ВВС Испании генерал Сиснерос и его жена Констанция. Кольцов дружил с ними в Испании, и в Москве принимал их он. Но на прием к Сталину чету Сиснеросов пригласили без Кольцова, — закончил свой рассказ Борис Ефимов.

Детали, о которых поведал брат Кольцова, не так уж второстепенны — в то время именно по таким деталям судили не только о благосклонности “хозяина”, но и о шансах на жизнь. Да и дурные предчувствия самого Михаила Ефимовича были далеко не беспричинны: дело в том, что агентурная разработка Кольцова началась еще в 1937 году. Кольцов мотается по фронтам, пишет свой знаменитый “Испанский дневник”, а на него уже собирают компромат. Кольцов возвращается из Испании, снова туда уезжает, а разработка продолжается. Иначе говоря, он уже был одним из тех, кто еще на свободе, но уже осужден к уничтожению одним росчерком красного карандаша.

И лишь теперь, шестьдесят лет спустя, удалось установить, кто, если можно так выразиться, дал старт антикольцовской кампании: этим человеком был генеральный секретарь интербригад Андре Марти. Трудно сказать, чем ему не понравился

Кольцов, но одно ясно — в этом человеке Михаил Ефимович нашёл себе смертельного врага. Марти не мог уничтожить Кольцова своими руками, поэтому решил это сделать с помощью всем известного покровителя московского журналиста — Иосифа Сталина. Донос, который Марти отправил по своим каналам, совсем недавно был обнаружен в личном архиве Сталина. Вот его подлинный текст.

“Мне приходилось и раньше, товарищ Сталин, обращать Ваше внимание на те сферы деятельности Кольцова, которые вовсе не являются прерогативой корреспондента, но самочинно узурпированы им. Его вмешательство в военные дела, использование своего положения как представителя Москвы, сами по себе достойны осуждения. Но в данный момент я хотел бы обратить Ваше внимание на более серьезные обстоятельства, которые, надеюсь, и Вы, товарищ Сталин, расцените как граничащие с преступлением. 1. Кольцов вместе со своим неизменным спутником Мальро вошел в контакт с местной троцкистской организацией ПОУМ. Если учесть давние симпатии Кольцова к Троцкому, эти контакты не носят случайный характер. 2. Так называемая “гражданская жена” Кольцова Мария Остен (Грессгенер) является, у меня лично в этом нет никаких сомнений, засекреченным агентом германской разведки. Убежден, что многие провалы в военном противоборстве — следствие ее шпионской деятельности.”

А теперь вспомните знаменитую встречу в Кремле после возвращения Кольцова из Испании, когда вождь назвал его доном Мигелем и интересовался, не собирается ли он застрелиться. Сталин шутил, чудил, а донос уже лежал в сейфе, и НКВД начал собирать компромат на Кольцова: подбирались его старые репортажи 1918-1919 годов, в которых он высказывался отнюдь не просоветски, выбивались показания из ранее арестованных людей, которые характеризовали Кольцова как ярого антисоветчика... На основании этих данных и родилось то самое постановление об аресте, которое завизировал лично Берия. Вот он, этот уникальный документ — до сих пор о нем никто не знал и, как говорится, в глаза не видел.

“Я, начальник 5 отделения 2 отдела ГУГБ старший лейтенант госбезопасности Райхман, рассмотрев материалы по делу Кольцова (Фридляндера) Михаила Ефимовича, журналиста, члена ВКП(б) с сентября 1918 года, депутата Верховного Совета РСФСР, НАШЕЛ:

Кольцов родился в 1896 году в городе Белостоке в семье коммерсанта по экспорту кожи за границу. С начала 1917 года Кольцов сотрудничал в петроградских журналах. В летних номерах петроградского “Журнала для всех” (1917 г.) помещен ряд статей с нападками на большевиков и на Ленина.

В 1918—1919 гг. Кольцов сотрудничал в газете ярко выраженного контрреволюционного направления “Киевское эхо”.

В 1921 году, будучи направленным НКВД в Ригу для работы в газете "Новый путь", Кольцов получал письма от кадетского журналиста Полякова-Литовцева, встречался в Риге с белоэмигрантскими журналистами, в частности с Петром Пильским. Тогдашняя жена Кольцова актриса Вера Юренева, приехавшая вместе с Кольцовым в Ригу, поддерживала тесное общение с белоэмигрантами.

Со своей нынешней женой Елизаветой Пылиновой Кольцов познакомился в Лондоне — она жила там с семьей, которая уехала в Англию в начале революции. Позже семья Ел. Пылиновой (Кольцовой) переехала в Москву и живет в квартире Кольцова.

Другая жена Кольцова — Мария фон Остен — дочь крупного немецкого помещика, троцкиста. Кольцов сошелся с ней в 1932 году в Берлине. По приезду в Москву Остен сожительствовала с ныне арестованными как шпионы кинорежиссерами, артистами, немецкими писателями. Уехав вместе с Кольцовым в Испанию, Мария Остен бежала оттуда во Францию с немцем по фамилии Буш.

По имеющимся данным Кольцов усиленно покровительствовал враждебным соввласти эмигрантам. Так, например, Кольцов поддерживал близкую связь с приехавшей в 1934 году из Берлина актрисой Кароллой Нейер, позже расстрелянной как шпионка.

Родной брат Кольцова — Фридляндер (историк) расстрелян органами НКВД как активный враг. Второй брат Кольцова — Борис Ефимов, троцкист, настроен резко антисоветски, обменивается своими враждебными взглядами с Кольцовым.

Материалами, поступившими в ГУГБ в последнее время, установлено, что Кольцов враждебно настроен к руководству ВКП(б) и соввласти и является двурушником в рядах ВКП(б). Зарегистрирован ряд резких антисоветских высказываний с его стороны в связи с разгромом активного право-троцкистского подполья в стране.

На основании изложенных данных считаю доказанной вину Кольцова Михаила Ефимовича в преступлениях, предусмотренных статьей 58-II УК РСФСР, а потому полагал бы Кольцова Михаила Ефимовича арестовать и привлечь к ответственности по ст. 58-II УК РСФСР".

Таков вот документ — странный, нелепый, со множеством фактических ошибок. Скажем, настоящая фамилия Кольцова была не Фридляндер, а Фридлянд. И никакого брата-историка у него не было. Правда, незадолго до этого действительно был расстрелян профессор МГУ Фридляндер, но никакого отношения к Михаилу Ефимовичу он не имел. Но ни Райхмана, ни Берия это не интересовало — подумаешь, какой-то расстрелянный профессор, главное, выполнить указание вождя.

Так Михаил Ефимович оказался во внутренней тюрьме Лубянки.

Тюремные очерки Кольцова

Первый допрос состоялся 6 января 1939 года. Вел его следователь следственной части НКВД сержант Кузьминов.

— 5 января вам предъявлено обвинение, что вы являетесь одним из участников антисоветской право-троцкистской организации и что на протяжении ряда лет вели предательскую шпионскую работу. Признаете себя в этом виновным?

— Нет, виновным себя в этом не признаю.

— Предлагаем вам прекратить заpiresательство и рассказать о своей предательской антисоветской деятельности.

— Заpiresательством я не занимаюсь и еще раз заявляю, что никакой предательской антисоветской деятельностью не занимался.

— Следствие вам не верит. Вы скрываете свою антисоветскую деятельность. Об этом мы будем вас допрашивать. Приготовьтесь!

Пока что Кольцов держится твердо, обвинения решительно отвергает и на компромисс со следователем не идет. Судя по всему, он не придавал особого значения ни восклицательному знаку в конце фразы, ни зловеще-двусмысленному совету к чему-то там приготовиться. А зря! Допрос, состоявшийся 21 февраля, показал, что с Кольцовым основательно поработали, и он дрогнул.

— Повторяю, что враждебной деятельностью против советской власти я не занимался, — уверенно начал он, и вдруг, после паузы, добавил, — не считая статей 1919 года.

— Какие статьи вы имеете в виду? — тут же вцепился следователь.

— Я имею в виду несколько статей в буржуазных газетах, таких, как “Киевское эхо”, “Вечер”, “Наш путь”, “Вечерняя почта” и “Русская воля”, написанных в 1917-1919 годах.

— А когда вы вступили в партию? — как бы ненароком поинтересовался следователь.

— В сентябре 1918 года. Рекомендующими были Луначарский и Левченко, — гордо заявил Кольцов.

— Очень интересно! — торжествующе усмехнулся следователь. — Значит, уже будучи коммунистом, вы принимали участие в антисоветских газетах и печатали там свои статьи?

Это была первая победа сержанта Кузьминова. Михаил Ефимович понял, что попался, ему ничего не оставалось, как подписать протокол с довольно неприятной для себя формулировкой.

— Да, я это подтверждаю и не отрицаю в этом своей вины, — вынужден был признать он.

Потом была более чем месячная пауза. На допросы Михаила Ефимовича не вызывали, ни читать, ни писать не давали, общаться было не с кем — и он затосковал. Деятельная натура журналиста искала выхода — и хитроумный следователь этот выход нашел: он дал Кольцову бумагу, чернила, ручку и предложил написать очерк о самом себе. Что еще нужно находящемуся в простое журналисту? И хотя Михаил Ефимович на свободе предпочитал не писать, а диктовать, он увлеченно засел за работу.

Кольцов писал быстро, что-то вымарывал, зачеркивал, правил, делал вставки — короче говоря, он работал над очерком, а не над личными показаниями. Эта рукопись сохранилась, и даже по ней можно судить, каким прекрасным журналистом был Михаил Кольцов.

“Мелко-буржуазное происхождение и воспитание (я являюсь сыном зажиточного кустаря-обувщика, использовавшего наемный труд) создали те элементы мелко-буржуазной психологии, с которыми я пришел на советскую работу, впоследствии в большевистскую печать. Характерным для моей личной психологии того времени было мнение, что можно одновременно работать в советских органах и нападать на эти же органы на столбцах буржуазных газет, еще существовавших в этот период.”

Михаил Ефимович прекрасно понимал, что раскаявшихся грешников любят не только на небесах, но и на Лубянке, поэтому продолжал посыпать голову пеплом.

“В 1923 году я начал редактировать иллюстрированный журнал “Огонек”. Это время было первым периодом НЭП и, практически извращая линию партии в области издательского дела, я ориентировал содержание журнала, главным образом, на рыночный спрос, забываясь не об идеологическом содержании журнала, а об угождении читателю-покупателю, об его обслуживании всякого рода “сенсациями”. В журнал помещался низкого качества литературный материал, а также очерки рекламного характера. В 1923 и в 1924 годах были помещены хвалебного характера очерки и снимки Троцкого, Радека, Рыкова, Раковского “за работой”. Хотя эти враги народа в этот период еще не были полностью разоблачены и занимали видные посты, помещение подобных рекламных материалов лило воду на их мельницу...”

По мере того, как журнал “Огонек” разросся в издательство, вокруг него постепенно сформировалась группа редакционных и литературных работников, частью аполитичных, частью чуждых советской власти, являвшаяся в своей совокупности группой антисоветской.”

Видимо, спохватившись, Михаил Ефимович понял, какие серьезные написал слова: антисоветская группа — это не шуточки. Он пытается что-то зачеркнуть, поправить, но уже поздно — следовательно непременно заинтересуется теми, кто входил в эту группу. Не думаю, что Кольцов не понимал, как может измениться судьба этих людей, если он назовет их имена, но обратного хода не было. И он пишет с резким, безнадежно-отчаянным нажимом.

“В эту группу входили: Абольников, Чернявский, Левин, Прокофьева, Зозуля, Биневиц, Гуревич, Рябинин, Кармен и Петров. Подавляющее большинство участников названной группы привлекалось к работе лично мною, либо с моего согласия и ведома.”

Но вскоре Кольцов почувствовал, что буквально задыхается без общения со следователем и попросился на допрос.

— Я намерен сообщить об отдельных лицах, принадлежность которых к какой-либо антисоветской организации мне не известна, но, вместе с тем, мне известны отдельные факты их антисоветского проявления.

— Предупреждаю вас, — насторожился следователь, — вы должны говорить правду и излагать факты, которые вам достоверно известны.

— Оговаривать я никого не намерен и говорить буду только правду. Начну с Лили Юрьевны Брик, которая с 1918 года являлась фактической женой Маяковского и руководительницей литературной группы “Леф”. Состоящий при ней формальный муж Осип Брик — лицо политически сомнительное, в прошлом, кажется, буржуазный адвокат, ныне занимается мелкими литературными работами. Брики влияли на Маяковского и других литераторов в сторону обособления от остальной литературной среды и усиления элемента формализма в их творчестве. После смерти Маяковского группа лефовцев, уже ранее расколовшаяся, окончательно распалась. Супруги Брики приложили большие усилия, чтобы закрепить за собой редакторство сочинений Маяковского и удерживали его в течение восьми лет. А вообще-то, Брики в течение двадцати лет были самыми настоящими паразитами, базируя на Маяковском свое материальное и социальное положение.

Далее — Эльза Триоле, сестра Лили Брик. Она — человек аполитичный, занятый своей лично-семейной жизнью. Последние десять лет замужем за французским поэтом Арагоном.

Илья Самойлович Зильберштейн — литератор, историк, пушкинист. Энергичный изыскатель старых литературных документов и неопубликованных рукописей — в этой области является полезным специалистом. Однако отличается делячеством и стремлением заработать одновременно во многих редакциях и издательствах.

Всеволод Вишневский — писатель. По своему внутреннему содержанию человек анархистско-мелкобуржуазной закваски, с резко выраженным стремлением к актерству и притворству, постоянно имитирующий голый бунтарский пафос, вместо подлинного революционного чувства... В своем поведении отличается хлестаковщиной и интриганством, стремясь через склоки занять первенствующее положение среди литераторов. В Испании во время конгресса писателей вел себя провокационно-хулигански, подчеркивая особую роль русских в гражданской войне. А однажды он дошел до того, что явился на заседание пьяным и начал приставать к иностранным писателям с совершенно диким предложением: “Мы сегодня ночью в одном месте постреляли десяток фашистов, приглашаю вас повторить это вместе”.

Наталья Сац — театральная работница, директор детского театра. Человек очень пронырливый и карьеристический. Умело обделывала свои дела, используя протекции среди ответственных работников. Была замужем за председателем Промбанка Попо-

вым и наркомторгом Вейцером — через них добывала деньги для руководимого ею предприятия, устройства гастролей и т.п.

Владимир Антонов-Овсеенко — генеральный консул в Барселоне. Лично я видел его только один раз, но о его деятельности слышал весьма отрицательные отзывы, в особенности от испанских коммунистов. По их словам, всю свою энергию он направил на сближение с анархистами.

Роман Кармен — журналист, фоторепортер и кинооператор. Пользуясь моим покровительством, с 1923 года работал в “Огоньке”. Будучи женатым на Ярославской, в качестве “осведомленно-го из партийных кругов” распространял антисоветские слухи. Впоследствии, когда Ярославская, оставив Кармена, стала женой полпреда в Испании Розенберга, Кармен сопровождал их в Испанию. Здесь, во второй половине 1937 года, возникло вызвавшее возмущение среди испанцев дело о присвоении Карменом киноаппаратуры, принадлежавшей испанскому правительству. В 1938-м Кармен вел антисоветские разговоры о разгроме старых партийных кадров.

Следователь не раз перебивал Кольцова, задавал уточняющие вопросы, а Михаил Ефимович все так же увлеченно разоблачал вчерашних друзей. Досталось артистам Берсеневу и Гиацинтовой, многим сотрудникам “Правды” и даже таким известным сотрудникам НКВД, как Фриновский, Станиславский и Фельдман: всем им Кольцов давал такие убийственные характеристики, что следователю ничего не оставалось, как взять всех этих людей на заметку.

Сержант Кузьминов тоже вошел во вкус и требовал все новых подробностей. Кольцов снова садился за стол. Сперва “накатал” тридцать одну страницу, потом — сорок, а затем — еще семнадцать. В личных показаниях от 9 апреля довольно много места уделено контактам Кольцова с писателями. Вот что он, в частности, пишет.

“В писательской среде у меня было близкое знакомство с В. Вишневским, В. Катаевым, В. Петровым, С. Кирсановым, И. Эренбургом, Б. Левиным, В. Герасимовой. Я не входил в РАПП, но был в хороших отношениях с Л. Авербахом и В. Киршоном.

С 1935 года мне давались поручения по организации связи советских писателей с зарубежными и по созданию широкого антифашистского фронта писателей в международном масштабе. За рубежом связями с иностранными писателями монополично ведал И. Эренбург. Вначале я находился под его влиянием и лишь впоследствии, ознакомившись с истинным положением в литературных кругах, убедился во вредоносной линии Эренбурга и антисоветском поведении как его самого, так и окружающей его группы невозвращенцев и эмигрантов.

Весной 1935 года, приехав в Париж в период подготовки конгресса по созданию международной ассоциации писателей, я застал конфликт между его организаторами. Председательствовавший на конгрессе Андре Жид всячески демонстрировал свои вос-

торги перед СССР и коммунизмом, однако одновременно, за кулисами, проявлял недоброжелательство и враждебность к советским делегатам и иностранным коммунистам.

Эренбург, являвшийся уполномоченным от Андре Жида и французов, заявил от их и своего имени недовольство составом советской делегации и, в частности, отсутствием Пастернака и Бабеля. По мнению Андре Жида и Эренбурга, только Пастернак и Бабель суть настоящие писатели, и только они по праву могут представлять в Париже русскую литературу. Дело дошло до того, что Андре Жид передал мне ультиматум: или Пастернак и Бабель будут немедленно вызваны в Париж, или он и его друзья покидают конгресс. Я передал эти требования в Москву — и вскоре Пастернак и Бабель прибыли на конгресс.

О взаимоотношениях Андре Жида и ряда других буржуазных писателей с Пастернаком и Бабелем надо сказать особо: у них много лет налажены свои собственные связи. Андре Жид не раз говорил, что только им доверяется в информации о положении в СССР. “Только они говорят правду. Все прочие подкуплены”, — заявил он. Кстати говоря, после окончания конгресса Бабель довольно долго оставался в Париже, где проживает его жена, эмигрантка Евгения Бабель.

Что касается Пастернака, то ни секунды не сомневаюсь, что именно его антисоветские настроения вдохновили значительную часть клеветнических писаний Андре Жида. Но, как пишет сам Жид, его глаза окончательно раскрылись после посещения Тифлиса, где он подвергся серьезной обработке со стороны местных писателей, в частности, Табидзе, Яшвили, Жгенти и Джавахашвили, которые изливали ему свои контрреволюционные настроения.”

Заканчивается этот “очерк” очень серьезными признаниями.

“Таким образом, я признаю себя виновным:

1. В том, что на ряде этапов борьбы партии и советской власти с врагами проявлял антипартийные колебания.

2. В том, что высказывал эти колебания в антипартийных и антисоветских разговорах с рядом лиц, препятствуя этим борьбе партии и правительства с врагами.

3. В том, что создал и руководил до самого момента ареста антисоветской литературной группой редакции журнала “Огонек”, проводившей антисоветский буржуазный курс в области журнально-редакционной работы.

4. В том, что принадлежал в редакции “Правды” к антисоветской группе работников, ответственных за ряд антипартийных и антисоветских извращений в редакционной работе, и несущих с ними ответственность за эти извращения.

5. В том, что совместно с Эренбургом допустил ряд срывов в работе по интернациональным связям советских писателей.”

Странное дело, но на допросы его перестали вызывать. Бумаги, правда, не жалели, вот только ручку почему-то заменили карандашом. Позже мы узнаем, какие методы воздействия применялись

к Кольцову, но то, что они были эффективными, не вызывает сомнений: с каждым месяцем Михаил Ефимович становился все подастливее, и Кузьминов, ставший уже старшим следователем и к тому же получивший звание лейтенанта, делал с Кольцовым все, что хотел.

Каждый писатель должен быть разведчиком

Видит Бог, как трудно мне перейти к следующей странице личных показаний Кольцова. Пока он рассказывал о себе, своих друзьях и сослуживцах, его рука была тверда и карандаш не ломался, а тут вдруг, что ни страница, то заново заточенный грифель: у Кольцова потребовали дать показания о его взаимоотношениях с Марией Остен (настоящая фамилия Грессгенер).

“С моей второй женой, немецкой коммунисткой Марией Остен, я познакомился в 1932 году в Берлине. Она работала в коммунистическом издательстве “Малик”, была знакома с рядом немцев — коммунистов и писателей, а также с советскими писателями. До меня ее знали Горький, Эренбург, Федин, Маяковский, Тынянов. Она уже бывала в СССР и хотела поехать на более продолжительное время. Я предложил поехать вместе со мной. Вскоре у нас началась связь, которая перешла в семейное сожителство.

Некоторые ее знакомства были крайне подозрительны. И разговоры, которые велись, носили антисоветский характер. Но так как я сам уже был повинен в более значительных преступлениях, то молчал и продолжал покровительствовать Марии. В 1935 году она ездила со мной в Париж, а в 1936-м в Испанию.”

Эта поездка дорого стоила и ей, и самому Кольцову: напомним, что именно тогда возник конфликт с Андре Марти и тот отправил донос Сталину. К этому времени Мария рассталась с Кольцовым и вступила в интимную связь с известным немецким певцом Эрнстом Бушем. Больше того, во вторичную поездку в Испанию она отправилась именно с Бушем.

Михаил Ефимович страшно переживал. Он мчится следом, находит Марию, уговаривает ее вернуться и в целях укрепления семьи предлагает усыновить двухлетнего испанского мальчика. Мария соглашается. Маленького Хозе, родители которого погибли во время налета на Мадрид, переименовали в Иосифа — понятно, в честь кого, упаковали нехитрые пожитки и собрались было в Москву, но... что-то толкнуло Кольцова в сердце и он решил возвращаться один, а жену с приемным сыном отправил в Париж.

Так вот почему Кольцов так спокойно рассказывает о Марии: он знает, что она в Париже и из Москвы ее не достать. Была еще одна деталь, о которой не знал следователь и которая всплыла много лет спустя. Осенью 1938-го, вскоре после известного Мюнхенскогоговора, Кольцова срочно командировали в Чехословакию. Как ни внимательно за ним следила полиция, он все же ухитрился позвонить в Париж и строго-настрого запретил Марии приезжать в Москву.

Если бы она его послушалась! Если бы вняла советам друзей и не рвалась в Москву, сталинские палачи ограничились бы одной пулей, предназначенной Кольцову, а так — пришлось отливать вторую.

Но вернемся в 1939-й, когда все еще были живы, строили планы на будущее и искренне надеялись на то, что органы во всем разберутся и все неприятности вот-вот будут позади: надо только не таиться, не обманывать и со следователем быть как на духу. Удивительно, но этому верил даже такой опытный, тертый и битый жизнью человек, как Михаил Кольцов. Только этим можно объяснить его странную откровенность.

Кольцов довольно подробно описывает свое пребывание в Испании, делая акцент на вредительской деятельности советских военных советников и своей лично. Например, главный военный советник Штерн “не раз заявлял, что эта война обречена на неудачу и он делает все от него зависящее, чтобы войну прекратить”. Став на этот путь, Кольцов уже не может остановиться.

“Пораженческую работу в Испании вели, — пишет он, — Павлов, руководивший танковыми частями, затем сменивший его Грачев, а кроме того, советники ряда испанских фронтов Нестеренко, Качалин, Буксин, партийный организатор советской колонии Федер и я — Михаил Кольцов.

Что касается меня, то я принимал самое активное участие во вражеской работе, занимался разлагающей деятельностью как среди испанских, так и среди советских работников, развивая в их среде скептическое отношение к исходу войны”.

Затем следует традиционная для такого рода документов концовка, но с куда более зловещими формулировками:

“Таким образом, я признаю себя виновным:

1. В том, что будучи завербован Радеком, с 1932 по конец 1934 года передавал шпионскую информацию германским журналистам.

2. В том, что покрывал и содействовал М.Остен в ее связи с английскими шпионскими элементами в среде немецких эмигрантов.

3. В том, что будучи завербован Мальро и Эренбургом, сообщал им с 1935 по 1937 год шпионские сведения для французской разведки.”

Жуть берет от этих признаний! Неужели Михаил Ефимович не понимал, что давая такие показания, подписывает себе смертный приговор? А ведь совсем недавно, беседуя с братом, он недоумевал, почему это командармы, герои гражданской войны и старые партийцы, едва попав за решетку, мгновенно признаются в том, что они враги народа, шпионы и агенты иностранных разведок.

И действительно, почему? Неужели только потому, что не выдержали пыток? Едва ли, ведь среди них были люди, которые прошли пыточные камеры царских тюрем, и на каторгу ушли, не выдав товарищей. А тут — что ни дело, то просто лавина имен, фами-

лий, эпизодов и совершенно нелепых признаний. Что касается Кольцова, то несколько позже мы поймем, почему он выбрал именно такую линию поведения. Единственное, чего он не учел, так это зловещего росчерка красного карандаша, приказывающего арестовывать всех, кто упомянут в том или ином деле. А ведь Кольцов назвал так много имен, что служакам с Лубянки ничего не оставалось, как получив одобрение руководства, выписывать ордера на аресты.

16 мая 1939 года Кольцова вызвали на допрос. Ничего нового Михаил Ефимович не сообщил — он лишь подтвердил все то, что написал в своих личных показаниях. Судя по тому, как мягко и, я бы сказал, ненавязчиво задавал вопросы следователь, его такой ход событий вполне устраивал.

Через месяц состоялся новый допрос, но и он ничего принципиально нового не дал, разве что имен стало еще больше. Оказывается, кроме уже упоминавшихся наркоминдельцев, шпионской деятельностью занимались: полпред в Италии Штейн, полпред во Франции Суриц, полпред в Англии Майский, замнаркома Потемкин и другие ответственные сотрудники, включая Литвинова.

Были и другие допросы, на которых Михаила Ефимовича было не узнать: ни одного хорошего слова ни об одном из упоминавшихся им лиц. Справедливости ради надо сказать, что и о самом Кольцове далеко не все отзывались положительно. Скажем, бывший сотрудник “Журналь-де-Моску” Евгений Гиршфельд вспомнил, что в 1936 году Кольцов встречался с сыном Троцкого Седовым и получил от него директивы по контрреволюционной деятельности в Испании.

А Наталья Красина, до ареста работавшая в “Правде”, заявила: “Кольцов известный бабник и разложенец в бытовом смысле. Об этом все знали. Так как помимо двух жен, которых он пригласил в “Правду”, он не пропускал ни одной девушки и ухаживал по очереди за всеми нашими машинистками”.

Не стал молчать и арестованный к этому времени Исаак Бабель. “Из лиц, связанных с Мальро по шпионской работе, мне, с его слов, известны Болеславская и Пьер Эрбар. Мне также известно, что Мальро был близко знаком с Кольцовым и затевал с ним постановку какой-то кинокомедии”, — сказал он на допросе.

А вот уникальные показания Николая Ежова, того самого Ежова, который уничтожил десятки тысяч людей, а теперь сам оказался за решеткой. Следователь спрашивает, кто был связан с его женой по шпионской работе, и вот что отвечает Ежов.

“На это могу высказать более или менее точные предположения. После приезда журналиста Кольцова из Испании очень усилилась его дружба с моей женой, которая, как известно, была редактором “Иллюстрированной газеты”. Эта дружба была настолько близка, что жена посещала его даже в больнице во время его болезни.

Я как-то заинтересовался причинами близости жены с Кольцовым и однажды спросил ее об этом. Жена вначале отделалась общими фразами, а потом сказала, что эта близость связана с ее работой. Я спросил, с какой работой — литературной или другой? Она ответила: и той, и другой. Я понял, что Ежова связана с Кольцовым по шпионской работе в пользу Англии.”

Вот так-то! Если нарком внутренних дел и его жена шпионы, то что уж тут говорить о простых смертных. Шпионы — все, вся страна поголовно. Просто одни уже разоблачены и, само собой, признались в этом, а другие ждут своего часа. Такое было время, так тогда жили...

Его показания родились из-под палки

Целый год продолжалось следствие по делу Михаила Кольцова — случай по тем временам беспрецедентный, обычно управлялись за два-три месяца. 15 декабря 1939 года Михаилу Ефимовичу было предъявлено обвинительное заключение, а 1 февраля 1940 года состоялось закрытое заседание Военной коллегии Верховного суда СССР под председательством одной из самых зловещих личностей тех лет Ульриха.

Передо мной — протокол этого заседания. Само собой разумеется, он имеет гриф “Совершенно секретно” и отпечатан в одном экземпляре. Вначале председательствующий удостоверился в личности подсудимого, поинтересовался, ознакомили ли его с копией обвинительного заключения, нет ли у него отводов по составу суда, не имеет ли он каких-либо ходатайств. А потом спросил, признает ли он себя виновным?

И тут судей ожидал большой сюрприз! Протокол есть протокол, эмоции в нем не отражены, но можно себе представить, как говорил Кольцов и как слушал Ульрих, а также члены суда Кандыбин и Буканов. Привожу выдержку из этого секретного документа.

“Подсудимый ответил, что виновным себя не признает ни в одном из пунктов предъявленных ему обвинений. Все предъявленные обвинения им самим вымышлены в течение пятимесячных избиений и издевательств и изложены собственноручно.

Предъявленный ему 2-й том собственноручных показаний он подтвердил, признал, что все написано им самим, но он это сделал по требованию следователя. Отдельные страницы и отдельные моменты являются реальными, но никому из иностранных журналистов он не давал никакой информации. Все показания, касающиеся Марии Остен, Андре Жида, а также вербовки в германскую, английскую и американскую разведки также вымышлены и даны под давлением следователя.

Судебное заседание объявлено законченным и подсудимому предоставлено последнее слово, в котором он заявил, что за все время работы в Советском Союзе никакой антисоветской деятельностью не занимался и шпионом не был. Его показания родились

из-под палки, когда его били по лицу, по зубам, по всему телу. Он был доведен следователем Кузьминовым до такого состояния, что вынужден был дать согласие о даче показаний о его работе в любых разведках. Он дал показания на совершенно невинных людей, его знакомых. Все это — выдумка и вымысел. Все его показания могут быть легко опровергнуты, так как никем не подтверждены.

Ни в одном из предъявленных ему пунктов обвинения виновным себя не признает и просит суд разобраться в его деле и во всех фактах предъявленных ему обвинений.

Суд удалился на совещание... По возвращении суда с совещания председательствующий огласил приговор”.

Переведем дыхание, читатель. Все это настолько чудовищно, что, честное слово, волосы встают дыбом. Сколько наговорил, придумывал и написал Кольцов, сколько возвел напраслины на себя и на друзей — и все ради того, чтобы вырваться из рук костолома Кузьминова, дожить до суда и там, в присутствии серьезных и солидных людей, объяснить, насколько бездоказательны предъявленные ему обвинения, насколько нелепы детали его самооговора. Такой была стратегия его поведения.

Казалось бы, выслушав Кольцова, судьи должны, как минимум, возмутиться и если не выпустить его на волю, то хотя бы вернуть дело на доследование. Но... у тех судей была своя логика и они руководствовались не законом, и, тем более, не здравым смыслом, а тем самым росчерком красного карандаша — в этом мы, кстати, убедимся, и подтвердит это не кто иной, как сам Ульрих.

А пока что судьи вернулись с совещания и огласили приговор: “Кольцова-Фридлянд Михаила Ефимовича подвергнуть высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит”.

Здесь же, в деле № 21620, подшита скромная справка, подписанная помощником начальника 1-го спецотдела НКВД СССР старшим лейтенантом Калининым: “Приговор о расстреле Кольцова Михаила Ефимовича приведен в исполнение 2 февраля 1940 года”.

И все! Человека не стало... Но вот удивительный факт: так случилось, что в конце января 1940-го у Бориса Ефимова не взяли деньги, которые он передавал брату, и сообщили, что дело Кольцова следствием закончено. Тот заметался, хотел нанять адвоката, написал об этом Ульриху, а потом, будучи в полной панике, прямо с Центрального телеграфа отправил телеграмму Сталину.

Ответа, конечно же, не было, и Ефимов просто так, на всякий случай, заглянул в канцелярию Военной коллегии.

— Кольцов? Михаил Ефимович? — заглянул в толстенную книгу дежурный. — Есть такой. Приговор состоялся первого февраля. “Десять лет заключения в дальних лагерях без права переписки”.

А вскоре на квартире Ефимова раздался телефонный звонок и ему сообщили, что его готов принять Ульрих. Не буду рассказывать об этой странной встрече — она довольно красочно описана в воспоминаниях Бориса Ефимова, отмечу лишь два характерных нюанса. Первое, что поражает, так это какое-то болезненное иезуитство Ульриха: Кольцов уже расстрелян, его тело сожжено в крематории, а судья зачем-то беседует с его братом, рассказывает, как проходил процесс, подтверждает, что Михаил Ефимович получил десять лет без права переписки...

И второе. То, что сболтнул Ульрих, дорогого стоит, ибо, если так можно выразиться, ставит все точки над *i*. Когда Ефимов заинтересовался, признал ли брат себя виновным, Ульрих ответил:

— Послушайте. Ваш брат был человеком известным, популярным. Занимал видное общественное положение. Неужели вы не понимаете, что если его арестовали, значит, на то была соответствующая санкция!

Яснее не скажешь... Вот что значит один недовольный взгляд "хозяина", вот что значит показаться ему "слишком прытким".

Но и это не конец грустной и трагической истории совсем недалекого прошлого. Одну пулю палачи уже использовали, вторую же только отливали — ведь Мария Остен пока что была на свободе. Как ни жаль, она не послушалась мужа, и, узнав из парижских газет об аресте Кольцова, которого обвиняют в том, что он является шпионом нескольких иностранных разведок, и, в частности, связан с германской шпионкой Марией Остен, решила, что одним своим появлением в Москве опровергнет эту чудовищную ложь. Ее отговаривали, пугали, но она была тверда — и вскоре вместе с маленьким Иосифом появилась в Москве.

Вначале это прошло незамеченным. Но Мария развила такую активную деятельность, что на нее обратили внимание, тем более, что она не только пыталась узнать, что с Кольцовым, но даже подала бумаги с просьбой о предоставлении советского гражданства. Так прошел 1939-й, наступил 1940-й, а Мария все бегала по кабинетам. И — добегалась...

Передо мной дело № 2862 по обвинению Остен-Грессгенер Марии Генриховны. Знаете, когда оно начато? 22 июня 1941 года. Представляете, фашистская авиация бомбит наши города, танковые клинья утюжат деревни, моторизованные колонны немецкой солдатни расстреливают все живое, но народному комиссару государственной безопасности Меркулову и его подручным не до этого — они спешат подписать постановление об аресте и без того несчастной, беззащитной женщины.

Через день доблестные чекисты с наганами наизготовку врываются в 558-й номер "Метрополя", где проживает враг народа в женском обличье, переворачивают все вверх дном, изымают в пользу государства один сарафан, две пары трусов, одну пару туфель, пять носовых платков, а хозяйку этого имущества отправляют во Внутреннюю тюрьму.

Обвинения, которые были предъявлены Марии, настолько нелепы, что просто диву даешься, как можно было принимать их всерьез. Марии заявили, что она является германской и французской шпионкой одновременно. Франция находится в состоянии войны с Германией, больше того, Франция побеждена и наполовину оккупирована, а Мария Остен поставляет Франции разведданные о Германии, а Германии — о Франции. Само собой разумеется, что обе страны получают секретную информацию о Советском Союзе. Основанием для такого рода обвинений стали показания уже арестованных “агентов иностранных разведок” Болеславской-Вульфсон и Литауэр.

Как и положено, в деле имеется анкета арестованного, заполненная самой Марией. В графе “состав семьи” она упоминает отца, мать, сестру, приемного сына Иосифа, но почему-то пишет, что она незамужняя. Почему? Скорее всего, потому, что не хотела компрометировать Кольцова. Ведь в ЗАГСе они не были и жили в так называемом гражданском браке, а это давало ей право считать себя для Кольцова чужим человеком, за которого он не несет никакой ответственности. А раз она чужой человек, то никто не сможет ему сказать: сам шпион и жена шпионка — одного поля ягоды.

Первый допрос, состоявшийся 25 июня, был очень коротким, но Мария успела сообщить, что в Москве живет по виду на жительство для лиц без гражданства, что с 1926 по 1939-й была членом германской компартии, что с Михаилом Кольцовым познакомилась весной 1932 года в Берлине, когда он был в гостях у немецкого режиссера Эрвина Пискатора.

На следующий день Марию этапировуют в Саратов, и ее дело принимает к своему производству лейтенант Жигарев. Этот следователь решил не ходить вокруг да около, а сразу взял быка за рога.

— Что вам известно об антисоветской работе Кольцова?

— Ничего! — отрезала Мария и почему-то радостно улыбнулась.

Следователь ничего не понял и зарылся в бумаги. А Мария ликовала! “Раз спрашивают о Михаиле, значит, он жив, — думала она. — Жив! Господи, как же я рада. Значит, дадут ему лет десять-пятнадцать, мне — тоже, а где-нибудь в Сибири мы встретимся. Мы обязательно встретимся. Так что эту волюнку надо заканчивать, и как можно быстрее”. Поэтому на требование следователя приступить к даче правдивых показаний о ее вражеской деятельности Мария, все так же улыбаясь, ответила:

— Я прошу следствие помочь мне разобраться в совершенных преступлениях, так как я сейчас не знаю, что совершила вражеского против Советского Союза.

А потом пошли рутинные допросы с уточнением имен друзей и знакомых, дат и городов, где происходили встречи, требованиями вспомнить, кто, что и о ком сказал.

— А зачем вы все-таки приехали в Москву? Ведь вы же знали, что Кольцов арестован.

— Потому и приехала. Я не могла не приехать, это надо было сделать для очищения своей совести и для того, чтобы реабилитировать себя перед друзьями.

— О какой реабилитации речь? Ведь вы же порвали связь с Кольцовым еще в 1936 году.

— Мы прервали интимные отношения, но остались большими друзьями. Он писал мне письма, помогал в работе. Я посылала ему свои рассказы, а он давал им оценку — и вообще, он учил меня писать.

Вскоре допросы прекратились — верный признак, что следствие по делу Марии близится к завершению. 6 декабря 1941 года ей было предъявлено обвинительное заключение. И хотя следователь отметил, что «в предъявленном обвинении Остен виновной себя не признала», он рекомендовал определить ей высшую меру наказания.

А потом была какая-то странная пауза: то ли Особое совещание было загружено такого рода делами, то ли ощущалась нехватка патронов — за это время немцы подошли к Сталинграду, но дело Марии Остен рассматривалось лишь 8 августа 1942 года. Приговор: «Остен-Грессгенер Марию Генриховну за шпионаж расстрелять». 16 сентября приговор был приведен в исполнение.

Так была выпущена и вторая пуля, оборвавшая еще одну трагическую судьбу. ■

99199 Кольцов Михаил Ефимович 1892

*Приказом виновности Кольцова. 9/12/41
Совещание на Уралском, председателем
о.а. 58-1, 58-11/42 1942, Москва Ленин
Приказ ССР, 1/10/42/42/42 на 1/10/42
1942*

Присоединено!

*Кольцов-Остен, Михаил Ефимович
подозревает в шпионаже и
расстрелян с обвинением в
предательстве, шпионаже, саботаже.*

*Приказом о.а. 58-1/42/42
на 1/10/42/42/42.*

Председатель Шеня

*Михаил Ефимович
Кольцов*

9348 Остен Грессгенер Мария Генриховна

Анна КУРНИКОВА:

"Я девушка во всех"

Теннисистке Анне Курниковой всего 17 лет и в рейтинге Женской теннисной ассоциации она занимает только 12 место. Но говорят о ней в мире спорта больше, чем о первой ракетке швейцарке Мартине Хингис. И хотя Анна не выиграла пока ни одного теннисного турнира "Большой шлем", слухи о ней ходят самые невероятные, а французы недавно назвали ее секс-символом мирового тенниса. На прошлогоднем турнире "Нубон Кремля" Анна проиграла итальянке Сильвии Фарине. И все-таки на пресс-конференции с ней в зале было негде яблоку упасть. К тому же западные газеты сообщили, что она обручилась с хоккеистом НХЛ Сергеем Федоровым.

Несколько лет назад мне удалось познакомиться со скромной девочкой Аней Курниковой на стадионе "Ширяево поле" в Сокольниках. Тогда она тренировалась под руководством лучшего детского тренера России Ларисы Дмитриевны Преображенской. Мы беседовали с Аней, а ее мама Алла здесь же готовила для доче-

ри бутерброды и пила ее ароматным чаем.

— В теннисе меня нашел Виктор Борисович Рубанов — муж нашей прославленной теннисистки Ольги Морозовой, — рассказывала Аня. — А вообще ракетку первый раз в жизни я взяла в руки в пять лет, когда тренировалась в абонементной группе на площадках УСЗ "Дружба", что в Лужниках, у Анны Константиновны Сосниной. Однажды мою игру увидел Рубанов и предложил перейти тренироваться на стадион "Спартак". Я так и сделала, но тренироваться под его руководством долго не пришлось. Вскоре тренер уехал в Англию и тогда меня "подобрала" Лариса Дмитриевна Преображенская. За что ей огромное спасибо, ведь если бы не она, то в теннисе вряд ли что из меня получилось.

Преображенская сразу заметила, что Курникова — не та обычная девчонка, нагих на кортах за день бывают десятки. Аня в семь лет так носилась по площадке, что ее носички порхали в воздухе, словно мотыльки. Ее трудо-

интересная
отношения

В паре со Штеффи Граф.

люблю на корте завидовали даже старшие девчонки и не переставали удивляться — откуда у девчушки только берутся силы. А тренер заметила, что девчонка еще отличается и хорошей реакцией. Ей удавалось перебивать на сторону соперника мячи, которые задевали сетку, изменяли траекторию полета. Обычно такие мячи не играют, а Анне удавалось реагировать и на них. Это уже редкий дар.

— С семи лет Сокольники стали для меня как бы вторым до-

мом, — продолжала Курникова. — Хотя на тренировки мне приходилось ездить с мамой практически через весь город. Тогда мы жили в районе станции метро "Щелковская". Потом переехали на проспект Вернадского. И хотя от дома корты МГУ теперь располагались ближе, для меня слаще слова "Ширяевна" тогда ничего не было. Так многие называют стадион "Спартак". Мне здесь всегда нравилось. Площадки тут в тени деревьев и впечатление такое, что играешь не в городе, а за сто

километров от него. Где-нибудь в Заонском районе Тульской области или в Поленово.

Будущая звезда мирового тенниса тренировалась до седьмого пота, порой до мозолей на руках и ногах, но никогда себя не жалела. Это делала ее мама, которая уговаривала дочь пропустить тренировку и сходить к врачу-дерматологу, чтобы он выписал мази от различных повреждений кожи. Иногда Аня обманывала родителей: говорила, что идет к врачу, а сама отправлялась на тренировку.

— А кто твои родители?

— Самые обыкновенные люди. Все почему-то, спрашивая о родителях, думают, что папа у меня — министр спорта, а мама — председатель Центробанка. На самом деле мама по образованию экономист, но поработать по специальности ей до сих пор не удалось. Она сопровождает меня по турнирам. Папа в прошлом мастер спорта по вольной борьбе.

— Какие виды спорта любишь помимо тенниса?

— Сейчас для других видов практически не остается свободного времени. Раньше очень любила плавать в спорткомплесе "Олимпийский". В детстве еще любила кататься на велосипеде. Особенно мне нравилось мчаться на огромной скорости по щебеночной дорожке где-нибудь на даче. Не каждый мальчишка мог за мной угнаться! Не отказывала себе в удовольствии и погонять в футбол. Во время пассивного отдыха смотрю по телевизору канал "Евроспорт". Это ведущий спортивный канал в Европе, и по нему практически все время можно видеть прямые трансляции с самых престижных соревнований.

— В 10 лет ты побывала во Флориде, в знаменитой теннисной академии Нина Боллетьеры. Помогли ли тебе его уроки?

— Еще как! Я там жила с мамой, а папа Ник, как его многие ласково называют, даже не брал с нас плату за обучение. А она для иностранцев составляет 5 тысяч долларов в год! Американским же родителям академический год обходится в 25 тысяч баксов. Меня поразило, что в академии 75 открытых кортов и четыре закрытых площадки. Это целый городок, с

тренажерным залом, бассейном, стадионом, гостиницей, киноцентром и даже дискотекной. Кто только из знаменитостей не жил в академии: Мари Пирс и Моника Селеш, Ива Майоли и Джим Нурье, Андре Агасси и Борис Беннер...

— Я слышал, что Боллетьеры уделял тебе больше внимания, чем другим мальчишкам и девочкам...

— Я этого не заметила. Правда, папа Ник помимо тенниса учил меня играть в гольф, но сначала у меня ничего не получалось. Затем он свозил меня на экскурсию в Диснейленд и от этого я была на седьмом небе.

— Наной у тебя любимый цвет?

— Розовый. Посмотрите на розовые цветы, что растут в Подмосновье — от них веет такой свежестью, утренней росой. У нас на даче растет много разных цветов, но розовые мне всех милее. Особенно — розы и гвоздики. Если бы не теннис, я бы занималась цветоводством. И вывела бы новый сорт роз или гвоздик и назвала его "от Нурниковой".

— Говорят, что ты хотела бы стать антрисой...

— А почему бы и нет! Ведь я девушка интересная во всех отношениях, знаю несколько иностранных языков и внешность у меня привлекательная. Скорее всего я создала бы на нашем телевидении телепередачу, похожую на ту, что ведет американец Дней Лено. Он очень остроумный шоумен, и зрители от него просто балдеют. Его передача больше похожа на ночное шоу, в котором участвуют звезды экрана и кино, спорта и бизнеса. Жаль, что у нас пока нет таких...

В тот раз мы еще о многом другом проговорили, а потом я не встречал Аню несколько лет. И вот, наконец, она появилась в Москве в ноябре прошлого года на "Нубке Кремля". И наша беседа продолжилась...

— Три года назад о тебе громко заговорили в теннисном королевстве. Тогда ты стала первой в мире, правда, среди юниоров. В октябре 1995 года стала профи...

— Первый год среди профессионалов для меня сложился успешно. Я сыграла в десяти турнирах, причем два из них выиграла. Сначала в рейтинге занимала скромное 144 место, но затем стала числиться в седьмом десятке. Серьезные победы пришли два года назад. В турнире в Цюрихе мне впервые удалось обыграть тогда 13-ю ракетку мира Аманду Нетцер из ЮАР. Позже, на открытом чемпионате США, удалось взять верх над Барбарой Паулюс. Со временем стала играть мощнее, и от моих ударов "посыпались" игроки из первой десятки. В прошлом году на турнире в Берлине не "повезло" тогдашней шестой ракетке мира испанке Аранте Санчес Винарио. После этого я вошла в число 50 сильнейших игроков мира. В прошлом году дошла до полуфинала на Уимблдоне, обыграв таких сильных игроков, как Ива Майоли и Анке Хубер. Затем неплохо выступила на открытом чемпионате Германии, где дошла до четвертьфинала.

— Недавно ты сменила тренера. Им стал известный в прошлом чешский игрок Павел Сложип. А как же Преображенская?

— К сожалению, Лариса Дмитриевна уже в таком возраст-

те, что ей тяжело колесить со мной по свету. К тому же у нее немало мальчишек и девчонок, которые скоро придут на смену корифеям российского тенниса. Словом, она растит элиту детского и юношеского тенниса в России. Вот почему пришлось пригласить Сложилу. Он с 17 лет тренировал Штеффи Граф, ездил с ней на турниры, хорошо знает всех игроков и всегда может дать установку на игру. Тренируясь со Сложилом, Граф выиграла, если не ошибаюсь, восемь турниров из серии "Большой шлем" и с полсотни обычных. Он хороший тактик и всегда дает дельные советы. А это дорогого стоит.

— Ходят слухи, что ты ждешь вид на жительство в США...

— Слухов много. Как говорят, не бывает дыма без огня. Так вот слух о предоставлении гражданства — блеф. А о "грин-кард" или виде на жительство — правда. Я ведь фактически живу в США уже семь лет. И при таком раскладе вид на жительство просто необходим. Да и условия для тренировок во Флориде получше, чем в Москве.

— Курнинова — богатая невеста?

— В этом плане у меня слабо с арифметикой. В справочнике же Женской теннисной ассоциации написано, что только призовыми я заработала более 500 тысяч долларов. Вот и считайте. А мне ведь только 17 лет.

— Спорт спортом, а об учебе не думаешь?

— Почему же? Я учусь на втором курсе Института физкультуры в Измайлово. Последний экзамен сдавала в сентябре, но по почте.

Словом, учусь по переписке. Высшее образование не мешает.

— Травмы не преследуют тебя?

— Они всех преследуют. В прошлом году из-за травмы руки даже пришлось пропустить Уимблдон. Два месяца не играла, а после перерыва очень сложно "ловить" свою игру. Словно учишься играть в теннис заново. Очень сложно психологически, ведь понимаешь, что все умеешь, а удары не идут — хоть ты плачь. Но я девушка волевая.

— Некоторые обвиняют тебя в непатриотизме. Почему ты не играла за сборную России в Кубке Федерации?

— Опять же из-за травмы. Я проиграла Линдсей Дэвенпорт и получила травмы, повредив мышцу живота. Так что все гораздо проще, чем может показаться на первый взгляд. Думаю, что пока меня обвинять в непатриотизме преждевременно, ведь я русский человек.

— На "Кубке Кремля" ты играла в парном разряде с Моникой Селеш. Волновалась ли, ведь в детстве америнанна была твоим кумиром?

— С годами многое меняется и если в детстве я только мечтала сыграть с ней на пару, то теперь это стало реальностью. И дрожи в ногах не было, когда играла с кумиром детских лет. По большому счету, я преклоняюсь перед талантом и мужеством этой теннисистки, которая даже после нападения маньяка, который ударил ее ножом, нашла в себе силы вернуться на корт и радовать своей игрой тысячи любителей тенниса. ■

Николай ЗУЕВ

Фото автора

РДЕН ЛЮБВИ АДМИРАЛА

Иван ЗЮЗЮКИН

К истории, о которой мы расскажем, причастно множество людей: от французского императора Наполеона I до безвестного мичмана, служившего на борту английского военного корабля “Виктория”. Однако внимание читателя задержим преимущественно на жизни двух персонажей: Горацио Нельсона, знаменитого флотоводца Англии, и... Впрочем, интереса ради, о втором персонаже пока умолчим. Зато сразу скажем: у доблести героя — женское лицо...

Не ново начинать рассказ о выдающемся человеке с его младенческих лет. Но одно врожденное и рано проявившееся свойство Нельсона вынуждает нас следовать этой традиции... Как известно, одни дети рождаются не по летам умными и рассудительными, другие — музыкально одаренными и т.д. Так вот — Горацио Нельсон родится бесстрашным! Кажется, что природа, трудясь над его созданием, то ли забудет вложить в него чувство страха, то ли нарочно лишит его, желая посмотреть, что из

этого получится. А получится следующее. У сельского приходского священника, пуританина по образу мыслей и поведению, человека скромного и смиренного, сын растет — сорви-голова. Нет, родителей он слушается и почитает, прилежно учится. Но, выйдя из дома, как говорится, лезет в воду не зная броду, забирается на самые высокие деревья, соревнуясь с кошками, не боится ни темноты, ни привидений, ни черта. Разумеется, опасаясь за здоровье и жизнь сынишки, родители напоминают ему, что береженого Бог бережет. “Страх? — искренне не понимает, чего от него хотят, маленький Горацио. — Что это такое? Какого он цвета?”

Он словно и боится лишь одного: что не узнает, какого цвета это чувство. А вдруг — синего? Деревенскому мальчишке нестерпимо хочется увидеть море, стать моряком. Его дядя, военный моряк, пробует отрезвить шустрого племянника. “Пусть приезжает... — пишет он его родителям письмо, находясь в мрачноватом настроении. — Может, в первом же бою пушечным ядром ему снесет голову и таким образом избавит от всех проблем...” Горацио, однако, не испугается. С двенадцати лет он уже служит юнгой на парусном корабле. Пятнадцатилетним матросом участвует в полярной экспедиции, во время которой, рассказывают, он увидит на льдине белого медведя и с ружьем наперевес побежит за этим могучим зверем — как за бабочкой... После полярного похода совершит плавание в Индию. А в двадцать лет — неслыханное по тем временам дело — станет капитаном военного корабля. По этому поводу он напишет отцу: “Мы все продвигаемся вверх с помощью смерти. Выстрел, убивший капитана, предоставил эту должность мне”. Что Нельсон всю жизнь по-своему относит к смерти — то ли презирает ее, то ли, напротив, предпочитает глядеть ей прямо в глаза с должным почтением, — показывают многочисленные факты его биографии. Из всех рискованных военных операций он всегда выбирает самые рискованные. “Я считаю, что самые смелые меры будут самыми безопасными”, — скажет он накануне одной битвы и окажется прав. Временами он даже шутит со смертью. Один из его боевых друзей из главной мачты разбитого неприятельского корабля выдолбит гроб и подарит адмиралу со словами: “Сэр, когда вы устанете от жизни, вас могут похоронить в одном из ваших трофеев”. Нельсону очень понравится этот подарок. Он прикажет привинтить гроб у входа в свою каюту. Затем по слезной просьбе своего суеверного вестового уберет и поставит... у своего обеденного стола...

Подчиненные его любили. Несколько офицеров, боевых друзей адмирала, всю жизнь следуют за ним. Между ними и Нельсоном существуют особые, не принятые на других кораблях, отношения. Соблюдая дистанцию, они иногда оспаривают какие-то решения и даже (в предельно корректной форме) критикуют поступки адмирала. Нельсон, по убеждениям явный монар-

хист, у себя на корабле поддерживает демократические порядки. Однажды он прикажет фрегату, уплывавшему в Англию, немедленно вернуться — лишь потому, что кто-то из гардемарин не успел написать и отправить на родину письмо. В отличие от большинства английских капитанов, Нельсон не стремится к захвату трофеев, хотя по законам того времени он имеет право часть их оставлять себе и своей команде...

В то же время наш герой во многом типичный служака той эпохи. Как и многие английские капитаны, он одобряет порку и даже казнь через повешение (на мачте корабля) всякого, кто пытается поднять бунт на судне.

Но он беспощадно требователен и к самому себе. И мужества ему не занимать. Когда ему в одном из боев насквозь пробьет картечью руку и врачи примутся отпиливать ее по предплечье без всякой анестезии, он не издаст ни единого стога. Страшно огорчится, но не падет духом, когда осколком ему выбьет глаз. Лишь одно его ужасает: увольнение из флота. Так, потеряв правую руку, он пишет невозможно корявым почерком левой, мало сказать, печальное письмо командующему эскадрой: "Я превратился в бремя для своих друзей и стал бесполезен для своей страны. Когда я отбуду с Вашей эскадры, я умру для всего мира. Надеюсь, Вы дадите мне фрегат, который доставит в Англию то, что от меня осталось..." Нетрудно под этими скорбными строчками услышать мольбу о пощаде. Принимая во внимание его заслуги, Адмиралтейство оставит его для службы на флоте...

Обычно в фильмах, посвященных однорукому адмиралу, его роль исполняют актеры с импозантной внешностью. Это понятно. Герой должен выглядеть как герой. А пустой рукав вместо правой руки и черная повязка на глазу придадут особый шарм. Между тем в жизни Нельсон был некрасив и уж чем-чем, а статью не блистал: худой, щуплый, рост — ниже среднего. Вот какую характеристику дает ему современник: "маленькая, исковерканная фигура... с беспокойными движениями и пронзительным голосом". Один немецкий художник, которому Нельсон позировал, находясь уже на вершине славы, оставляет в дневнике запись: "Нельсон — самый незначительный с виду человек, которого я когда-либо видел; это горсть костей и высохшее тело... Он мало говорит и почти не улыбается".

Не говоря уж о незavidной комплекции, он не отличался и крепким здоровьем. Одно взять: адмирал всю жизнь страдал... от морской болезни! Да и полученные им увечья порядком осложняют жизнь... Действительно, по состоянию здоровья он вполне может уйти на пенсию и жить припеваючи. Но любовь к морю, к морской службе в нем сильнее всего. И эскадра, возглавляемая им, одна из самых лучших в английском флоте. Однажды Нельсон даже свое увечье использует как средство для достижения победы. Ему докладывают, что с флагманского ко-

рабля поступил сигнал: прекратить бой и планомерно отступить. “Выйти из боя?! — удивленно переспросит он вестового. — Черта с два! — Приложив подзорную трубу к невидящему глазу, он скажет: — Не вижу никакого сигнала! Продолжать бой!” За прямое неподчинение приказу (причем, не в первый раз) его полагалось предать военному суду. Вместо этого — за смелый маневр, во многом обеспечивший победу англичан — ему присваивают звание контр-адмирала и награждают почетным орденом. Так не от Нельсона ли пошло выражение — “Победителей не судят?”...

Что в нем, хоть и незаурядном, но, как все мы, брэнном человеке, поражает, так это его выносливость. Он примет участие в 124 битвах на море и боях на суше! (Наверное, это и по сегодняшнему миру рекорд.) И если представить, с какими огромными физическими и нервными перегрузками сопряжены каждое сражение, каждый бой, нетрудно вообразить, каким крепким, ну просто железным должно было быть сердце адмирала Нельсона... Когда он скончается и врачи вскрыют его, они увидят, что сердце у него маленькое, точно у ребенка. Словно каким он был в детстве мальчиком — сорви-головой, таким (но уже в чине вице-адмирала, в звании пэра Англии, с титулами виконта, барона и герцога Бронте) он и отправится на тот свет...

Два гения войны — Нельсон и Наполеон — окажутся в одно и то же время, что называется, по разные стороны баррикад. Встретиться им лицом к лицу не придется, хотя однажды их пути чуть не пересекутся. Это могло произойти, когда генерал Бонапарт, посадив на корабли свои отборные полки, в строжайшей тайне отправится из Тулона, чтобы завоевать Египет (не давали ему покоя лавры римских полководцев!), а затем двинуться дальше и отнять у английской короны ее главную драгоценность — Индию. Но, как ни пытается Нельсон перехватить Наполеона, это ему не удастся: хитроумный Бонапарт ускользает, высаживается в Египте и с ходу начинает одерживать одну за другой победы над турецкими мамелюками.

Но вот Нельсон, избородив со своей эскадрой Средиземное море вдоль и поперек, наконец настигает французский флот неподалеку от устья Нила, в заливе Абукир. Правда, дело уже идет к ночи. Французы решат, что баталия начнется утром следующего дня: ведь только сумасшедшие воюют в темноте. Нельсон же, что вполне в духе его нетерпеливой натуры, атакует неприятеля тотчас. Благодаря такой внезапности англичане сожгут и потопят почти всю эскадру, красу и мощь французского флота. Когда весть о грандиозной, не знающей аналогов в современной истории военно-морской победе достигнет Лондона, первый лорд главного Адмиралтейства от прилива радостных чувств теряет сознание, а английский король Георг III, отличавшийся чрезмерной словоохотливостью, на несколько

минут лишится дара речи. Ликует весь английский народ, в церквях идут благодарственные молебны...

Что же, Нельсон охотно греется в лучах своей славы, как должное воспринимает награды и почетные титулы. Он не только беспримерно храбр и искусен как флотоводец, но и открыто, если не сказать, неприкрыто честолюбив. "Желать славы это, конечно, большой грех, — признается он однажды. И добавит: — И я в таком случае самый большой грешник на земле".

Но еще больше, чем славы, наш герой жаждал любви...

В Неаполе (в ту пору столице Неаполитанского королевства), узнав о грандиозной победе Нельсона, один человек тоже потеряет сознание. Им — вот первая пикантная деталь — окажется жена английского посланника при дворе неаполитанского короля. Произойдет это с ней, разумеется, по иной причине, чем с первым лордом Адмиралтейства. Но сэру Уильяму Гамильтону, ее мужу, богачу, рафинированному аристократу и человеку, мягко говоря, в летах, ради приличия придется сделать вид, что его жена — большая патриотка...

Конечно, читатели уже догадались, что речь идет об Эмме Гамильтон, ставшей наравне с легендарным адмиралом героиней множества рассказов, повестей, кинофильмов, по большей части, сентиментальных и душщипательных. В жизни Нельсона она сыграет роль не меньшую, чем море и морские сражения. И после Цезаря и Клеопатры, пожалуй, ни одна влюбленная пара не окажет такого влияния на ход исторических событий, как Горацио Нельсон и Эмма Гамильтон. (Взять хотя бы то, что во многом благодаря им Неаполитанское королевство просуществует значительно дольше, чем могло бы...) Надо также признать, что Цезарю не составило труда убедить себя и своих современников, что роман с Клеопатрой делает ему честь: его возлюбленная была женщиной ослепительной красоты, к тому же — царицей! А вот Эмма Гамильтон...

Эмма Лайон — это ее девичья фамилия — родилась в бедной английской семье. Ничего в ее детстве и юности не указывает на то, что со временем она станет одной из самых знаменитых и блестящих женщин Англии. Скорее, у нее были все возможности опуститься на самое дно жизни... Говорят, ее внешнюю привлекательность — большие выразительные глаза, высокая статная фигура, стройные, но несколько полноватые ноги — первым оценит один лондонский врач. Он наймет ее для лечения состоятельных мужчин от полового бессилия: во время сеансов его пациенты имели возможность созерцать полуобнаженную Эмму. Затем, чтобы выкарабкаться из нужды, она становится прислужгой в богатых аристократических домах. Вернее, утехой холостых и женатых ловеласов. Одному из них, графу, она так придется по душе, что он поселит ее в своем до-

ме, создаст роскошные условия жизни и даже пообещает со временем жениться на ней. И действительно, промотав наследство и запутавшись в долгах, он женится, но на другой, с большим приданым. А Эмму, как драгоценную вещь, передаст своему дяде — стареющему лорду Уильяму Гамильтону. И вот тут Эмма покажет характер. Бесчестно обманутая графом, она предупреждает сэра Уильяма, что разделит с ним ложе лишь как его законная жена. И лорд Гамильтон, с первого взгляда беспамятно влюбившись в молодую, полную не передаваемого словами очарования женщину, к тому же умную и (когда только успе-ла?) весьма образованную, наперекор яростному сопротивле-нию родни женится на Эмме и вскоре уезжает с ней в Италию. Среди поклонников ее красоты и женского обаяния — Гете и Казанова. Казанова, в частности, высоко оценив вкус и выбор лорда Гамильтона, с присущим ему цинизмом заметит: “Же-нитьба — это всегда ошибка, а когда умственные и физические силы идут на убыль — это уже катастрофа”. Впрочем, сэр Уиль-ям и без Казановы знает, что его ожидает нелегкая семейная жизнь. Однажды с присущим многим англичанам солоноватым юмором он скажет: “Неаполь — это город, куда можно завлекать мужчин перспективой переспать с женой английского по-сланника”.

Любовный роман Нельсона с леди Гамильтон состоит как бы из двух глав. Впервые они познакомятся при первом заходе эскадры Нельсона в Неаполь — ему в ту пору идет тридцать чет-вертый год, а ей — двадцать восьмой. Представляя Нельсону свою жену, лорд Гамильтон уверен, что неказистый с виду ад-мирал (к тому же женатый, с репутацией сурового “морского волка”) не заинтересует избалованную вниманием мужчин Эм-му. Но сэр Уильям сильно ошибется! Он не учтет, что какие женщине нравятся мужчины знает лишь сама женщина. К то-му же отношения Горацио с Эммой в ту пору носят пока плато-нический характер. (Хотя кто это знает наверняка?) Нельсон называет себя другом четы Гамильтонов, вместе с ними появля-ется на приемах короля и королевы (ненавидя при этом всякие приемы), бывает в доме Гамильтонов — роскошной вилле с пре-красным видом на море. Человек не только честолюбивый, но и тщеславный, адмирал весьма гордится дружбой с лордом и его леди, пишет о них своей жене Фанни в выпретенне-восторжен-ных тонах. Правда, уже тогда в его письмах проскальзывает смутное чувство какой-то вины перед супругой. “Разве у меня был до сих пор настоящий друг, кроме тебя, дорогая Фанни? — вдруг ни с того, ни с сего однажды спросит он самого себя в письме к ней из Неаполя, а в другом заверит ее: “В тебе — все мои радости, ты живешь в моем воображении, где бы я ни нахо-дился”. Поклонники учения Фрейда в этих нечаянных призна-ниях могут найти для себя много интересного. Верно, Фанни не была первой любовью Нельсона — первая откажет ему в руке.

В Фанни он влюбится скорее головой, чем сердцем, и за это ей придется заплатить дорогую цену...

Эскадра Нельсона вскоре уйдет из Неаполя, почти шесть лет он будет лишен возможности общаться с четой Гамильтонов. Между тем его переписка с Эммой (она будет выступать также от имени мужа, хотя позже станет ясно, что он в этой переписке был лишь постольку поскольку) продолжается. В заливе Абукир, где английский флот, тоже порядком потрепанный в битве, залечивает раны, Нельсон получит от нее письмо. В нем Эмма, в выражении чувств куда более смелая, чем отважный адмирал, напишет: "Милый, дорогой Нельсон, с чего же мне начать? Великий Боже, какая победа! Никогда еще, никогда не было события даже наполовину столь великолепного и совершенного... Неаполитанцы просто сошли с ума; если б Вы оказались здесь, они бы удушили Вас в объятиях... От радости я не хожу, а летаю, я горда и счастлива, что родилась на одной земле с победителем Нельсоном... Я заказала себе платье — все целиком в стиле "Нельсон". Шаль у меня голубая (а Нельсон по английской классификации был "синим адмиралом" — И.З.), расшитая золотыми якорями. Серьги — тоже в форме якоря. Можно сказать, мы все здесь обнельсонились с головы до ног..."

Возвращаясь из египетских вод в Англию, эскадра Нельсона первым делом поплывет в Неаполь. Здесь адмиралу устроят королевски пышную встречу. Неаполитанский залив заполнят сотни разукрашенных судов и суденышек с восторженными неаполитанцами на борту. Когда Нельсон, за шесть лет постаревший и поседевший, потерявший руку и глаз, сойдет с трапа корабля, вся трепещущая от счастья Эмма, на глазах у всех, в том числе и мужа, бросится к адмиралу в объятия... и опять потеряет сознание. Об этом эпизоде встречи вскоре узнает Фанни Нельсон. И от кого бы? От самого Нельсона. Он не упустит в своем письме жене ни одной детали потрясшей его сердце неаполитанской встречи и в заключение напишет: "Я надеюсь, что когда-нибудь буду иметь удовольствие представить тебе леди Гамильтон. Это одна из лучших женщин в мире... Она делает честь женскому полу вообще, и ее пример говорит, что доброе имя можно восстановить, но я уверен также, что для этого нужна большая душа..." Да, надо признать, что победитель Нельсон в своем восхищении Эммой столь же искренен, сколь жесток по отношению к жене. Тут он поклонникам доктора Фрейда уже неинтересен. Однорукий адмирал по уши влюблен в леди Гамильтон, и это знают уже не только в Неаполе, но и в Лондоне...

Вообще-то поначалу Нельсон и не думает надолго задерживаться в Неаполе. Несмотря на весь его монархизм, ему не нравится это самое Неаполитанское королевство... ("Страна скрипачей и поэтов, шлюх и негодяев" — характеристика, принадлежащая ему.) Не нравится вздорный, недалекий и трусливый

король, его продажный и развратный двор. Но ему безумно нравится Эмма! (Из письма жене: "Горжусь тем, что я твой муж... и друг семьи Гамильтонов".) Он прекрасно знает, что в Англии его ожидает триумф. Но зачем ему все награды и почести, если рядом с ним не будет главной награды его жизни — Эммы? И адмирал, понятно, с ведома и согласия главного Адмиралтейства, останется в Италии еще почти на два года. Он изо всех сил будет помогать презираемому им королю (вернее, королеве, Эмминой подружке) удерживаться на троне, устраивает его семье и камарилье побег из Неаполя, когда неаполитанцы, опираясь на помощь французов, свергают монархию. Причем на многие действия Нельсон не имеет прямых директив из Лондона. Эмма Гамильтон, заинтересованная, чтобы адмирал оставался рядом с ней — вот теперь его директива, вот ради кого он готов на все...

Один из мудрецов заметит: "Власть оглушает". То же самое можно сказать и про любовь. Нет, она, как и власть, не делает человека дураком. Но мешает ему видеть себя со стороны. Влюбленный адмирал, не обращая внимания на осуждающе-удивленные взгляды подчиненных, превращает боевой корабль в прогулочную яхту и катает на ней чету Гамильтонов. Показывая любимой женщине, какой он бравый адмирал, Нельсон устраивает на ее глазах эффектный, но довольно бесполезный обстрел укреплений столицы Мальты, захваченной французами. Стремясь казаться еще значительней, чем он есть, адмирал повсюду, даже в домашней обстановке, ходит при полном параде, невольно исполняя роль "свадебного адмирала". Один из его тайных недругов пошлет из Неаполя в Англию приватное (наверняка рассчитав, что о его содержании узнают многие) письмо, в котором напишет, что Нельсон "являет собой самую нелепую фигуру в смысле тупости и тщеславия... Он весь увешан звездами, медалями и лентами и скорее похож на оперного певца, чем на завоевателя Нила..."

Неравнодушие адмирала к мишуре, казалось бы, легко объяснить недостатком его культуры — ведь Горацио с двенадцати лет всему учится на палубе корабля. Но нет, это неравнодушие есть лишь трагикомическое отражение его безграничной влюбленности. Он боится (может, единственное, чего боится), как бы Эмма вдруг не забыла, что он — герой!..

Находясь в Неаполе, Нельсон любит болеть. Любит в том смысле, что это дает ему повод поселиться на вилле Гамильтонов. Разумеется, ухаживать за ним берется сама леди. Невысокого, ей почти по плечо, худого как мощи, она отпаивает Нельсона ослиным молоком, как малышка кормит с рук сладчайшими фруктами. А когда адмирал идет на поправку, гуляет с ним в саду среди античных статуй (сэр Уильям был страстным коллекционером) и фонтанов с прохладной водой... Увы, наступит день, когда первый лорд Адмиралтейства про-

---

зрачно намекнет ему, что поправлять здоровье можно и в Англии. Нельсон попросит короля прислать за ним в Италию фрегат, на что словоохотливый монарх, наслышанный о его романе с леди Гамильтон, предельно коротко ответит отказом. Что же делает Нельсон? Как и в военных операциях склонный к непредсказуемым решениям, он и тут действует смело и неожиданно: уговаривает чету Гамильтонов поехать вместе с ним в Англию на перекладных — через всю Европу! Для него и Эммы это становится своеобразным свадебным путешествием — с остановками в нескольких европейских столицах, позированием художникам, проживанием в старинных, овеянных легендами замках. И во время этого путешествия, рассказывают очевидцы, однорукий адмирал в присутствии Эммы ведет себя как сам не свой. "... она обязательно сидит рядом с ним за обедом и разрезает ему мясо, а он носит ее носовой платок в кармане". "Он все время искал взгляда огромных очей своей возлюбленной и при этом был неподвижен и нем, как статуя". Словом, "повелитель Нила" был столь же неуклюж и неярок на земле, сколь был искусен и знаменит на море...

У себя на родине Нельсон уже и не скрывает, что любит леди Гамильтон. (В том числе и от Фанни. Он не идет на прямой разрыв с ней, наивно и жестоко полагая, что она все поймет и смирится с положением формальной супруги. Почти так оно и происходит, и все же Нельсон не может скрыть, что Фанни его раздражает — обычно сдержанный, он покрикивает на нее в присутствии друзей.) Адмирал, произведенный в лорды, попытается представить Эмму королевскому двору, но безуспешно. Высшее английское общество, само-то не блещущее моральной чистотой, не может простить герою его греховой связи с леди Гамильтон. Нельсон огорчен, раздосадован, но трагедии из этого не делает. Для него главное; отправив старенького сэра Уильяма на рыбалку или еще куда-нибудь, остаться с Эммой наедине в доме, который он купил для нее. (В Англии она сообщит Нельсону, что ждет от него ребенка. Родит Эмма двойню — мальчика и девочку, но в живых останется только дочь. Ее она, нетрудно догадаться в честь кого, назовет Горацией. Правда, при регистрации ребенка Нельсона спросят, кем ему приходится новорожденная. Храбрый адмирал малодушно ответит, что — приемной дочерью. И лишь незадолго до кончины попытается дать ей свою фамилию.) Теперь Нельсон без большой охоты уходит в плавание, боясь как бы кто-то в его отсутствие не завладел сердцем Эммы. Ревнует он ее ко всем, в том числе к принцу Уэльскому, известному волоките. Из всех частей света, где он находится с эскадрой, часто пишет ей письма, которые для полноты представлений о нем стоит хотя бы несколькими строчками процитировать:

“Я так люблю тебя, что меня можно спокойно оставить в темной комнате среди пятнадцати голых девственниц”.

“Поверь, я не способен обидеть тебя ни в мыслях, ни на словах. Ничто, даже сокровища Перу, не смогут купить меня — ни на миг. Я весь твой, я прочно закреплен за тобой...”

“Расстаться с таким другом как ты, — все равно что оторвать от себя кусок мяса... Моя любовь к тебе стала еще сильнее — если это вообще возможно...”

“Любовь моя, мой милый ангел, жена моя, данная Небом, самая дорогая, единственная, верная жена — до самой смерти...”

“Если на нашей земле есть хоть один святой, это ты. В тебе есть то, что делает человека святым — способность быть намного лучше других... В наш век, век зла, ты подаешь пример порядочности и доброты...”

“...ты — ангел во плоти, я говорю это серьезно. Ты выше всех смертных, никто не может сравниться с тобой, с твоим умом, сердцем, характером и красотой. Благословенна будь во веки веков и прокляты те, кто недобр к тебе...”

У себя в адмиральской каюте он, словно иконы, повесит четыре ее портрета. И вот пример, свидетельствующий о том, что любовь, подобная чувству Нельсона к Эмме, в чем-то схожа с помешательством. “Мне пришло в голову, дорогой друг, что за последние дни один из твоих портретов сильно побледнел, — делится он с Эммой своей тревогой в очередном письме, — и это мне внушает беспокойство”. 26 апреля, день рождения Эммы, он объявит днем святой Эммы, устроит по этому случаю торжественный обед, позвав на него самых верных ему офицеров. Впрочем, подтвердится и другое наблюдение: любовь с человеком творит чудеса. Писавший ранее сухие репортажи о победах и потерях, однорукий адмирал теперь пишет стихи (посвященные, конечно, Эмме). Вот одно из них, сочиненное им в водах Дании:

*Разрублена та якорная цепь,
Что мой корабль держала у причала,
Но якорь в сердце у меня — та крепь,
Что нам позволит все начать сначала...*

Когда французы восстановят понесенные ими при Абукире потери, и Наполеон (так же ненавидевший Англию, как Нельсон — Францию) вновь пригрозит пройти огнем и мечом по Британским островам, Адмиралтейство предложит Нельсону возглавить операцию по перехвату и разгрому французского флота. Однорукий адмирал колеблется: а ну как военное счастье изменит ему? И что скажет о его новом назначении Эмма, которая для него — все? Последнее слово он оставит за ней. И вот как опишет их последний разговор один из биографов адмирала. “Она воскликнула: “Ты одержишь блестящую победу, а

потом вернешься сюда и будешь счастлив!" — Он взглянул на нее, в глазах его стояли слезы. "Храбрая Эмма! — сказал он. — Хорошая Эмма! Побольше бы таких Эмм, и было бы больше Нельсонов..."

Перед битвой у мыса Трафальгар (она будет еще более грандиозной, чем при Абукире) боевые друзья посоветуют адмиралу не надевать парадную форму, чтобы не быть заметной мишенью для французов. Нельсон откажется это сделать. Он честно заслужил эти награды, честно с ними и умрет. Откажется он также и от предложения перейти на фрегат, стоявший на безопасном расстоянии от противника: у него нет привычки наблюдать за сражением со стороны. Незадолго перед битвой он составил завещание, в котором, кроме всего прочего, попросит британское правительство в случае чего позаботиться об Эмме Гамильтон, указав на то, что она своими мудрыми советами оказала ему и Англии большие услуги. "Да дарует великий Бог, перед которым я преклоняюсь, великую славную победу моей стране и на благо всей Европе; пусть ее не опорочит чей-то проступок и пусть после победы гуманность станет главной чертой британского флота, — такую запись он оставит в своем дневнике. — Что касается меня лично, я вручаю жизнь свою Создателю и молю его о благословении на преданное служение родине"...

Орудийный огонь с обеих сторон был столь сильный и плотный, что снаряды превращали в кровавую кашу одних моряков, а других — целиком уносили невзвешенно куда. Нельсона, стоявшего на палубе флагманского (и потому сильнее других обстреливаемого) корабля "Виктория", не заденет ни один снаряд. Но, чего и боялись его друзья, французский стрелок, устроившийся на мачте своего корабля, возьмет на прицел парадно одетого адмирала и попадет ему в позвоночник. Упав, Нельсон прикажет врачам, кинувшимся к нему, заниматься им в порядке общей очереди. "Не бросайте меня за борт", — это единственное, о чем он попросит друзей. Рана не оставляла ему почти никаких шансов выжить. В самом крайнем случае он был бы обречен на неподвижность. Но зачем он такой будет нужен Эмме? Разве он позволит, чтобы она, самый лучший человек на свете, страдала, глядя на него? Последние его слова были не о короле, не об Англии, а о ней. Однако он не разрешает себе умереть, пока не узнает, чем закончится последнее его сражение. В этот день мичман "Виктории" сделает в судовом журнале запись, ставшую фактом истории: "Когда достопочтенному лорду, виконту Нельсону доложили о победе, он умер от ранений..."

Англия воздаст последние почести погибшему герою. Проститься с Одноруким придут тысячи людей. Придет и плененный при Трафальгаре командующий французской эскадрой — он оплачет гибель великого адмирала, простив ему свое горькое

поражение. Рядом с гробом Нельсона не будет Эммы Гамильтон. Ведь она, с официальной точки зрения, для покойного Горацио Нельсона была — подумать только! — никто. Потеряв любимого, она от горя надолго впадет в полубезумное состояние, два месяца не будет выходить из дома, не желая никого видеть, ни о чем слышать, ни о ком вспоминать. Британское правительство, вопреки завещанию адмирала, отвернется от нее, а она — нисколько этому не удивится, лишь тихо скажет: “Каким же ребенком был мой Нельсон!” Лорд Гамильтон, умирая, все отпишет графу — племяннику. Да, тому самому. Видно, сэр Уильям, рафинированный аристократ, таким способом рассчитается с ним за Эмму. И заодно с ней самой... Привыкшая к роскоши, абсолютно беспомощная в денежных делах, она скоро разорится и запыет. Запутавшись в долгах, Эмма продаст любовные письма Нельсона. Не будем осуждать ее за это. Быть может, продавая их, она также хотела, чтобы весь мир, вспоминая о Нельсоне, знал, что он ее любил, боготворил, перед ней преклонялся, и что никто из женщин на всем свете не был так счастлив, как счастлива с ним была она.

Наверное, пытаясь задним числом воздать Нельсону по заслугам, англичане назовут одну из главных площадей своей столицы в честь битвы при Трафальгаре. Посредине нее они воздвигнут гигантскую колонну и увенчают ее фигурой адмирала, отлитой из меди колоколов, снятых с трофейных судов разбитой французской эскадры. Да вот незадача: хотя фигура адмирала по высоте равна примерно пяти метрам, снизу она кажется крохотной. Опять не повезло Горацио с ростом. И это бы еще ничего. Несмотря на то, что площадь одна из самых многочелюдных в Лондоне, медный адмирал на ней беспредельно одинок и по большому счету уже никому не нужен. Теперь он всего лишь история, которая — непрерывно несущийся ветер времени. В огромной выси, откуда, говорят, ему видно море, маленький некрасивый храбрец Горацио стоит со шпагой в руке. Но зачем ему эта почетная высь, вид на море и острая шпага, зачем все, если рядом с ним нет его незабвенной, “ангела во плоти”, во веки веков любимой им Эммы?.. ■

"Отпетые"

Многим тинейджерам уже надоела искусственная рациональность "Иванушек-Интернешнл", мудреная положительность "Тетя-тет" и прочих "бэкстритбойсовских" аналогов. Может, поэтому, заскучавшая было молодень устремила свои взоры на трех музыкальных хулиганов — "Отпетых мошенников", отразивших в себе все противоречия, свойственные тем, кому от 10 до 30 лет. На сцене они такие же, как и в жизни — этание дворовые пацаны со своими заморочками и тусовками. Шлейф скандалов, сопровождающих группу на гастролях по городам и весям, породил новую моду — фанаты приносят на концерты "мошенников" не цветы и игрушки, а видео- и фотоаппаратуру, чтобы заснять выходы "пацанов".

В компании "ОРТ-Рекордс" вышел второй альбом группы — "Всяко-разно". Собственно, разная песенка с тем же названием и стала главным хитом ушедшего года: количество эфиров на музыкальных телеканалах и радиостанциях зашкалило все нормы приличия.

Точной отсчета истории группы можно считать декабрь 1996 года, когда ребята впервые вышли на большую сцену в сборной солянке в городе Череповце. Спустя несколько месяцев, в начале 1997 года, "О.М." выпустили первый альбом "Из цветного пластилина", с главным хитом "Бросай курить", пропа-

гандирующим здоровый образ жизни. Кстати, тогда же ребята стали сопредседателями молодежного фонда "Бросай курить", организованного спортсменами и активистами из Минздрава и Минюста.

Сергей Аморалов ведет себя аморально

Итак знакомьтесь: Сергей Аморалов (в миру Сергей Суровенко) по прозвищу "задиристый философ" — автор текстов, слов и неожиданных рифм, родился 11 января 1979 года. С 5 лет занимался самбо и гимнастикой. Однако травма (выбитый мениск) помешала ему стать великим спортсменом, и в 1996 году он поступил в архитектурно-строительный университет, где учится и по сей день. Роль Сергея на сцене — это санкционированный продюсером переход границ дозволенного.

— Сергей, а кто придумал тебе такой псевдоним?

— Привязалась ко мне эта кличка, может, из-за того что частенько пристаю к девушкам. Теперь уж и не знаю — отлипнет она когда-нибудь или нет.

— Сергей, я знаю, что, несмотря на юный возраст, ты основопо-

лонник жизненной философии в команде?

— Да. И она выглядит так — помогать нужно таким, как мы, потому что талантливые люди пробуются сами. И второе мое правило — что вижу, то и пою. Мы подслушиваем на улицах какие-то прикольные выражения типа: "бить в торец" или "всяно-разно — это не заразно" и составляем из них тексты.

— В клипе песни "Всяно-разно" много всяческих предметов, которыми вы швыряетесь и балуетесь. А по какому принципу их подбирали?

— Подбирал все режиссер. Мы даже не знали, что нас именно так снимут. Думали, действие произойдет в супермаркете, где мы будем громить продукты, но организаторы

съёмки не смогли договориться с директором магазина. В результате пришлось снимать клип в павильоне Ленфильма.

— За вами тянется постоянный шлейф скандалов...

— Да уж. Почему-то мы постоянно попадаем в милицию, причем за все, что угодно. Вот наш Гарик похож на "лицо какой-то там национальности", поэтому, несмотря на то, что документы всегда при нем... Короче, перед каждым отправлением из Москвы или Питера он звонит мне на мобильный и говорит, что его опять забрали в ментуру. Хорошо, что связями и нассетами с планкатами выпутываемся. До серьезных разборок еще не доходило. Спасибо продюсеру.

— Как ты, такой "звездный", любишь проводить свободное время?

— Где-нибудь на вечеринке или за городом, особенно в хорошую погоду. А зимой на сноуборде тоже очень прикольно. Мы вообще любим экстремальные виды спорта, опять же баскетбол, футбол, ну все, как у простых нормальных людей.

— Я знаю, что вы недолюбливаете "мальчуковые" поп-группы типа "Иванушки-Интернешнл"...

— Нет, наоборот, к "Иванушкам" относимся с уважением, их слушает полстраны, и они до сих пор собирают полные залы. Мы раньше думали, что выступать на сцене легко... А вот когда сами столкнулись, то поняли, что поднять с кресла даже одного сидящего человека, да еще заставить танцевать, — это круто, надо очень постараться. Правда, у нас есть самая нелюбимая команда — "Братья Дорохины".

— Потому что все девчонки помешались на "Братьях"?

— Нет, не поэтому. Ну такие сладенькие ребята...

— Вы считаете свою музыку более интеллектуальной?

— Кто-то считает, что в наших песнях маловато смысла, что они очень простые. Да, это городской фольклор. С его помощью мы стараемся говорить о проблемах, которые волнуют тинейджеров. Причем на их родном языке, чтобы было все понятно. Например, всех "запарил" реклама, и мы сделали про это песню "Всяко-разно". "Не было напастей" — про отношения подростков с армией, "Береги природу — мать твою" — конечно, про природу.

— Вы используете много сленга. Где пополняете запасы?

— У нас есть своя тусовка в Питере, где мы проводим все свобод-

ное время. Правда, сейчас сленг стал намного жестче. Поэтому стараемся его особенно не использовать. Иначе пришлось бы дополнительно к альбомам выпускать словарь "Отпетых мошенников".

— Твой день расписан буквально по минутам, неужели хватает времени еще и учиться?

— Я в архитектурно-строительном университете уже два курса отучился. А вот дальше из-за гастролей не получается. Думаю бросить университет и поступить в институт культуры. Потому что погоня за двумя зайцами ни к чему хорошему не приводит.

— А у тебя есть заветная мечта?

— Чтобы все наши концерты заканчивались криками: "Хочу ребенка от Сергея Аморолова".

Мечта Гарика — грызть семечки на завалинке

Гарик (по жизни Игорь Богомазов) — проходит в группе под кличкой "зануда", родился 31 августа 1975 года. Играл в футбол в обществе "Зенит". С 1996 года учится в Академии культуры на эстрадном факультете. Роль Гарика на сцене — бесполезная суета и гнусный рэп.

— Расскажи о своих недостатках и достоинствах.

— Иногда позволяю себе некоторые шалости — взалхлеб зачитываюсь "Незнайкой на Луне" и Мопаассаном.

— Ты понимаешь, что стиль, которого вы придерживаетесь, долго не протянет?

— Мы рассчитываем продержаться на эстраде еще годика три, и достигнуть уровня популярности "Иванушек". А пока наша сумасшедшая тройка приступила к работе над новым клипом на песню

"Эротическая", в ней, кстати, есть такие слова: "Моя подружка — сенс-маньячка, это знают все кругом".

— *Вы в повседневной жизни такие же, как на сцене — посуду бьете, дурачитесь?*

— Нет, в гостях мы стараемся вести себя прилично. Можем сидеть спокойно и пить чай, как с вами, а можем бросаться повидлом или еще чем-нибудь — все под настроение.

— *Снажи, а проблема взаимоотношений москвичей и ленинградцев для вас существует?*

— Нет, хотя все говорят, что существует противостояние между Москвой и Питером, но мы этого не ощущаем. Насколько нам хорошо в Питере, настолько же хорошо в Москве. Опять же, в столице лучше работается, а в городе на Неве — отдыхается.

— *Наши тинейджеры любят группироваться в какие-нибудь течения — хиппи, металлисты и так далее. Вы к какому-нибудь течению можете себя отнести?*

— Мы — отпетые мошенники. Правда, это не течение, а стиль жизни. Есть рэперы, есть брэнеры, есть алисоманы, ниноманы, а мы абсолютно индивидуальны.

— *Гарик, какие девушки тебе нравятся?*

— У нас их много, мы всех девушек любим. Конечно, у нас разные вкусы. Я, например, выбираю любимую по принципу — привет, раздывайся, ложись, рассказывай.

— *Что купишь в первую очередь, когда разбогатеешь?*

— Купил бы какой-нибудь участок, пивоваренный заводик, баньку построил и со старушкой своей жил-поживал, коров там и цыпочек размножал, семечки на завалинке

грыз, сельхозкультурами занимался, может, агрономом бы стал.

— *Это при твоём культурном образовании?*

— А разве учеба на вокальном отделении "Искусства эстрады" мешает солить помидоры, огурцы?..

Том Хаос любит петь в отделении милиции

Том Хаос-младший (Вячеслав Зинуров) — композитор, неутомимый весельчак, головой похожий на ананас. Родился 10 октября 1971 года. У Тома два брата и три сестры. Окончил музыкальную школу по классу трубы, после чего получил специальность повара в одном из лицеев родного города. Отслужив в армии, работал танцором в группе "Неоновый мальчик". На сегодняшний день — известный в Питере диджей. Том Хаос любит мелко похулиганить на сцене, безобидно беспредельничать. Музыка, специфические звуки и аранжировки — тоже его рун дело.

— *Охарактеризуйте направление вашей музыки.*

— Криминальные хаус-частушки или гоп-стоп дназ, то есть музыка, рассчитанная на особо одаренных тинейджеров.

— *Как ты познакомился с мальчишками?*

— Нас одна девушка познакомила. Мы с ней тогда работали в одном клубе на дискотечке. Я, как сейчас модно говорить, разогревал публику своими танцами, а она играла на вертушках. Как-то она сказала, что у нее есть знакомые парни, которые стишки интересные пишут. Через пару дней привела ко мне в гости этих ненормальных, и мы попробовали поработать вместе. Я поставил им пластинку с ритмом, они прочитали какой-то рэп.

На мой взгляд, все получилось неплохо, и мы решили это записать. Затем я принес кассету Евгению Орлову (ставшему впоследствии нашим продюсером), и он заинтересовался.

— Почему тебя называют Том Хаос-младший, а кто старший?

— А старший — мой старший брат — он работает ди-джейем. Кстати, некоторые думают, что Хаос — это дом, а на самом деле — полный бардак и в голове и в жизни.

— В чем это проявляется?

— В том, что у меня в музыке все стили перемешаны. Я вообще не могу до сих пор определиться, чем занимаюсь. То, что сейчас делаю, не настолько серьезно, как хотелось бы. Я, конечно, не собираюсь стать серьезным музыкантом, писать мюзиклы, к примеру, и даже не стремлюсь к этому. Но все-таки порой хочется чего-то более фундаментального.

— А как твои родители относятся к тому, что ты ведешь себя на сцене так вызывающе?

— Вполне нормально. Наверное, они уже привыкли. А что касается знакомых и соседей, то они рады, что я, по крайней мере, чем-то отличаюсь от других. Родителям я свою музыку не навязываю. Иногда, правда, ставлю какую-нибудь новую композицию, чтобы узнать их мнение.

— Накой ты видишь свою команду?

— Нас часто рэперами называют, но мы так не считаем. На самом деле у нас другая задача — объяснить молодёжи, что не стоит принимать наркотики. Зачем принимать всякую ерунду или "нирять" в подворотне, если можно заняться чем-нибудь стоящим — поиграть в баскетбол, футбол... Сейчас много мест,

где хороший асфальт, где летом можно на роликах погонять, зимой на сноуборде.

— А как складываются твои отношения с правоохранительными органами?

— Недавно в череповецком ресторане мы с официантом подрались. Он принес блюдо с мухой посередине, еще и нагрубил нам. Мы пытались ему объяснить, что он ведет себя не по-джентльменски, так он еще и ударил меня. Естественно, я ответил... Его коллеги вызвали милицию. В результате нас на концерт привезли в милицейской машине, и милиция ждала за сценой, пока мы отпоем. А потом обратно забрали.

— А в милиции вас не обинали?

— Нет. Мы вообще к ним хорошо относимся. В 33 отделение Питера даже в гости ходим, и они нам рады.

Несмотря на "отпетый" имидж и острые язычки, ребята оназились душевными, добрыми и веселыми. Они — самые обычные мальчишки, порой хулиганистые, порой резкие, порой вспыльчивые, но при этом все равно милые, отзывчивые и обаятельные. Очень дружны между собой, так что в снимаемой двухкомнатной квартире у Останнинской телебашни царит мир и лад. Дома очень уютно, и каждого гостя они сразу усанивают за стол и предлагают чай с конфетами и булками. У ребят совсем нет звездной болезни, несмотря на то, что сейчас они входят в тройку лидеров по гастролям и продаже альбомов. Они — "отпетые мошенники" на сцене, но настоящие друзья, преданные дети и отзывчивые люди в жизни... ■

Беседу вел

Светлана ОКУНЕВА.

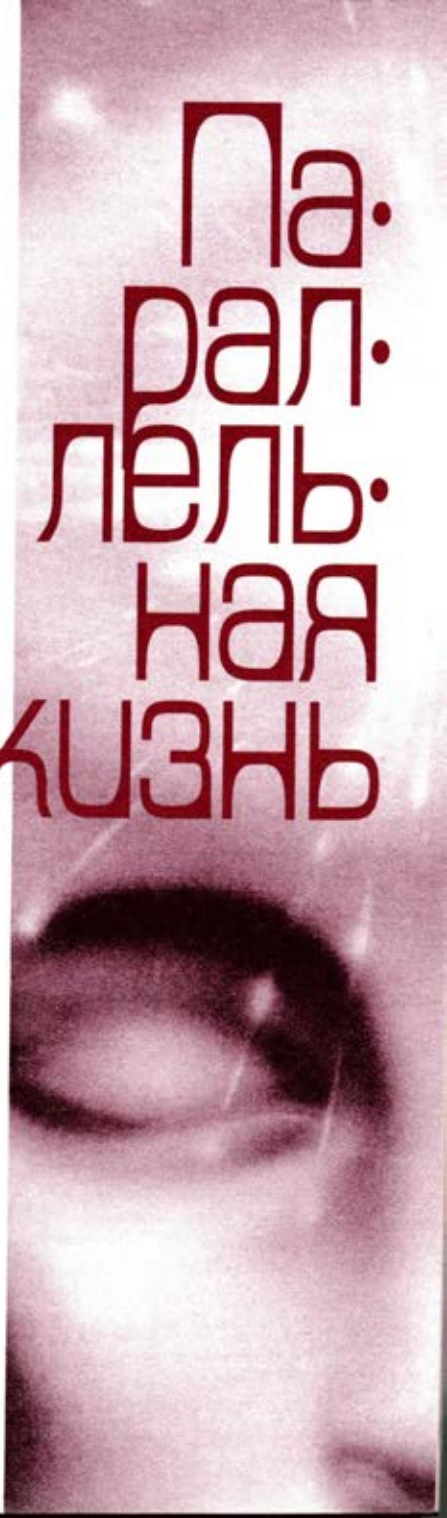

Николай АЛЕКСАНДРОВ

Параллельная жизнь

Внешне биография моего друга Виктора Г. вполне заурядна. Московское детство с посещением фото- и авиамодельного кружков в Доме пионеров, поступление на филфак, разочарование в будущей специальности, два года армии, снова институт — теперь технический, работа на протяжении долгих лет рядовым сотрудником в одном из московских НИИ. Сейчас он средней руки предприниматель, дела его идут то ничего себе, то хуже некуда, в общем, ничем вроде бы не примечательный, совершенно обычный человек, каких одиннадцать на дюжину.

Между тем у Виктора есть еще и другая, параллельная жизнь. В которой у него — ни семьи, ни детей, ни предпринимательских забот. Эта его жизнь проходит в астрале. Куда можно отправиться только в одиночку. Вернее, можно и вдвоем, и втроем, но для этого каждый должен обладать умением выхода в астрал. Ни жена Виктора, ни его сыновья таким умением не обладают.

— Ты бы не хотел обучить их этому умению? — спросил я его как-то.

— Может быть, я бы и хотел, — ответил мне Виктор, — но это невозможно. Учить выходу в астрал родных людей — то же самое, что хирургу делать операцию своим близким. Слишком велик риск допустить ошибку. Путешествие в астрал небезопасно для физического существования.

— В смысле, можно не вернуться в свое физическое тело?

— Именно, — подтвердил Виктор. — А кроме того, в астрале ты совсем другой. Твои близкие здесь могут оказаться там очень далекими тебе и будут только мешать. Поэтому вдвоем-втроем путешествуют по астралу только в период ученичества. Потом — никогда. Астрал — это абсолютная свобода. Конечно, ты там помнишь о своей земной жизни, держишь ее в себе каждое мгновение, но только для того, чтобы вернуться обратно. А так ты в астрале — это отнюдь не ты земной.

— Можешь как-нибудь стащить меня туда с собой? — попросился я.

Виктор усмехнулся:

— Конечно, нет. Я же не такси. Чтобы попасть туда, нужно,

во-первых, очень этого хотеть. Во-вторых, довольно долго тренироваться. В-третьих, иметь определенную природную предрасположенность.

— А у меня ее нет? — Его последнее замечание задело меня.

— Понятия не имею, — отозвался Виктор. — Надо начать заниматься. Года через два, может быть, что-то станет и получаться.

Признаюсь честно, читатель, лично я в астрал так и не попал. И потому не могу поделиться никакими собственными впечатлениями.

Однако не верить моему приятелю я тоже не могу. В том, что хомо сапиенс — человек разумный — отнюдь не исчерпывается одной своей физической природой, а является куда более сложным явлением мироздания (в самом первоначальном, атомном смысле этого слова — мироздания), я убедился еще десять лет назад, когда в силу определенных обстоятельств жизни свел знакомство с экстрасенсами.

Первый из них, художник-график по профессии, был официально оформлен лаборантом в Институте педиатрии Минздрава России, а неофициально раз в неделю под строгим врачебным контролем вел там лечебные сеансы. Когда однажды я находился в кабинете, где он вел прием, туда ввели под руки — почти внесли, так будет вернее — пожилого профессора с сердечным приступом, который не снимался нитроглицерином. "Инфаркт, наверное?" — ложась на кушетку, сумел спросить профессор. Художник-график, совершив над ним несколько пассов, полминуты спустя откровенно покачал головой: "Ин-

фаркта нет, точно". Минуты через три бледное лицо профессора стало розоветь, а через десять минут он на своих ногах, не чувствуя абсолютно никакой боли, уне покинул кабинет.

На сеансах Алексея Еремеевича Криворотова, одного из сильнейших экстрасенсов той поры, жившего тогда в Тамбове, а некоторое время спустя перебравшегося в Краснодар, я неизменно засыпал. Я не подвергался лечению, а лишь присутствовал, находясь в двух, трех, четырех метрах от него. Каждый раз я говорил себе, что уж нынче-то точно осилю себя, не поддамся Морфею, и не было ни единого раза, когда бы этот господин меня не одолел. "И не сопротивляйтесь, — сказал мне Криворотов, когда я признался ему в своем грехе, — все равно уснете. Это такой побочный эффект". Надо отметить, что лечил он совершенно бесплатно, одним наложением рук. Я сидел от него сбоку, а то и за спиной. Глазами мы не встречались, то есть ни о каком гипнотическом воздействии не могло быть и речи. Тем более что гипнозу я не поддаюсь.

В одно из посещений его квартиры Криворотов показал мне фотографии своих рук, сделанные в высокочастотном электромагнитном поле. Свечение, возникающее вокруг физических тел при подобном фотографировании, называется "эффентом Кирлиан". И оно есть абсолютно у каждого материального объекта. Замечательно в фотографиях Криворотова было то, что это свечение вокруг его пальцев было не таким, как у обычных людей, а каждый палец как бы испускал протубе-

ранцы. Буквально подобные селенечным.

Тогда же, когда это происходило, осенью 1988 года, в тамбовской городской газете была напечатана информация о некоей одиннадцатилетней девочке, которой усиленно занимались местные психоневрологи. Четвероклассница читала с завязанными глазами, читала то, что писалось в соседней комнате, давала "по заказу" портреты людей, находившихся в других помещениях, которых никогда прежде не знала и не видела. Прочитав эту информацию, Криворотов быстро разыскал девочку и буквально вырвал из рук врачей. К той поре ей уже сделали пункцию спинномозговой жидкости, никаких отклонений от нормы не обнаружили, но все же сочли ее странное умение читать и видеть сквозь стены психическим заболеванием и уже начали "глушить" нейролептиками. На одном из демонстрационных сеансов юной ясновидящей я был, надевал ту самую черную повязку, которой завязывали глаза ей — нет, повязка закрывала глаза так плотно, что ничего подглядеть при всем желании было невозможно.

А как-то я стал свидетелем лечения Криворотовым своей постоянной пациентки на расстоянии. Раздался телефонный звонок, его позвали к телефону, он коротко выслушал звонившую, положил трубку и, отойдя в сторону, сосредоточился, как бы ушел в себя, отъединившись от всех. Так продолжалось минут семь-восемь, после чего он вернулся к прежним занятиям. Еще минут через двадцать раздался новый звонок. Теперь Криворотов сам снял трубку. "Что, померили давление? —

спросил он. — Какое?" Давление у его пациентки в Москве, за полтысячи километров от Тамбова, было нормальное.

Слова "парапсихология", "психофизика" мы услышали лишь в последние годы, когда стали возможны достаточно подробные публикации о различных аномальных явлениях, появилось множество статей о Ванге, возник и стал официально функционировать Фонд парапсихологии имени Л.Л.Васильева с музеем парапсихологии, начал выходить журнал "Парапсихология и психофизика".

Между тем парапсихологией как наукой в бывшем Советском Союзе в 60-80-е годы, несмотря на официальный запрет, занимались не единицы, а многие десятки, если не сотни людей, и даже настоящие исследовательские группы. Одна из таких групп — на общественных началах — функционировала под покровительством члена-корреспондента Академии наук СССР Александра Спиркина в Фурманном переулке в Москве. Конструировались приборы, способные измерять ауральное электромагнитное поле человека, проводились опыты по телекинезу, левитации, телепортации, строились теории, при помощи которых пытались объяснить непонятные, но несомненно существующие явления.

Результатом работы таких общественных групп явилось то, что исследованиями в области парапсихологии заинтересовались и вполне официальные учреждения. Тот же Криворотов вместе со спасенной им от рук психиатров юной ясновидящей был приглашен в Краснодар (почему и переехал туда), в секретнейший институт ра-

диоэлектроники, его семье и семье девочки из жилищного фонда города были выделены квартиры. Числясь младшим научным сотрудником, бывший подполковник бронетанковых войск выполнял на самом деле роль подопытного кролика. Как и юная ясновидящая.

На Западе в эти же годы парапсихологией занимались вполне открыто, получая на свои исследования гранты от правительств, общественных фондов, многие крупные корпорации создали специальные лаборатории по изучению пси-феноменов. А "отцом" парапсихологии как науки считается американец Джозеф Бэнкс Райн, профессор психологии из университета Дьюка. Это ему принадлежит большинство терминов, которыми сейчас пользуются в парапсихологии, и знаменитые карты Зенера родились в его лаборатории. Для русского уха "карты Зенера" звучит достаточно загадочно, мистично, слышится перезвон со словом "звезды", а там по ассоциации следует уже и "космос", "галактика", "Вселенная". В некоторой степени подобная перекличка правомерна (что будет показано дальше), но в действительности Зенер — это был такой сотрудник у Райна. И вот он для опытов по телепатии вместо обычных игральные карты, которые тогда использовал Райн, предложил другие, специальные, состоящие из 5 различных символов. Сначала эти карты делались кустарным способом, рисовались от руки, и лишь позднее, через несколько лет исследователи додумались заказывать их у производителей обычных карт.

До сих пор кто-нибудь время от времени принимается опровергать результаты опытов Райна, разоблачает его как человека, слишком вольно обращавшегося с этими результатами. Будто бы он, будучи человеком исключительной личной порядочности и честности, в то же время постоянно находил оправдания отрицательным результатам, не учитывая их, не хотел анализировать. Другими словами, желая обманываться — обманывался.

Одна из таких попыток разоблачения принадлежит французскому журналисту Мишелю Рузе, опубликовавшему в журнале "Сьянс э ви" статью, где он пишет, что Райн как человек мистического склада, пришедший к исследованию паранормальных явлений из занятий спиритизмом, признавал лишь те факты, в которые ему хотелось верить, зачастую видел, что имеет дело с ловкими фокусниками, но находил их действиям оправдание. В качестве примера журналист приводит самые первые опыты Райна в 1927-28 годах — с молодой кобылкой Леди Вондер.

У лошади был талант угадывать задуманную цифру, букву или любой другой знак, показывая мордой в кубик или картонку с его изображением. Райн загадывал из имевшегося набора знаков какой-то один, записывал его себе в блокнот (никому не показывая!), мысленно сосредотачивался на нем, одновременно пытаясь внушить его Леди Вондер, и та некоторое время спустя тыналась мордой в изображение того самого знака, что был записан в блокноте. Естественно, удачи сопутствовали опытам не всегда, лошадна,

бывало, и ошибалась, но частота удач исключала всякую возможность счастливых совпадений.

В одной из статей об опытах с читающей мысли кобылкой Райн сообщил, что когда он, записывая в блокнот загаданный знак, находился за спиной миссис Фонда — хозяйки Леди Вондер, — эксперимент, как правило, не удавался. Тотчас этот факт был интерпретирован противниками всякой "мистики" как несомненное шарлатанство со стороны миссис Фонда.

Известный фокусник Мелбурн Кристофер, познакомившись с нею, провел свой собственный эксперимент. Не открываясь ей, кто он такой, фокусник попросился на демонстрацию опытов и, загадывая цифру, сделал вид, будто бы пишет в блокноте цифру "8", хотя на самом деле написал "3". Лошадка показала "8". Этого единственного простого акта проверки Кристоферу хватило, чтобы всю оставшуюся жизнь пребывать в уверенности: хозяйка Леди Вондер элементарно читала записываемый знак по движению карандаша — что, в принципе, умеет хорошо делать любой иллюзионист и что входит составной частью в его технику, при помощи которой и проделываются те цирковые трюки, когда животное, подчиняясь тайному знаку дрессировщика, вытаскивает загаданные слова, буквы, цифры.

Сомнений в том, что чтение мыслей лошадкой Леди Вондер — это цирковой номер и ничего больше, у известного фокусника не возникло. А напрасно. Потому что тогда обманщиком и шарлатаном следовало бы назвать и знаменитого дрессировщика Влади-

мира Дурова, и выдающегося ученого, психолога и психиатра Владимира Бехтерева.

Дело в том, что исследования в области пси-феноменов, а именно мыслепередачи на расстоянии (телепатии, выражаясь современным языком), в России начались еще раньше, чем ими занялся Райн в Америке. И пионерами этого дела были именно Дуров и Бехтерев.

Дурова, наверное, должно называть не просто дрессировщиком зверей, а зоопсихологом. То, что животные способны воспринимать мысленные команды человека — абсолютно без всяких слов! — он открыл для себя еще в 1880 году. В созданной им зоопсихологической лаборатории ко времени его смерти в августе 1934 года было поставлено и задокументировано без малого 10 тысяч опытов. В нескольких опытах в разные годы принимал участие и Бехтерев. Точнее, он не просто участвовал, а был их постановщиком и затем собственно-ручно описал.

Вот один из таких описанных им опытов.

Собане по кличке Пинки нужно было, согласно задания Бехтерева, вскочить на стульчик у рояля и ударить лапой по клавиатуре, в правой ее части. Дуров, получив от Бехтерева задание, взял мордочку Пинки в ладони, удерживал ее в недвижности несколько секунд, глядя собане в глаза прямым, сосредоточенным взглядом, затем отпустил. Получив свободу, Пинки тотчас стремительно бросилась к роялю, вскочила на стул и с размаху ударила лапой по правой стороне клавиатуры.

Дуров выступал в этих опытах в роли индуктора (того, кто передает мысль), потому что именно он среди всех участников экспериментов обладал наибольшими способностями к внушению. Однако Бехтерев никак не мог удовольствоваться пассивной ролью наблюдателя и очевидца. В очередной раз он решил взять роль индуктора на себя.

Первая его попытка окончилась провалом. Задание Бехтерева собаке состояло в том, чтобы она вскочила на стоящий в комнате круглый стол и осталась бы там сидеть. Повторив все действия Дурова — взяв собачью морду в ладони, заставив собаку замереть на несколько секунд и сосредоточенно глядя ей в глаза, — академик мысленно "послал" ей задачу. Но когда он отпустил Пинки, та вместо того, чтобы заскочить на стол, стала просто носиться вокруг него кругами. Поразмыслив над этим, Бехтерев пришел к выводу, что его посыл задачи испытуемой собаке неверно сформулирован. Он пытался послать ей образ стола, в то время как, кроме него, необходимо было внушить ей и то движение, которое она должна была совершить.

Вторая попытка оказалась удачной. Едва академик отпустил Пинки, она рванула к столу, в один прыжок взметнула себя на него и уселась там.

Бехтерев умер в 1927 году. Дуров, как уже говорилось, в 1934. Никто после этого никакими подобными опытами в Советском Союзе не занимался. В сталинские времена это было просто опасно для жизни. Если сажали и расстреливали за генетику, то уж за всякие эксперименты в облас-

ти пси-феноменов превратиться в "лагерную пыль" ничего не стоило.

Все понемногу стало восстанавливаться с конца 50-х годов. Оттаивая от страха, люди, обладавшие экстрасенсорными способностями, начали признаваться в том другим, искать применения этим способностям, во всяком случае — заявлять о них. Это происходило спонтанно, само собой. Снажем, тот же Криворотов свои необыкновенные целительные свойства обнаружил совершенно случайно во время войны, на которой воевал батальонным замполтехом. Сидя с ранеными товарищами в ожидании подхода медицинской помощи, утешая их и уговаривая потерпеть боль, он с удивлением увидел, что буквально заговаривает боль своими уговорами, а наложением рук останавливает кровотечение. После войны, таща лямку военной службы, переезжая из округа в округ, Криворотов, будучи человеком исследовательского склада, принялся экспериментировать и обнаружил, что может не только останавливать кровотечение и снимать боль — головную, зубную, желудочную, — но и лечить различные внутренние болезни: выводить камни из желчного пузыря и почек, останавливать воспалительные процессы, заживлять язву желудка. Свою целительскую практику, пока это было опасно, он не только не афишировал, но всячески скрывал, хотя это и было довольно трудно: занимаясь целительством, он через некоторое время стал "зависим" от него — подобно тому, как зависим от наркотина наркоман. Если вдруг несколько дней у него не было пациентов, ему становилось плохо, его

буквально переполняла некая сила, ищущая выхода, и, не находя, буквально разрывала изнутри. Сын Алексея Еремеевича, Виктор, рассказывал, что в таких случаях отец просто выходил на улицу, шел в магазин, на рынок — и находил себе пациентов там. Естественно, когда стало возможным выйти не только на улицу, но и вообще из "подполья", Криворотов это сделал.

Вслед тому, как экстрасенсы стали выходить из подполья, появились исследователи паранормальных явлений. В конце концов сложилась та, описанная выше ситуация, когда изучением психических феноменов стали интересоваться вполне официальные учреждения. Постепенно парапсихология в России, по-прежнему не будучи допущена в круг классических наук, тем не менее наукой становится.

Какие же пси-явления современная парапсихология относит к разряду несомненных, достоверных и — при всей своей фантастичности для обыденного сознания — тем не менее неоспариваемых?

Прежде всего это, конечно же, — телекинез и телепатия (рассматриваемая некоторыми исследователями как частный случай ясновидения).

Телекинезом называется воздействие силой мысли, абсолютно без всякого мышечного напряжения, на любой физический объект, в результате чего он совершает перемещение в пространстве.

"Фокусы", показываемые знаменитым Ури Геллером, о котором достаточно много писали и в нашей печати, относятся как раз к разряду телекинеза (западный

термин — психонинез). Причем, ему удается повторять эти "фокусы" в самых психологически неблагоприятных обстоятельствах. Остановка часов на Биг Бене — самый его прославленный "трюк". И можно было бы полагать, что это действительно всего лишь иллюзионистский трюк, если бы в чистейших лабораторных условиях он запросто не гнул чайные ложечки из нержавеющей стали, не разрывал пополам лежащий под колпаком лист бумаги.

Телепатия — это передача мыслей без участия органов чувств от одного человека к другому. Впрочем, не обязательно от человека к человеку. Опыты Дурова и Бехтерева — классический пример телепатии, только в качестве приемника выступает собака. Кстати, в опытах Райна с лошадкой Леди Вондер присутствие на площадке миссис Фонда, хозяйки умной кобылки, было, возможно, совершенно необходимо. Миссис Фонда, вполне вероятно, играла роль некоего "усилителя" мысленного сигнала и могла при этом выполнять ее, лишь находясь в отношении профессора и своей лошадки в положении "глаза в глаза".

Следующим явлением в этом ряду стоит **телепортация** — то есть мгновенное перемещение физических тел из одной точки пространства в другую, даже при наличии защитных экранов или других подобных преград. Примерами телепортации в популярной литературе, как правило, являются несколько "оглушающих" случаев: конный средневековый рыцарь в доспехах Ливонского ордена, обнаруженный в целостности и сохранности на четырехметровой

глубине в одном из болот на острове Пасхи; солдат-часовой, живший в 16 веке, — он стоял на посту у дворца в Маниле и вдруг обнаружил себя точно так же стоящим на часах уже у губернаторского дворца в Мексике. Однако есть куда более убедительные, а самое главное, строго задокументированные случаи. Собственно, это не случаи, а факты телепортации, полученные в специальных экспериментах, проходивших в строго контролируемых условиях под наблюдением ученых.

Например, знаменитый китайский экстрасенс Чжан Баошэн совершенно спокойно, на глазах у исследователей, собственноручно запаивавших стеклянные сосуды, извлекает из них наружу находящиеся внутри предметы. По своему выбору, по выбору экспериментаторов. При этом сосуд может находиться у него в руках, в руках экспериментатора, стоять отдельно на столе. В одном из опытов он перенес через преграду в виде платяного шкафа деревянную рейку длиной 82 сантиметра и весом 85 граммов.

Ретроскопия (чувственное восприятие прошлых событий без всякой известной информации о них) и **проскопия** (подобное же восприятие, узнавание будущего) — это то, чем в полной мере владела, скажем, знаменитая Ванга. "Ясновидящая", как ее часто называли, — это, с точки зрения парапсихологов, не совсем верно. Ясновидение определяется ими как умение "видеть" события, происходящие где-то в другом месте, зачастую за сотни и тысячи километров от воспринимающего их, и — самое существенное — в настоящее время.

Явление перехода веществ одно в другое, изменение их физико-химических свойств называется **трансмутацией**. Поразительные результаты в трансмутации показывает 46-летний китайский экстрасенс Янь Синь (в Китае вообще очень много сильных и неординарно работающих экстрасенсов). Эксперименты с ним проводила лаборатория Института высоких энергий Академии наук Китая. На расстоянии в тысячу километров он изменял время радиоактивного распада америция-241. После его воздействия — так же на расстоянии — в образцах ДНК и РНК, двух важнейших биологических молекул, внутри молекул разрушались водородные связи и изменялись их синтезирующие способности. А когда ему было предложено воздействовать на смесь водорода и окиси углерода, которая является основой для синтеза бензина (все на расстоянии!), то после окончания эксперимента обнаружилось, что в смеси появилась двуокись углерода — компонент, присутствие которого характерно при синтезе бензина. Но при синтезе бензина, чтобы это произошло, во-первых, нужны специальные катализаторы, а, во-вторых, температура 240 °C!

Как ни странно, некоторое расхождение мнений среди парапсихологов существует в отношении явления **биопритяжения**. Это когда человек без всяких мышечных усилий удерживает на теле любые по форме и качеству (деревянные, пластмассовые, металлические и т.д.) предметы. Например, президент российского Фонда парапсихологии имени Л.Л.Васильева Андрей Ли в разговоре со мной категорически отвергал

паранормальный эффект явления. Все дело в свойствах кожи, объяснял он мне, степени ее сальности. Если у человека, демонстрирующего подобное прилипание предметов, натереть кожу тальком, то такого прилипания больше не наблюдается.

Однако подавляющая часть исследователей считает биопритяжение таким же пси-феноменом, как и телекинез, и телепатия. Действительно, какой сальности должна быть кожа, чтобы человек был в состоянии удерживать в вертикальном положении не только десяток кирпичей, но и стальные пластины весом в 120 килограммов! А именно таков был вес этих пластин, которые удерживал на себе в течение 32 секунд 68-летний пенсионер из Братиславы Карол Остертаг. Это произошло буквально минувшим летом. Кроме того, к предметам, которые непосредственно соприкасаются с кожей, человек-магнит может прикладывать другие предметы — и они, в свою очередь, будут прилипать уже к тем, что в прямом контакте.

Но, безусловно, наиболее впечатляющими, поражающими воображение являются **материализация и левитация**.

Левитация — это свободное подвешивание предметов или тела человека в воздухе, их парение в нем, как если бы на них перестали действовать гравитационные силы Земли. Такое парение демонстрируют некоторые йоги, сидя в своей традиционной, "йоговской" позе со скрещенными ногами, — правда, происходит оно в виде непрерывных подлетов-опусканий, но очень высоких, до 70 сантимет-

ров, и невероятно частых, как если бы, соприкасаясь с землей, они тут же отщелкивались ею обратно вверх.

Бразильский пастор Кеведо обладает способностью поднимать пассами рук лежащего перед ним человека точно в том же горизонтальном положении, в котором тот находился на земле, на высоту до полуметра. Эта демонстрация способностей бразильского пастора задокументирована исследователями-очевидцами, сделаны фотографии.

Что до материализации, то это — возникновение абсолютно реальных, материальных предметов из ничего. Из воздуха. Из пустоты. Вот еще мгновение назад ничего не было — и вдруг есть.

В мире существует лишь несколько людей, способных к материализации. Один из них, и самый знаменитый — 72-летний Шри Сатъя Саи Баба из Индии. По его мысленному желанию в руках у него, в которых до того ничего не было, появляются фигурки из слоновой кости, сандалового дерева, различные поделки из сапфира и топаза, и все это он во множестве раздает присутствующим на этих сеансах людям. Он может позволить "вырасти" на одном и том же дереве самым разным фруктам: апельсинам, яблокам, грушам, манго, бананам. В том числе и таким, которые в Индии вообще не растут. Главное, чтобы он знал этот фрукт, представлял его себе. По силам ему превращать воду в бензин или дизельное топливо. Все эти чудеса документально подтверждены многими учеными с мировыми именами. Среди них — профессор психологии Э.Харальдссон из Исландии. Он наблюдал за

Саи Бабой и изучал его способности в течение нескольких лет, снимал сеансы материализации на видеопленку — и клятвенно подтверждает: все, появлявшееся в руках замечательного индуса, появлялось из ничего.

Такие явления, как выход из тела (считая астральные путешествия, "жизнь после смерти", реинкарнацию) и хирургия без скальпеля (другие названия — филиппинская хирургия, психирургия), находятся на границе признания парапсихологией. Их невозможно проверить приборно, они носят строго индивидуальный характер, их нельзя воспроизвести в другой обстановке. А парапсихология, постепенно становящаяся наукой, относится к условиям, которые выдвигает классическая наука к физическим явлениям, дабы признать их реальность, очень серьезно. Не подтверждено независимыми очевидцами, не повторено другой группой исследователей — значит, не существует. Ну, если уж быть не столь суровым, то, может быть, и существует, но пока не изобретены способы проверки.

Впрочем, что касается выхода из тела, то тут кое-какие способы проверки были изобретены. Так, в начале 90-х годов петербургский исследователь, кандидат физико-математических наук Константин Норотнов провел серию экспериментов с трупами только что умерших людей, делая газоразрядные фотографии костей. Обнаружилось, что то самое свечение, которое известно как "эффekt Кирилан", у трупа отнюдь не равномерно-спокойно, как у предметов неживой природы, а имеет свои спады и подъемы — пульса-

цию — и становится равномерным, "неживым", как правило, через двое с половиной суток. Согласно религиозным воззрениям, как мы все знаем, душа окончательно оставляет тело на третьи сутки.

Астральные путешествия, о которых говорилось в самом начале, — одно из сверхострых ощущений, которые дарит человеку его измененное сознание. Для того, чтобы "выйти в астрал", нужна основательная предварительная подготовка. Она основана на упражнениях, взятых из практики йогов. В первое путешествие новичок обязательно отправляется со своим учителем. Иначе, отделив свою астральную сущность от физической, он может затем не суметь соединить их вновь. Кроме того, выход в астрал требует полного, абсолютного уединения и стопроцентной гарантии, что в течение того времени, пока человек находится в путешествии, его никто и ничто не потревожит.

Выход не зависит от времени суток и осуществляется из положения лежа на спине, с закрытыми глазами. Лучшее ложе для этой цели — деревянный топчан с тонким поролоновым матрасиком, чтобы тело находилось в ровном горизонтальном положении, не имея никаких прогибов. Мягкий пружинный диван — это то, что напрочь противопоказано.

Опытным астральным путешественникам, чтобы выйти из своего физического тела, достаточно буквально нескольких десятков секунд — минуту-полторы. Моему приятелю Виктору Г. необходимо не менее пяти минут. Что, впрочем, тоже является неплохим показателем.

Выход происходит незаметно и словно бы произвольно. Человек вдруг ощущает, что он начинает подниматься над своим ложем и парить в воздухе. Поднимаясь, можно перевернуться и посмотреть туда, откуда ты взлетел. Увидишь самого себя, лежащего внизу с закрытыми глазами, — свое физическое тело, чуждое в этот момент твоему "я", как лежак, на котором оно лежит, как стул рядом, как цветок на подоконнике — как весь прочий вещный мир.

Вещный мир при этом становится для тебя полностью пронизываемым. Стены, потолочные перекрытия, стекла окон — все есть и ничего нет. Ты можешь свободно перемещаться в пространстве, не обращая внимания ни на какие препятствия.

Перемещение в астрале происходит посредством представления. Хочешь оказаться в тысяче километров от того места, откуда "стартовал", в некой определенной точке, представил, что ты там находишься, — и ты обнаруживаешь себя в точке "назначения". Эта точка может быть как хорошо известна тебе по физической жизни — где ты жил, неоднократно бывал, — так и совершенно неведома: какая-нибудь Гваделупа, в которую тебя в физическом мире никогда не заносило и не занесет. Важно, однако, знать, где эта самая Гваделупа находится, чтобы представить себе ее географическое расположение. Не представляя этого, туда не попадешь или залетишь совсем в другое место — о котором и вообще не имеешь понятия.

Путешествовать можно не только по Земле. Можно очутиться на Луне, в любой точке Солнечной системы, Вселенной — глав-

ное, знать, куда держишь путь, помнить, где исходная точка твоего путешествия. Почему в первые путешествия и отправляются обязательно с наставником? Потому что упоение полетом в астрале, эйфория от него так велики, что потерять голову — пара пустяков. Между тем, чтобы путешествовать в космосе, нужно, по крайней мере, великолепно разбираться в карте звездного неба и, заказывая себе, предположим Альдебаран, точно видеть его расположение относительно Земли.

Впрочем, космическое путешествие в астрале — почти верная гибель. Опытные путешественники по астралу никогда не позволяют себе улетать от Земли слишком далеко.

Их путешествия, в основном, земные. В места, где хочется побывать, но обстоятельства жизни (физической) не позволяют. К различным людям, которые по той или иной причине интересны путешественнику. За человеком иногда приходится погоняться. Методика тут та же самая, что и при перемещении в нужную пространственную точку: необходимо представить себе место, где человек может сейчас, в данный момент, находиться. На работе, дома, в транспорте, в магазине, в кафе, в кинотеатре. Но его может не оказаться ни в одном месте, ни в другом, ни в третьем. Он может находиться где-то в совершенно неизвестном месте, — и тогда встреча не состоится.

Но, предположим, она состоялась. Общение в астрале — это общение астральных тел. Однако по виду астральные тела — полная копия физических, и, встретив того, кого искали, вы его непременно

но узнаете. Но вот лично астральный человек заметно отличается от физического. Вы это ощутите по себе. Вы будете испытывать симпатию к людям, к которым в физическом существовании вас ничуть не тянет. И наоборот: чувствовать антипатию к тем, кто в физической жизни вам близок и дорог. Вы можете даже иметь в астрале секс. И опять же: это может произойти с человеком, о близости с которым в физическом существовании вы и не думали. А то и не мечтали. При этом по возвращении в физическое тело будете испытывать все остаточные симптомы близости: усталость, дрожание ног, может быть, да и состояние полной вымотанности — в зависимости от того, как там все у вас протекло.

Путешествуя по астралу, ни в коем случае нельзя забывать о точке, где ты оставил свое физическое тело. Забывчивость может иметь весьма печальные последствия. В виде твоего холодно-

го трупа в физическом мире. При этом течение времени в астральном и физическом мирах совершенно различно. Путешествуя по астралу, можешь прожить неделю, месяц, даже год и больше, а вернешься к себе на топчане, откроешь глаза — минули какие-то несчастные пятнадцать минут.

— А зачем ты вообще этим занимаешься, зачем тебе это нужно? — не мог не задать я своему приятелю сакраментального вопроса.

Виктор Г., улыбаясь, начал говорить.

— Зачем дети качаются на качелях? Только астрал — это такое, что по-настоящему не сравнить ни с чем, ни с какими качелями. А кроме того, прекрасно восстанавливает в тебе равновесие всех жизненных сил. Пятнадцать минут астрала — и, если был болен, завтра здоров, а иссох от невезенья и неприятностей, через несколько часов свеж, как огурчик, и готов снова в бой. ■

Ирина ПУТЯЕВА

* * *

*Мы друг другу давно не рады.
Только тени, они порою
притворяются, будто рядом,
будто следуют за тобою.
Кто их знает:
что там, между ними,
но иная, должно быть, пропасть,
коль по-прежнему:
"Обними меня", —
тень моя, отставая,
просит...*

* * *

*Путевой обходчик,
не ходи за мной:
нас ведет, как хочет,
этот путь земной.
И до той стоянки
скорбных алых роз
я хочу, чтоб ангел
на руках донес.
Мне хотелось будней
пересилить грусть.
Но пути не будет,
если я вернусь...*

* * *

*Силой меряясь с богами,
хрупкой палочкой в бокале,
я в изысканном бою
душу выпила твою.
И душа твоя хмельная
бродит, выхода не зная,
пошлой прозой и грозой...
Прорывается слезой.*

ЯНУС

*Как пасьянс, раскидала
наши смутные дни.
Лишь на миг увидала
лик, что спрятан в тени.
Мир двоится, как Янус,
в звонкой пляске монет.
Я сама разрываюсь
между "да" или "нет".*

Но в извечной дилемме
пролетают года.
Скорым поездом время
нас везет в никуда.
Там огонь сладострастный
не рождает измен...
Все спокойно и ясно —
без крутых перемен.

* * *

Мы словно жили понарошку
и умирали — навсегда.
Судьбу подброшу на ладошке:
там — слово “нет”,
там — слово “да”.
И привыкаешь, и несешь,
слепой — как дождь,
немой — как семя,
в пустыню — боль,
на камни — дрожь...
Над головой — петля да время.
А под ногами — лужи лжи.
И тени набраны курсивом.
К чему мне жизнь?!
Ты напиши меня,
о Господи,
на синем...
Ты дал мне плоть,
и плоть — не ту,
прости,
и этот мир не годен...
Ужели не было полотен,
а только
СПАСЫ НА ПЛАТУ...

* * *

Говорили мне не вы ли:
“Я хочу влюбиться навзничь...
Пусть любовь пройдет навывлет,
если смерть чего-то значит”.
Этот день такой домашний,
теплый, тихий, в стиле “ретро”...
Так давай запомним лето наше
в стоптанных ромашках.
Где и кто распят заочно
на клочках судьбы своей?
На запястьях — многоточье
вздурлось шляпками гвоздей.

“КОЗЫРНЫЕ

Николай ЛЕОНОВ

12 04999
199 52071
70315 00289

рисунок Алексея Остроменцкого

ВАЛЕТЫ

Пролог

Полковников милиции Сотина и Веткина застрелили шестого августа около двадцати одного часа. Тела лежали на асфальте возле личной машины полковника Сотина.

Старший оперуполномоченный по особо важным делам полковник Лев Иванович Гуров, стоя в стороне, наблюдал за осмотром места преступления, лицо его, казалось, застыло в болезненной гримасе. Он неохотно принимал участие в осмотре места преступления. Гуров не сомневался, осмотр лучше "важняков" проведут оперы, работающие "на земле". Сейчас, глядя, как работает группа, а любопытные, стоя за ограждением, вытягивают шеи, пытаюсь увидеть что-либо интересенькое, сыщик удивлялся поведению людей. Вот он, проработавший в розыске почти четверть века, видел множество трупов, однако и сегодня не способен спокойно смотреть на мертвого человека. Это же трагедия, чего здесь любопытничать, перекрестись и иди домой. Нет, стоят, и не один час, разглядывают...

Застрелили полковников на улице адмирала Макарова, что тянется от Войковского моста и идет параллельно Ленинградскому шоссе. Улица неширокая, сравнительно чистая и малолюдная, крупных магазинов здесь нет.

Сыщик ненавидел первые часы после громкого преступления. Толкотня генералов, высокопоставленных лиц, у каждого, конечно же, свое мнение, а иногда и версия, хотя еще и неба не видно. Позже, когда пороховая гарь осядет и станет ясно, что ловить в данном деле нечего, высокие генералы и чиновники тихо исчезнут в кабинетах, загородятся секретарями, совещаниями, заграничными поездками. Трупы и менты останутся один на один. Только тогда и начнется работа.

— Здравствуйте, Лев Иванович, — сказал подошедший к сыщику и.о. городского прокурора Федин. — О чем задумались?

В это время следователь прокуратуры Игорь Гойда, поставив перед собой большой ящик, принялся писать протокол осмотра. Гуров знал Гойду давно и всегда удивлялся, как тому удается удобно устроиться в, казалось бы, невероятных условиях.

— Думаю о том, Федор Федорович, что как в жизни не крутись, а всегда одно выходит — чем у человека поклажа тяжелей, тем больше ему на горб подкладывают. Уверен, у Игоря, — он указал на следователя, — дел в производстве поболее других, но и это его не минует.

Федина в прокуратуру назначили недавно. Хотя и молодой, но опытный, блестяще образованный, после университета учился в Кембридже. По служебной лестнице он поднимался на удивление быстро, говорил на нескольких европейских языках, отличался прекрасным чувством юмора и юношеской обидчивостью.

— Вы на что-то намекаете? — вспыхнул прокурор.

— Да ни на что... — флегматично ответил Гуров. — Произошло заурядное заказное убийство. А осмотр проводит один из асов прокуратуры, да еще и.о. прокурора пожаловал. Ему здесь уже совсем делать нечего. Думаю, все дело в тесте одного из погибших. Смотрите, даже контрразведка удосужилась извить-ся.— Гуров кивнул на своего давнего приятеля, заместителя начальника управления ФСБ генерала Кулагина. — Извините. — Сыщик отошел к своему заму, полковнику Станиславу Крячко.

— Станислав, — сказал Гуров, — когда тела начнут класть на носилки, окажись рядом, помоги санитарам. Не нравится мне, как у Веткина неестественно подвернута рука.

— Врач должен был ладони разжать, осмотреть, — неохотно ответил Станислав. — Но коли начальство велит...

Он подскочил к санитарам в последний момент, те уже вкатывали носилки в "скорую". Запрыгнув в машину, Крячко схватил все еще сжатую руку трупа и сел рядом.

— Родственникам нельзя! — крикнул дюжий санитар.

Станислав, по природе балагур и весельчак, с простецким лицом провинциала, умел мгновенно перевоплощаться. Состроив зверскую рожу, он металлическим голосом прорычал:

— Ты, паря, родственников с начальниками не путай. Ишь, принял стакан, и сам черт тебе не брат! Двигай!

Машина "скорой" отъехала. Прокурор подошел к начальнику Главка уголовного розыска генерал-лейтенанту Орлову, вежливо поинтересовался:

— Петр Николаевич, где собираемся?

— Прокуратура хотя и главнее, — недовольно буркнул Орлов, — но информация начнет поступать ко мне.

— Значит, поехали к вам.

Высокое начальство уехало. Толпа, не торопясь, начала расходиться. На асфальте остались две нарисованные фигурки недавно живых людей. Девчужка лет пяти прыгала рядом, играя в классики.

Глава первая

Орлов открыл дверь своего кабинета, жестом предложил проходить:

— Рассаживайтесь, коллеги, думайте о том, кто чем будет заниматься. А в заключение господин прокурор выскажет нам свои соображения, они же указания.

— Я так быстро не готов, — ответил Федин.

— Ничего страшного. Никто подлавливать вас не собирается. Сегодня скажете одно, потом дополните. Лев Иванович, составьте план оперативных мероприятий. Завтра мы его обсудим, разбавим водичкой, да и доложим в верха.

Генерал контрразведки Кулагин сказал:

— Я прикажу проинструктировать людей, попытаемся выяснить, не проглядывает ли связь убитых с кем-либо по нашей линии. Доложу через неделю.

— Моя группа слишком малочисленна, займемся жилым сектором. Сколько человек даст МУР? — спросил Гуров.

— Данный вопрос запиши на меня, — ответил Орлов.

— Возможно, использовали машину, — предположил Гуров. — Надо найти, где она стояла...

— Мартышкин труд. Машина, даже если и ждала убийц, никуда нас не приведет, — сказал начальник первого отдела МУРа Осокин. — Мы рассуждаем, словно двадцать лет назад. Но, Лев Иванович, те преступники либо давно спились, либо в зонах сгнили. Сейчас появилась новая формация.

— Ну чего вы, други старые, приуныли? Давайте, ежели есть что конкретное, выкладываете. Предположений уйма, но пока толкового ничего не просматривается.

Гуров поднялся, сухо произнес:

— Чтобы просматривалось, потребуется время, господин генерал-лейтенант!

— Садитесь, полковник. — Орлов махнул короткопалой ладонью. — Ну, все, потрепались и хватит. Всем службам оказывать полковнику Гурову максимальную помощь. Господин прокурор, держите его в строгости. Иначе пожалеете. МУР, мы с Гуровым выросли в вашем курятнике, так что помогите людьми, знаю, лишних нет, но плохих не давать, лучше сразу откажите. Все необходимые экспертизы провести завтра к двенадцати. Меня прошу без надобности не беспокоить. Все! — Орлов поднялся из-за стола, с каждым попрощался за руку, и.о. прокурора взял под руку, отвел к окну:

— Федор Федорович, Лева, случается, бывает несколько прямолинеен, но прошу вас, терпите его, сколько сил хватит. Это дело с двойным дном, если не с тройным. И если какой-нибудь сыщик способен добраться до убийцы, то это только Лева. Но он, увы, не сахар.

После в общем-то безрезультатного совещания у Орлова, Гуров вместе с Крячко и оперативниками в отставке Григорием Котовым и Валентином Нестеренко, которые привлекались к работе в чрезвычайных ситуациях, собрались в кабинете сыщиков.

— Ну, вот и все. — Гуров уселся за свой стол и закурил. — Мы ядро группы. Людей нам дадут, но рассчитывать должны только на себя. Мотивы?

— Может, лучше начать с характеристик киллеров, — предложил Станислав.

— Говори. — Гуров согласно кивнул.

— Очень высокий класс. — Станислав взял лист бумаги, начал чертить. — Как стояли? Не стационарная засада, движущи-

еся стрелки, огонь вели на ходу, из пистолетов "ТТ". Сделали по два выстрела только в голову. Все пули попали в цель.

— Там расстояние семь-девять метров, — возразил Нестеренко.

— Августовским вечером на улицах не так уж и темно, — парировал Крячко. — Не имелось другого решения? В сорока метрах от места нападения расположено здание РУВД. Правда, оно административное, оперативной службы не имеет. Однако в любой момент могла подъехать машина. Друзья, я живу в соседнем доме, в двадцати метрах от Ленинградского шоссе. Улица адмирала Макарова малолюдна, я знаю там каждый мусорный ящик, даже тот, за которым, видимо, находился один из убийц. И я тоже мог подъехать с минуты на минуту. Вывод: действовали высококлассные стрелки, ликвидация была крайне необходима.

— Спасибо, Станислав. Слов произнесено много.

Станислав скромно поклонился.

— Как считаете, машина была? — Гуров оглядел присутствующих.

— Сейчас пешком только домашние хозяйки ходят, — ответил Нестеренко.

— Когда начнет светать, погуляй там, найди место, где стояла машина. Хотя, полагаю, ее не было, — сказал Гуров. — Итак, вопрос: какой мотив? Григорий, не молчи, порадуя коллег хоть чем-нибудь. Например, почему Сотин остановил машину не у своего подъезда?

— Он расположен с другой стороны дома, — ответил Григорий.

— Тогда они не собирались заходить в квартиру, однако на улицу из машины вышли. Вы думаете, ворочаете мозгами? — повысил голос Гуров. — Или ждете указаний, куда идти и что делать? Стало быть, Сотин привез приятеля к своему дому, но в квартиру не пригласил. Допустим, им требовалось переговорить по дороге, но тогда Сотин высадил бы полковника у метро. А остановился он с обратной стороны дома...

— Со стороны подъездов много машин, офицеры не хотели, чтобы их видели, — заметил Станислав.

— Разродился. — Гуров встал, заходил по кабинету. — Итак. Убийство совершено профессионалами, а не отморожками и дебилами. Их оружие — не автоматы, а пистолеты, и стреляли исключительно в голову. Так уверенно могли действовать именно асы. Только на устранение очень серьезной поломки зовут серьезных мастеров. — Сыщик остановился возле Крячко и посмотрел на Станислава.

Крячко заморгал белесыми ресницами.

— Когда будет результат экспертизы? — жестко спросил Гуров.

— Завтра к десяти, — быстро ответил Станислав.

— Почему, черт возьми, так поздно? Я бы надавил через Шубина, эксперты б всю ночь работали! — возмутился Гуров.

— Я сунулся к Петру, он у первого, а мне туда не по чину...

— Ты подчиняешься мне. Доложи коротко, что известно.

— На левой ладони Веткина обнаружены следы неизвестного порошка. Соскобы взяты на анализ.

— Чего молчал?

— Не хотел трепаться раньше времени.

— Сотин — электронщик, Веткин — кадровик. Не будем торопиться, но, судя по всему, их служебное положение для убийства не подходит.

— Может, семья, или нечто личное, — пробормотал Котов.

— Гриша, думай быстрее и выражай свои мысли четче. — Гуров говорил раздраженно, что в принципе ему было не свойственно. Он взглянул на часы. — Завтра встречаемся в восемь. Я воюю с руководством и контрразведкой. Станислав, едешь на Петровку и не уходишь без заключения экспертов, что конкретно находилось на ладони Веткина. Нестеренко, отправляешься по месту преступления, собираешь оперов и участковых и составляешь почасовой график места нахождения нашей клиентуры. Кто, где, с кем, куда, зачем? Кто-то же должен был видеть убийц. Кого кнутом, кого пряником, но к вечеру мы должны иметь приметы, клички, еще лучше имена.

— И самих убийц уж заодно... — в тон Гурову добавил Станислав.

Гуров укоризненно посмотрел на Станислава.

— Самое серьезное и ответственное задание у Котова. Гриша, ты должен сделать невозможное. Надень черный костюм, тот, который мы тебе на свадьбу подарили, сходи в парикмахерскую. А потом Станислав отвезет тебя на квартиру к Сотину. Там наверняка будут толкаться большие генералы, из администрации Президента заглянут. Ведь тесть покойника — высокий чин. И уж ты, Станислав, Григория в обиду не давай, шепни хозяйке на ушко, мол, человек министра. Да, цветы не забудьте, но не шикарные, средний букетик.

— И что же я там буду делать? — растерянно спросил Котов.

— А это ты сам решишь. С завтрашнего утра, и пока все не разойдутся, ты в квартире находишься. Если за чем следует съездить, съезди. Ты должен дом почувствовать и понять. Усек?

— Лев Иванович, почему я? Вон Валентин какой видный гвардеец, да и Станислав бы там лучше меня все разведал в тысячу раз. И половину женщин бы соблазнил.

— Почему половину? — обиделся Станислав.

— Умолкни. — Гуров вновь обратился к Котову. — Гриша, ты умница. И очень подходишь для данной задачи. И вот еще: в семье имеется младшая дочь, постарайся рядом оказаться. Предлагаю легенду: у тебя личное горе, очень не хотел идти, но

начальство приказало. Не бином Ньютона, но порой на женщин действует.

А сейчас спать! И дай нам Бог удачи. У меня такое чувство, либо мы завтра зацепимся, либо... Шагать нам за горизонт.

В это же время в кабинете первого заместителя МВД России генерал-полковника Шубина пили чай хозяин, и.о. прокурора Федин и Орлов.

Настроение в кабинете царило угнетенное. Убили двух офицеров милиции, первичный осмотр конкретных результатов не принес, зато поставил множество вопросов. К тому же один из убитых являлся ближайшим родственником советника Президента. Значит, с блюстителей закона спросят вдесятеро. Да еще могут поднять шумиху газеты, телевидение...

— Петр Николаевич, вы у нас человек мудрый, вам первому и говорить, — тихо произнес Шубин.

— Сейчас нечего говорить, Василий Семенович, — спокойно ответил Орлов. — Гуров уже начал работать, завтра к обеду появятся первые результаты.

— Петр Николаевич, кто бы не возглавлял розыск, спрашивать будут с вас.

— Естественно, — вздохнул Орлов.

— Простите, Петр Николаевич, — вмешался в разговор Федин. — Почему вы сами не возглавили розыск, а поручили рядовому сотруднику?

— Гуров никогда не был рядовым, — улыбнулся Орлов. — Кроме того, на мне весь Главк, работы невпроворот. Я не буду сейчас говорить о всех своих предположениях, их слишком много, но по такому делу лучше Левы у меня специалиста нет. У него прекрасная команда, авторитет в городе. Гурову легко получить помощь любой службы, минуя не только меня, но и Василия Семеновича. Гуров не будет никому трепать нервы, и, если преступников разыскать возможно, он их разыщет.

— Кого бы вы хотели иметь следователем? — спросил Федин.

— Гойду Игоря Федоровича, — сразу ответил Орлов.

— Он с характером... У Гурова не будет со следователем неприятностей? — осторожно поинтересовался прокурор.

— У Гурова не бывает с людьми неприятностей. Они с ним либо работают, либо нет, — усмехнулся Орлов.

Григорий Котов, как и было приказано, надел черный костюм, белую рубашку, с утра побывал в парикмахерской, на выходе взглянул на себя в зеркало и удивленно застыл на месте. Он походил то ли на официанта, то ли на киношного гангстера. Полюбовавшись отражением, Котов отнесся к происшедшим в нем переменам философски, мол, будем носить внешность, какая есть, ничего с этим не поделаешь.

Станислав, ожидавший друга в своем "мерсе", увидев Гришу, от комментариев воздержался.

— Я тебя быстренько отвезу и — на Петровку. — Он деловито посмотрел на часы. — Веди себя прилично. Не забывай, что ты на похоронах, не тискай девиц и не напивайся.

Котов согласно кивнул и нерешительно произнес:

— Что я там буду делать?

— Обычно на поминках плачут и пьют. А чего от тебя ждет Гуров, мне не известно.

Они свернули с Ленинградского шоссе на Выборгскую улицу.

— Не заезжай во двор, я пройду. Спасибо. — Гриша выпрыгнул на тротуар и направился к дому.

Дождь, моросящий с раннего утра, кончился. Котов миновал длинную вереницу машин, стоящих возле подъездов, когда его окликнули:

— Сынок! — На скамейке сидели три пожилых женщины.

Он остановился, взглянул вопросительно. Женщина в вязаной кофте с бронзовым от загара лицом поднялась со скамейки, засеменила к Котову.

— Хоронить пришел? Так опоздал, все уже уехали и покойничка увезли. С покойным служил? Бог все видит. Не полагалась им пятикомнатная, по благу получили. — Она худой, жилистой и сильной рукой ухватила Котова за рукав. — Пойдем, отведу.

Опоздание Григория было запланировано, его интересовали квартира и домочадцы, а никак не кладбище.

— Не бойсь, работы на всех хватит. — Бабулька говорила быстро и как-то по-хозяйски. — Я тебя в помощь Ольге определю. Она хвора, с покойником здесь попрощалась. И кладбище не храм, главное — веровать, а лоб перекрестить и в доме можно. Не по божески квартирку-то отхватили... Да чего там, теперь поздно слова говорить.

Она вела Котова к лифтам, без умолку тараторя.

— Ты Николушку-то хорошо знал? — Она быстро перекрестилась. — В больших чинах, а мужик хороший был. Но уже в семье ему доставалось... Где ее, справедливость, найдешь? Только там Николаю за терпение воздастся.

Они поднялись на третий этаж. Дверь в квартиру убитого полковника оказалась открытой, женщины переносили стулья и посуду из соседских квартир. Котов тихо поздоровался и включился в процесс переноски различной утвари.

Часа через два столы в центральной зале были сдвинуты, женщины занялись сервировкой. Один из мужчин, явно офицер, одетый в штатский костюм, подтолкнул Котова к дверям кухни и многозначительно подмигнул. Григорий не курил и практически не пил, но Гуров его предупредил, чтоб не выделялся, и если служба потребует, то и скипидару хлебнул...

На кухне четверо мужчин, примерно однолетки, в темных костюмах и белых рубашках, окружили стол. Руководил "меро-

приятием" седой и кряжистый человек с властным взглядом. Проследив, что у всех налито, он поднял свой стакан:

— Мир праху раба Божьего Николая. — Выпил одним глотком, сунул в рот щепотку капусты. Заметив Котова, спросил:

— Откуда будешь?

— Розыск. Главк, — ответил Котов.

— Значит, Гуров. — Седой кивнул. — Этот своего не упустит. Сыскарь даже во сне подглядывает. И чего ты здесь хочешь найти?

— Михалыч, оставь мужика, — сказал сосед Котова. — Ему приказали придти, он и пришел. А ты на Леву бочки не кати. Мы выпили и разошлись, а ему пахать и пахать.

Разговор сразу переключился на убитых, на Котова внимания больше не обращали, имя Гурова не упоминали. По обрывкам фраз опер понял, что собрались здесь в основном технари. Ничего странного, Сотин работал инженером по электрооборудованию. Однако вскоре прозвучал вопрос:

— Не пойму, кому Николай дорогу мог перейти?

— Почему Николай, а не Веткин? — спросил кто-то. — Убили-то двоих.

— Яков в милиции всего неделю, и то занимался пропагандой. Ясно, убивали одного, а второго порешили за компанию.

— Глухой всяк. — Седой налил по второй. — Я в молодости двадцать лет в сыске отпахал, чую.

В это время в кухню вошла крупная женщина с резкими чертами властного лица. Оглядев присутствующих, она кивнула Котову на дверь:

— Пройдете со мной.

Гриша покорно последовал за хозяйкой, то, что женщина в доме хозяйка, сомнений не вызывало.

— Вас как зовут?

Сыщик увидел в глазах женщины боль и растерянность, быстро ответил:

— Григорий. Гриша.

— У меня к вам, Гриша, деликатная просьба. Я Чекина. Анна Павловна. Я мать вдовы... У меня есть младшая дочь, ее зовут Ольга. Она на кладбище не была, приболела, нервы, понимаете. Вы бы не могли с ней посидеть?

— К вашим услугам, Анна Павловна. — Григорий поклонился. — Но, думаю, лучше, если с дочерью побудет какая-нибудь женщина.

Хозяйка тяжело сглотнула:

— Вы назовитесь врачом. В комнату никого не пускайте, особенно отца. Он сейчас со всей гурьбой зайвится, самый пьяный будет. Справитесь?

— Может, лучше, действительно, врача пригласить? — спросил Григорий. — Я ведь даже...

Не дослушав, хозяйка открыла одну из дверей и подтолкнула Григория.

Спальня оказалась небольшой, уютной, обставленной без претензий. Белокурая девушка лежала, укрывшись пледом, спиной к двери и на звук шагов не повернулась.

— Олюшка, смотри, какого интеллигентного мальчика я тебе привела, он с удовольствием посидит с тобой, — сказала женщина и выскользнула из комнаты.

— Здравствуйте, Оля, меня зовут Гриша. — Котов осторожно присел на стул. — Я здесь тихо посижу, мешать не буду. Если что нужно, скажите, может быть, чай или горячее молоко?

— Да пошел ты! — Голос у Ольги был резкий, без малейшего намека на слезы.

Неожиданно для себя Котов рассмеялся:

— Оля, если бы вы знали, сколько раз меня посылали, и даже с указанием конкретного адреса.

Девушка помолчала, затем спросила:

— Вы что, из психушки?

— Из родственной организации, — ответил он.

Оля снова выдержала паузу, повернулась на спину и посмотрела на Котова сухими блестящими глазами:

— Врач? Санитар?

— И врач, и санитар, и прислуга. Оля, вы меня не стесняйтесь, хочется ругаться — валяйте.

— Вы хорошо знали Николая?

— Совсем не знал, — ответил Котов.

— А зачем пришли?

Григорий обратил внимание, что пальцы девушки сильно дрожат.

— Коля был несчастным человеком, — неожиданно сказала девушка. — Внешность, стать, красивая жена, мощный тесть... Любви не было.

— А вы? — неожиданно спросил Григорий. — Вы ведь любите Николая?

Ольга отвернулась, в глазах блеснули слезы.

— Я была маленькая, потому он не на той женился. И мама была против, она хотела, чтобы Ленка образумилась, не пошла в разнос. И хватит об этом! Он любил Елену! Я люблю Елену! Хватит!

— Понимаю. Извините.

— Понимает! — передразнила девушка. — В чужой жизни мы все понимаем!

За дверью слышались шаги, голоса.

— Прибыли! Не пускайте сюда никого! Я сплю! Слушайте, давайте выпьем, может, я и вправду засну. В тумбочке бутылка и стакан.

— А мне башку не оторвут?

Ольга обожгла его взглядом и, вытащив из-под пледа руку, начала открывать стоящую рядом с кроватью тумбочку.

Опер увидел на тонком локтевом сгибе синее пятно и несколько темных точек от укулов. Он накинул на Ольгу плед, достал из тумбочки початую бутылку коньяка, стакан. Ольга быстро выпила, юркнула под плед и накрылась с головой.

— Где тут наша голуба? — раздался за дверью громкий мужской голос.

Котов хотел придержать дверь, но ее открыли мощным рывком, в комнату ворвалась волна винного перегара, и на пороге появился помощник Президента Виктор Львович Чекин. Котов тихо сказал:

— Виктор Львович, ваша дочь только заснула.

— А ты кто будешь? — Чекин схватил опера за плечо.

— Вроде сиделки и охраны. — Котов не сдвинулся с места.

В комнату проскользнула хозяйка.

— Витя, иди к гостям, неудобно, — властно произнесла она.

Пробормотав: "Все сволочи", тот вышел из комнаты.

— Олюшка действительно спит? — Хозяйка пристально всматривалась в лицо сыщика. Он молча кивнул.

— Гриша, только не врите, Ольга просила чего?

— Просила, — он вновь кивнул. — И я налил ей граммов пятьдесят коньяка.

— И больше ничего? — она смотрела на сыщика, не отрываясь.

— Еще выпила глоток воды.

Хозяйка тяжело опустилась на стул, заговорила:

— Если этот кретин, — она кивнула на дверь, — начнет вас на службе преследовать, позвоните мне.

— Спасибо, Анна Павловна. — Котов заставил себя улыбнуться. — У вас очаровательная дочь. Было бы неплохо поселить ее за городом, скоро "бабье лето".

Лицо хозяйки стало жестким. Она усмехнулась:

— Я учту. Спасибо вам. А теперь будет лучше, если вы потихонечку исчезнете. Машина нужна?

— Благодарю, мадам. — Котов поклонился и вышел.

Глава вторая

В микрорайоне, где вчера застрелили двоих полковников милиции, с самого утра бесцельно шаталась высокая худая фигура опера и розыскника Валентина Петровича Нестеренко.

По валявшимся на тротуаре стреляным гильзам еще вчера определили, где находились киллеры. Спрятаться на улице и не попадаться местным на глаза было негде, и Гуров выразил предположение, что киллеры изображали прохожих, ожидая, когда полковник Сотин приедет домой. И так как ждали у дома Сотина, значит, именно он являлся объектом нападения, а полковник Веткин оказался жертвой случая.

Исходив "свой" участок вдоль и поперек, Нестеренко пришел к выводу, что машины у киллеров скорее всего не было. Вся территория была проходная, пешеходные дорожки переплетались, постоянно ходили люди, да и метро рядом, машина оказывалась обузой. Кроме того, каких-нибудь тридцать метров — и Ленинградка, по которой движется поток транспорта. Легче остановить частника и уехать, чем бежать к своей "тачке", которая может случайно засветиться.

Нестеренко вспомнил, как полковник Гуров удивлялся, почему Сотин не подвез друга до метро, а остановился у своего дома. Во двор не заехал, в гости не пригласил... Хотели еще немного погулять и поговорить? Возможно, но все равно странно. И киллеры не обычные. Они либо стреляют из автоматов, а если используют пистолеты, то стреляют практически в упор. Десять метров — не дистанция для тира, но в боевой обстановке надо иметь очень уверенную руку, тем более, если метишь в голову.

Нестеренко выпил у киоска банку пива и начал искать магазин, у которого собираются жаждущие и обсуждаются новости. Подходящего магазина не оказалось, два супермаркета сверкали витринами, иностранными вывесками, а около входа топтались охранники в форме. Здесь делать было нечего. Красивые и дорогие магазины жизнь опера сильно затрудняют. Раньше бы потолкался у винного отдела, сообразил на троих. И вопросов задавать не надо, все бы изложили в лучшем виде. Глядишь, из десяти пустых номеров хоть один, да оказался бы стоящим. А сейчас чистота, порядок и никакого клуба для отдыхающих и жаждущих.

Опер прошел мимо автомагазина для миллионеров и набрел на парикмахерскую. Заглянул. Около мужского зала сидели три модно одетых парня. Конечно, контингент не тот, однако, за неимением речки забрасываешь удочку и в собственную ванну. Он подошел, спросил, кто крайний, ответа не получил и робко присел с края.

Два кавказца в кожаных штанах и толстых свитерах на непонятном языке азартно спорили между собой. Опер чинно сидел рядом. Один из спорящих закурил дорогую сигарету и раздраженно сказал по-русски:

— Вах! Зачем говоришь, когда и выстрела никто не слышал!

— Я слышал, — спокойно сказал Нестеренко.

Парни дружно замолчали, взглянули на Нестеренко удивленно. Затем вновь заспорили между собой. Нестеренко ждал. Многолетний опыт научил его: если хочешь что-либо узнать — не спрашивай, а сделай вид, что знаешь больше, и помалкивай. Человек зачастую сам расскажет все, что знает, и еще будет просить дополнений и объяснений. Такой способ не всегда срабатывал, но шансы на успех имел.

Парни вновь повернулись к оперу:

— А когда стреляли?

— Стреляли? — удивился Нестеренко.

— Слушай, отец, ты дурака из себя не строй, сам сказал, что слышал! — вспыхнул кавказец. — Я тут “мазу” держу с приятелем, свидетелем будешь. Долю получишь.

— А ты, сынок, с отцом так же разговариваешь? — поинтересовался опер. — Я на Кавказе не бывал, но слышал, там к старшим уважение имеют.

Из зала выглянула девушка:

— Акоп, я освободилась.

— Извини, дорогая, у нас мужской разговор. Мы позже зайдем. — Акоп кивнул Нестеренко на дверь и пошел вперед. Второй парень дышал оперу в спину.

Нестеренко нехотя поднялся, вышел на улицу.

— Отец, извини, ты сказал, что слышал выстрелы?

— Ну?

— Когда слышал?

— И где? — добавил второй.

— А доля? — спросил опер.

— Да, может, совсем не о том разговор. Давай сначала выясним, где и когда, потом к палатке Акопа пойдем, может, и доля будет. Вчера вечером неподалеку разборка была, я с земляком поспорил, что он врет и выстрелов не слышал. А я слышал, у нас время не сходится.

— Разборка, может, убили кого, — протянул Нестеренко. — Мне такое надо? Я лучше помолчу.

— Никого не убили, отец, — успокоил Акоп. — Только наш земляк соврать любит, всегда все знает и треплется. — Он подумал и заговорил иначе: — Ну, замочили тут двоих, а чуть что — кавказцы виноваты, мы были недалеко, выстрелов не слышали, нас всю ночь в ментовке держали.

— Пойдем к твоему земляку, я его послушаю, — неохотно согласился Нестеренко.

Они уже дошли до угла Выборгской и Ленинградского, отсюда был хорошо виден дом, у которого застрелили полковников милиции. Оба кавказца взглянули на дом из светлого кирпича и быстро зашагали к расположенной на углу палатке.

— Отец, правду скажешь, я тебе литр “Абсолюта” поставлю.

— Много, могу захлебнуться, — усмехнулся Нестеренко.

Парни заскочили в палатку, один тут же вышел, встал рядом с Нестеренко видимо, решил стеречь ценного свидетеля. Пустышку тяну, подумал опер. Ребята вряд ли что-нибудь знают. И на роль исполнителей не подходят: те профессионалы, а парни — болтуны, обеспокоенные, чтобы их местная милиция не трогала.

Из модной, добротной оборудованной палатки вышел Акоп с земляком. Нестеренко высокий, жилистый, очень сильный, положил ладонь на плечо торговца, слегка придавил и милицейским тоном сказал:

— Здравствуй, меня зовут Валентин Петрович. — Парни подрастерялись, опер, не обращая на них внимания, продолжал: — Ну, расскажи, сынок, в котором часу ты вчера слышал выстрелы и чего интересного не рассказал в отделении милиции?

Акоп заговорил что-то на своем языке, но Нестеренко строго сказал:

— Говорить только по-русски, — и вновь обратился к торговцу: — Ты где находился, когда услышал хлопки? Ведь выстрелы походили на хлопки, и ты не сразу сообразил, что стреляют? — Руку с его плеча опер не убирал.

— Я товар разгружал с машины, здесь и стоял. — Парень сник, важность с его лица исчезла.

— Значит, ты стоял лицом к “Волге”, у которой и застрелили офицеров милиции. Значит, видел и стрелявших, особенно того, что стоял у мусорного бака.

Конечно, следовало его задержать, доставить в прокуратуру и допросить официально. Но, случается, что внезапный, пусть и неофициальный разговор дает больше, чем допрос под протокол.

— Как я его видел, гражданин начальник? — попытался возмутиться продавец. — Темнело, он по плечи виден, да и растерялся я!

— Ты, парень, себе срок не мотай. Молодой, в зоне не был, поверь, там медом не намазано! Ты сейчас в присутствии друзей мне правду расскажешь, а с отделением я дело улажу. Я полковник из Главка уголовного розыска. — Он достал свое удостоверение, а пистолет переложил в другой карман, словно случайно.

— Вы правы, хлопнуло несколько раз, — признался кавказец, — я и не понял, что стреляют. Когда увидел, что менты... — он смешался.

— Нормально. Менты, так менты, мы сами себя, порой, так зовем, — подбодрил парня Нестеренко. — Они упали?

— Ну да. Тут я трехнулся. Одного, хозяина “Волги”, я знал, он пиво любил, часто заходил.

— А стрелявшие? — спросил Нестеренко.

— Я только одного видел. Вы верно определили, он у мусорки стоял. Второго не видел, но шаги его слышал. За углом на Макарова прятался, когда побежал, на консервную банку налетел. А ближний — в сторону “Магистрала”.

— Так магазин называется, — пояснил молчавший до этого парень, по виду старший из всех.

— В “Магистраль”. Да. Но, думаю, не в магазин, а двором двинулся. И все шел, не бежал. Только когда за углом дома свернул, так и побежал.

— Значит, они в разные стороны подались, — утвердительно произнес Нестеренко.

— Точно, в разные.

— Ну, лады. Теперь самое неприятное, пойдем в отделение бумаги писать. Извини, сам не люблю, но порядок. По дороге вы мне покажете, как тем двором на Ленинградку выйти...

Около девятнадцати опергруппа собралась в кабинете у Гурова. Настроение было не из лучших. В принципе, никто и не ждал, что за день удастся выйти на нечто существенное.

Гуров внимательно изучил все рапорты, закрыл уже пухлую папку, сказал:

— Отбросив шелуху, можно предположить, что один из киллеров чуть выше среднего роста, худощавый, темно-русый, лет тридцати пяти. Он ушел дворами в сторону Ленинградского шоссе. Приметы второго неизвестны, судя по размеру обуви и ширине шага, преступник имеет рост около ста восьмидесяти сантиметров, вес семьдесят пять или около того.

— С такими приметами мы далеко уедем, — заметил Станислав и, упреждая замечание Гурова, поднял руку. — Я не критиканствую, Лев Иванович, констатирую, что эта печка не годится, требуется другая. Самое лучшее — выявить мотив. Остаточные следы героина на ладони покойного Веткина и следы уколов на руке девочки. Я в наркоте не дока, но знаю, героин — штука серьезная. И если их в семье употребляли, то героин вполне может оказаться мотивом.

Гуров согласно кивнул.

— Подсчитаем, что имеем. Два киллера. Приметы — одни слезы. Два мертвых полковника, причина убийства не установлена. Но она обязательно очень весомая. Из-за пустяков профессионалов не нанимают.

Гуров замолчал, долго смотрел в окно. Оперативники терпеливо ждали, паузы в речи шефа были делом привычным.

— Героин у нас имеется, — задумчиво произнес сыщик, — но в историю не вписывается. Вскрытия показали, что ни Сотин, ни Веткин никакой наркотик не употребляли. Ольга Чекина. Гриша видел на ее руке следы уколов. Я консультировался со специалистом. Он убежден, что если бы девушка кодила героин, то сидела бы прочно "на игле". Но, судя по ее поведению, которое описал Котов, профессор героин исключает на сто процентов. Однако на ладони убитого Веткина обнаружен именно героин. Факты не вяжутся. — Гуров взглянул на Станислава, усмехнулся. — Ну, говори, Станислав. Не терпи, а то взорвешься.

— Можно нарисовать такую картину, — начал было Станислав, но Гуров перебил:

— Только не подделывайся под Пикассо, изображай в стиле Шишкина. Медведь, так медведь, будь реалистом.

— Постараюсь, — вздохнул Станислав. — Есть основания предполагать, что Ольга была влюблена в мужа старшей сестры полковника Николая Сотина. Ситуация в жизни очень распространенная. Сотин взаимностью не отвечал. Девушка травмиро-

вана, появляется наркотик. Ольга одинока, хороша собой, чтобы отвлечься, крутит роман с полковником Веткиным. Он замечает пагубное увлечение девушки, пытается на нее повлиять. На последнем свидании Веткин отбирает у девушки порошок и берет часть его. Вечером Веткин рассказывает о случившемся Сотину...

— Все очень реалистично, правдоподобно. Остается понять, кто и почему нанимает профессиональных киллеров?

— Я поднял столько, сколько смог, — обиделся Станислав. — Пусть другой поднимет больше.

— Верно. Давайте копать вместе. — Гуров повернулся к Котову. — Григорий, ты молодец, сегодня сработал хорошо.

— Мне лишь повезло, — ответил Котов и подмигнул Нестеренко. — Если бы меня хозяйка не определила в сиделки, мыл бы посуду.

— Ты считаешь реальным встретиться с девушкой?

— Полагаю. Мать знает о пристрастии младшей дочери и на время ее изолирует. — Котов развел руками. — Будь я помоложе, покрасивше, можно было бы попытаться установить личный контакт, прикинуться влюбленным.

— Дохлое дело, — констатировал Нестеренко. — Девчонку требуется уложить на больничную койку, провести анализы.

— Дочь Чекина? — Станислав скорчил гримасу. — Идея интересная, но смешная. Даже если и удастся, мы к девчонке не подойдем...

— Закроем тему, — сказал Гуров. — Зайдем с другой стороны. Мог Николай Сотин запутаться в финансовом бизнесе?

— Удалось сделать на него поверхностную установку, — ответил Станислав. — Писал докторскую, вел замкнутый образ жизни. Ученый-теоретик, круг знакомых крайне ограничен, женщин не наблюдалось. В милицию служить мужика засунул тесть, пользуясь своей дружбой с министром. Сослуживцы относились к покойному неплохо, карьеру он не делал, сидел целыми днями в лаборатории, вечерами работал дома. Выпивал редко и лишь в компании, разговоры о девчонках не поддерживал. Как выразился его руководитель: сосредоточенный, упертый человек. Есть основания предполагать, в семейной жизни Сотин был несчастлив. Последние годы молодые супруги вместе бывали лишь на семейных праздниках. Елена любила шумные компании, фуршеты, приемы, где пользовалась успехом у мужчин. Но о какой-нибудь конкретной связи я ничего не слышал. Все.

— Как тебе удалось за неполный день столько накопать? — удивился Гуров.

— Надо влюбиться в подругу объекта, которую не пригласили на похороны и поминки. Затащить даму в ресторан, смотреть влюбленно, вставлять комплименты и не перебивать, — скромно отчитался Станислав.

— Талантливый ты мужик, — пробормотал Гуров.

Станислав демонстративно отвернулся.

— Ну что ж, подведем итоги. — Гуров вздохнул, закурил. — Все хреново. Мотив не проглядывается. Киллеры, чую, не москвичи. Прибыли, убыли, и с концами. Видимо, именно Сотин, а не Веткин, располагал информацией. Скверно работать по одной версии, но иной у нас нет. Еще имеем героин и девочку Олю.

— Слабо, Лев Иванович, — заметил Станислав. — Но я тебя понимаю и поддерживаю. Ты гений, ты и думай, как нам к девочке подобраться...

Действовать решили по старинке. Через два дня Ольга вышла из дома, и за ней увязался Станислав, сменив свой броский “мерседес” на замызганный “Москвич” Нестеренко. Как и ожидалось, когда девушка отъехала от дома, за ней последовал неприметный “Москвич”, в котором находились двое мужчин и женщина. Хотя это нарушало планы Станислава, но он решил работу продолжать. В конце концов мы разыскиваем убийцу, и наружка за сестрой вдовы вполне объяснима, даже естественна.

Машины развернулись на Ленинградку в сторону центра. Шел одиннадцатый час дня, Тверская была забита. Ольга управляла машиной неуверенно, и вести наблюдение не составляло труда. Когда Чекина свернула на Беговую, стало очевидно, она едет в университет. Станислав пропустил машину охраны вперед, занял третью позицию и начал рассуждать. С одной стороны, университет — дело естественное. Девочка там учится, с другой — сейчас лишь начало августа, и занятия не начались. Возможно, у нее там назначена встреча, и она едет за наркотиками. В любом случае, в университете сейчас гулко и пусто, подумал Станислав, и тут же обругал себя. Вступительные экзамены! Сейчас там может твориться, черт знает что! Ну я, старый пень, задним умом крепок. О чем думал “гений”? Там одному и делать нечего, тем более, что за Ольгой охрана с дамочкой следуют!

На Мосфильмовской свернули налево, покатали к университету. Станислав позвонил Гурову и ласковым голосом спросил:

— Скажи, великий, тебе приходила мысль, что сейчас идут приемные экзамены?

— А тебе?

— Я лишь выполняю задания, мне иметь собственные мысли не обязательно.

— Значит, ты ошибся с местом службы, — сухо произнес Гуров.

— Случается. Объект сопровождают.

— Упрости задачу. Уточнить возможную встречу не обязательно. Получится — хорошо, а нет — так и черт с ней, но постарайся выяснить, девушка приехала в университет по конкретному делу или разыскивает кого-то? — Гуров говорил вроде бы спокойно, но Станислав почувствовал, что друг и начальник нервничает.

Как выяснилось, приемные экзамены имели для розыскника и существенные преимущества. Станислав легко растворился в

бестолково суетящейся толпе не только девочек и мальчиков, но и ошалевших родителей. Он смотрелся обыкновенным "болельщиком", толкался, наблюдал Ольгу, которая, стоя у окна, обсуждала прошедшее лето с подругой, и не выпускал из поля зрения сотрудницу "наружки". Та, открыв сумочку, пристраивала микрофон, пытаясь записать заведомо пустой разговор.

Мужчины-оперативники в здание не вошли, остались у машины. Станислава подобное положение вполне устраивало, но он злился. Некачественно работают смежники. Наверняка им поручена только охрана, а они на основное задание плевали и, видимо, зная о наркотике, ловят момент его передачи. Удачная фотография и запись нужного разговора — это петля на отца, советника Президента Виктора Львовича Чекина. И какой бы он ни был человек, в данном случае ловить его через большую дочь — сплошное паскудство. Как работало КГБ, так и работает, как бы сейчас они ни назывались. И души у них гнилые, смердящие. Пусть девчонка десять раз в мучениях помрет, им главное советника Президента завербовать, иметь на него компромат.

— Паскуды! — прошипел Станислав, взглянул на Ольгу и ее подругу, и внезапно боковым зрением увидел парня.

Он вроде бы ничем не отличался от окружающих. Одет, как и большинство, на вид лет двадцать с небольшим. Шел он по коридору, не торопясь, улыбался дружелюбно. Абитуриенты на парня внимания не обращали, но присутствующие здесь студенты, особенно девушки, не сводили с него глаз. Причем одни прятались, загоразживались друзьями, другие наоборот, выступали вперед, старались попасться на глаза.

"С такой популярностью, и до сегодняшнего дня на свободе", — подумал Станислав. Ольга прекратила разговор с подружкой. Нервно затеребила замок сумочки, хотела шагнуть парню навстречу. Но опер, отлично понимая, что ведет себя непрофессионально, преградил девушке дорогу. Широко улыбнувшись, громко сказал:

— Оленька! Все глаза проглядел! Здравствуйте, милая! Вам огромный привет. — Он взял девушку под руку, силой отвел в сторону и зашептал: — Мой друг без ума от вас! Я, собственно, и явился по его поручению...

Торговец наркотой прошел мимо. Ольга безуспешно попыталась освободиться, глаза у нее потухли, словно отсоединили батарейки.

— Кто вы такой? — Глаза у девушки вновь засверкали, но уже зло, ненавидяще. — Я вас впервые вижу!

— Так я и говорю, — шептал Станислав, — от влюбленного друга привет принес! Теперь я его понимаю! Вы, Оленька, дивчина высший класс!

Тут к ним подобралась дамочка с ридикюлем, напичканным микрофоном, диктофоном и прочими шпионскими причиндала-

ми. И Станислав выкинул номер. Он поскользнулся, неловко взмахнул руками и ударил по шпионскому ридикюлю с такой силой, что тот вылетел у дамочки из рук и врезался в чугунную батарею. Содержимое с грохотом рассыпалось по полу.

— Ольга, бежим! Иначе нам попадет со страшной силой! — Станислав подхватил девушку чуть ли не на руки и бросился по коридору. Дух перевел, только очутившись в какой-то пустой аудитории.

— Гриша, очаровательный брюнет, который у вашего ложа третьего дня сидел, затем коньяком потчевал, мой лучший кореш, верный дружка. — Станислав говорил быстро, не давая возможности Ольге вставить ни слова. — Гриша от вас голову потерял, сегодня начальство его “за можай” загнало, он мне на прощание и шепнул слова заветные. Отыщи, мол, в университете самую красивую девчонку, ее Ольга Чекина зовут, поклонись низко и попроси ее с азером не встречаться и беречь себя пуще дитя единственного.

В конце речи юмор из голоса Станислава исчез, глаза искриться перестали. словно ледком подернулись. Этому номеру опер у своего друга и начальника Гурова научился, долго тренировался перед зеркалом. Получалось у Станислава не так уж и здорово, но на новенького действовало безотказно.

— Так вы все знаете, — прошептала Ольга.

— Знаю еще и то, о чем вы, красавица, даже не догадываетесь.

— Но мне уже не выбраться.

— Запросто. Мама вам поможет, — заверил Станислав.

— Вы, главное, отцу не говорите.

— Маленькая вы, Оленька. Совсем маленькая. Но мудрецы говорят, ваш недостаток со временем проходит.

— А вы добрый или злой?

Станислав взглянул на свое отражение в оконном стекле и пожал плечами.

Вечером того же дня полковник Гуров позвонил в дверь квартиры Чекиных и Сотиных. Горничная, открыв дверь на длину пепочки, спросила:

— Вам кого? Виктор Львович еще на работе, а Анна Павловна плохо себя чувствует.

Гуров протянул девушке свою визитную карточку:

— Передайте Анне Павловне, что мне необходимо ее видеть. В случае отказа я приду с участковым и понятыми. Поверьте, милая, скандал не улучшит самочувствия вашей хозяйки.

Визитку забрали, дверь захлопнули, стало тихо. С юридической точки зрения мое положение безукоризненно, рассуждал сыщик. Я расследую убийство, поэтому должен пригласить с членами семьи. Конечно, их можно пригласить в прокуратуру, но это вряд ли им понравится, а хозяин вообще не придет.

Дверь открылась, девушка в кружевной наколке и фартучке молча пропустила сыщика в квартиру. Он тоже молча прошел за ней и вскоре оказался в дамском кабинете. Это был не будуар, а именно кабинет, строгий, изящный, но безусловно женский, на что указывали картины на стенах и подбор мебели.

Анна Павловна сидела за письменным столом. При появлении полковника с места не поднялась, не поздоровалась, кивком указав на кресло, сухо спросила:

— Чем обязана, полковник?

Гуров отметил строгий костюм, чуть заметную косметику, любую красоту хозяйки, и даже терпкий запах мужского одеколона.

Сыщик решил ничего не изображать, держаться естественно. Такую женщину не обмануть, а насторожить и разозлить просто. Хозяйка же нужна Гурову со всеми потрохами, иначе его визит нанесет только вред.

— Здравствуйте, Анна Павловна. — Он поклонился. Прощелся по серебристому паласу, переставил кресло, чтобы свет не падал ему в лицо, и только потом сел. На столе он увидел пепельницу и пачку сигарет.

— Вижу, вы курите...

— Да, я курю. — Хозяйка сделала ударение на слове "я". — Так чем обязана, полковник? В этом кабинете маршалы ведут себя учтивее.

— Влюбленные маршалы, Анна Павловна, — уточнил Гуров. — С влюбленного мужчины звезды сыплются, словно конфетти на новогоднем балу.

— Я задала вам вопрос.

— Анна Павловна, я старый сыщик и совершенно точно знаю, что вы не только красивая, но и очень умная женщина. — Гуров достал из кармана пачку сигарет. — Я не могу ответить на неловкий вопрос, это бестактно. Если в доме умер человек, у гробовщика не спрашивают, зачем он пришел.

Гуров встал, щелкнул зажигалкой, дал прикурить хозяйке, закурил сам.

— Сегодня в начале первого ваша дочь Ольга приехала в университет. Девушка находилась под наблюдением контрразведки и сотрудника уголовного розыска. Вскоре там появился продавец наркотиков. Когда Ольга направилась к нему, мой сотрудник встречу предотвратил. Имя торговца мы установили, ведем за ним наблюдение, но полагаю, его спасти не удастся, он погибнет не сегодня, так завтра.

— Что за бред вы несете? Ольга хотела купить наркотики? Зачем? Она не наркоманка.

— Наркоманка, — спокойно возразил Гуров. — Я не специалист, но полагаю, что Ольгу еще можно спасти. И здесь главную роль должны сыграть вы, мать. Отец, к сожалению, слишком заигрался в политику, до него не достучаться. И очухается Чекин, только если поймет, что смерть дочери убьет его карьеру.

Но для девочки будет поздно. Анна Павловна, вы видели, как умирают от тяжелого наркотика?

— Допустим.

— Так не пойдет! — воскликнул Гуров. — Никаких допущений. Вы должны слушаться меня беспрекословно. Иначе я занимаюсь только своим делом, разыскиваю убийц вашего зятя, а вы хороните дочь самостоятельно.

— Вы страшный человек!

— Мелодрама вам не к лицу. Сегодня я единственный, кто способен вам помочь спасти девочку и не навредить Чекину. Хотя на последнего мне в высшей степени наплевать.

— На меня наплевать? — Дверь кабинета неожиданно распахнулась, и на пороге появилась хозяйка. За его спиной маячила двухметровая фигура охранника. — Мне сообщили, что в моем доме обосновался какой-то мент...

— Сядь, Виктор! — Анна Павловна вышла из-за стола, подошла к мужу. — А ты, Саша, вернись в машину.

Охранник замялся. Чекин скривился, процедил сквозь зубы:

— Иди в машину. Жди.

— Анна Павловна, коротко разъясните мужу ситуацию. — Гуров встал у окна, начал разглядывать еще зеленую листву деревьев.

— Анна, ты снова попала под дурное влияние, — стараясь говорить уверенно, произнес Чекин. — Погиб трагически Николай, это не значит, что милиция может хозяйничать в нашем доме. Наркотики? Обыкновенный шантаж.

Гуров скучал, чиновник оказался глупее и неинтереснее, чем сыщик ожидал. Он посмотрел на Анну Павловну, отчетливо представил, как около тридцати лет назад красивая, умная, излишне самоуверенная женщина вышла замуж за подающего надежды партаппаратчика, решив изготовить из него нечто удобное и полезное. Мучается с ним все эти годы, давно поняв, что из мужа мужчины не получилось, уходят годы, надежды, накатывает безысходность.

— Извините, но у меня дела, — прервав супругов, сказал Гуров. — Решайте все побыстрее. Сегодня же вывозите Оленьку на дачу своих давних друзей и оформляйте необходимые документы на выезд. Анна Павловна сопровождает дочь до клиники. Я переговорю со швейцарскими коллегами, вы не будете чувствовать себя одиноко. Если завтра утром я узнаю, что вы обе еще в Москве, то... — Гуров пожал плечами. — Не советую.

Глава третья

На следующий день Анна и Ольга Чекины вылетели в Швейцарию.

В 13 часов Гуров и генерал ФСБ Кулагин собрались в кабинете генерала Орлова.

— Кто давал тебе право сорвать нашу операцию в университете? — возмущенно набросился Кулагин на Гурова.

— Исключительно из любви к тебе, Паша. Ты у меня в вашей конторе единственный приятель. Если тебя не станет, у меня там никого не будет, — ответил Гуров.

— Эгоист! Только о себе и думаешь.

— Стоп! — Орлов взглянул на часы. — На трепотню еще три минуты, пять минут о делах и по норкам.

— Твоя наружка работает вообще не на тебя, лишь морочат голову да плачутся. Они записали разговор Ольги Чекиной.

— Отвлекающий маневр. Твой Станислав нанес ущерб фирме в сотни долларов и сорвал операцию! — выпалил Кулагин.

— Ты в гневе теряешь голову. Какую операцию? Допустим, пленка и запись целы, что вам от этого? Вылавливаете абрека, колете и вербуете. Затем прячете все в сейф до лучших времен.

— Я прикажу сегодня же выставить за Ольгой более квалифицированных людей. Ты знаешь, что погибший Николай занимался разработкой секретного проекта? — спросил Кулагин.

Орлов посмотрел на Гурова, осуждающе покачал головой.

— И ты усматриваешь в его работе мотив убийства? — Легкость в тоне Гурова пропала, он стал серьезен.

— Не я усматриваю, это установленная данность. А я выполняю лишь приказ руководства.

— Согласен, тогда ты молодец, господин генерал, — ответил Гуров. — Разобьем дело на две версии, ты работаешь по своей, мы — по своей, что полностью соответствует задачам наших главков.

— Но ты вмешался, изрядно напортил...

— Стоп! Я уже прыгнул, и обсуждать вопрос, что со мной произойдет в финале, бессмысленно. Полагаю, что очень скоро ты низко нам в ножки поклонись, мы тебя уберем от крупных неприятностей.

— Спасибо, генерал. — Орлов встал, пожал Кулагину руку. — Гуров, задержись.

— Но я вынужден вам доложить... — направляясь к дверям, сказал Кулагин.

— Естественно, — ответил Орлов.

— А я бы не торопился, — заметил Гуров.

Когда Кулагин вышел, Орлов приказал вызвать Крячко.

— Что ты темнишь? — обратился он к Гурову. — Контрразведка — не девушки, ее любить необязательно.

— Петр, все это чушь собачья. Николай Сотин никогда не занимался секретными разработками. Он теоретик, работал на будущее. Таких ученых никогда не убивают. Тема Сотина не имеет никакого отношения к обороне. А работает он в институте, потому что там самая современная аппаратура, и защитить докторскую легче.

— Так чего ты молчал?

— А чего я скажу? Генерала Кулагина обманывают его же подчиненные. Идут дворцовые интриги. Ну сам ведь все понимаешь...

— Разрешите? — Станислав вошел в кабинет. — Всем общий поклон.

— Станислав, скажи, почему мы, обшарив несколько дворов, не нашли пистолетов? — спросил Гуров. — Убийцы унесли стволы на память, хотят поместить в музей?

— Из них еще будут стрелять, — ответил Станислав. — Нас хотят запутать, сбить со следа.

— Значит, след имеется, только мы его не видим, — пробурчал Орлов.

— Думаю, следует выйти на Волоха, он все еще продолжает руководить группировкой. Захватить его, придавить. Волох о чужаках должен знать.

— Значит, снова сапожник Митяй, твоя старая агентура? — Орлов осуждающе покачал головой. — Я категорически против. Район небольшой, пользоваться одними и теми же источниками опасно.

— Французы говорят, “ищи женщину”. Номер не новый, но постоянно работающий.

— Проститутки? — Орлов презрительно скривился.

— Как можно, господин генерал! — возмутился Гуров. — Для такого ответственного задания приглашу послушниц из крупного монастыря.

Услышав такое заявление, Орлов даже замахал руками.

— Станислав, в знак старой дружбы уйди и заberi с собой богульника.

Регина Караваяева не походила на проститутку, ее светлые глаза были чисты, взгляд наивен, потому она стояла значительно дороже многих из своих товарок. И если бы девушка не сидела у бара популярного казино в одиночестве, и юбка у нее не начиналась там же, где и кончалась, то Регину вполне можно было принять за студентку, которая зашла сюда по случаю и поджидает подругу или жениха. Она была дорогой валютной проституткой, никогда не соглашалась на “коллектив” и не ездила на чужие квартиры, только к себе, где никаких неожиданностей быть не могло. Сегодня Регина пришла в казино не на работу, а по делу, ее пригласил на встречу Волох. Она знала, что он бандит, но относилась к этому факту философски: каждый зарабатывает деньги, как умеет. Для Регины было важно, что Виталий, она никогда не называла авторитета по кличке, не убивает за деньги или по пьянке, девушек не бьет, платит хорошо, ведет себя прилично.

Гурову “королеву” сдала товарка-соперница года два назад, когда сыщик через казино так же разыскивал убийц. Молодые авторитеты не придерживались воровских законов старой шко-

лы. Те гуляли только на загородных хатах, там пили плохую водку, хрустели огурцами и капустой, запивали рассолом, да пели под гитару воровские песни. Нынешняя молодежь уже освоила Кипр, Анталию и Канарские острова, многие побывали в Париже и Альпах, таких ребят уже невозможно было засунуть в затхлые подвалы. Воровская элита опережала чиновников и в манере одеваться и держать себя в обществе. Еще случались разборки в общественных местах, порой стреляли на людях, но подобных случаев становилось все меньше, и сами авторитеты оружия в руки не брали, для того существовали "быки".

Волох-Виталий одним из первых снял с себя золотые кольца, толстые браслеты, оделся в костюмы от Кардена. Когда кто-то из братьев обронил, мол, Волоху пора и в университет поступать, Виталий спокойно ответил, что поздновато за парту садиться, но частные уроки он уже берет.

Регине надоело сидеть у бара, она взяла стакан и подошла к рулетке. Ей хотелось домой, хотелось покоя и тишины. К тому же деньги пока были, квартира находилась в полном ее распоряжении, мать давно уже уехала из Москвы с молодым офицером.

Гуров наблюдал за Региной, ждал, хотел увидеть ее "гостя". Регина девка дорогая, квартира отдельная, гостем девушки вполне мог оказаться Волох.

Регина отошла от рулетки и села с каким-то иностранцем за столик. Мужчина сидел к сыщику спиной, целовал даме руки, когда он потянулся за пепельницей, под тонкой тканью дорогого костюма Гуров увидел очертание пистолета. Как же так, в казино каждого тщательно обыскивают, похлеще, чем в аэропорту. При входе сыщик отозвал начальника охраны в сторону и предъявил ему удостоверение.

Гуров обошел столик и заглянул соседу Регины в лицо, узнав Волоха, чуть было не произнес вслух затасканную фразу: вот что с человеком делают хороший костюм и парикмахер. Многие из присутствующих разговаривали по сотовым телефонам, потому сыщик открыто достал из кармана мобильный телефон, соединился со Станиславом.

— Передай, чтобы ребята подтянулись к казино. — И увидел двух мужчин, подошедших к столику Регины и Виталия. Они сели без приглашения, по-хозяйски.

— Станислав, давай команду, все ко мне. Полный сбор.

Теперь многое зависело от начальника охраны. О Гурове он мог и не предупредить: во-первых, полковник, во-вторых, один. Но если придут еще трое, положение создастся критическое.

Регина была сильно раздражена, шепотом что-то выговаривала Волоху, который чувствовал себя явно неуютно. Парни сидели с безучастным видом и в разговор не вступали. Гуров понимал, что ситуация выходит из-под контроля.

Киллеры. Точно киллеры. Одеты просто, без шика, но не кое-как. Обоим примерно по тридцатнику, держатся уверенно.

В кармане звякнул телефон, Гуров взял трубку и услышал голос Орлова:

— Выпей рюмку и спокойно выходи встречать своих ребят. Никому без моей команды в казино не входить.

— А ты чего не спишь? — удивился Гуров.

Гуров, как послушный мальчик, выпил в баре минзурку водки и, выходя на улицу, чуть не столкнулся со Станиславом. На стоянке уже припарковался “Москвич” Нестеренко с Котовым. Все устроились в “мерседесе” Станислава.

— Гуров? — послышался в динамике голос Орлова. — Я разочарован в вас, господин полковник. Так плохо вы никогда не работали. Стыдно. Я вызываю на ваше место усиленную группу наружного наблюдения. Как только они придут, разбегайтесь по домам. Я выезжаю в кабинет, Гуров ко мне.

— За что он вас так, Лев Иванович? — растерянно спросил Котов.

— За дело. В восемь ко мне в кабинет. — Гуров пересел в свой “пежо” и уехал.

Ночь еще не кончилась, утро не наступило, за окнами было сыро и грязно. Все двери — из коридора в приемную, и из приемной в кабинет генерала — открыты. Гуров прибыл раньше Орлова и принялся варить кофе.

Орлов вошел быстрым твердым шагом, бросил через плечо:

— Закрой все двери, не проходной двор. Я кофе уже пил, можешь не суетиться.

Гуров молча выполнил указания. Больше экстренного вызова и скверного настроения Петра сыщика поразил парадный мундир генерала. Известно, Орлов форму не переносил, а заявиться среди ночи в полном параде и при орденах — такого Гуров и не помнил.

— Ну, что будем делать? — раздраженно спросил генерал. — Объясни, как ты проглядел за собой наружку?

— Наружки за мной не было. У казино расположен стационарный пост, там я предъявил документы.

— А по радио? По радио не объявил?

— Чувствуешь, что не прав, вот и бесишься. Если полсотни офицеров различных служб знают, что полковник ведет розыск, нужный человек узнает об этом сразу же. А, возможно, и в этом кабинете. Чего я с ними, в салочки играть собираюсь? А то, что я вошел именно в то казино, а не в другое, так это элементарное совпадение. Я там работал два года назад, они данный факт уже по своему компьютеру установили.

— Нас вызывает министр, и не как руководитель МВД, а как глава половины боевых соединений Москвы, — заявил Орлов. — Надень форму!

— У меня ее нет. Отдал в чистку, а получить не успел.

— Врешь!

— Обязательно. Я выполняю оперативное задание и не могу находиться в форме.

Орлов тяжело задышал, потер грудь.

— Ты понимаешь, что схватил пустой крючок? — спросил он.

— Я ничего не схватил, лишь проплыл по заводи и скрылся. Нормальная, пустая работа. А киллеров я видел, ставлю сто против рубля. Чую, у них еще задание в Москве, так что никуда не денутся.

— А Регину не удавят?

— Откуда имя?

— Ты слишком долго ее разглядывал. А девица больно хороша.

Зазвонил телефон правительственной связи, недовольный голос произнес:

— Петр Николаевич, зайдите.

— Во, шухер подняли, спать никто не желает. — Гуров открыл перед Орловым дверь, увидел незнакомого офицера в приемной, молча последовал за хозяином.

— Значит, ты, дитя неразумное, имел доверительный разговор с советником Президента? Отправил его дочь за бугор и вроде ни при чем? — на ходу говорил Орлов.

В приемной находились несколько генералов. Контрразведчик Кулагин доброжелательно кивнул Гурову. Дежурный офицер распахнул тяжелые двери:

— Прошу.

— Почему в штатском? В гимнастерку одену.

— Автомат не забудьте дать! — Гуров вытянулся.

Киликов навалился на стол, смотрел злобно.

— Мне много говорили о вас, полковник. Значит, никого не боитесь?

— Наговаривают, господин министр. Я очень многого боюсь. Выстрела в спину, наговора, — начал быстро перечислять Гуров.

— Заткнись!

— А вот вас не боюсь, потому как вы человек смелый и справедливый!

От такой наглости Орлов побледнел, а министр довольно улыбнулся и доброжелательно сказал:

— Присядь, врун. Я тебя несколько иначе представлял. Ты чего же людям среди ночи покоя не даешь? Киллеров, убивших наших офицеров, видел?

— Не знаю, что именно вам наговорили, господин министр, но у меня сегодня проходила плановая поездка по значным местам.

Министр взглянул на одного из генералов и с нажимом спросил:

— Значит, ничего подозрительного не видели?

— Почему? В казино всегда много интересного. Только в игре я ничего не понимаю. Деньги мои вам известны. — Гуров понизил голос: — Но девчонки там — засмотришься.

— Идите, выполняйте задание, полковник, и поменьше на проституток заглядывайтесь.

Когда Гуров вышел, министр повысил голос:

— Так почему же мне доложили, что Гуров убийц засек и помощь ждал? А затем вдруг взял и уехал? Болтаете много, спать людям не даете. Все свободны, Орлов, задержитесь.

Когда они остались вдвоем, министр после долгой паузы произнес:

— Никому верить нельзя. Каждый ждет, когда я в яму сваюсь, либо в капкан попаду.

— Зачем вы мне это говорите?

— Потому что, кажется, один ты не ждешь. Да и то сказать, ты уж одной ногой на пенсии, и рассчитывать тебе при любом раскладе не на что. Кстати, своему любимчику передай, я ни одному его слову не поверил. Просто он сегодня в струю попал, мне его ответ оказался выгоден.

— Гуров, когда необходимо, всегда в цель попадает. Вы, господин министр, запомните, полковник как бы к кому ни относился, но никогда и никого не продает, — ответил Орлов.

— Неужели такие люди еще остались? — Министр сдвинул голову ладонями, тихо застонал.

— Мало, но у меня такие люди есть. Разрешите идти?

— Свободен. Но ты его все-таки предупреди, если вмажется, никто его отмывать не станет.

— Он это знает. — Орлов щелкнул каблуками и вышел.

Оставшись один, министр открыл дверцу шкафа, налил себе стакан коньяка. Выпил и грустно произнес: — Много власти взял, теперь не повернешь, поздно.

Когда Орлов вернулся к себе, то в приемной вместо дежурного офицера находился Станислав, а в кабинете за столом генерала курил Гуров.

— Форточку открой, наглый ты, Лева... — Генерал подтолкнул Гурова к окну, сел в свое кресло и позвонил в центральную контору Интерпола. Когда соединились, протянул трубку Гурову: — Объясни, что нам нужен Еланчук.

Сыщик говорил по-немецки плохо, но через несколько минут ему ответили по-русски:

— Здравствуйте, я вас слушаю.

— Здравствуйте, простите за поздний звонок. Если возможно, соедините меня с Еланчуком.

— Почему русские всегда нарушают инструкции? — раздраженно спросил немец. — В Москве существует наше отделение, имеется шифр, сделайте официальный запрос.

— А почему, когда вам понадобилось разыскать в крохотной России киллера, совершившего убийство семьи в Мюнхене, вы звонили мне на квартиру, а не в свое бюро?

— Полковник Гуров? — В трубке послышалась немецкая речь. Затем вновь заговорили по-русски: — Подождите пару минут.

— Жду. — Гуров положил трубку на стол, взглянул на Орлова. — И что мне говорить?

— Тебя учить — только портить.

В лежавшей на столе трубке раздались голоса. Гуров поднес ее к уху:

— Еланчук? Здесь Гуров.

— У нас в такое время уже спят, — ответил Еланчук. — Ты уже мое имя забыл, а названивать не забываешь.

— Двое русских, пользуются пистолетами. Профессионалы экстракласса. Тридцать лет, может, больше. Рост 170 и 175. Спортивные, видимых примет не имеют. Думаю, у вас проживают давно и легально. В Германию попали через Афган. Работают мало, берут дорого.

— Много хочешь... — зло ответил Еланчук.

— Если похожие люди известны и в данный момент на вашей земле отсутствуют, вышли фотографии.

— По нашим данным, лет пять назад засветились два русских киллера. Приметы схожи с теми, что ты назвал, но ни фотографий, ни отпечатков мы не имеем. В профессиональной среде порой звучит кличка “Козырные валеты”. Последние данные: киллеры убыли в Россию. Лева, нужен официальный запрос.

— Будет тебе запрос. Будет. Мне срочно нужны более точные приметы, связи в России.

— Попробую.

— Ты не пробуй, а сделай. Привет.

— Я же сказал, что ты наглый. — Орлов отобрал у Гурова телефонную трубку, положил ее на место.

Игра в казино только разворачивалась. Регина с тремя мужчинами сидела за низеньким столиком у бара. Болтали о пустяках. Гости, уверенные парни лет тридцати, скупко сообщили, что прибыли в столицу по делам торговым, да, видно, зря. Партнеры, с которыми вроде все было оговорено, пошли в отказ, а они люди мирные, выбивать неустойку и не собираются.

Регина, уверенная, что все это вранье, слушала вполуха, поглядывала в зал, надеясь вновь увидеть высокого голубоглазого мужчину, о котором подруга рассказывала чудеса. Примерно два года назад он “снял” девушку на выходе. Приехал к ней домой, выставил на стол две бутылки “Смирновской”, запер дверь на ключ, сел в кресло и проспал в нем до утра. При этом гость на разобранную постель и вышедшую из душа обнаженную девушку даже не взглянул. Еще подруга рассказывала, что стоило ей подойти к окну или двери, мужик открывал глаза. И были они безумные, словно у игрушечной куклы.

Регина относилась к мужикам с презрением. Она была фригидна и удовольствия от близости не получала, терпела и изображала страсть. Мужики верили, и женщина считала их дураками. Исключение составлял Виталий: в постели нежен, чувствуется, он действительно пытается доставить ей удовольствие. Она точно знала, что Волох убийца, и не могла понять, как человек может существовать в двух лицах. Он и притягивал, и отталкивал, и заинтриговывал, казалось, он несет в себе какую-то тайну.

Сегодня она разочаровалась в своем "герое". Он явно боялся своих напарников: до сегодняшнего вечера Регина не видела, чтобы Виталий кому-либо кланялся.

— Ну, где же твой приятель? — Иван презрительно скривился. — Ты обещал, что он обязательно придет.

— Должен быть, — нерешительно ответил Виталий.

Кирилл откровенно зевнул.

— Спать хочу, мы переночуем у девчонки.

— Ко мне нельзя, — мгновенно отреагировала Регина.

Парни даже не взглянули на нее.

— Региночка, я же тебя никогда ни о чем не просил, — заискивающе сказал Виталий. — Ребята переночуют у тебя.

Они вышли в уже пахнущий осенью вечер, сели в "БМВ" и через несколько минут оказались у дома Регины. Рядом с ее подъездом дрались двое пьяных. Нестеренко и Котов изображали пьяную возню достаточно натурально.

— Парни, отойдите в сторону. — Виталий хотел отстранить Нестеренко, но опер не поддался и воинственно заявил:

— Уйди, тебя не звали!

— Не Москва, а бандитское поселение. — Иван схватил Котова за плечо. — Дай пройти, и мордуйтесь хоть до утра.

Котов, хоть с виду и хрупкий, так засадил Ивану в живот, что киллер рухнул на колени.

Милиции в нужный момент никогда не бывает, но в этот раз "Москвич-канарейка" мгновенно оказался рядом.

Два молодых сержанта, видимо, засиделись, вышли, развели дерущихся в стороны попарно, причем, явно благоволили к Котову и Нестеренко.

— Отцы, вы бы хоть через день дрались. Придете домой, там уж ваши жены накостыляют по-серьезному, — сказал один сержант.

Другой строго спросил у киллеров:

— Документики, граждане.

— Ну да, ты с ними выпиваешь, так им все можно, — не подозревая ловушки, просипел Кирилл. — Да я и пальцем никого не тронул.

— Брысь, шалава, домой, — сержант толкнул Регину в подъезд. — Где ты таких подобрала? Волох, а ты как ввязался? Удивляюсь. Одет солидно, трезвый, тачка у тебя мильен стоит.

— Все, командир. — Иван поднялся с колен, вздохнул с трудом. — Побазарили и разошлись.

— По отделениям милиции, — уточнил сержант. — Этих двух мы поутру пригласим в отделение на профилактическую беседу. А вам, господа, придется проехать сейчас с нами для установления личности.

Простенькую комбинацию придумал генерал Орлов. Задерживать киллеров наверняка не за что, засвечивать перед ними Гурова категорически нельзя, но и отпускать неразумно. Сержанты были ряжеными оперативниками, в отделении их знали. Но чтобы у братьев не создалось впечатления, что к ним отношение особое, разговаривали с ними с неприятной милицейской простотой:

— Сами в машину полезете, или дубинкой образумить и железки на руки надеть?

Кирилл и Иван попытались было сделать шаг в сторону, но тут же получили дубинкой по шее.

Регина, которая пряталась в подъезде, выглянула:

— Виталь, а тебе за это что будет?

— Я тут при чем? Давай домой, в чужие дела не лезь. — Волох сел в "БМВ" и уехал.

В отделении милиции для пяти утра было шумновато. Три бомжа и две пьяных проститутки хоть и сидели порознь, но галдели изрядно. Грязные девки, неясно как попавшие в отделение, качали свои права. Дежурный едва взглянул на Ивана и Кирилла, понял, наконец-то доставили нужных людей, и можно балаган сворачивать.

— Со всех снять отпечатки пальцев, — распорядился он. — Имеется распоряжение мэра о борьбе с бродяжничеством и о тщательной зачистке Москвы.

— Я похож на бомжа? — спросил Кирилл.

— В очередь, гражданин, у нас привилегий не оказывают, не Дума.

— А если я член Думы?

— Присядьте на скамейку, не теряйте времени.

Через полчаса у задержанных проверили липовые паспорта, главное, сняли отпечатки пальцев. Вскоре их проверили по компьютеру, как генерал Орлов и ожидал, в компьютере отпечатков не имелось. Ничего, теперь гости будут ходить на цыпочках.

Глава четвертая

Генерал-полковнику Фридину Петру Васильевичу исполнилось пятьдесят девять, а так как в шестьдесят увольняют, то в последний год будущие отставники практически ничего не делают. Фридин был вдовцом. Но зато имел двух сыновей, двух дочек, снох, зятьев и пятерых внуков. Казавшийся громадным трехэтажный особняк еле вмещал всех любимых и ненаглядных, иных в семье не было. В редкий день, когда семья собира-

лась в полном составе, генерал надевал парадный мундир, выстраивал всех по росту и давал команду:

— Смирно! Равнение направо! По порядку номеров рассчитайтесь! Неполная боевая единица! Но воюют не количеством, а...

— Умением! — дружно отвечал строй и, не дожидаясь команды “разойдись”, рассыпался за стол.

Мужчины выпивали, женщины пригубливали, пацаны и пацанки глотали “пепси” или “фанту”.

Год назад, когда о пенсии еще никто и не заикался, как-то после обеда хозяин шепнул старшему сыну:

— Собирай мужиков ко мне в кабинет, разговор имеется.

Кабинет был истинно генеральский: огромный стол, кресло — в одиночку и не поднимешь, массивные стулья, словно специально рассчитанные на генеральские зады. Сыны и зятья расселись, будто футбольное поле оцепили. Трое были офицерами, но дальше майоров пока не продвинулись.

Фридин был из казаков, дед — георгиевский кавалер, честь в семье шла не из газет да ящика, а из крови в кровь. Генерал прекрасно знал, как его соратники грабили в Европе и отсылали домой эшелонами, но он считал, всяк своим умом живет. Ведь само то же стройматериалы и солдатухек на стройку своего хозяйства прихватывал.

— Скоро седьмой десяток под горку покатится, парни, — сказал он. — А камушек сверху только сдвинь, к низу его и не остановишь, свистит, как пуля у виска. Я это к чему? Вам надо на ноги прочнее становиться. Вы не верьте, что народ поможет, в землю втоптать он горазд, а вверх тянуть на Руси не принято. Офицерики вы мои, дела ваши совсем хреновые, — он оглядел сыновей. — Служить некому, а воровать вы не умеете. А вот ты, — хозяин ткнул жестким пальцем в своего любимца Костю, мужа Настьки, — химик. Много твоя химия золота принесла?

— Умному хватит, отец, а дураку сколько не дай, все мимо рук пронесет.

Университетов генерал не кончал, но ум имел быстрый, сметливый, и почувствовал, что очкастый химик сегодня разговаривает с ним необычно. Фридин сделал вид, что в тоне Костьки изменений не нашел, и вновь обратился ко всем:

— Повторяю, дела хреновые. Ни торговать, ни воровать я не умею, а перед детьми в ответе. Я человек незлобивый, мое достоинство известно — дом, ничего себе, крепкий еще, да пятьсот десятин пахотной. Так на земле, окромя меня, никто и работать не умеет. Крови вы наполовину казацкой, а дух у вас городской. Да и дом опять же. Он хорош-то — хорош, а продать его нынче некому. Сортир во дворе, горячей воды нет, грош ему цена по сегодняшним деньгам.

Ну, а коли на всех разделить, то не деньги выйдут, а сиротские слезы. Чего дальше, мужики, поскребите затылки. Гур-

том держаться надо, землю любить, разбежаться — с сумой пойдете.

Месяц на раздумья, доложите, на кругу обсудим. А сегодня каждому выпить позволяю, но чтобы красиво было, с гармонью и песнями.

Когда из кабинета все вышли, Константин задержался.

— Разговор небольшой имеется, — сказал он неуверенно.

— Ну? — Фридин поднял лохматую бровь. — Говори.

— Понимаешь, отец, я в своей лаборатории химию интересную изобрел. Можно официальным ходом пустить, только деньги и ордена у начальства осядут, а мне грамоту дадут.

— Воровать задумал? — вспыхнул Фридин

— У кого воровать? Я эту химию сам создал, она моя, — с достоинством ответил Константин. — На ней можно большие деньги делать.

— Насколько большие? — недоверчиво спросил казак. — Ну, по сегодняшним деньгам с миллион будет?

— Стал бы я связываться! — презрительно ответил Костя. — Вы, как хозяин, станете миллион в день получать.

Фридин с сомнением покачал головой:

— Нет такого товара... Если ты золото скупать начнешь.

— Отец, с золотом я не связываюсь. Ваше дело — поставить небольшую мельницу на своей земле.

— Да кто же мне зерно повезет, когда элеватор неподалеку? — удивился генерал.

— Он хоть и неподалеку, а вы ближе, — усмехнулся Константин.

— Там объем какой! Они копейку с фунта скинут, и утоп я.

— У них помол грубый, я вам куплю мельницу заморскую, немецкую, шелка ткать будет. А понадобится, и я в силах пару грошей с фунта сбросить.

— Да откуда же у тебя деньги на немецкое оборудование?

Константин решил зайти с другой стороны, заговорил серьезно:

— Батя, в твоём звании люди все имеют. И ты мог бы иметь, а что у тебя ничего нет, так про то никто не знает и не верит.

— Думаешь, не верят?

— Точно. Ждут, что скоро развернешься. Пусть развернется твой зять. Ты спи спокойно, — улыбнулся Константин.

Прошло полгода. И на участке Фридиных заработала чудомельница, мух-пух, цена — копейка. Сначала соседи посмеивались, заходили поглядеть, говорили, мол, конечно, немец плохо не сделает, да откуда пшеницу брать? Константин вел себя спокойно, лишних заказов не брал, взятые выполнял в срок.

Однажды приехала группа кавказцев, предложила мельницу продать. Вышел к ним генерал, сухо сообщил, что в хозяйстве

ничего не продается. Оружие у всех имеется, бабы не хуже мужиков стреляют.

Константин стал подкупать сельхозтехнику, все наилучшее. Не только сельская, городская администрация Фридиных заужала.

В хозяйстве появились две "Нивы", два охранника, здоровенные молчаливые парни. Когда окрестные мужики прикидывали, что фридинское хозяйство должно было еле ноги волочить, ан нет, только добрали. Хотя хлеб растили не лучше соседей, да и сорняка много, конопля завелась, русскому мужику и в голову не придет, что конопля та есть чистое золото.

Ольга лежала в отдельной роскошной палате. Первая ломка прошла, и девушка чувствовала себя внешне прилично, только очень скучала. Конечно, мешал языковой барьер, поболтать не с кем, телевизор тоже особо не посмотришь. Удалось достать несколько книг на русском, среди них толстенный том Достоевского. Она слышала о нем, что он великий русский писатель, но читать его трудно, потому решительно отложила книгу в сторону. Ольгу наблюдал доктор, обслуживали две девушки, примерно ее ровесницы. Порой Ольга ловила в их взглядах жалость.

Она не верила матери, что четыре укола, которые доставили ей неописуемое блаженство, прямая дорога в ад. Она сама видела людей, которые колются годами, и ничего, живут припеваючи, хоть от тоски не умирают. А менты, что ввязались в это дело, так просто связи отца роль сыграли. А того интересует только собственная карьера, а есть дочь, нет дочери, главное, чтобы все тихо и без неприятностей. Однако она понимала, что чувствует себя с каждым днем все лучше, и если раньше кайф, который ловила после уколов, будил в ней приятные воспоминания, то теперь все чаще она думала о них с отвращением.

Примерно через месяц Ольга с удовольствием делала гимнастику, девушке разрешали, правда, в сопровождении высокого юноши, гулять по парку.

А вскоре к ней зашел доктор и на приличном русском языке предложил пойти погулять. Доктор был словно с картинки: седой, в очках, очень аккуратный и вежливый. Когда Ольга поинтересовалась, почему он так долго скрывал, что знает русский, он поцеловал ей руку и ответил, что общение между персоналом и больными запрещено, а главврач должен подавать пример.

— Но мне одной так тяжело.

— Если бы мы разговаривали, вам было бы еще тяжелее. Сейчас вы почти здоровы, и вели себя очень хорошо. Два срыва, которых вы не помните, можно не считать.

Они прошли парком и зашли в одноэтажное здание, по обе стороны коридора были расположены двери.

— Ольга, если вам станет страшно, мы тут же повернем обратно. В палатах за этими дверьми живут люди, которые считаются неизлечимыми.

— Доктор, я могла стать такой же? — спросила девушка.

— Раньше или позже, но обязательно.

Ольга посмотрела в глубь коридора, повернулась и пошла к выходу.

— Я не хочу этого видеть.

— Правильно, детка. На такое лучше не смотреть. Забыл вам сказать, с сегодняшнего дня дверь вашей комнаты не запирается.

Она не поверила, и когда стемнело, надела платье, туфли на высоких каблуках, на голову кокетливо повязала косынку и вышла в парк. Затем свернула на аллею, которая вела к центру провинциального селения.

Без денег, документов и визитной карточки я дойду только до ближайшего участка, подумала Ольга.

— Мадемуазель? — услышала она приятный мужской голос, но так как по-французски говорила крайне плохо, неторопливо прошла дальше.

Вскоре ее догнал высокий молодой человек, который, улыбаясь, заговорил с ней по-французски.

— Но франс, — она улыбнулась и сделала отрицательный жест.

Неожиданно прямо на аллею выехала полицейская машина, из которой ловко выпрыгнули двое молодых полицейских. Один из них козырнул Ольге и, выяснив, что она не говорит по-французски, перешел на немецкий.

Ольга с трудом объяснила, что живет в клинике, и указала в темноту.

— О, доктор Дитер! Зер гут! — ответил почтительно полисмен и вежливо взяв Ольгу под руку, повел ее в сторону госпиталя. Из его длинной речи девушка выяснила, что это плохая аллея, и здесь гуляют только плохие женщины.

Ольга согласно кивнула, оглянулась и не увидела ни полицейской машины, ни франтоватого незнакомца.

Полицейский понял ее взгляд и пояснил:

— Это плохой человек. Профессионал. Он больше не подойдет к мадемуазель.

Как не малы были познания Ольги в немецком, она поняла, что значит “плохая аллея”, “плохой человек”, “профессионал”.

Когда они вышли на маленькую площадь, сверкающую огоньками кафе и закусочных, полицейский вновь козырнул, указал на одну из дверей кафе. Страж закона хотел поцеловать девушке руку, но она расцеловала растерявшегося парня в обе щеки.

Рядом раздалась аплодисменты. С акцентом, но на хорошем русском языке, элегантно одетый мужчина средних лет сказал:

— Олюшка, так, кажется, вас зовут дома, здесь не Москва и не стреляют каждую минуту. Но хорошенькой девочке шляться в вечернее время одной не рекомендуется. Я правильно употребил слово “шляться”?

— Правильно, — улыбнулась Ольга. — Откуда вы знаете, как меня зовут дома? И вы так хорошо говорите по-русски.

— Моего отца звали Иван, а матушку — Анна. Мой прадед уехал из России очень давно. А о вас я много знаю. Я ваш охраннык, и меня зовут Жак. Хочу стать вашим другом. Когда вы пошли гулять, я мог сразу остановить вас. Но тогда бы вы подумали, что вас обманывают и приставляют полицейского. Я договорился с местными ребятами, они разыграли маленький спектакль. Мы же знали, что вам по этой аллее пройти не дадут.

— Вы большие хитрецы...

— Мы дорожим своей работой, Ольга. Здесь это не простое дело.

— Жак, я хочу кофе и пирожное, — сказала Ольга. — Но у меня нет денег.

— Все просто. — Жак открыл перед девушкой дверь кафе. — В этом заведении любой клиент доктора может бесплатно получить все, что угодно.

Ольга весь вечер рассказывала Жаку о Москве, и, хотя девушка старалась смягчать слова, картина получалась мрачноватой. Тем более, что Жак читал газеты, которые не приукрашивали жизнь в столице, и порой задавал сложные вопросы.

— О политике, Жак, вы меня лучше не спрашивайте, — попросила Ольга. — В ней не разбирается ни один россиянин.

Когда Ольга подписала счет, Жак усмехнулся:

— Доктор удивится, узнав, что такая дама пьет подобный напиток. Даже Жюли, подавая мне сливовицу, удивился.

— В следующую раз пейте коньяк.

— Это дороговато, но главное, я люблю именно сливовицу.

Увлеченные разговором, они не обратили внимания на незаметного человечка в сером костюме, который сидел в углу, то и дело щелкал зажигалкой, хотя и не курил.

Когда генералу Кулагину доложили, что мать и младшая дочь Чекиных исчезли, он мгновенно принял решение — все, Лев Иванович, дружба кончилась, каждая служба занимается своим делом. Ольга наверняка передала своего продавца кому-то на связь. Отец отпадает, остается сестра Елена, девица взбалмошная, с авантюрными наклонностями. Через нее мы без труда выйдем на наркопродавца. “Наружку” генерал приказал сместить, предупредив, если кто засветится, может сразу подавать рапорт на увольнение.

Но Гуров разгадал ход своего приятеля. Он попросил в МУРе десять лучших оперативников, провел инструктаж:

— Господа офицеры, я поручаю вам работу хуже некуда. Для выполнения ее требуются два качества: осторожность и терпение. Орденов не будет, о неприятностях не говорю.

Наши коллеги сейчас начнут искать связь дочери Чекина вне ее обычного круга. Есть подозрение, что она употребляет слабый наркотик, у них это модно. Поэтому будем ее связи устанавливать и мы. Нас интересует не сам наркотик, а личность продавца, так как он безусловно связан с поставщиком. Именно он нам и необходим. Даю вам два-три дня на установление мест, где бывает Елена Сотина. Сутки на определение стационарного места наблюдения.

— Ну, Лева, ты и придумал, — сказал совершенно седой оперативник. — Ты сам-то хоть что-нибудь из заданного мог бы выполнить?

— Не знаю, Семен, — ответил Гуров. — Я бы старался.

Признание Гурова, что задание практически невыполнимо, удивительно, но подхлестнуло людей. Еще Гуров добавил, что отчитываться в работе ежедневно не обязательно. А если возникнут какие-либо сомнения, так в любое время суток звонить ему по сотовому. Он будет включен днем и ночью.

— И помните, — в заключение сказал Гуров, — неплохо, если торговца установит ФСБ, а через него выйдете и вы.

Повезло только в одном. Елена Сотина была консервативна, посещала в основном казино на "Кутузовском", где на втором этаже находился ресторан. Пила девчонка умеренно, танцевала здорово и до упаду. Проглядывал еще один положительный момент: компания, которую возглавляла Елена, состояла из пяти-шести парней да двух девчонок. Они всегда сидели отдельно, контактов с окружающими не поддерживали. Водилы-охранники тоже сидели вместе, неподалеку от хозяев. Крайне редко кто-либо из подруг Елены танцевал с кем-нибудь из посторонних.

Внешне работа походила на развлечение. Оперативники быстро разобрались, что внешне посетители делятся примерно на две категории. Проститутки со своими сутенерами, это, можно сказать, народ "служивый", они приходили сюда работать, а не отдыхать. И гости: девочки, копировавшие кинозвезд и фотомоделей, да мужчины, которые в основном толклись у игровых столов.

Оперативники попытались обзавестись партнершами, но из этого ничего не вышло, стоило проявить к девушке интерес, как тут же подходил парень и называл сумму, неподъемную для офицерского жалованья.

Станислав вел непосредственное наблюдение за Еленой. Быстро выяснил, что у нее есть два стойких поклонника и одна душевная подруга. Наблюдая за последней, Станислав заметил у девушки маленькую изящную сумочку, с которой она даже во время танцев не расставалась. Станислав посоветовался с Гри-

шей Котовым, предложил ему пригласить девушку на танец и попытаться оставить ее сумочку на столике. Но номер не прошел, девица танцевать отказалась.

Утром об этом доложили Гурову.

— Это еще ничего не значит, — философски изрек командир. — Что наркотик находится у девчонки, придумано неплохо. А они часто ходят в туалет? Служба обращает на нее внимание?

— Не разберешь там, Лева. Ничего не разберешь, — ответил Станислав.

— Я тебе много раз говорил, следует не смотреть, а понимать. Что пьют?

— Шампанское. Кто-то виски.

— Какого черта вы там пять дней делаете?

— Ну, извини!

— Вечером я иду с вами, — сказал Гуров.

Котов и Нестеренко в один голос заявили:

— Напрасно.

— Почему? — возмутился Гуров.

— В зале четыре сотрудника ФСБ, вас могут опознать, — пояснил Котов.

— По-видимому, молодежь балуется какой-то слабенькой ерундой, но тяжелый наркотик там должен быть, — решительно сказал Станислав. — Нам необходим человек, поставляющий героин. Он в Москве уже все клубы подтравил.

— Тебе не мешают, действуй, — огрызнулся Гуров.

— А ты не кидайся на нас... И никуда ты не пойдешь, требуется, запрем в кабинете.

Завонил телефон, Гуров снял трубку.

— Лев Иванович? — произнес взволнованный женский голос. — Говорит вдова полковника Веткина.

— Здравствуйте. — От неожиданности Гуров забыл имя-отчество вдовы. — Что-нибудь случилось?

— Помните, вы мне говорили, чтобы к бумагам Якова я никого не подпускала, а если что, звонить вам.

— Да-да, все верно. А были какие-то попытки?

— Сегодня позвонил заместитель покойного мужа, а они жили, как кот с собакой, и таким елейным голосом принялся убеждать меня, что дома у полковника Веткина остался служебный блокнот начальника, а он срочно нужен генералу. Уж так я этого подкаблучника не любила, и сейчас чувствую, врет, окаянный. Никаких служебных бумаг муж дома сроду не держал. Я к нему в стол не лазила, и так знаю. Ну, я этому Петушку сказала, что сейчас из дома уезжаю, вернусь только к вечеру.

— Все верно, Рита Ивановна. — Гуров наконец вспомнил имя, так как всегда удивлялся, что полковник звал жену Туля, сокращая ласковое Ритуля. Он прикрыл трубку ладонью и осмотрел свое "подразделение":

— Кто проводил обыск в квартире покойного?

— Было поручено мне, но что-то срочное подвернулось, и я перепоручил Сатину из третьего отдела МУРа, — ответил Нестеренко.

Гуров вновь обратился к вдове Веткина:

— Рита Ивановна, я к вам выезжаю, дверь открывать только мне. Вы меня в лицо знаете?

— Конечно, Лев Иванович, мы же с вами танцевали на новогоднем балу.

— Да-да, извините. Значит, я еду.

Выехали все вчетвером. В машине Станислав сказал:

— Уперлись в этого Сотина, глаза застит.

— Никто не знает, как выглядит заместитель Веткина?

— Подполковник толстый, розовощекий и всегда улыбается, — ответил Котов.

“Мерседес” Крячко загнали во двор, на четвертый этаж поднялись бегом. Гуров нажал на кнопку звонка, и, хотя ни о каких условных сигналах не договаривались, сыщик дал один длинный звонок, три коротких и встал напротив “глазка”.

Дверь открыли быстро, хозяйка ласково улыбнулась, словно не у нее несколько дней назад убили мужа.

— Здравствуйте, Лев Иванович, заходите господа-товарищи.

— Рита, — сказал Гуров, — мы с вами идем на кухню чай пить, а молодые люди тут обождут. Да, вот что, напишите записку: “Буду от 6 до 7 вечера. Туля”. Я верно запомнил?

Молодая женщина молча кивнула, пошла в другую комнату. Гуров остановился на пороге и, сжав зубы, повторял: “Не проглядеть и не напортачить... Не проглядеть и не напортачить...”

Оглядев игрушки, Гуров спросил:

— Сколько парнишке?

— Восемь, — нижняя губа Риты дрогнула.

— Когда из школы?

— Ой! — Рита всплеснула руками. — У него сегодня баскетбол этот, раньше девяти не ждите.

— Рита, теперь дословно повторите слова человека, который звонил.

— Здравствуйте, можно попросить Риту Ивановну? Видите ли, он не знает, что взрослых, кроме меня, в квартире нет. А ведь этот змей, зам Якова, всегда шутил со мной. Еще сказал, что назначен новым замом, фамилия его начальника Клубнев.

— Отлично, Рита, продолжайте, — подбодрил женщину Гуров.

— Я получил тяжелое задание, требуется заглянуть к вам, у Якова Сергеевича остались в столе некоторые секретные документы. Мне приказано их забрать, обработать и завтра утром доложить генералу. Рита сцепила пальцы: — И тут я поняла, что он врет. Он прекрасно знал, что муж никогда дома служебных бумаг не держал. Затем я вспомнила ваше предупреждение и не

стала звонить генералу, чтобы проверить. И только после подумала, какие секретные документы, когда у нас ни один ящик не запирается? Да и Яша сто раз говорил, что документы из кабинета домой может взять только...

— Предатель, — помог женщине Гуров.

Рита покраснела и кивнула.

Гуров нежно обнял Риту за плечи и усадил на диван.

Глава пятая

— Я разберу стол, а вы снимите книги с полок. Сложить все на стол, просмотреть каждую и поставить обратно, — приказал Гуров.

Но проделать эту работу не пришлось. Через несколько минут Гуров позвал товарищей к нижнему ящику стола и выложил лист, на котором были отпечатаны четыре колонки цифр.

— Шифровальщикам такое минут на пять, — убежденно заявил Станислав.

Гуров, включив настольную лампу, рассматривал страничку, вдруг накладку произошла, чей-нибудь пальчик остался.

— Явно шифровка, наличие ее на квартире в письменном столе, такая накладку, приснится — не поверишь.

— Ждали долго, полагая, раз квартиру не обыскали, значит “пасем”, — неуверенно произнес Станислав.

— Здесь не ищут, потому что основной жертвой считают полковника Сотина, — предположил Котов.

— А не подозрительно ли? Может, нас специально на Веткина толкают?

— По работе ни один из них ничего секретного не имел, — вмешался Гуров. — Я получил официальную бумагу. И все же здесь что-то не так...

— Ладно, командир, ты думай, как из квартиры вылезать. — Нестеренко стоял, прижавшись спиной к проему между окон, и косил на улицу. — Вон бабка с сумкой зелени расположилась, здесь за день и пучок не продашь.

— Значит, сразу после телефонного звонка они выставили за квартирой наблюдение. О парнишке они выяснили. Мать на работе, — Станислав вздохнул. — Правда, ушла она поздненько.

Неожиданно сверху, над их головами, натужно зазвенела дрель, еще через несколько минут на потолке показалось стальное жало, обсыпало кусочек штукатурки и исчезло. В образовавшееся отверстие опустилась леска с шляпкой на конце. Леску вытащили, и шляпка плотно закупорила просверленное отверстие.

Гуров вынул из кармана блокнот и написал: “У них нет современной техники?” Показал лист приятелям. “С этого момента только переписываемся”.

Затем взглянул на часы, было без пяти минут два. Возле дома, где они находились, располагался маленький сквер. Он по-

думал и написал: “Поднимаетесь на чердак и спускаетесь по “черной” лестнице в установленном порядке, — после чего указал на Станислава, затем на Котова, на Нестеренко и на себя. — Если слежки не замечено, опускаете правую руку в карман, если замечено — срываете с куста ветку и в контору. Если полный порядок, собираемся у палатки. Пьем пиво”.

Станислав ткнул Гурова пальцем в грудь, поднес к его лицу кукиш и прошептал на ухо:

— В таком костюме пьют пиво только очень плохие оперы.

Гуров в сердцах толкнул Станислава к двери. Тот взглянул в дверной глазок, отжал замок.

Они уходили из квартиры с интервалом в пятнадцать минут.

За квартирой установили наблюдение. Но ни в этот день, ни на следующий никто у вдовы полковника Веткина не появился и не звонил. Искать несуществующего Клубнева было бессмысленно.

Изъятый листок с цифрами передали шифровальщикам.

Через сутки дали официальный ответ, что, судя по всему, на листке записаны телефоны служебных кабинетов, один телефон из канцелярии министра и один из Правительства.

— О секретности можете не говорить, а бутылка с вас, — сказал шифровальщик, возвращая листок.

Крячко нежно ответил:

— В отношении бутылки мы еще поторгнемся, а заключение твое не категоричное, а из области предположений.

Шифровальщик расхохотался, сунул бумажку в руку Станислава и заявил:

— За девяносто процентов точности я отвечаю, для большего не хватает объема материала. А вам, Лев Иванович, из уважения скажу, что к этой галиматье профессионал рукой не прикасался. Записано для себя, для внутреннего пользования. Пока! Рад, если помог.

Оперативники разглядывали полученный список и тихо матерились.

— Сейчас какой год? — неожиданно спросил Станислав. — Я к тому, что у нас то борются с коррупцией, то утверждают, что ее и в помине нет.

— Ты шута горохового не валяй! Моли Бога, что ни одного друга не зацепили, и сами мимо навозной кучи прошли! — сказал Гуров. — Список к Веткину попал явно по недоразумению.

— Просто так номера телефонов не зашифровывают, — заметил Котов.

— Согласен, — кивнул Гуров. — Может, поэтому и заинтересовались вдовой. Станный звонок, установка прослушивания... Нас уж очень быстро засекли... Сто против рубля, смежники стараются. Эх, Павел, Павел...

Станислав хмыкнул:

— Лев Иванович, группа Кулагина занимается наркотой, никакого отношения к политике не имеет. Только Паша своих парней пустой работой гробит, будто у него оперативников миллион.

— Ладно, расслабьтесь и отдыхайте, а я пойду к Петру докладывать.

В коридоре Гуров столкнулся с Орловым. Тот, завидев друга, замахал руками:

— Завтра! Хоть в семь приходи, продохнуть некогда.

— А ты пока воздух набирать будешь, я и закончу! — Гуров распахнул перед генералом дверь его кабинета.

— Получены оперативные данные, что окрас у убийства чисто политический, твою группу распускают, станете помогать Кулагину.

— Рад. — Гуров вальяжно устроился в кресле. — Откуда дровишки?

— Не от нас, западная резидентура дала.

— Извини, Петр, разочарую, они в Москву туфту гонят.

— И ты знаешь, кто?

— Знаю, — спокойно ответил Гуров. — Помощник Президента по обороне.

— Но я тебе ничего не говорил! Час назад в специальной книге расписался о неразглашении...

— Ты и не говорил, а я не спрашивал. Хочешь, скажу, кто поддержал идею, что убийство политическое?

— Да не в жизнь!

— В наше время за бесплатно никто ничего не делает, — убежденно ответил Гуров. — Он же долю с наркотиков не имеет. А мент, он и есть мент! Чего мы в гадалки играем? Что те убийства имеют политический окрас, в первую очередь и наиболее горяч ратовали следующие... — и Гуров перечислил имена, чьи телефоны были в записке полковника Веткина. — Но это не вся группа, там кое-кого не хватает.

— Откуда знаешь? — Орлов даже покраснел.

— Хороший вопрос. А у меня сызмальства был один учитель. Ты. Вот у тебя и нахватался.

— Эх, знал бы я, до какой ты жизни дойдешь. — Орлов схватился за голову.

— Петр, ты меня всю жизнь учил, люди, продавшие себя за деньги, опасны, но трусливы.

— Ты взгляни, какие они должности держат. Мы же и пикнуть не сможем. Нарушение приказа, отстранение от должности. Минимум, ребят из МУРа они заберут, технику отнимут. Вас будет четверо с пистолетами. И задание через меня вам соответствующее придумают, и отписываться заставят.

— Но еще человек пять мы все равно найдем, — уверенно сказал Гуров. — Лучшая защита — это нападение. Главное, чтобы они нам дали работать по своей версии — убийство. Генерал-

полковника Шубина они привлечь не рискнули. Вот к нему я и пойду, расплачусь, что у меня людей отобрали. Пусть руководство право, и в деле действительно круто замешана политика. Но двух офицеров милиции убили, и я имею агентурные данные...

— А ты имеешь? — перебил Орлов.

— Сейчас пойду и напишу рапорт, — нагло соврал Гуров. — А источник у меня простой — Виталий-Волох. Пусть кто-нибудь проверит. Волох сначала стреляет, а только потом спрашивает, как зовут. К прокурору я поеду сейчас и выложу все ему, как есть. Поддержка у него мощная. Он парень хоть и интеллигентный, да рискованный.

— Один вопрос. — Орлов постучал карандашом по столу. — Кто полковника Гурова подстрахует?

— Подстрахуют, да так, что мало не покажется. Дай мне сутки, генерал!

— Что-то ты не договариваешь, — пробурчал Орлов.

— Настоящий оперативник всегда не договаривает.

Прокурор выслушал Гурова с непроницаемым выражением лица.

— Я изначально не верил, что убийства связаны с политикой. Но “верю — не верю” — лишь детская игра, — сказал Федин.

— Если мы докажем, что некое высокопоставленное лицо совершило уголовное преступление, вы дадите санкцию на арест?

— Если доказательства вины будут основаны не на личном признании, киноплёнке или звукозаписи, дам санкцию безусловно, — ответил прокурор. — Но если в цепи доказательств окажется хотя бы один кинокадр или фотография, то материал можете даже не показывать.

— А что, для больших чиновников существует индивидуальный уголовный кодекс? — поинтересовался сыщик.

Прокурор подошел к окну, и Гуров только сейчас заметил, что у Федина неестественно белая прозрачная кожа, совершенно больное лицо. И смотрел он в окно, как дети смотрят из окон больничных палат на улицу.

— Мне бояться нечего. Я не хочу, чтобы вы загубили дело, имеющее перспективу, и вместе со своими друзьями устроились в тюрьму. Порядочных людей в России много, значительно больше, чем вы представляете. Но страха и неверия в справедливость еще больше. Ваши доказательства не должны опираться на людей, а должны быть выкованы из железа. Иначе вы погибнете и не принесете никакой пользы. Только вред. И ваша смерть лишь укрепит в душе человека страх и невозможность доказать правду. — Прокурор отвернулся от окна, усмехнулся. — Желаю удачи, сыщик, — и с деловым выражением на лице начал раскладывать на своем столе бумаги.

У Марии в театре был выходной. Не умея валяться на диване и смотреть телевизор, жена устроила генеральную уборку. Приход днем мужа оказался совсем не кстати, но Мария не повела даже бровью, изобразив неопишемую радость.

— Полковник, наконец-то мы сможем побыть вдвоем. Я мгновенно уберу ведра и тряпки, и мы будем лодырничать. А если хочешь, отправимся в маленький, никому не известный ресторанчик.

— Как скажешь, Маша, только чуть позже. Сначала необходимо решить пустячный вопрос, — ответил Гуров.

— Дорогой, прошу без вранья и вступлений. Правду и только правду.

— Так и будет. Сейчас явятся ребята, чтобы мне не рассказывать дважды, подождем их прихода. У нас в доме хоть капля спиртного найдется?

— Капля, в которой можно утопить войско. Утром заявился Шалва и принес две корзины, сказал, что проиграл тебе пари. Я бутылки убрала в холодильник, баранину в морозилку, остальное на кухне.

— Князь действительно мне кое-что проиграл, — смутился Гуров. — Ты знаешь, я не заключаю пари, которое не могу отдать.

— Так ты и не миллионер, — с женской непосредственностью заметила Мария. — Одно плохо, кроме сыра, зелени и бокала красного вина мне ничего нельзя. Иначе придется сменить ампулу.

Раздался условный звонок. Однако Гуров все равно заглянул в глазок и, лишь увидев Станислава, отодвинул стальные засовы. Не обращая внимания на протесты хозяйки, оперы сняли обувь, прошли в гостиную.

— Извини, Лев Иванович. — Нестеренко достал из плаща бутылку водки. — На большее не хватило.

— Я утром отлично позавтракал, — заявил Котов.

— А я вчера даже обедал, — добавил Станислав.

— Вот и отправляйтесь на кухню и хозяйничайте, у меня отгул. — Мария уютно устроилась в углу дивана.

— Берешь взятки, — констатировал Станислав, ставя на стол блюдо с зеленью и соленьями.

— Обязательно. — Гуров протирает стаканы. — Станислав, ты прекрасно знаешь — взятку не берет лишь тот, кому их не дают.

Когда все расположились в гостиной, Станислав поднял стакан.

— За женщину, которая почтила нас своим присутствием за этим скромным столом. — Он сделал небольшой глоток. — Лев Иванович, мы в курсе, хотелось бы выяснить подробности.

Коротко Гуров обрисовал обстановку.

— Почему, если птица пролетит, так обязательно отметится на нашу голову? — спросил Котов.

— Голова большая, — ответил Станислав и взглянул на Гурова вопросительно.

Сыщик кивнул:

— Я вижу ситуацию в таком решении. Нигде и никогда не произносить слово “наркотик”, тем более “героин”. Котову в течение суток выяснить у специалистов, как изготавливается героин, необходимое оборудование, его стоимость на рынке сбыта, как оптом, так и в розничной продаже. Станислав, встретишься с офицерами управления по борьбе с наркотиками и под страшным секретом сообщишь, что разыскиваемые нами убийцы — наркоманы, по агентурным данным они скрываются в соответствующих притонах. Нас наркота совершенно не интересует, желательно знать, кто из новых лиц появился в значных местах. Интересуют только русские, приметы известны. Ни одного задержания не будет произведено без участия или ведома офицеров управления. Все задержанные, ценности, деньги и оружие приходится только офицерами их управления.

— Каким образом мы будем выходить на истинных киллеров? — спросил Котов.

— Через Регину и Виталия-Волоха. — Гуров подумал и с сомнением покачал головой. — Если последний еще жив. Регину мы с Котовым берем на себя. Очень мне не понравилось, как в казино один из киллеров смотрел на девушку. Валентин, основная работа в казино на тебе. Все они под “крышей”, а это как бы бесхозное.

— Могу пояснить, — встрял Станислав. — Именно наше казино посещают сынки, дочки и сопровождающие их лица. Такая точка опасна и никому не нужна.

— Согласен. — Гуров кивнул. — Но слишком жирный кусок. И именно там может появиться гонец той же “крыши”. Сопровождающие будут предупреждены и не тронут его.

— Тогда расширяется круг осведомленных, — гнул свою линию Станислав.

— Станислав, ты прав, мне возразить нечего, — усмехнулся Гуров. — Кроме одного. Жадность. Могут придти и без ведома “руководства”. И если Валентин гонца увидит, тогда можно будет за ним и пройти.

— Одному? — не сдавался Станислав.

— Ты прав, оставим пока этот вопрос. Валентин, даже если гонец засветится, за ним не идти. В другой раз придет.

— Лев Иванович, а почему ты ничего не говоришь о транспортировке? — поинтересовался Станислав. — Ты же отлично понимаешь, если такие тяжелые фигуры на доске, то и разговор идет не о килограммах. Их надо в Москву доставить?

— Или они Москву обходят и двигают на Питер? — спросил Котов.

Гуров долго молчал, ответил неуверенно:

— Не знаю. Вообще-то, имею вариант, но даже такого авантюриста, как я, он шокирует своей наглостью. Либо все пошло с ума, либо лечиться следует мне.

— Тебе, тебе! Я передачи носить буду, — мгновенно среагировал Станислав. — Маша, между нами говоря, Леве следует подлечиться?

— Обязательно, — улыбнулась Мария. — Только всех уложить в одну палату.

Оперативники стерли расплзшиеся по лицам улыбки.

— Я буду проводить анализ, — предложил Гуров, — вы делать вывод. Так вот. Должностной масштаб участников доказывает, что это не обычная героиновая история. И традиционный маршрут Афган — Тегеран, сквозь границу, Чечню и по наезженному пути — отпадает. Дорого, и велики потери в пути. Да плюс транспортировщики и перекупщики. Их сиятельства не пойдут по такому пути, легче нефть воровать. Такие лица может соблазнить лишь совершенно новый, оригинальный ход. Европа, Канада, Америка, как рынки сбыта, не интересны. Там свои короли и бароны, свои дележки, войны, чужие никому не нужны. Если не перестреляют, сдадут родной полиции. Настоящий, практически не тронутый рынок — это Россия, а именно, Москва и Питер. Морально и материально мы сейчас готовы принять тонны героина. Только научи, приучи и дай. У людей на руках миллиарды долларов. Но если торговать в Москве, то зачем оплачивать сотни курьеров, терять деньги на посредниках?

Как обычно, быстрее всех среагировал Станислав:

— Ты хочешь сказать, героин изготавливают в Москве?

— Вопрос на засыпку, Станислав, — продолжал Гуров. — Если наркотик везут по дорогам России, то почему среди высокопоставленных наркодельцов нет ни одного генерала ГАИ?

Молчали долго, наконец Станислав сказал:

— Тут изготавливают, здесь торгуют. Тщательно проверяется транспорт только транзитный. А из самой Москвы хилая хоть до Владивостока. Каждый инспектор знает, наркотик из Москвы не повезут. Так что делать?

— Не знаю. — Гуров пожал плечами. — Точнее, я знаю, что делать, но не знаю, как.

Глава шестая

Валентин Николаевич Попов, лет сорока, в прошлом комсомольский вожак, легко вписался в новый жизненный уклад. Комсомолец принял перестройку без особого восторга, философски. Чего горевать, что погода изменилась, сие от тебя не зависит, просто одеваться следует соответственно, например, не клясть дождь, а надевать плащ. Он никогда не выделялся среди сверстников, занимаемое положение его вполне устраивало. По крайней мере, он не выделял себя среди много-

численного отряда строителей коммунизма, двигался по ступенькам медленно и не завидовал приятелям, которые неожиданно взлетали вверх. Попов предпочитал двигаться медленно, но верно. Он и женился не по расчету, супругу свою любил не за длину ног, а за надежность, душевную прочность, хотя Бог ее и внешностью не обидел. Соня, так звали жену, работала инструктором в райкоме, где Валентин был вторым секретарем.

Однажды Соня по случаю купила замечательные французские сапоги, которые были ей чуточку маловаты. Молодая женщина не удержалась и надела обновку. В тот день Соне требовалось отвезти в горком партии очередной отчет. Когда она оказалась в приемной третьего секретаря, то еле стояла на ногах. Хозяйка кабинета, молодая, модно одетая женщина, выразила восхищение французскими сапогами.

— Только француженки эти тонконожки, — призналась Соня. — А у меня нога русской бабы.

Слово за слово, женщины разговорились. Горкомовская дама не удержалась и примерила парижскую модель, которая ей пришлась впору. Через полчаса Соня прикатила домой на "Волге", а сапоги отдала водителю.

Светская покупательница о деньгах забыла, а молоденькая комсомолка напомнить постеснялась. Через день недоразумение разрешилось, и Поповых пригласили вечером в загородную резиденцию. Хозяйка показала госте партийный особнячок, расспрашивала Соню о личной жизни и высказалась о собственном муже, мол, всем хорош, только самолюбия маловато. Однокашники вперед шагают, один там, другой еще выше, и дачи у них не в пример этой "халупе". Соня простодушно отвечала, что хорошему края нет, они с мужем всем довольны, только детьми судьба обделила.

Мужчины играли в шахматы, гость все время проигрывал, расстраивался и пытался взять ход обратно. Хозяин искренне радовался, так как выигрывать ему удавалось крайне редко, да и то в тех случаях, когда противник умышленно поддавался.

Когда молодые люди ушли, хозяйка сказала:

— Вот ты, Тарас, жалуешься, что помощника себе подобрать не можешь. А Валентин — отличный парень. Влиятельных родственников не имеет, не подхалим и не дурак. Настоящий мужик, не болтун и никогда не продаст.

— Инночка! — Муж махнул рукой. — Да ты знаешь, сколько я врагов приобрету! Ведь каждый норовит своего пристроить.

— Кого бы ни взял, всегда недовольные будут, — резонно заметила жена.

Через три недели, к всеобщему удивлению, Валентин Николаевич Попов стал сотрудником аппарата ЦК.

Прошло несколько лет, и в России все перевернулось. Союз рассыпался, куда-то подевалась великая дружба народов, всемогущие ЦК и КГБ перестали существовать.

Валентин стал безработным. Совершенно неожиданно ему позвонили из управления кадров Совмина и предложили должность помощника заведующего отделом.

— Ты, Валентин, человек нужный, — сказал ему бывший шеф Тарас Иванович. — Срочно поступаю в аспирантуру. Работой я тебя не загружу, с поступлением и последующей диссертацией тебе помогут.

Через три года Попов уже был завотделом Совмина, кандидатом наук.

Характер у него изменился. Выяснилось, что хотя знаний и маловато, но точка зрения по любому поводу имеется. Впрочем, при высокопоставленном начальнике очень легко иметь свою точку зрения. Наблюдались и серьезные недостатки: некомпанейский, бани, охоты, ночных совещаний не любил. Зато был преданным, не болтливым, в общем, незаменимым человеком.

Он далеко не сразу разобрался, что его решениями и поступками, начиная с выбора галстука и кончая к кому на обед сходить, кого принять у себя, а некоторым лучше на этой неделе не звонить, руководит тихая и скромная супруга.

Налет провинциальности и простоты со временем в жене пропал начисто. По-прежнему открыто глядя собеседнику в глаза, позволяя себе иногда недвусмысленно пошутить, она умела дружить с женами заклятых врагов, ни с кем не ссориться и при каждом удобном случае повторять, какой знающий экономист и тонкий политик ее муж.

Президент тасовал свое правительство, как заядлый картежник, и каждый министр или его зам, ложась спать, понятия не имел, кем утром проснется. И как Попов ни крутился, изворачивался и лавировал, в конце концов, вынужден был примкнуть к одной из группировок. Результат не замедлил сказаться. Вскоре Попов стал вице-премьером, правда, без особых полномочий. Но так как по своей сути он не являлся политиком, очень скоро его в пустяшной ситуации подставили, и Попов полетел со своего поста, оказавшись у основания лестницы, с которой когда-то начинал.

В правительство пришли более молодые, хваткие и верткие, чужие "старички" им были совершенно ни к чему.

— Ты ничего не добьешься в политике, — сказала однажды Соня. — Надо перестраиваться.

— А что я умею? — растерянно спросил муж.

— Истинная власть — только деньги, — ответила жена.

— Миллиардером хочет стать каждый, — усмехнулся он. — Быстрые деньги можно сделать только на нефти, водке... Кто меня туда подпустит?

Но Попов плохо знал свою жену. Иногда Соня, если обстоятельства требовали, укладывалась в чужие постели. Делала это осторожно, расчетливо, чисто по-деловому. Связи ее были конкретны и предельно коротки. Она уходила от мужчин всегда сама, вежливо, но жестко, оставляя у себя либо документ, либо письмо, так что бывший любовник не то, чтобы дернуться, дурного слова сказать о своей подруге не мог.

У Софьи Владимировны имелся свой круг приятелей, о которых муж знал, но не придавал этому значения. А вот то, что у нее были огромные деньги, Попов даже не подозревал.

Зачем, спрашивается, красивой, деловой и богатой женщине нужен муж усредненных способностей, скатившийся вниз по административной лестнице? Сегодня она могла составить значительно лучшую партию. Но Соня была по природе лидером, ее не устраивали вторые роли, а новый муж — всегда лотерея. Попов же оставался верным и преданным, в определенных кругах пользовался авторитетом. И хотя его не пускали наверх, но с его мнением считались, и никто не сомневался в его порядочности.

Софья Владимировна задумала грандиозную аферу, и безупречная вывеска была ей просто необходима.

— Нефть, водка, — задумчиво повторила она и негромко добавила: — наркотики.

— Надеюсь, ты шутишь? — заулыбался Попов.

— Россия — непаханое поле. Героин — это миллионы и миллиарды долларов. Собрать первый урожай и уйти... — Соня взглянула на мужа испытующе.

— Я ни черта не понимаю в этом деле. — Почувствовав, что жена говорит серьезно, Попов перестал улыбаться. — Но в газетах пишут, что все дороги с Востока надежно перекрыты. Просачиваются только профессионалы-проводники, нам там места нет.

— Пусть просачиваются, воюют на дорогах, платят милиции, мы туда и не полезем. Оставим разговор до поры. Имеется идея, ее следует проверить. — Супруга крепко поцеловала мужа в губы.

Жаркие поцелуи в доме были не в моде.

Первый разговор о наркотиках в доме Поповых произошел больше года назад. А сейчас опергруппа Гурова имела два немотивированных убийства и упиралась в непробиваемую стену. Начальство считало, что за киллерами стоит политика. Гуров полагал иначе, но доказательств своей правоты у него не было. Сыщик давным-давно положил за правило никогда и ни с кем не делиться своими сомнениями. Работа опергруппы — не профсоюзное собрание, где каждый может высказаться. Сомневаться может лишь старший и то про себя, а его указания и рекомендации должны носить форму безапелляционную и уверенную.

Опер обязан верить в своего лидера, иначе или задание провалит, или его просто убьют.

Нестеренко прошелся по казино, отметив, что столики местной знати пока пустуют, и вошел в туалет. Довольно часто "случайные" встречи происходят именно в сортирах, и тайники закладываются здесь значительно чаще, чем в других помещениях заведения. Нестеренко прекрасно знал, что у правого зеркала под четвертой плиткой снизу имеется тайничок, но никогда в нем ничего не находил. Возможно, его изготовили давно, один раз использовали и забыли.

Он вымыл руки, причесался. Взглянул на заветную плиточку кафеля и мгновенно понял — в тайник сегодня лазили. Положили и уже взяли? Или только положили, но еще не взяли?

Нестеренко вышел в ресторанный зал. Сев так, чтобы был виден вход в туалет, заказал чашку кофе, обычный заказ, ведь вечер только начинался, и стал осматривать зал.

Стол на шестерых, за которым командовала Елена Сотина, уже заняли ее друзья. Не работа, а мартышкин труд, подумал Нестеренко. Я не способен контролировать и сортир, и прибывшую компанию.

Он вновь прошел в туалет. Зашел в кабинку и услышал за тонкой перегородкой тяжелый вздох облегчения, после чего человек, кажется, заплакал.

Либо черти колдуют, либо Бог на лысину плюнул. Опер решил — раз везет, надо бить по "банку". Надев перчатку, Нестеренко выскочил из кабинки. Подошел к зеркалу, сдвинул плитку и достал из тайника пачку денег. В кабинке человек явно укололся, рассуждал Нестеренко, уж больно всхлипнул смачно. Значит, можно предположить, тайник зарядили сегодня. Потребитель взял дозу и, не отходя от кассы, оставил деньги. Раз товар и деньги передали не из рук в руки, значит, отношения не вчера сложились. Но и тянуть купец не станет, за деньгами придет, вот тут ему можно сесть на хвост.

Опер вернулся к своему столику и неожиданно увидел "продавца". Мужчинка лет тридцати подошел к дверям туалета, напряженно оглядел зал и исчез за дверью.

Нестеренко выложил на стол пять баксов и быстро вышел из зала. В холле он встал так, чтобы видеть выход из туалета. Вскоре появился высокий, слегка покачивающийся парень, сопровождал его "купец". Парень хотел пройти в зал, но дорогу ему преградил плотный охранник.

— Ты что, Лялек, раньше времени виски накачался? Сходи домой, пропись. Часа через два и ты оклемаешься, и народ соберется. Ведь старый клиент, знаешь, у нас так не принято, — говорил охранник ласково, но, судя по всему, держал клиента жестко. — Ты на тачке?

— Ну? — Лялек подобрал слюни, широко заулыбался.

Разговор продолжился на платной стоянке машин. Кругом толкался народ, машины припарковывались и отъезжали, былолюдно. Нестеренко не составляло труда находиться рядом со спорящими.

— Крыса, — сказал один из охранников. — Чего ты к нему прицепился?

“Крысой” называли продавца, он и впрямь походил на это не-симпатичное животное.

— Ты товар взял? — спросил он Лялька. — С тебя пятьсот.

Услышав сумму, охрана начала разбредаться по своим мес-там.

— Ну? — Наркотик работал вовсю, и напугать, а тем более вразумить наркомана, не представлялось возможным. — Пять-сот зеленых, а шуму, будто газон задолжал. Верну. Мы с Володи-дей по корешам.

— Кому, может, и Володя, а для меня так Владимир Влади-мирович. — Крыса держался уверенно. — Мне велено тебя дост-авить...

Нестеренко, почувствовав, что этим и кончится, уже распла-тился за стоянку, завел свой “Москвич”.

— С тачкой-то справишься? — Лялек бросил продавцу клю-чи от машины.

Крыса поймал ключи, открыл Ляльку дверцу.

“Мерседес-300” рванул с места. “Москвич”, подпрыгнув, за-скрипел следом.

На Садовой “мерс” грубо нарушил правила, но гаишник лишь махнул на него рукой. “Москвич” такой номер повторить не посмел, потому скромно выждал у светофора и лишь затем бросился в погоню. Автомобильный поток был плотный, про-биться к “мерсу” не удавалось. Нестеренко связался с Гуровым, доложил:

— Зацепился, но сам понимаешь — на моей телеге только за иномарками кататься. А они, судя по всему, к купцу поехали.

— Случается, — ответил Гуров, и от его спокойного голоса Нестеренко стало теплее.

Наемные убийцы сидели в квартире Регины. Играли в кар-ты, изредка пригубивали из бокалов сухое вино. Они очень по-ходили друг на друга. Плотные, лет тридцати с небольшим, спо-койные и равнодушные, с несколько заторможенными движе-ниями. Одеты добротно и неброско, явно не придавая таким ме-лочам значения.

Во второй комнате на огромном ложе лежал связанный Вита-лий Волох. Его упаковали умело, надежно.

Убийцы играли серьезно, на наличные деньги, которые не мяли, не швыряли на стол презрительно, как это принято у их братьев меньших — обычных уголовников. Возможно, в

их манерах сказывались привычки, приобретенные в разных странах, где им приходилось бывать по роду своей профессии. Они не принадлежали к какому-нибудь клану или синдикату, типичные волки-одиночки. И работали вдвоем исключительно потому, что оба были русскими.

Время от времени они попадали в поле зрения Интерпола, но два человека быстро терялись среди сотен и тысяч преступников...

Когда поступили агентурные данные, что "Козырные валеты", так их называли службы между собой, вроде бы вернулись на историческую родину, в Интерполе облегченно вздохнули: вы их родили, вы их и убивайте.

Гуров давил на Интерпол, пытаясь выяснить связи "валетов", направление их движения, на худой конец — точно они в России или нет.

Результат получился практически нулевой. "Валеты" были замечены на Балканах, имелась короткая связь с русскими, а может, и не имелась. Какими они располагали документами, Интерпол не знал. Зато точно знал, что пользуются короткоствольным оружием. Это единственное, что совпадало точно. Деньги берут только вперед, были две осечки, деньги вернули.

Высчитывая гонорары, полученные киллерами за последние восемь-десять лет, их считали людьми обеспеченными, успешными войти в легальный бизнес. Полагали, у каждого небольшое дело, семья, определенное положение в обществе.

Все это не соответствовало действительности. Парни не задерживались на одном месте. Посредники имели их почтовый адрес, расположенный в скромном газетном киоске, где они и получали заказы.

Приглашение в Россию удивило "валетов", читая газеты, казалось, уж чего-чего, а убийц на родине хватает. Но заплатили им щедро, и дело оказалось простым. Когда офицеры были ликвидированы, им предложили еще убрать бандита с любовницей. Правда, предупредили, что за парочкой последует офицер криминальной полиции, он-то и является основной мишенью. И честно добавили — офицер опытный, на него уже совершались покушения, так что нужна максимальная осторожность.

"Валеты" играли в карты, пили вино и пережевывали полученную информацию. Факт, что их вынудили оставить горячее оружие, не вызывал особых опасений. Ясно, все хотят свалить в одну кучу. Разбирайся потом, кто в кого в каком порядке стрелял. А что касается "офицера опытного", то его решили заманить сюда, на эту квартиру, дабы особо не суетиться и не бегать по всей Москве.

После неудачной погони Нестеренко вернулся в казино. Направляясь к стойке бара, он увидел Регину, которая выгодно вы-

делялась на фоне своих товаров элегантностью и обманчивой чистотой. Опер заказал стакан сока и повернулся к залу. Регина смотрела в его сторону. Нестеренко сделал приглашающий жест, и девица, прихватив свой бокал с коктейлем, подошла к нему.

— Привет, молчаливый, — весело сказала она. — Что-то вы каждый вечер все один и один. Не играете, не пьете, девочками не интересуетесь.

— Здравствуй, Регина, — ответил Нестеренко. — Игра мне не интересна, а на девочек денег нет. Да, признаться, в жизни женщине не платил.

— С вашей молодостью и красотой деньги не нужны, — насмешливо заметила Регина.

— А напоминать о моем возрасте некрасиво.

— Сказали бы прямо, что на службе и развлекаться не веле-но. — Регина стрельнула взглядом. — Мы ж все здесь опытные и наблюдательные.

— Это хорошо, — Нестеренко кивнул, — разговаривать будет проще. Что-то я сегодня вашего постоянного ухажера не вижу. Не приболел?

— Виталий? — Регина постаралась беспечно улыбнуться. Нервы были напряжены до предела, рука дрожала, и она поставила бокал с коктейлем на стойку. — Что ему делается? Здоров. Может позже зайвится. А я не вижу вашего голубоглазого начальника. Очень интересный мужчина.

— С чего вы взяли, что он мой начальник? — Нестеренко пожал плечами. — Приятель.

— Жаль, что его нет, Виталий с ним потолковать хотел. — Регина старалась не выдать своего волнения.

— Возможно, придет, еще рано. — Нестеренко отлично понял, что Гуров получил приглашение к разговору.

— Не прощаюсь, служивый. — Регина направилась к игровым столам.

Нестеренко достал из кармана сотовый, связался с Гуровым.

— Мне сообщили, что Волох ищет тебя, имеет разговор.

— Интересно. Жди, я сейчас подскочу, — сказал Гуров.

Через минут тридцать Гуров уже пил кофе в баре казино и наблюдал за Региной, которая спаивала какого-то невзрачного мужичка. Сыщик не сомневался, внешность клиента Регины обманчива, иначе профессионалка не тратила бы на него время. Вообще, в зале было много мужчин плохонько одетых, на запястье которых сверкали золотые часы стоимостью в двадцать и более тысяч долларов.

Что кроется за приглашением Волоха? О чем он хочет переговорить? Связан ли предстоящий разговор с "валетами"? Пока ни Волоха, ни парней, похожих на наемников, не видно. Зато в зале появился Станислав, вскоре пришел Гриша Котов. Стало ясно, Петр принял решение, а Гурова даже не поставили в извест-

ность. Хорош старший группы, нечего сказать! Он раздражался все больше и больше.

Сыщик вновь отыскал взглядом Регину. Та говорила по сотовому. Убрав в сумочку аппарат, она в упор посмотрела на Гурова. Он расплатился, забрал с вешалки плащ и вышел на улицу. Вскоре прошел Котов, ведя пол руку молоденькую девочку, деловито прошагал к своему "мерсу" Станислав.

Ни Волох, ни киллеры так и не появились. Гурова знобило. Подъезжали и отъезжали машины, мимо сновали люди... Если предложение встретиться поступило не от Волоха, а от "валетов"? При их умении обращаться с оружием возможен любой выстрел из машины.

Наконец из казино вышла Регина со своим клиентом. Мужичок, оказавшись на улице, сразу рухнул на четвереньки и пополз к сверкающему трехсотому "мерседесу". Регина вытащила из кармана спутника ключи. Открыв дверцу, попыталась поднять тяжелое тело.

Гуров стоял у своего "пежо" шагах в десяти от них, удивленно наблюдая за происходящим. Регина повернулась к сыщику и громко сказала:

— Помогите посадить этого урода в машину. Я отвезу его к себе домой. Поедете со мной? — Регина протянула Гурову ключи.

Сыщик молчал, пытался найти верное решение.

Если все происходящее инсценировано, то режиссурой занимались "валеты", и ехать нельзя. Но как к ним подойти иначе? Они профессионалы. Впрочем, и мы не из детского сада.

Гуров нашел взглядом Станислава, еле заметно кивнул. Нестеренко и Котов сели в "Москвич". К "мерседесу" Регины подошел охранник казино, помог пьяному сесть в машину.

Гуров переложил "Вальтер" в карман плаща. Все. Ждать нечего. Надо ехать. Лучшее ситуации не будет... Неожиданно в кармане заверещал сотовый. Выхватив аппарат, сыщик быстро сказал:

— Слушаю.

— Стой, где стоишь, Лева, — прозвучал в трубке напряженный голос Орлова. — Если ты вышел в цвет, остальное не твое.

— Петр, это моя работа! — прошептал Гуров.

— А я говорю, ты свое сделал.

Регина по-мужски сплюнула под ноги, села за руль и отъехала.

Группа захвата стояла в квартале от дома Регины Караваевой. Шестеро атлетически сложенных парней сидели в "рафике", старший негромко давал последние распоряжения.

— Будьте осторожны. Действуйте по расписанию. С Богом!

Через несколько секунд спецназовцы вошли в подъезд, блокировали черный ход, подстраховали окна.

Дверной замок выбили выстрелом, дверь — плечом. Ворвались в квартиру, но схватили лишь воздух.

Связанный, с пулей в голове, на кровати лежал Волох.

Лаз, ведущий на помойку, нашли сразу. Как сразу нашли и труп лейтенанта, который оказался на пути уходивших “валетов”.

Через некоторое время подъехал Орлов, прошелся по квартире. Затем опустился на стул напротив сидевшего за столом и безучастно тасовавшего карты Гурова.

Генерал некоторое время молчал, затем спросил:

— Думаешь, ты бы их взял?

— Не знаю. Но человека не потерял бы точно. — Гуров отложил колоду. — Это была наша работа. Группа захвата хороша против обыкновенных бандитов.

— Я подам рапорт.

— Ничего ты не подашь, — спокойно возразил Гуров. — Старший группы я, мне и отвечать.

— Что киллеры международного класса здесь ищут?

— Как говорил Станислав, я тоже умею задавать вопросы. Пошли, Петр, не раскисай.

— Будь оно все проклято. — Орлов тяжело поднялся.

Утром собрались в кабинете генерал-полковника Шубина. О гибели какого-то незнакомого лейтенанта он особо не сожалел. На войне как на войне. Группа захвата часто несет потери. Эксперты дали категорическое заключение, стреляли из “горячих” ТТ, значит киллеры не ушли из Москвы, и все еще впереди.

Шубин оперся на стол ладонями:

— Когда эти межведомственные дразги начнем кончать? Ты, генерал-майор, конечно, не в ответе, — обратился он к замначальника контрразведки Кулагину. — Сегодня тебе наконец-то понятно, что дело “валетов” чисто криминального окраса? Извини, Павел, но розыск должен вести Гуров, и только Гуров. И будь мы сегодня не обескровлены, так взяли бы голубчиков оперативники, и никто не обращался бы за помощью к группе захвата. Политика, везде политика. Застрелили двух старших офицеров милиции, а мы заговоры ищем. Лев Иванович, ты можешь честно ответить...

Замминистра еще не договорил, а Гуров четко ответил:

— Не могу, господин генерал-полковник!

— Всю жизнь в полковниках служить будешь!

— Согласен, господин генерал-полковник! Группу вызвал генерал Орлов. Вопрос был согласован со мной. Я веду розыск, я и отвечаю.

— Ответишь, дай срок. Оперативники свободны. Рапорт подать до полудня.

— Слушаюсь, господин генерал-полковник! — Гуров развернулся и направился к двери. За ним — полковник Крячко.

— А что мы без них можем? — Шубин вздохнул. — И не смотрите на меня так! Петр Николаевич, у вас служат толковые парни, светлые головы и честные ребята. Много не надо. Отберите десяток, скажите, Гурову надо помочь. Пусть, как в молодости, послужат недельку...

— Понял. — Орлов сделал пометку в своих записях, закрыл папку. — Разрешите следовать за своими светлыми офицерами?

— Спасибо, все свободны! — Хозяин каждому пожал руку и услышал, как Орлов шепнул ему:

— Молодец!

К пяти часам в кабинете Орлова, сам хозяин демонстративно отсутствовал, подчеркивая, что старший здесь полковник Гуров, собрались четырнадцать человек. Почти все были знакомы друг с другом, многие приятельствовались.

— Ну, расскажи о них, Лева, мы послушаем, — сказал совершенно седой полковник.

— Им — тридцатник. В рукопашной нам против них не устоять. Думаю, кроме пистолета, вооружены метательным оружием. Наверняка хороши в беге. Мыслят быстро, неординарно, иначе их давно бы взяли. По правде сказать, дальше я начну врать, по культурному — фантазировать. — Гуров замолчал.

— Валяй, кто не соврет, тот и правды никогда не скажет. — Некоторые рассмеялись, но не весело, словно по принуждению.

— Есть одно приятное известие — патроны у них не отравлены. Второе дурное — они практически не промахиваются.

— Может, после вчерашнего, они ушли из Москвы?

— Это вряд ли.

— Какое у них задание? Почему после убийства они продолжают топтаться в Москве?

— Если бы я знал. — Гуров пожал плечами. — Почему они связались с авторитетом Волохом и валютной проституткой? А если “валеты” перекрывают дорогу мне, Льву Гурову? Если наркосиндикат считает, что я на верном, значит, опасном для них пути?

— Ребята, давайте выключим гения и будем мыслить сами. Он явно замылился, — предложил Станислав.

— Брось, Стас, прав Гуров или нет, но это его жизнь! Допустим, руководить будешь ты, Станислав Крячко. Но убьют-то Льва Ивановича. — Говоривший сплюнул через левое плечо. — Ты застрелишься или в монахи пойдешь?

Станислав вмиг стал серьезен:

— Ладно, извини, нервы к старости ни к черту.

— Лев Иванович, давай, командуй.

— По моим прикидкам, они будут искать меня. К подъезду дома и к конторе они не пойдут. Могут ждать у прокуратуры...

— Несколько лет... — вставил кто-то.

— Вызов “Козырных валетов” в Москву может объясняться лишь неполадками на линии. А на этой линии, кроме моей группы, никто не стоит.

Глава седьмая

Аспирант Игорь Константинович Волк был обыкновенный фанатик науки вообще и химии в частности. Нескладный молодой человек проводил в лаборатории все свободное от сна и еды время, ходил в пятнистом, местами прожженном костюме. Если приятели включали по телеку футбол-хоккей, смотрел на экран пустыми глазами, ухитряясь удерживать на колене блокнот и писать одному ему известные формулы. Он уже в конце восьмидесятых имел несколько запатентованных изобретений, его имя знали на Западе, приглашали на научные конференции. В начале девяностых он был приглашен в Америку, где прочитал курс лекций.

Американцы не знали, над чем конкретно он работает, но многие профессора пытались его заполучить на кафедру, где от коллег не скроешь, в какой области он готовит прорыв. Но Игорь изображал из себя чистого теоретика, который сегодня увлекается одним, завтра другим. Известно, наука таких людей отторгает. Так и американцы. Хотя молодой ученый им понравился, но его непостоянство плюс языковой барьер охладили пыл заокеанских спонсоров, денег на исследования не дали, и, как считали в Москве, парень вернулся с тем, с чем улетал.

Уж как об этом сумасшедшем парне проведала Софья Владимировна Попова, неведомо никому. Однако однажды Игорь появился в салоне очаровательной Сонечки. Знакомство Софьи Владимировны с аспирантом-химиком Игорем Волком состоялось, когда муж ее еще был в верхах, крыша над головой не текла, жизнь виделась в светлых тонах. Но Сонечка сразу уловила в молодом ученом возможности личной выгоды, приблизила его, придела, начала последовательно подталкивать на разработку создания героина.

Игорь со своей задачей справился сравнительно быстро. Очень скоро он получил в лаборатории несколько граммов белого снежного смертельного порошка.

Софья Владимировна, используя связи мужа и личные знакомства, нашла среди чиновников среднего звена несколько человек, готовых за большие деньги участвовать в наркобизнесе. Однако чиновники, как люди опытные, сразу поняли, что организованное шустрой дамочкой “предприятие” — это не только бешеные деньги, но и криминал, связанный с огромным риском.

Впрочем, понимание опасности было быстро задавлено наличной валютой, которая стала поступать после реализации первой же партии товара.

“Белые воротнички” оказывали Поповой и Волку посильную помощь, подсказали, где и как можно найти и расширить рынок сбыта. Но многолетнего опыта наркобаронов у российских дельцов не было, они допустили ошибки: секретная информация просочилась на сторону.

До серьезного прокола и приглашения в Москву “Козырных валетов” оставалось около полугода.

Игорь нашел нескольких мелких торговцев, которые брали у него по десять-двадцать граммов. Учитывая бешеную стоимость товара, первые деньги ошеломили его. Известно, аппетит приходит во время еды, и очень скоро рынок Игоря оказался мал. Он обратился к Софье Владимировне. Та проконсультировалась со своими уже подкормленными друзьями. Сонечке назвали рынок, занимавший первое место в столице по торговле наркотиками. “Адрес точный. А как там и что, решай сама”, — сказали ей.

Через два дня Игорь пришел по назначенному адресу.

Восточный человек долго смотрел Игорю в глаза, затем негромко, на хорошем русском языке сказал:

— Мне кажется, ты чаю хочешь.

— Спасибо за приглашение, отец, не откажусь. Меня зовут Игорь.

— Шалим, — представился хозяин.

Игорь молчал, давая возможность старшему говорить первым.

Бесшумно появилась молодая женщина. Быстро и ловко она сервировала чайный столик и, не проронив ни слова, удалилась.

— Продаешь или покупаешь? — вопрос был неожиданен и прям.

— Продаю.

— Много?

— Не знаю, у меня лишь образец. — Игорь почтительно склонил голову.

— Серый? Белый?

— Зачем спрашиваете, лучше посмотрите.

— Покажи, — хозяин положил на стол массивную руку.

Игорь достал из внутреннего кармана пиджака почтовый конверт, протянул хозяину. Тот заглянул в конверт. Послюнявил палец, попробовал на язык.

Хозяина зазнобило. Это был так называемый “платиновый” героин, высшего качества. Старик лишь однажды видел такой.

— Сколько здесь?

— Около ста граммов.

Первой мыслью старика было, что его заманивают в ловушку. Образец обычно — грамм пять-десять. Ему же принесли сразу сто граммов порошка, который был ценнее золота.

Игорь знал примерную цену своего товара, так же знал, что такого качества на рынке нет.

— Тебе легко приказать убить меня, отец, но так бы поступил лишь жадный глупец, — спокойно сказал он. — Возьми товар и дай настоящую цену. Предлагаю сотрудничество.

Шалим достал из шкафчика аптечные весы, положил на них полученный конверт, согласно кивнул. Убрав весы, вынул пакет с рекламой кока-колы, спросил:

— И сколько ты хочешь?

— Ты лучше меня знаешь цену, — ответил Игорь. — Если дашь половину, то я еще вернусь.

Шалим посмотрел Игорю в глаза и спокойно ответил:

— Таких денег у меня нет. — Он протянул пакет Игорю.

Тот заглянул в него, увидел, что ему предлагают примерно одну десятую настоящей цены.

— Мало, — согласился Шалим. — Но человек не может дать больше, чем у него есть. Приезжай через неделю, я приготовлю деньги.

Игорь поднялся, взял пакет с валютой.

— Хорошо. Спасибо за угощение, Шалим. Не откажи в любезности, проводи меня до машины. Я человек здесь чужой, могут обидеть. Ты же хочешь увидеть меня через неделю.

Шалим улыбнулся в бороду, понимающе кивнул и направился к двери.

“Чужой” герой Игорь заметил еще весной, на несколько дней раньше, чем его засекали оперативники министерства, специально этим занимающиеся.

Дело было не только в низком качестве порошка. Торговали грубо, на рынках, и те продавцы, которые раньше занимались анашой. Провал казался неизбежным. Не из гуманных соображений, а исключительно ради осторожности, Игорь решил конкурента предупредить. В Москве не должно существовать два производителя.

Петр Фридин колот дрова. Делал он это мастерски. Топор в руках генерала свистел, как шашка, полено разваливалось с одного удара. Чувствовалось, что работа доставляет удовольствие. А вот молодой человек, сидевший на бревнах неподалеку, явно удовольствия Петру не доставлял.

Наконец хозяин не выдержал, воткнул топор в бревно, смахнул со лба пот и неспешно направился к незнакомцу. Гнев отца, видимо, имел биополе, так как сын и внук, работавшие на лесопилке, работу остановили. Внук нырнул в дом, через секунду появился с ружьем и сел в сторонке.

Игорь следил за маневрами семьи Фридиных спокойно, так как считал, что правда на его стороне.

Когда генерал приблизился к нему, Игорь встал:

— День добрый, Петр Васильевич.

Хозяин недовольно заметил, что день обыкновенный, а вот гость у него во дворе незваный.

— Так познакомимся, меня Игорем зовут, а вас, как я знаю, Петром Васильевичем. Присаживайтесь, разговор у нас не короткий будет.

— О чем мне с тобой, сопляком, разговаривать? — Хозяин руки не подал.

— Тогда я тоже постою. — Игорь склонил голову.

И тут у старого генерала кольнуло в груди. Понял, с плохой вестью пришел неторопливый гость, взглянул ему в лицо внимательнее. Не так уж и молод. Держится достойно, на штучки с ружьем даже внимания не обратил.

— Оброк с меня получить уже пытались, — усмехнулся в усы генерал. — Мы в лесу живем, стреляем ладно.

— Бог с вами, Петр Васильевич, — улыбнулся Игорь. — Хозяйство крепкое имеете, так Бог в помощь, только добра желаю. Вас ведь служба в разные концы необъятной кидала, многому научила.

Генерал достал сигареты.

— Сядь, перекурим. — И крикнул: — Хозяйки! Принесите чего там!

Игорь неумело, но старательно раскуривал сигарету. Задымили.

— Так что тебя в наши края занесло? — уже без злобы спросил генерал.

— Забота, можно сказать.

— Уж не обо мне ли?

— О вас, Петр Васильевич. Детишек много, жить надобно аккуратно. Небось, на Востоке служили. Там и зелье обучились делать. Конечно, для себя, для развлечения, там многие балуются.

— Это доказать требуется, — отрезал генерал.

— Докажут — тогда срок, Петр Васильевич. А у вас хозяйство, семья, живи да живи. Я бы жизнь дьяволу не подписал, умею по-вашему жить.

— Не пойму тебя!

К бревну подошел рослый мужик лет сорока, зыркнул на теля, представился Степаном. Стол уже был накрыт. Генерал сказал:

— Витьку кликни, сам к столу не лезь.

— А прошлым разом...

— В прошлый раз снег шел. Быстро!

Тут же появился второй богатырь, только не русский, а смоляной.

Игорь рассмеялся:

— Русь велика, но татарва тоже не маленький народец.

— Иван, — назвал себя пришедший, взглянул на стол: — По какому случаю, отец?

— Видишь, гость явился! Его никто не звал, так он сам тропинку нашел.

Игорь поднял стакан с вином:

— Дому вашему, людям хорошим, что здесь живут, многие лета!

— Многие! — повторил генерал и кивнул молодым. Те дружно выпили.

Закусив кусочком сала, Игорь продолжил:

— Гоните вы, люди, зелье страшное. Учужл вас недельки две назад в городе. Сначала по товару, вижу, не мой, затем по людям — не мои хлопцы шастают по рынкам сбыта. Ну, много чего. Я так полагаю, недельки через две к вам заявятся, может, через три, но найдут. Я первый нашел. Тут властям либо на лапу давать, либо вязнуть долго, по самую крышечку. Мой совет — ваше производство срочно ликвидировать.

— И ты один останешься! — Степан привстал.

— Твой товар мне не помеха. — Игорь достал из карманов куртки две бумажки, положил на стол.

Молодые развернули. Стали пробовать.

— Все по цвету видно, — усмехнулся генерал. — У него, как зубной порошок, а у нас, словно ряженка.

— Вам, Петр Васильевич, не сберечься. Добрые люди уже в районку капнули. Даже медики зашевелились... Всех денег, Петр Васильевич, не заработаешь.

— А где же ты раньше был?

— Каюсь. Кабаки люблю! Баб красивых!

— А теперь нас совестишь? — насмешливо сказал Степан. — А если мы тебя тут закопаем? — И глянул на стоявшее у крыльца ружье.

— Совсем дурак. — Генерал отвесил зятю оплеуху.

— Петр Васильевич, проводите, поговорить надо.

Генерал строго посмотрел на свою гвардию:

— Не баловать! — и пошел следом за Игорем.

Когда они отошли на достаточное расстояние, Игорь сказал:

— Коноплю придется уничтожить. Жаль, конечно...

— Участковый говорил, что большое начальство глаза прикроет, если конечно...

— Удавится пусть...

— Маленькая, но власть. — Генерал закурил. — Ко мне полкаш из центра приезжал. Много хотят... Так цену знают...

— Полковник свою цену знает, генерал свою, и так до Северного полюса. Скосите коноплю, и вся цена... А я вас поддерживу. — Игорь открыл сумку, которую держал в руке, показал пачки долларов. — На хозяйство хватит. Техники прикупи, пару телок молочных. В округе как узнают, что вы коноплю свели,

так и у себя все сведут. Подумают, раз генерал не устоял, куда нам...

— На какой срок? Какой процент?

— Договоримся. Мне в октябре надо будет товар укрыть, вы мне подвал отдайте. Сложности у вас, господин генерал-полковник, семья большая...

— Да я за каждого из них... — генерал даже поперхнулся.

— Убежден, — перебил Игорь. — А вот, что каждый из них за вас, так не уверен. Деньги я вам оставляю. Подумайте, до октября время есть. Это очень непростая задача. Семья. Один знает, считай, все в курсе.

Как-то в июне Софью Владимировну пригласили в гости к Чекиным. Анна Павловна устраивала небольшой прием. Сонечка взяла с собой Игоря Волка, зная, что старшая дочь Чекиных девушка хоть и замужня, но отнюдь не строгих правил. Чем черт не шутит, вдруг Игорь понравится Елене, а близость с вельможной семьей лишней не окажется.

Какое впечатление произвел Игорь на Елену, в тот день было не ясно, но он пропал с первого взгляда. Елена, как большинство женщин, ощутила произведенный ею эффект и, шутки ради, начала кокетничать с молодым ученым. За обедом они сидели рядом. Игорь — заранее предупрежденный Сонечкой, что с мужем Елена официально не развелась, но взаимоотношения в семье разладились, — был в ударе. Острил, сыпал комплиментами. Елена посмеивалась и крутила на пальчике кольцо с бриллиантиком.

— Вы любите бриллианты? — наконец-то заметил колечко Игорь. — Но у вас зеленые глаза, надобно носить изумруды. А вы примете мой подарок? — прошептал он.

— От вас приму. Когда ждать?

Игорь покраснел:

— Вы подскажите размер, и какой камень, чтобы не мал был и не вульгарно велик.

Тут Елена взглянула на незатейливого ухажера с любопытством:

— Вы знаете, сколько подобное кольцо может стоить?

— Чего не сделаешь ради красивой женщины? — отшутился Игорь. Не мог же он при первом знакомстве заявить, что миллионер, и подобный расход для него пустяк. — Давайте договоримся, вы выбираете кольцо, а я его покупаю.

— Звоните. — Елена поощрительно улыбнулась.

На следующий день Игорь проехал по ювелирным магазинам, присмотрел несколько вариантов и совершенно случайно попал на глаза молодому оперативнику. Вроде, не новый русский, а сорит деньгами, подумал оперативник, вышел из магазина на улицу и записал номер машины Игоря Волка.

Опер оказался дотошным, к тому же желал отличиться. Вернувшись в свою "контору", он установил владельца машины. Не поленился сделать на него установку и написать рапорт.

Так Игорь впервые попал в поле зрения розыска.

Глава восьмая

Прошла неделя. "Валеты" затерялись в муравейнике Москвы. А может, уже оставили столицу и выехали из России?

В кабинете Гурова все дружно молчали. Оперативники отписали свои задолженности по бумажному хозяйству и теперь сидели друг напротив друга, изображая озабоченность и занятость. И если Станислав лишь делал вид, что напряженно о чем-то думает, то Гуров, как старший группы, действительно пытался сосредоточиться. На чистом листе написал "План дополнительных оперативных мероприятий", но дальше дело не шло. Кое-какие идеи возникали, правда, сыщик их даже не записывал.

Разговор с Региной Караваевой результатов не дал. Она пришла по вызову, одетая строго, почти без косметики, смотрела светлыми прозрачными глазами и упрямо повторяла свою версию происшедшего в день убийства Виталия Волоха.

Да, накануне убийства Виталий познакомил ее с двумя приятелями, кажется, их звали Иван и Кирилл. Характерных примет парней она не помнит. Разговоры велись нейтральные, если не ошибается, говорили о какой-то сорвавшейся сделке. Она, Регина, не любит, когда посторонние ночуют у нее в квартире, но Виталий настоял. А клиенты? Так то работа. И ночевать они не остаются. Вино, койка, через два-три часа финиш.

Приятели Виталия ели умеренно, пили мало, не приставали, даже намеков не было. Все время играли в карты.

Виталий попросил найти голубоглазого мента, устроить им встречу. Что Виталия убьют, даже не подозревала.

Сыщик не сомневался, что она говорит правду. Девушка действительно ничего не знала. И самым верным доказательством тому являлся факт, что она осталась жива. Волох что-то знал, его и застрелили.

В который раз Гуров прокручивал ситуацию, но ничего нового выжать из нее не мог. И он снова сидел в кресле, смотрел в окно, на чистый лист перед собой. Заставить себя составлять показушный план, загружать людей никчемной работой он не мог. Естественно, что безынициативность лидера вскоре сказалась на работе группы. Она попросту распалась. Опытные сыщики поняли, что вожак уперся в стенку, а у них в своих подразделениях "висели" нераскрытые дела. Разговор с каждым из старых коллег заканчивался стереотипной фразой: "Я пойду на свой огород, а у тебя будут новости, звони".

Сыщик все отлично понимал. В оперативной работе не требуется поэтического вдохновения, необходима лишь нормальная

человеческая злость. Да, двух офицеров милиции убили, да, он, полковник Гуров, обязан... дальше риторических рассуждений он не продвигался.

Генерал Орлов вошел в кабинет неожиданно. Сигнал Станислава с его места, уселся напротив Гурова и решительно сказал:

— Коли мне второй раз пришлось бы принимать аналогичное решение, я поступил бы так же. И ты, — генерал ткнул пальцем в Гурова, — на моем месте тоже. Не пустил бы меня с бухты-баряхты хватать “Козырных валетов”. И не спорь! Факт, что киллеры вызвали тебя. И без тщательной подготовки взять их было невозможно. Убеден, они за улицей наблюдали, видели, кто именно подъехал. Ситуация складывалась для нас тупиковая. Они тебя убить могли, а ты их взять в ту ночь возможности не имел. И я прав. Я сказал все! И пошли вы оба к чертовой матери!

Гуров обошел стол, обнял друга.

Орлов вырвался.

— Что за телячьи нежности, мы сыщики, а не курсистки.

Гуров вернулся на свое место.

— Идти самому, или пустить под пулю друга — вещи разные.

— Можно вякнуть младенцу? — Станислав сел на свободный стол, громко высморкался. — Решение в ту ночь было. Только мы оказались к нему не готовы. Генерал прав, цейтнот давил. Требовал действия. А нужно было тихо обложить дом и замереть. А, да что там! Хорошо рассуждать сегодня. А тогда, ночью, получив горячую информацию, не зная, в доме “валеты” или нет... Все чесалось, пистолет рвался в ладонь. Но... на данной дороге нам не светило. Два высококлассных стрелка в квартире. Если бы они пошли на огневой контакт, то двух, а то и трех человек уложили в первую же минуту.

— Легко быть сильным задним умом. — Голос Гурова дрогнул.

— Петр Николаевич не мог, находясь в стороне, принять верное решение! — Станислав повысил голос. — Я не мог потому, что мне не дано. А тебе, Лев Иванович, извини, дано, но ты не сделал. И если они из России не ушли, “валеты” за тобой, Лев Иванович.

— Суров ты, Станислав, сил нет. — Гуров криво улыбнулся. — Я согласный.

— А куда ты денешься? — Станислав тон сбавил, но хватку не ослабил. — Грузят на того, кто тащит в дождь и в темень, а не на того, кто под солнышком и посуху враскоряк стоит.

— Не повторяйся, я с первого раза все понимаю! — огрызнулся Гуров. — Мне не нужен проповедник.

Станислав соскочил со стола, направился к своему месту:

— Иди, генерал. Работай.

— Спасибо, что разрешил. — Орлов поднялся, вытащив грузное тело из-за стола. — Лева, пригласи в гости, хочу у тебя на кухне посидеть, рюмку выпить.

— Извини, Лев Иванович, — сказал Станислав, когда Орлов вышел, — Петра требовалось разгрузить.

Гуров сидел на скамеечке и рассматривал прохожих, которые в погожий августовский вечер неторопливо проходили мимо. Сыщик видел свое парадное и машину, стоящую возле подъезда. Приятно жить и осознавать, что в данный момент пуля тебя не шлепнет. Как мало человеку нужно. Искать “валетов” дело совершенно бесперспективное. Вряд ли у них есть в Москве сообщники, и ежели киллеры все еще имеют задание, то должны самостоятельно выйти на жертву.

Сыщик в который раз перебрал возможные варианты, но ничего нового найти не удалось. Все начинается с наружного наблюдения. Но с Гуровым подобный номер не проходит, и “валеты” об этом знают. Стало быть, придумают нечто иное. Что? А возможно, они убрались из России, и он напрасно ломает голову?

Сыщик поднялся со скамейки, поддал ногой мяч, подлетевший к нему, махнул игравшим неподалеку ребятишкам и, не торопясь, отправился домой.

Мария лежала в гостиной на диване, увидев мужа, сладко зевнула:

— Привет. Извини, — и повернулась на другой бок.

Гуров отправился на кухню, начал готовить себе ужин.

Сыщик был женат второй раз. Первая его жена осталась в далекой молодости, позже вышла замуж и уехала в Америку. Они обменивались редкими ленивыми письмами. Гуров всегда нравился женщинам, но был человеком в совместной жизни нелегким, к тому же эта чертова работа. Порой он увлекался, собирался жениться, но дальше благих намерений дело не шло. Мария появилась в его жизни три года назад. Гуров поначалу не воспринял красавицу-актрису всерьез. Да и как можно было отнестись иначе, когда он — со своим холостяцким укладом и работой, а она — с афишами, цветами, поклонниками? Но актриса, несмотря на звездность, оказалась женщиной проницательной, последовательной. Она задержалась в его квартире, долго к крутому мужику присматривалась, притиралась, как умная женщина, никогда с любовником не спорила, соглашалась во всем и поступала по своему.

Он нехитрый маневр оценил, отнесся к нему положительно. Очнулся только после загса и обеда с друзьями.

— Ты это сделала нарочно? — спросил он тогда.

— Обязательно. — Мария прекрасно знала любимое слово опергруппы.

Они, безусловно, любили друг друга, но никогда о своих чувствах не говорили, о будущем не загадывали. Гуров относился к Марии не только как к любимой, красивой женщине, но и как к

надежному боевому партнеру, с которым трудно, но интересно идти по жизни.

Гуров отварил пельмени, бросил на раскаленную сковородку, обжарил, достал из холодильника кетчуп.

— Ты нарочно готовишь еду, которая мне противопоказана? — Мария вошла в кухню в халате. Пояс туго перехватывал ее тонкую талию, волосы были забраны в пучок, подняты над стройной шеей.

Он окинул взглядом ее изящную фигуру, согласно кивнул.

Мария опустилась в плетеное кресло, взяла со стола пачку сигарет.

— Не кури перед едой, — наставительно произнес Гуров.

— У меня приятные новости. — Мария закурила, посмотрела мимо Гурова, словно за его спиной увидела нечто интересное. — Я уезжаю с концертами в народ. В театре ставят новый спектакль, и я не занята. Семен отпустил меня на три недели. Вот решила прокатиться с “сольниками” по России.

— Удовольствие не из приятных, однако развеешься. — Гуров поставил перед Марией тарелку.

— Ты даже не спрашиваешь, почему я не занята в новом спектакле.

— Я знаю. — Гуров сел за стол. — Тебе в новой пьесе не интересно. Иначе ты бы со своего главрежа скальп сняла, но роль получила.

— Возможно, — легко согласилась Мария. — Но не только. Ты давно заглядывал в кошелек?

— Есть деньги, и слава Богу. — Гуров пожал плечами.

Мария поднялась, включила чайник.

— Очень скоро ты помрешь с голоду. В семье кто-то должен зарабатывать.

— У нас есть кому... Я счастлив. — Гуров сосредоточенно ловил вилкой ускользящую в тарелке последнюю пельменину.

— Не забывай, ты живешь не один. Я хочу вернуться и застать тебя дома.

— Не будь сентиментальной. — Он посмотрел на нее с вызовом. — Тебе так просто от меня не отделаться.

— Ну-ну. — Она поцеловала его в щеку. — Помоги мне собрать чемодан, у тебя это получается лучше.

Полиция Швейцарии сообщила, что Ольга Чекина из больницы выписалась. Проведенное обследование и анализы показали, что инъекции, которые она сделала себе в Москве, содержали слабенький наркотик, не героин. Девушка абсолютно здорова и днями вернется в Москву.

Гуров написал соответствующий рапорт.

— Я, безусловно, рад за девчонку, но наша стройная версия рухнула, придется возвращаться назад.

— Так не в первый раз. — Станислав взял цветной карандаш, подчеркнул фразу в лежавшей перед ним бумаге, перебросил ее на стол Гурова.

— Постараемся взглянуть на ситуацию заново. Если не героин, то что?

— Почему не героин? Ты взгляни на бумажку...

Гуров подвинул к себе лист. Это был рапорт опера из отделения милиции об Игоре Волке, который начал увлекаться скупкой драгоценностей.

— Мы этого парня знаем?

— Вы, господин полковник, вряд ли, а я занимаюсь им втихую не первый день. Не хотел вас в горячие дни отвлекать. Небезынтересный для нас человек. Молодой ученый. Химик. — Станислав выдержал многозначительную паузу. — Вчера у него имелась одна пара штанов. Сегодня купил престижную квартиру, машину, одевается если не у Кардена, то весьма цивилизованно. Спрашивается, откуда дровишки?

— Так откуда? — спросил Гуров, но на его лице не появилось интереса.

— Слишком много совпадений. Химик хорошо знаком с некоей шустрой дамочкой — Софьей Владимировной Поповой. У нее обширные связи. Среди них проглядываются три человека, телефоны которых в списке покойного полковника Веткина.

— Интересно, — равнодушно заметил Гуров.

Станислав разозлился.

— Иногда приходится начинать разработку, имея в руках и менее существенное.

— Чего ты, конкретно, хочешь?

— Невозможного, — быстро сказал Крячко. — Чтобы старший группы вернулся на землю, включил вилку в розетку и на секунду задумался.

— Считай, что уже включил. Хочешь занять Нестеренко и Котова? Валяй, пусть парни немного поработают. Но ты, надеюсь, понимаешь, что мне нужен человек, имеющий выходы за кордон, связи со спецслужбами и возможность вызвать в Россию киллеров.

— И только? — удивился Станислав. Он решил зайти с другой стороны. — Лев Иванович, я полагал, что мы однажды наступили наркодельцам на мозоль. Сейчас зрячего хода не просматривается, но если мы начнем в определенной среде очень сильно топтать, то попадем по больному месту снова. И “валеты” проснутся. Вылезут на поверхность.

Станислав произнес заветное слово, лицо Гурова ожило, взгляд стал осмысленным и жестким.

— Полагаешь? — Сыщик достал сигареты, закурил, вышел из-за стола и начал расхаживать по кабинету.

Станислав довольно улыбнулся. Гурова удалось столкнуть с места, теперь только смотри, что бы он не наломал лишнего.

— Химик... Попова имеет связи, — бормотал Гуров. — Квартира. Машина. Как фамилия большого начальника покойного Веткина?

— Начальников много... — ответил Станислав.

— Хорошо. — Гуров расхаживал все быстрее, словно разминаясь перед бегом. — Ты, Станислав, реалист, твердо стоишь на земле. Так скажи мне, откуда Веткин получил страничку с зашифрованными телефонами? Она попала к нему сверху. А ты не знаешь фамилию начальника Веткина. Безобразия!

Станислав замахал на друга руками.

— Чуть помедленнее, кони! Чуть помедленнее! Я не успеваю за полетом мысли вашей светлости, ведь я хожу по земле.

Гуров раздавил сигарету в пепельнице.

— Будь другом, составь мне перечень фактов, за которые мы ухватились и бросили по дороге.

— Не хватит ни бумаги, ни чернил, — недовольно ответил Станислав, который терпеть не мог писать.

— Не развалишься. — Гуров отодвинул свой стул ногой, сел. — Так, вызывай Нестеренко и Котова. Пусть разработают Игоря с ласковой фамилией Волк. Необходимо пролезть в его лабораторию. Составь список по связям Поповой Софьи Владимировны. Я напишу рапорт, подброшу его на визу Петру и передам начальнику управления по борьбе с наркотиками. Здесь их грядки, пусть пащут. Роман Игоря Волка с вдовой Сотина и дочерью Чекина Еленой полагаю линией бесперспективной. Я что-нибудь пропустил?

— Разработкой руководства покойного Веткина следует заняться лично полковнику Гурову, — бесстрастно произнес Станислав.

— Не царское это дело, но придется.

Гуров уставился в окно и замолчал. Лицо у него стало отстраненным, злым. Станислав прекрасно знал это выражение, ничего хорошего оно не предвещало.

Сыщик мысленно вернулся к шестому августа, мертвым телам Веткина и Сотина, своим выводам того времени и понял, что все делал неправильно, шел на поводу у противника. Он зябко поежился.

Станислав смотрел на его чеканный профиль с надеждой. Он понял: с сегодняшнего дня работать группа начнет по-новому.

Когда вызванные Станиславом Котов и Нестеренко появились в кабинете, Гуров сказал:

— Валентин и Григорий, задание по химику не отменяю. Сегодня после рабочего дня вы тихо снимете с улицы секретаря Веткина и доставите ее на конспиративную квартиру. Снимает один, второй наблюдает, не ведется ли за девицей слежка.

— Дину Гришину трижды допрашивали в прокуратуре, а Гойда вам хорошо известен, — ответил Нестеренко.

Гуров поднял на оперативника тяжелый взгляд.

— Лев Иванович, может, объяснишь? — спросил Станислав.

— Станислав, профессиональные киллеры никогда не убивают двоих, если мешает лишь один. Видимо, в наркокартеле произошла, или грозила произойти, утечка информации. Яков Веткин был не пешкой, а тяжелой фигурой. Его разговор с Сотиным следовало прервать во что бы то ни стало.

— Возможно, — согласился Станислав. — Но в таком случае, зачем оставлять в живых его секретаря?

— Они сильно рассчитывали на отвлекающий маневр с Сотиным. Зять самого Чекина! Были уверены, мы уйдем в сторону. Мы и ушли. Теперь все по новой и не медля. Секретарша нужна нам живая. Рысью, ребята, мы обязаны их опередить.

Нестеренко и Котов вошли в метро следом за Гришиной. В потоке служивого люда “вести” женщину не составляло труда.

Гришина, молодая женщина неприметной наружности, вышла на “Театральной”, присела на скамеечку, положив сумку на колени, и неожиданно завалилась на бок. Оперативники переглянулись, играть в конспирацию не имело смысла. Котов присел рядом с Гришиной. Лишь дотронулся до тела, по тяжелой податливости понял, что она мертва.

— Мы опаздываем, постоянно опаздываем, — прошептал сыщик, отобрал у покойницы сумку, уткнулся в нее лбом и чуть не заплакал.

Тело отвезли в морг, дождались вскрытия, проведения всех необходимых анализов. Около четырех утра собрались вновь в кабинете Гурова. Молчали, так как говорить было, собственно, не о чем. Гришина умерла от укула пока не установленного яда.

— Нас засечь не могли, народу — уйма, — сказал Котов.

— Вас знали в лицо, — сухо ответил Гуров. — Я должен был это предвидеть. Но, несмотря на провал, мы на верном пути. Уж чем Яков Веткин занимался в наркоделе — не известно, но именно для его ликвидации пригласили “валетов”.

— В Москве и без наемников убийц достаточно, — заметил Нестеренко.

— Валентин, ты в сыске почти тридцать лет, — стараясь говорить как можно спокойнее, ответил Гуров. — Возникни необходимость, тебе легко было бы нанять киллеров?

— Не пробовал, — огрызнулся Нестеренко.

— А я пробовал, и скажу, что сложно.

Гуров замолчал, начал чертить на листке геометрические фигуры, затем, смяв бумажку, бросил ее в урну.

— Как выражаются футболисты, начинаем прессинг по всему полю на грани фола. В игре нервов мы имеем преимущество. Поглядим, что они могут нам противопоставить.

— Нажалуются, и нас прикроют, — ответил Станислав.

— Не упрощай взаимоотношения в верхах. У них свои отношения, и отнюдь не простые.

Около полудня Гуров вышел из здания, в котором некогда служил Яков Веткин. Сыщик не торопился сосредоточиться и просчитать итоги только что состоявшегося разговора с начальником покойного. Уж слишком заманчивым казался вариант, что высокопоставленный чиновник окажется замешанным в наркогруппе.

Гуров подошел к своей машине “Пежо-405”, которую когда-то получил в подарок от ФБР за участие в удачно закончившейся совместной операции по ликвидации группы наркобизнесменов. В последние годы сыщик не раз сталкивался с наркодельцами, что было вполне естественно: торговцы “белой смертью” боролись за расширение рынка, и Россия для них представляла слишком лакомый кусочек, чтобы не протянуть сюда руки. Огромные пространства, полудикое, с точки зрения Запада, население, на руках у которого скопились сотни миллионов долларов. Но раньше Гуров сталкивался с дельцами, пытавшимися проникнуть в Россию извне, сегодня сыщик имел дело с организацией, выросшей внутри общества. Новообразование явно имело связи и за рубежом, иначе не объяснишь появление “валетов”.

Гуров выехал со стоянки. В силу укоренившейся привычки, посмотрел в зеркало заднего вида и увидел, как из переулка вырвала “вольво”, пристроилась сзади.

Совпадение, решил сыщик. Чиновник, хоть и занимает генеральскую должность, но по сути человек штатский и не мог так быстро среагировать. К тому же должность и место службы Гурова ему отлично известны, и садиться гостю на хвост не было никакой необходимости. И, главное, даже занимая крупный пост и будучи внештатным консультантом в некоем совете при Президенте, у него не могло быть личной службы наружного наблюдения, следя за “вольво”, убеждал себя Гуров.

И все же Гуров чувствовал, что его “ведут”. “Вольво”, мощная машина, тащила со скоростью шестьдесят километров. Не приближалась, пропускала вперед вихляющие “Жигули” и громяющие на колдобинах “Волги”.

Гуров сделал один поворот, второй. “Вольво” держалась на почтительном расстоянии, но не обгоняла и не отставала. Значит, чиновник очень разозлился и испугался. Гуров перестал обращать внимание на преследование и начал вспоминать произошедший недавно разговор.

Значит, так. Я приехал утром, без звонка. Представился секретарю, попросил доложить. Приняли сразу. Следовательно, важняк из главка угро не произвел никакого впечатления. Приехал — пусть заходит, хозяину не требовалось времени на размышление. Тогда сыщик не обратил внимания на столь простой

факт. Пригласили в кабинет. Гуров вошел, сел в предложенное кресло, справился о здоровье, сказал несколько слов о погоде и перешел к делу. Он сообщил, что занимается прискорбной историей с неожиданным, совершенно немотивированным убийством сотрудника.

Реакция? Молчание, кивок, вопросительный взгляд. Дескать, все известно, разговаривал со следователем прокуратуры, что еще? Ни слова об убитом, никаких предположений и возможных причин убийства. Обычно в подобных ситуациях сослуживцы погибшего, особенно начальники, начинают бурно негодовать как по поводу "страшного" события, так и в адрес розыскников, которые даже не чешутся, хоть весь город перестреляй. Обязательно излагают личные версии и предположения, которые следует непременно проверить. Часто высказываются угрозы обратиться с жалобой лично к министру.

Здесь же ничего. Лишь согласный кивок, молчание, вопросительный взгляд. И принял мгновенно, хотя вполне мог продержаться минут десять в приемной, подумать, а чего вдруг розыскнику понадобилось? Возможно, за всем этим ничего и не стоит. Вежливый, хорошо воспитанный человек сразу принял пришедшего к нему посетителя.

Но беседа Гурова с чиновником продолжалась около двух часов, и сыщик мог убедиться, что хозяин невежлив и совсем не воспитан. Мирно и плавно начавшийся разговор очень быстро сломался, хозяина кабинета словно подменили. Фальшивую улыбку сменила злобная гримаса, он начал отвлекаться, звонить по телефону, вести явно не срочные разговоры, упоминая ненароком имена сильных мира сего. Столь разительная перемена произошла после того, как сыщик выложил перед ним страницу с номерами зашифрованных телефонов, изъятую из письменного стола покойного Веткина.

Чиновник взял лист, закатанный в прозрачный целлофан, и решительно заявил, что впервые эту бумагу видит. Затем не удержался и спросил:

— А зачем вы так тщательно закатали пустую бумажку?

Он был врун никудышный, увидеть документ явно не ожидал.

— Отдали в лабораторию, сняли отпечатки пальцев и защитили, чтобы их не залапали, не стерли.

— Что сняли отпечатки, понимаю, — спокойно сказал чиновник, первый шок миновал. — А закатали-то зачем?

— Перестраховка. Допустим, здесь записаны не карточные долги, а нечто серьезное. Это улика. И на ней отпечатки пальцев преступника. Скажите, вы ни при каких обстоятельствах не держали эту бумагу в руках?

Гуров отчетливо увидел, как непреодолимо тянет хозяина кабинета взглянуть на свои руки. Но поборол себя. Беря тайм-аут, вызвал секретаря, начал о чем-то говорить.

Ты, сука, в банде, ясно, как день, думал Гуров.

Наконец чиновник отпустил секретаря. Глядя за спину сыщика, спросил:

— Что-нибудь еще? Если нет — вам удачи, мне надо работать.

Следовало подниматься и уходить, но Гуров медлил, хотя понимал, что большего не добьется. Неожиданно у сыщика появилось желание продлить разговор, который для чиновника превращался в пытку.

— Значит, вы эту бумагу раньше не видели? А если хорошенько подумать и вспомнить? Может, полковник Веткин что-либо докладывал вам, а вы запамятовали?

— У меня отличная память, господин полковник! — Чиновник поднялся из-за стола.

Гуров тоже встал, бормоча:

— Очень жаль. Большое спасибо, извините за беспокойство, работа такая, — и убрался из кабинета.

Сыщик вновь взглянул на тащившуюся за ним “вольво”, умышленно не прибавляя скорости.

Значит, я ушел, а ты испугался и приказал за мной присмотреть. И кого же ты послал? Да личного шофера, больше некого, рассуждал сыщик. И никакого фокуса с номерами, чай, не оперативная служба. Мы данную машину вмиг установим, правда, доказательств никаких, но для внутреннего успокоения очень полезно. Сыщик решил нанести дополнительный удар по нервам высокопоставленного чиновника и подъехал к зданию контрразведки. Я покалякаю с Павлом, а ты, сука некрещеная, после доклада своего водителя будешь не спать, а ночи напролет ломать голову, зачем мент отправился в контрразведку.

Заместителя начальника контрразведки генерала Кулагина не оказалось на месте. Гуров поболтал с его офицерами, заявил, что, возможно, вышел на гнездо коррупционеров. А данный вопрос, кажется, в ведении доблестных чекистов. Высшие офицеры отлично знали Гурова, потому завели его в кабинет какого-то полковника и призвали к гражданской ответственности.

— Лев Иванович, чего накопал, поделись.

— Чего накопал? — Гуров простодушно улыбнулся. — Естественно, дерьма. Мы же золотари, а не золотоискатели. А что ищешь, то и находишь. Запах стойкий, да в руки взять нечего. Хотел с вашим генералом посоветоваться.

— Лев Иванович, посоветуйся с нами. Ведь Павел Константинович все равно нам поручит.

— Обязательно. — Гуров похлопал бойкого полковника по плечу. — Вот я с генералом посоветуюсь, а он, ежели сочтет нужным, поручит вам. Тогда и узнаете.

— Но, скажите по чести, не будь вы личным приятелем генерала, так дальше моего кабинета вам бы и не уйти.

— По чести? — Гуров смотрел на контрразведчика изучающе. — Не будь я лично много лет знаком с Павлом, я бы в вашу контору и не зашел. Да, вы стали другими, но дух-то прежний остался. И нам порой не аплодировали... Но мы разыскиваем уголовников, и люди знают, у честных ментов в работе личной корысти никогда не было и быть не может.

— А мы? — Полковник побледнел. — Мы что? Невидимок разыскиваем? Мы с вами на соседних грядах.

— Оно так, да не совсем. Тут, намеренно, работали мы по убийству... — Гуров собрался было рассказать, как чекисты на глазах Станислава собирали компру на чиновника Чекина, но вовремя остановился. — Ладно, всякое случается. Даст генерал добро, я с вами, господин полковник, своими сомнениями с удовольствием поделюсь.

“Вольво” исчезла, видно, водитель рассказал по телефону хозяину результаты своего наблюдения, и чиновник, от греха подальше, соглядая отозвал.

За рулем, несмотря на машинную толкотню в столице, думалось хорошо.

Предположим, Станислав прав, и связка Игорь Волк — Софья Попова верна, тогда через Елену Сотину можно протолкнуть информацию для высокопоставленного чина, у которого сегодня побывал сыщик. Чиновник, как никто другой из выявленных людей, подходит на роль крестного отца. Значит, именно он имеет связи за кордоном, мог вызвать в Москву “валетов” и до сегодняшнего дня с ними на связи. В таком случае, стоит “валетам” протолкнуть информацию. Например, полковник Гуров в такой-то день и час будет кушать эскимо на площади под часами. На площадь “валеты”, конечно, не пойдут, но если упаковка окажется более привлекательной и достоверной, то киллеры не устоят перед соблазном.

Второй день без азарта и интереса оперативники наблюдали за Игорем Волком. Оперативники чувствовали, что им для перестраховки поручено отработать пустую породу. Взяли Игоря от дома, проводили до работы, облупленного здания в переулке старой Москвы, где располагалась лаборатория некоего НИИ. Теперь предстояло самое тяжелое — ждать, а чего — неизвестно. Если предположения верны и Волк занимается производством наркотика, то химик вряд ли лично встречается с распространителями.

Вход в НИИ был по пропускам, но, наблюдая за сонным, явно похмельным вахтером, оперативники не сомневались, что проникнуть вовнутрь легко. Нестеренко после двухчасового пустого времяпрепровождения позвонил Гурову.

— Пройти в лабораторию? — переспросил Гуров. — И что ты там собираешься найти?

— Не знаю, — признался опер.

— А я знаю. Обычную лабораторию и больше ничего. Ждите.

— Чего ждать, Лев Иванович? Не пойдет парень на связь с торгашами.

Гуров и сам отлично понимал, что такая встреча состояться не может. Главное, даже если она и произойдет, то что это даст? Наркотиками занимается другое управление, у которого людей, опыта, да и возможностей значительно больше. Гуров собрался было отозвать оперативников, но из упрямства и безысходности сказал:

— Работайте, такова наша доля, Валентин.

Около двух часов дня Котов отправился в расположенную неподалеку закусочную. Нестеренко продолжал наблюдать за входом в НИИ. Машинально отметил остановившиеся рядом "Жигули". О вышедшем пассажире подумал: не сотрудник, скорее, гость. Посмотрел на приехавшего повнимательнее. Где-то раньше он видел этого человека. Вспомнил: казино, туалет, тайник, деньги, укуловшийся долговязый блондин и этот, явно продавец. Кличка "Крыса". Нестеренко глубоко вздохнул, словно тяжелую ношу сбросил, довольно улыбнулся.

— Держи, еще горячие. — Котов забрался в машину, сунул напарнику бумажную тарелочку с беляшами.

— Обожди. — Нестеренко связался с Гуровым, доложил.

— Молодец, Валентин. Значит, мы не пустой невод таскаем. Наркотик реально обозначился. Твое мнение, отпустить Крысу и ждать Волка? — Гуров хмыкнул от случайно сложившегося каламбура.

— Волк и завтра будет на месте, а Крыса убежит. Я бы за ним проследил.

— Действуйте, — согласился Гуров. — Но не забывайте, меня очень интересует "вольво".

— Помню, семьсот четвертая, темно-синяя, горзнак... — опер назвал номер. — Хорошо, значит, переключаемся на Крысу.

Нестеренко съел беляши, тщательно вытер жирные пальцы и только потом рассказал Котову новости. Григорий сориентировался быстро:

— Деньги за обед вернешь после, а сейчас показываю, как надо работать. — Он вылез из машины и направился в домик бюро пропусков.

— Командир, — Котов вытащил из нагрудного кармана удостоверение, — нужна помощь.

— Если снова дела пожарные, лучше уйди.

Котов интригуяще помолчал.

— Объект секретный, командир, а ты шпану с улицы пропускаешь, нехорошо. Начальство тебя с работы выгонит. — Котов укоризненно смотрел в грязное окошко.

— Только по пропускам, — оцетинился охранник.

— Мужичок среднего роста, лохматый. Он третьего дня у Киевского вокзала лотерейными билетами торговал, а сейчас пошел на объект, как к себе домой.

— Моляев Иван, как его, Степанович вроде бы. Не знаю, чем и где торгует, но пропуск у него в порядке. Я сам документ видел, — охранник приготовился к защите.

Котов легко снял напряжение, сказав:

— Я тоже живой человек, могу и обознаться.

Вернувшись в машину, сообщил:

— Моляев Иван Степанович. Не забудь проверить по ЦАБу и картотеке МУРа.

— Ну, начальник! Если тебя повысили, то с тебя бутылка... — ответил Нестеренко.

Крыса отсутствовал примерно час. Выйдя из проходной, направился в сторону Садового, где начал ловить машину. Первый же частник на красной пятерке "Жигулей" принял пассажира и двинулся в сторону Колхозной.

Рынок, у которого вышел Крыса, был оперативникам хорошо знаком. Один из самых грязных рынков в Москве, отличался наибольшей плотностью населения, ранее проживавшего на Кавказе. Толкавшиеся здесь люди не столько торговали и покупали, сколько постоянно жили, и милиция, и бесчисленные команды мэра не могли изменить ситуацию.

Котов, войдя следом за Крысой на территорию рынка, повел длинным носом и решительно заявил:

— Десять тысяч немытых человеческих тел.

— Когда успел пересчитать? — удивился Нестеренко. — Объект не потеряй, бухгалтер.

— Он свернул за павильон. — Котов прибавил шаг. — Здесь, безусловно, бывал, знает, куда идет.

Крыса стоял у совершенно пустого прилавка. Чего-то ждал. Через несколько минут из павильона вышел немолодой грузный бронет с окладистой бородой. С достоинством кивнув Крысе, не спеша, протянул руку. С минуту они о чем-то поговорили, затем скрылись за дверью дощатого строения.

— Что думаешь? — спросил Валентин.

— Наркота, — уверенно ответил Григорий. — Торговец даже для вида на прилавке товар не держит, один занимает целую сторону. А перстни на руке видел? Восточный человек, да еще в годах, не станет носить фальшивку.

— Это факт, — согласился Нестеренко. — Кстати, ты заметил, что торговец не шибко рад нашему гостю...

— Долги? — высказал предположение Котов.

— Ясное дело, — буркнул Нестеренко и неожиданно ловко поймал за шиворот бойкого мальчика лет четырнадцати, пробежавшего мимо.

Парень было дернулся, но под тяжелым взглядом сыщика затих. Уличный народ с пеленок учится распознавать власть.

— Как жизнь? — доброжелательно спросил Валентин.

Мальчишка пожал худыми плечами:

— Пока вы меня не тормознули, была ничего.

— Я тебе ничего плохого не сделал.

— Но собираетесь.

— Мнительный ты, до ужаса. — Нестеренко указал взглядом на пустой прилавок за спиной парнишки. — Скажи...

— Шалим, больше не знаю. У меня семья, начальник. — Парнишка зыркнул в сторону. Опер увидел двух здоровенных амбалов, которые материализовались в конце прилавка.

Здоровые русские парни с интересом разглядывали незнакомцев.

— Шалим? — удивился оперативник. — А чем он торгует, не пойму.

— Отпусти.

Малец юркнул вдоль прилавка, на секунду задержался около амбалов и побежал дальше.

— Гриша, влет ответь, какое слово произнес пацан? — спросил Нестеренко.

— Тоже мне, бином Ньютона. — Котов пожал плечами. — Менты.

Крыса вышел из павильона, держа в руке плотный пакет, судя по туго натянутым ручкам, тяжелый. Амбалы оторвались от прилавка, молча встали по обе стороны Крысы и повели его к выходу, словно под конвоем.

— Организация, — произнес задумчиво Нестеренко. — Полагаешь, вот так валюту носят?

— Я не полагаю, а вижу, — ответил Котов. — Если мы с тобой за тридцать минут разобрались в ситуации, сколько времени требуется участковому?

— А начальнику отделения? А райуправления?

— Лет двадцать назад среди ментов даже мысль, чтобы “взять”, была позорной.

— Ты не идеализируй. Находились людишки, — возразил Нестеренко.

— Вот именно, что “находились” и “людишки”. Теперь поток, конвейер... Что за жизнь такая... — бормотал Котов.

— Рыба гниет с головы. Смотри, он уже в машину садится!

Оперативники плюхнулись на сиденье своего “Москвича” и двинулись следом за “саабой”, в которую амбалы усадили Крысу.

— На трассе мне за этой тачкой не усидеть, — заметил Нестеренко.

— Слава Богу, мы в России, — ответил Котов. — Если не выбоины, так пробка. Напрасно Лев Иванович пессимистически смотрел на нашу работу. К “валетам” мы, конечно, не приблизились, но убедились, наркотик точно приходит от Волка.

Двигались к центру. Котов оказался прав, пробки задерживали мощную машину. Вскоре, замигав правым подфарником, "сааб" явно собрался припарковываться. "Москвич", заняв правый ряд, спрятался за троллейбусом. Нестеренко не видел иномарку и нервничал. Когда троллейбус начал выползать на трассу, Котов положил руку на плечо напарника:

— Стоять и не дышать.

Троллейбус уполз. Прямо перед глазами оперативников красовалась синяя "Вольво-704", городской знак, какой нужно. "Сааб" находился чуть впереди. Крыса уже вышел из машины, неся тяжелый пакет. Оперативники переглянулись. Котов ухмыльнулся, показав напарнику большой палец.

За широким корпусом троллейбуса никто не видел, как "Москвич" припарковался. Создавалось впечатление, что он стоит здесь с незапамятных времен.

— Лев Иванович, может, вам и не интересно, но только что на наших глазах в интересующую вас "вольво" внесли крупную сумму, — сообщил по телефону Котов. — Мы с Валентином волновались, вдруг рассыплют. Бегай потом, собирай.

— Орденов не обещаю, но по рюмке налью, — ответил Гуров.

— Извини, Лев Иванович, но хочется взглянуть на конечную станцию.

Глава девятая

"Москвич" оперативники поставили напротив высокого железного забора, огораживающего имение Фридиных, а сами расположились неподалеку на краю канавы. Лопали синюшную курицу, запивали минералкой. По дороге, явно направляясь к ним, шагал мент. Форменные фуражка и верх, дальше — джинсы, заправленные в добротные сапоги, в руке кожаная сумочка. В общем, типичный участковый. Он подошел к сидевшим оперативникам.

— Привет жителям столицы. — Старшему лейтенанту было лет за тридцать, солнце отполировало его лицо, по виду отнюдь не деревенское.

— Привет властям, — отозвался Котов. — Документы нужны?

— Думаю, документов у вас в достатке. Разных и на все случаи жизни.

— Как поживаете? — участливо спросил Котов. — Стреляют?

— Постреливают иногда. — Старлей улыбнулся. — Мы Москве во всем уступаем. Провинция.

— Тридцать верст, — заметил Нестеренко.

— А ехали вы два года. — Старлей окинул гостей цепким взглядом. — И, вижу, не мальчишки прибыли.

— Да уж, — хмыкнул Котов. — А чего ты, командир, против хозяев имеешь? — Он кивнул на забор.

— В деревне всегда, если сосед богаче живет, то его нелюбить следует, — философски ответил старлей.

— Судя по всему, крепкое хозяйство, — согласился Котов. — Кто будут?

— Глава — генерал-полковник в отставке, два сына, два зятя, внуки-мелочь, а баб не считал, все вкалывают, не придерешься.

— И стакан всегда нальют, — вставил Нестеренко.

— Не без этого, — согласился старлей. — Однако обидно... Люди в округе разные, есть которые на бутылку сгношили и довольны, а имеются и труженики. От восхода до темна пашут, и только поясок туже затягивают. На трактор заработать и не снится. А Фридин, так хозяина зовут, еще два года назад все крышу латал, а потом, словно ему американцы миллионный заем дали, новый дом поставил, огородился, охрана, у нас сроду такого не водилось. Техники накупил, а банку рубля не должен.

— Странно, — согласился Котов.

— Может, хозяин клад нашел? — высказал предположение Нестеренко. — Такое случается.

— Ага. Но редко.

— А начальство интересовалось?

— Заезжают. Из района. Из области. Теперь вы из столицы подскочили. Интересный у нас хозяин живет, всех интересует.

Оперативники поднялись.

— Счастливо, старлей, нам пора.

— Всего доброго. — Участковый козырнул, долго смотрел вслед ушедшей в Москву машине и пробормотал: — Вот и конец тебе, фельдмаршал.

Гуров сидел за своим столом, читал рапорт оперативников. Изредка поднимал голову, смотрел на сидевших за свободным столом Нестеренко и Котова. Станислав сосредоточенно изучал "МК" и тяжело вздыхал. Наконец Гуров сложил бумаги в папку, отодвинул в сторону:

— Молодцы. Безусловно, все очень интересно. Только, друзья мои, мы занимаемся розыском убийц, а не наркобизнесменами.

— Мы выполняли ваше задание, Лев Иванович, — обиженно ответил Нестеренко.

— Я и говорю, что молодцы. — Гуров похлопал ладонью по папке. — Управлению по борьбе с наркотиками есть чем заниматься. Но нас интересует только "вольво". Или я выжил из ума, или хозяин машины выходит на "валетов". Григорий, — сыщик взглянул на Котова, — позвони Ольге Чекиной, справься о здоровье, напросись в гости. Не зря сиделкой у нее был, сам Бог велел. Когда договоришься, сообщи, я тебе подскажу, каких вопросов следует коснуться.

— Попробую, Лев Иванович. Только ведь семья не простая, могут и не принять.

— Ты уж, будь любезен, не пробуй, а сделай. — Гуров перевел взгляд на Нестеренко. — А ты, Валентин, займись “вольво”. Бери тачку под наблюдение от их конторы и таскайся за ней...

— Хоть они и не профессионалы, а засекут быстро, — убежденно сказал Нестеренко. — Лев Иванович, сами знаете, на одной машине наблюдение провальное.

— И прекрасно, пусть видят. — Гуров кивнул. — Ты и не скрывайся особо, “веди” их внаглую...

День выдался ненастный. На открытой палубе речного трамвайчика находились всего две пары. Пацан с девчонкой, накрывшись плащом, целовались, для них весь мир пропал. А “Козырные валеты”, подняв воротники курток, подставляли лица под мелкую сетку дождя.

Трамвайчик отошел от Речного вокзала и шлепал свой короткий прогулочный маршрут. Кирилл и Иван смотрели на однообразный проплывающий мимо пейзаж, молчали. Наконец Кирилл сказал:

— Ладно, не распускай сопли.

— Да я ничего. Странно. Мне казалось, я эту страну давно забыл. Унылая, бандитская, а своя. У меня здесь где-то сын, взрослый уже.

Опять замолчали.

— Оставим полицейского, пусть живет. Мы свой заказ выполнили, — заговорил Иван.

— Все должно иметь свой конец, — после долгой паузы ответил Кирилл. — Через три дня дадут контрольный звонок. Мента должны отдать. — Он неожиданно хохотнул. — Видно, здорово он им поперек горла встал.

— Пусть сами и разбираются, — заупрямился Иван. — Авансы отработали, а всех ментов России не перестреляешь.

— Не дело. — Кирилл плотнее запахнулся. — Получится, что отступили.

— Ну и что? Надоело.

— Разберемся с ментом и возьмем большой перерыв...

Котов, как было приказано, позвонил Ольге Чекиной и неожиданно услышал звонкий, веселый голос:

— Гриша? Ну, как же, помню! Не так я была и плоха. Гриша, я так вам благодарна, приезжайте в гости.

— А это удобно? — нерешительно спросил Котов.

— Ерунда! Скажите, вас пригласил отец. Ваш начальник услышит фамилию и заткнется.

— Вы одна, я не помешаю?

— Не помешаете, не помешаете! Елена, правда, может зайти, так ведь родная сестра, свой человек. Ой, у нее такой серьезный

поклонник появился. Ученый. Ужас, как интересно. Приезжайте, мне так много надо вам рассказать!

Котов заехал домой. Надел новый костюм, рубашку с галстуком, надраил ботинки, и тут выяснил, что у него нет денег на цветы.

Жена, уложив малыша спать, наблюдала за мужем влюбленно и слегка ревниво.

— Вот позвоню Льву Ивановичу, узнаю, куда это ты среди бела дня таким франтом разлетелся, — сказала она.

— Позвони, позвони. Лев Иванович будет рад. Ему без твоей трескотни делать нечего, — улыбаясь, ответил Котов, обыскивая карманы старого костюма, плаща и куртки в надежде найти какие-нибудь деньги. — Лапонька, сколько стоят три хороших розы?

Жена покачала головой.

— Дорого.

— Мне нужны деньги.

— Мне тоже. — Жена поджала губы. — Если тебя посылают по делу, должны выдать на расходы. А если...

— Без если, дорогая. — Котов чмокнул ее в лоб. — Теперь поздно думать. Не могу же я вернуться на службу и сказать, мол, господин полковник, дайте денег на цветок. Золотце, зарплата у тебя, не жидись, родная.

— Чья бы корова мычала. — Супруга, поворчав для порядка, выдала деньги и внимательно оглядела его. — Красавец! Ну, с Богом! Ты, Гриша, главное, не тушуйся!

Ольга встретила его, как старого друга. Выхватила у оперативника цветы, потащила за собой в квартиру.

— Гриша, прошло-то всего ничего, а мне кажется, год миновал. Тут столько всего! Я ведь в Швейцарию уезжала, лечилась! — Она смотрела восторженно, словно сообщила приятную новость.

— От чего лечилась, Оленька? — изобразил недоумение Котов. — Конечно. В тот день вы чувствовали себя плоховато. Но Швейцария?

Девушка махнула рукой. Открыла бар.

— Вам чего налить? — она держала в руке бутылку с тоником.

— Вот этого самого, что у вас в руке. Я все-таки на службе. — Гриша опустил в кресло.

— Ни на какую противную службу вы не пойдете! — объявила решительно Ольга. — Я вам расскажу потрясающую историю. Я чуть было не стала наркоманкой! — Она сделала паузу, ожидая реакцию гостя на столь сенсационное сообщение.

— Да бросьте вы! — Котов вполне искренне возмутился. — Так шутить не гоже.

— Какие шутки! — обиделась Ольга. — Вы не представляете, что я пережила. У меня была настоящая наркотическая ломка.

Отец не знает, мама в ужасе, я простыню кусаю. Кошмар! Но оказалось, ложная тревога.

Ольга уселась напротив гостя и начала подробно рассказывать о своих приключениях.

— Я лежала в настоящей психушке для наркоманов. Доктор такой миленький, старенький, божий одуванчик, но хитрый до ужаса. Оказалось, он с первого дня прекрасно знал, что я кололась. И хоть наркотик оказался не опасным, он решил проучить меня и напугать, чтобы я усвоила, шутки со шприцем — игра со смертью.

В голосе девушки было столько пафоса и восторга, что Котов не смог сдержать улыбки.

— Анна Павловна дома? — осторожно спросил он. — Хотелось засвидетельствовать свое почтение.

— Нет, мама уехала с визитами. Сейчас должна придти Елена. У меня потрясающая сестра. Представляете, вчера у нее убили мужа, а сегодня роман с парнем, которого она, мне кажется, не любит. Он ходит хвостиком, дарит бриллианты, зовет в загс.

Вскоре приехала Елена. Модная, элегантная, слегка утомленная. Правда, непонятно, от каких трудов праведных.

— Вы работаете в милиции? Все еще занимаетесь розыском убийцы, или уже надоело?

— Стараемся, Елена Викторовна. Но похвастаться пока нечем. — Котов решил воспользоваться вопросом молодой вдовы и свернуть разговор на нужную тему. — Мы занимаемся расследованием убийств. Неожиданно подвернулись наркодельцы. Вроде, и не наше дело. Так ведь не отвернешься. Они ведь тоже убийцы.

— Да уж, форменные убийцы, только изощренные, — встала Ольга.

— Григорий, прошу вас, наркотики в нашей семье большая тема. — Елена присела к столику, налила себе виски.

— Понимаю. — Неожиданно Котов спросил: — Елена Викторовна, а вы знаете бывшего начальника покойного мужа? Стогов, кажется...

— Стогова? Трофима Ивановича? Конечно, знаю. Ухаживал за мной, старый пень. Мужики все одинаковые. — Она выпила рюмку одним махом.

— Ленка, как не стыдно! — возмутилась Ольга. — Трофим Иванович вполне пристойный дядечка.

— Пристойный? Ты бы его видела... Но вы ошибаетесь, Гриша. Стогов никогда не был начальником Николая. Стогов командовал другом мужа, Яшей Веткиным.

— Извините. — Котов изобразил смущение. — А что он за человек?

— Пьяница и бабник, точно. А человек? — Елена пожалала плечами. — А почему он вас интересуется?

— Да Бог с ним. Поговорим лучше о вашем новом поклоннике...

— Об Игоре? А чего о нем разговаривать? Мужик как мужик. Ну, извилин у него чуть больше, чем у окружающих. Хочет жениться. Но это фигушки. Я не девочка, меня задешево не купишь.

— Это правильно, — убежденно произнес Котов. — От Игоря Волка лучше держаться подальше.

— Почему? Надеюсь, это не приказ доблестной милиции? — вызывающе спросила Елена.

— Дружеский совет, — ответил Котов мягко.

Расчет опера оказался верен. Елена взяла его руку, погладила и, заглядывая в глаза, спросила:

— Гриша, скажите, почему от Игоря следует держаться подальше? Я должна знать.

— Могу сказать с уверенностью, он не разыскивается Интерполом, — отшутился Котов и только подлил масла в огонь.

— Уже хорошо. — Елена смотрела внимательно. — Тогда почему?

— Ну хотя бы потому: жил-был бедный ученый и вдруг покупает трехкомнатную квартиру в престижном районе. Не успев въехать, делает евроремонт. И тут же у него появляется дорогая машина. Налоговая полиция чешет в затылке и думает: откуда дровишки?

— И только? Ежедневно огромное количество людей покупает квартиры и машины. А налоговый инспектор все думает?

— Черт его знает, Елена Викторовна, — ответил Котов. — Лично я занимаюсь розыском убийц вашего мужа.

Тем же вечером Елена рассказала Игорю Волку о разговоре с невзрачным ментом. Игорь, расспросив в подробностях, выяснил, что Трофимом Ивановичем Стоговым тоже интересовались.

Ближе к полуночи Игорь позвонил всемогущей Софье Владимировне Поповой, вкратце пересказал новости и тихо поинтересовался:

— Уважаемая Софья Владимировна, я регулярно отстегиваю деньги неким высокопоставленным чинам. Не понимаю, я плачу за работу, или это пожертвования на бедность?

— Не принимайте близко к сердцу, Игорек, — сдерживая бешенство, спокойно ответила мадам. — Мы все урегулируем.

Утром, когда высокопоставленный чиновник Трофим Иванович Стогов пришел на службу, в его приемной сидела красивая, модно одетая женщина.

— Софья Владимировна, какая приятная неожиданность! — засиял Стогов. — Проходите, всегда рад. Катерина, кофе, пожалуйста.

Когда секретарь поставила чашки с кофе и вышла, гостья резко сказала:

— Кажется, у нас уже был разговор об этом менте. Вы обещали, что полковник умерит свой пыл. Вчера его человек появился в доме Чекиных, напрямую интересовался вами и лично производителем.

— Софья, поверь, я делаю, что могу.

Черт бы побрал вздорную бабу! Надо же так влипнуть. Принимать от нее подарки, потом наличные. Стогов клял себя последними словами.

Тем не менее, он заставил себя улыбнуться.

— Откуда он взялся, этот Гуров? Разве нет других дел?

— Вы спрашиваете меня? — Софья презрительно посмотрела на Стогова. — Вы говорили, что вопрос с ним решен кардинально. Так? Или я неправильно понимаю слово “кардинально”?

— Все верно, Софья Владимировна, обещаю, сегодня же приду меры.

Нестеренко, наблюдавший за “вольво” и за подъездом, сразу увидел вышедшего на улицу Стогова, который не направился, как обычно, к машине, а озабоченно пошел по улице, словно потерял что-то.

Стогов остановился у зеркальной витрины магазина, несколько секунд разглядывал его содержимое. Затем неторопливо повернулся, скользнул взглядом по лицам следовавших за ним людей. Свежий приемчик, ему тысячу лет в обед, вдобавок никогда не срывает. Так и сейчас. Нестеренко прошел в общем потоке мимо чиновника, свернул в ближайший магазин. Выждал, когда объект проследует дальше и вновь пристроился в хвосте.

Остановился Стогов около телефона-автомата, опустив жетон, набрал номер.

Чертова нищета, выругался про себя опер. При современной технике не имею возможности услышать столь важный разговор.

Чиновник выждал три гудка, на том конце сняли трубку.

— Ну? — раздался голос Кирилла-“валета”. — Говорите.

— Вы отказываетесь от заказа? — Стогов почувствовал, как у него ослабли ноги.

— Заказ выполнен. Шел разговор о дополнительной услуге, но деньги все еще не поступили.

— Вы получите деньги сразу по возвращении домой, — стараясь говорить как можно увереннее, произнес Стогов.

— Мы можем принять заказ, если товар будет доставлен в конкретное место, — ответил Кирилл.

— Время и место должны определить мы?

— Нет уж, — Кирилл громко хмыкнул. — Время и место назовем мы сами. — И повесил трубку.

— Стогов, человек из окружения Президента, сука клейменная, заправляет наркобизнесом, — сказал Гуров. — Факт, который у меня не вызывает сомнений.

— Интересно, что ты положишь на стол прокурора? Добытые оперативные данные или свои предположения? — спросил Орлов.

— Согласен, мы установили очень мало. Так пусть работают профессионалы, ведь целое управление занимается наркотиками. Меня интересует лишь фигура Стогова и его связь с “валетами”.

Орлов откинулся в кресле, оно жалобно скрипнуло.

— Пора твой трон менять, а то скоро окажешься на полу, — заметил Гуров и продолжил: — Когда высокопоставленный чиновник выходит из своих апартаментов на улицу, чтобы позвонить из телефона-автомата, это что-нибудь да значит.

— Безусловно. Только при чем здесь “валеты”? А может он не захотел говорить из своего кабинета. Да мало ли по каким причинам. — Орлов осуждающе покачал головой. — Мне странно объяснять тебе столь очевидные вещи. Я понимаю — ты ищешь “валетов”, и тебе страсть как хочется, чтобы Стогов звонил именно им.

— Ну, Петр, неужели ты не понимаешь. — Гуров старался говорить как можно спокойнее. — Как ведет себя очень крупный чиновник, если спецслужба лезет в его жизнь? Если начинает расспрашивать о нем близких и знакомых? Постоянно преследует его машину? Человек жалуется. Да не просто жалуется, а закатывает скандал. Кстати, и будет абсолютно прав, потому что никто не имеет права вмешиваться в личную жизнь, постоянно действовать на нервы. Но Стогов-то терпит и молчит.

— Замазан в наркотиках, потому и молчит, — заметил Станислав.

— Не встречай, дай мысль закончить, — огрызнулся Гуров.

— Твои мысли, слава Богу, не имеют конца.

— Заткнись же ты, наконец! — заорал Гуров.

— Младшего обидеть просто. Молчу. — Станислав зыркнул на начальника хитрым глазом.

Гуров взгляд перехватил, шумно выдохнул и неожиданно успокоился.

— Ясно, Стогов чего-то ждет. Он не может бесконечно терпеть произвол каких-то ментов. В конце концов, у него достаточно связей и денег, чтобы нанять людей и преградить путь Нестеренко. Пересчитать ему ребра, а машину сжечь. Потом доказывать причастность к происшедшему чиновника Стогова. В городе беспредел, кого интересует мелкое происшествие? Кстати, Нестеренко раскатывает без всякого прикрытия. Я ему приказал в вечернее время из города не выезжать и в темные переулки не соваться.

Петр, ты опытный сыщик, скажи, если чиновник не рассчитывает на вмешательство “валетов”, то чего он ждет?

— Чего? Чего? — Орлов почесал в затылке. — Ты сам-то бережешься, тебя не шлепнут из-за угла?

— Берегусь. К тому же убежден, “валеты” не мальчишки, не бросятся, сломя голову. Меня каким-то образом должны подставить, — ответил Гуров. — Без наружного наблюдения они могут знать лишь мой подъезд и двери министерства. Но наружки за мной нет, да и “валетам” негде ее взять, а подъезд дома — это для банкиров и журналистов. Да, вот еще, Петр. Нам необходимо современное прослушивающее устройство.

— Будет. — Орлов черкнул в блокноте. — Что еще?

— Терпение. Дай нам Бог терпения.

“Валеты” объезжали кафе и небольшие рестораны. Кирилл и Иван лишь мельком заглядывали в зал, но очень тщательно обследовали подсобные помещения, входы-выходы, через которые доставляли продукты. Наконец они остановились в ресторанчике, расположенном в старинном доме постройки прошлого века. Оглядывая его, “валеты” представились коммерсантами из провинции, желающими у себя открыть ресторан и оборудовать его по последнему слову техники, но не дорого. Хозяин был рад помочь коллегам, водил их по подсобкам, показывал свое нехитрое хозяйство.

“Валетам” все понравилось, особенно их устраивало, что из кухни имелись две двери в кладовку, так же два выхода из здания, один вел во двор, другой — в переулок.

Стоя у раздаточной, из которой был виден зал, Иван сказал:

— Столик у левой стены удобнее всего.

Выйдя из ресторана, “валеты” осмотрели двор, вышли в переулок.

— Машину оставим здесь. — Кирилл указал место. — Сколько у мента может быть охраны? Трое максимум. Самого и одного из охранников уберем сразу, значит сюда, в крайнем случае, выскочат двое. У нас будет от пяти до десяти секунд на отъезд. Нет проблем.

День начался как обычно. Гуров поднялся рано. Гимнастика, душ, бритье... У зеркала он задержался. Долго смотрел на свое отражение, словно не узнавая, думал, что надо сходить в парикмахерскую, седые волосы на висках торчали.

Затем позвонил Орлову домой.

— Здравствуй, Петр. Я, кажется, приболел. Задержусь или вообще останусь дома.

Генерал был опытный сыщик, все понял с полуслова.

— Мандраж? Нормально. Прислать Станислава? Парень тебя развлечет. Главное, не пей ни рюмки. — Петр помолчал. — Мо-

жет, откажемся? Черт с ними, с “валетами”, всех убийц не пере-хватаешь.

— Не говори ерунду, Петр, — раздраженно ответил Гуров. — Это моя работа. — И положил трубку.

Сыщик приготовил себе кофе, закурил первую сигарету. Хватит размазывать кашу по тарелке. Сосредоточиться. Думать. Ведь удавалось просчитать ходы противника и встретить его неожиданно. Поставить себя на место киллеров.

Положение “валетов” не завидное, но если они пойдут на ликвидацию, значит, имеют козырь в рукаве. За ними колоссальный опыт. Выбор времени и места. У них, безусловно, случались уже схожие ситуации. Что же они предпримут? Засада в подъезде или около дома? Отпадает. Они прекрасно знают, кто я. Мой опыт, послужной список. В момент, когда я сажусь в машину? Допустим, у них имеется пособник из спецслужбы, который сообщит место, где стоит “пежо”. Маловероятно. Узкий переулок, рядом милицейский пост у посольства. Ты, сыщик Гуров, стал бы там устраивать засаду? Если они поставят машину в метрах пятидесяти и, трогая с места в тот момент когда я подхожу к своей тачке, я что, стою и жду, пока убийцы подъедут? Отпадает. Ресторан, кафе, казино? Место выбрано заранее, проверены пути отхода. В практике киллеров подобное случалось тысячи раз. Так ликвидируют политиков, финансистов, соперников. Все этот прием знают, но систематически попадают. Почему попадают? Жертва считает себя умнее охотника? Либо все происходит, когда жертва совершенно спокойна и нападения не ждет? Но они знают, что я охочусь за ними так же, как они за мной. Значит, рассчитывают на опережение.

Станислав приехал без звонка. Гуров, разглядывая друга в глаза, громко сказал:

— Кажется, вас не приглашали.

— Ехал мимо, решил заглянуть, не выгоните? — Станислав проскочил в гостиную, бросился на диван. — Здорово, когда непосредственный начальник твой друг! Жизнь окрашивается в голубые и розовые тона.

— Если меня убьют, тебе станет очень неуютно.

— Это — с одной стороны. С другой, я получу повышение и, наконец, вылезу из огромной тени, которую отбрасывает твоя суперличность.

Станислав соскочил с дивана, прошел на кухню и притащил из холодильника бутылку водки.

— Я не буду, — сказал Гуров.

— Так и не пей, кто неволит? А я такой момент пропустить не могу, — он налил две рюмки и уселся за стол.

— Ты — провокатор. — Гуров взял свою рюмку и с удовольствием выпил.

— Обязательно! Без этого не проживешь. — Станислав вновь наполнил рюмки. — Самое страшное в выпивке — это перерывы.

— Полагаю, они проявятся не раньше завтрашнего дня, — предположил Гуров. — Мы рано начали гореть, в нужный момент пороха не окажется. Нервы ни к черту, становлюсь шизофреником.

— Глупости! Ты нормальный человек с абсолютно нормальными реакциями.

Зазвонил телефон, Гуров снял трубку и услышал:

— Они будут сегодня в восемнадцать в ресторанчике “Обломов”, что возле Сретенки. Это все, что я могу сделать для тебя, сыщик. — Голос был мягкий, уверенный. Абонент положил трубку. А Гуров еще долго стоял, слушая прерывистые гудки.

Через два часа в их кабинете собрались восемь старых сыщиков. Выслушали сообщение Гурова. Один из оперов, соратник еще по службе в МУРе, спросил:

— И ты веришь своему доброжелателю?

— Николай, я не играю в очко с шулером, не отгадываю на рынке, под каким колпачком спрятан шарик, — ответил Гуров. — Но не реагировать на звонок я не могу.

Они подъехали к ресторану “Обломов” на трех машинах. Правда, остановились в двух кварталах, и оперативники мгновенно растворились среди прохожих. Гуров наблюдал за четкой, слаженной работой сыщиков с щемящей ностальгической любовью. Вот они, последние из могикан, даже он, Гуров, знающий каждого в лицо, через минуту потерял их из виду, хотя прохожих в переулке было не так уж и много.

Трое прошли во двор, двое в ресторан, остальные остались на улице.

— Санэпидемстанция, хозяин. Мы тут у тебя посмотрим, а ты готовь шашлыки и по сто граммов. Иначе такое у тебя найдем, что сам удивишься.

— Люблю людей прямых, — рассмеялся хозяин.

Сыщики все помещения осматривали неторопливо, тщательно, словно искали тараканов, а не здоровенных киллеров. Они ходили мягко, постоянно прислушиваясь и страхуя друг друга. Оружия никто не вынимал, но пистолет у каждого находился под рукой.

— Хозяин, — позвал один из оперов. — А эта лестница куда ведет?

— На второй этаж. Там бухгалтерия и моя комната отдыха.

— Проводи, посмотрим. — Опер начал подниматься по лестнице, хозяин — следом.

Они остановились у двух дверей, одну хозяин отпер, пригласил проходить. Опер не торопился, ждал, пока первым войдет хозяин.

— Вежливый. — Хозяин понимающе кивнул. Прошел в комнату отдыха. — Только если вы из санэпидемстанции, то я токийский император. Ищите, я в чужие дела не лезу.

Оперативник прошел к окну, взглянул на переулок.

— Небось, сюда баб водишь? — спросил он, думая совершенно о другом.

— А чего их водить? — усмехнулся хозяин. — У каждой пары ног имеется.

— Оно конечно. — Опер стукнул кулаком в стенку. — А здесь что?

— Бухгалтерия, — ответил хозяин, вывел оперативника на площадку, пнул ногой железную дверь. — Ключ только у самой. Она у меня строгая.

Опер осмотрел сейфовый замок, понимающе кивнул.

— Солидно, молодец, — и спустился вниз.

Через несколько минут оперативники, осматривавшие ресторан, собрались в зале, присели за столом. Пришли Гуров со Станиславом.

— Лев Иванович, ты совершенно напрасно вылез, — сказал один из оперативников. — Пулю схлопотать даже не секундное дело. А стрельнуть можно из любого окна.

Кроме пяти оперативников, в зале ресторана находилось всего несколько человек, которые ели, пили и мирно беседовали. Настроение у сыщиков было благодушное, вспоминали молодость и случаи, как сегодня, когда бросались на добычу и хватали воздух.

Хозяин принес шампуры с шашлыком и бутылку водки. Наполнили рюмки.

— Ну, ребята, за наше здоровье.

Выпили, занялись шашлыком. Лишь Гуров сидел напряженно, смотрел в сторону кухни. Что происходит? Он уже несколько дней ждет, что его затащат в какое-нибудь кафе и расстреляют, как мишень в тире. И вот он сидит в ресторанчике, пьет, ест, благодушествует...

— Станислав, — еле слышно сказал сыщик, — выйди на улицу, проверь посты и оставайся там.

Станислав безропотно отложил шашлык и вышел из ресторана.

“Валеты” находились на втором этаже в комнате бухгалтера. Стальная дверь и сейфовый замок были для них смешной преградой.

Кирилл достал “беретту”.

— Пошли.

Иван тоже достал оружие, спросил:

— И как ты все представляешь?

— А чего представлять? Они готовились, напрягались, теперь не уйдут из ресторана, пока не выпьют, не поговорят. Выст-

релим и уйдем в переулок. Может, там еще раз выстрелим. Все просто.

Киллеры вышли из бухгалтерии и начали спускаться по лестнице.

У Гурова задрожали руки, ноги стали ватными.

— Парни, “валеты” здесь, у нас несколько секунд.

— Где здесь? — пережевывая кусок сочной баранины, спросил седой опер. — Лева, очнись.

— Слушать! — Мандраж прошел, Гуров ощутил спокойный, хорошо знакомый холод, в голосе его зазвучал металл. — Слушать и выполнять. Киллеры здесь. Всем достать оружие, внимание на кухню.

— А ты не командуй, опустишь на пол. — Сидевший рядом с Гуровым старый сыщик выхватил из-под него стул.

Не ожидавший рывка Гуров мягко свалился под стол, а пуля шлепнула в стену.

Кирилл секунду ошарашенно смотрел на опустевшее место, где только что находился мент, потом выдохнул:

— Уходим.

За его спиной загрохотали выстрелы.

Иван выстрелил несколько раз вслепую и рванулся к задним дверям, которые почему-то оказались открытыми настежь. Автомобильные фары ярко освещали дверной проем. Со двора тоже шарахнули выстрелы, пули вспороли дверной косяк.

“Валеты” бросились к другим дверям, но и здесь их встретил огонь. Из зала раздался уверенный голос:

— Бросьте оружие и выходите!

Кирилл сунул пистолет за ремень, вытер лицо ладонями, словно умылся, и хрипло, но спокойно сказал:

— Мы промахнулись. Рано или поздно, а конец один.

Вспыхнувшие было крики obsługi утихли. Наступила гнетущая тишина. С улицы донесся нахальный голос:

— Козырные, кончайте валять дурака! Мы хоть и не великие стрелки, но ложку мимо рта не пронесем!

Раздалось два негромких хлопка.

Станислав прыгнул в дверной проем, упал на пол и откатился в сторону.

“Валеты” лежали рядом, раскинув ноги и почти соприкасаясь простреленными головами.

— Убийцы, конечно, но, однако, мужики, — сказал кто-то уважительно.

— Станислав, звони следователю, вызывай с Петровки группу. Пусть пишут бумаги, занимаются привычным занудством.

Все ушли в зал. Гуров остался у трупов один. Машинально отметил, что убийцы лежат почти в тех же позах, что и Веткин с Сотиним. Никакой радости, даже облегчения Гуров не ощущал.

Он знал, свободно вздохнет не раньше завтрашнего дня. Завтра. Магическое слово, в которое верит человек со дня своего рождения.

Эпилог

Генерал Орлов взглянул на курившего у окна Гурова, откашлялся и сказал:

— Полковник, вы работу по делу закончили. Все материалы велено передать в контрразведку.

— Интересно. А Стогов? Я могу доказать...

— Лева! — перебил Орлов. — Лично ты можешь отдохнуть неделю. Это приказ... И не мой.

Станислав, молча сидевший на своем стуле, поднялся, взял Гурова под руку.

Идем, Лев Иванович, ты здесь ничего не найдешь. Власти не отдадут своих людей, и ты это знаешь. ■

Безвременно, на 66-м году жизни, скончался Николай Иванович Леонов, автор множества книг и киносценариев, литературный отец полковника Гурова, ставшего любимым героем всех ценителей детективного жанра. Работу правоохранительных органов Леонов знал не понаслышке, он сам был юристом по образованию и 10 лет проработал следователем МУРа. Увлечался спортом, имел звание заслуженного мастера спорта по настольному теннису. Прямой, честный, бескомпромиссный, он очень любил людей и старался делать все возможное для тех, кто нуждался в его помощи. Когда бы он ни заходил в редакцию, его всегда встречали с улыбкой, так как для каждого он находил нужные и теплые слова.

Журнал "Смена" лишился прекрасного и любимого автора и просто хорошего человека.

Светлая память о Николае Ивановиче Леонове всегда будет жить в сердцах сменовцев и наших многочисленных читателей.

Африканка

Михаил КАЗОВСКИЙ

1

Настала полночь. “Красная стрела” колесами неспешно застучала, и глыба Ленинградского вокзала в глухую темень плавно отошла. Я в Петербург улаживать развод понуро ехал, в думы погруженный, как бройлер синий, свежепотрошенный, как высушенный усталый бутерброд. А мой сосед по мягкому купе налил коньяк в дорожные стаканы и, будучи уже изрядно пьяным, икнул тепло: “Не нужно в скорлупе своей сидеть и думать о дурном, о том, как вы убоги и несчастны. Хлебните. Улыбнитесь. Жизнь прекрасна! И надо наслаждаться каждым днем!”

И я хлебнул. И сразу же обмяк. Мы пили за детей и нашу встречу, произнося возвышенные речи, пока коньяк в бутылки не иссяк. Мы сделали друг другу всех родней, мы перешли на “ты” и пели хором, и развлекались анекдотным вздором и байками из юности своей. И мне поведал Костя Шебаршин — так мой сосед представился вначале, — как он на музыкальном фестивале влюбился в негритянку Полли Клин...

Потом в какой-то предрассветный час нам удалось на время отключиться — до той поры, как наша проводница, купе открыв, не разбудила нас. Мы поднялись, вздыхая тяжело, и наши муки были нестерпимы. Мы похмелялись кофе растворимым и оклемались — всем смертям назло! Вокзал Московский встретил нас дождем, стояли лужи посреди перрона... Мы с Константином вышли из вагона, раздумывая каждый о своем. И он сказал: “Мужик, не унывай. Ведь я смеюсь — при всей душевной боли, — поскольку я люблю, как прежде, Полли... Гуд бай! Звони!” И я ответил: “Бай!”

И вот прошло довольно много лет, а я давно женат уже вторично, но этот странноватый, нетипичный, рассказанный попутчиком сюжет мне не дает покоя до сих пор. Теперь о нем узнает и читатель. И был ли прав вагонный мой приятель, пусть вынесет свой личный приговор!..

рисунок **Виктора Ковалы**

2

Возможно, я запомнил все неточно, возможно, я воспринял все не так, поскольку мы беседовали ночью, а мысли разлохмачивал коньяк, и Шебаршин с цветистостью восточной утрировал свой каждый вздох и шаг, — но сам сюжет я перевру едва ли, додумав лишь отдельные детали.

Итак, друзья, она звалась Полина. Имела кожу “кофе с молоком”, глаза — большие черные маслины, а губы — вишни,

сочные притом. Была стройна, как прима-балерина, но если надо, двинуть кулаком вполне могла обидчику по роже (не постояв за крепким словом тоже).

Ее мамаша — Ася Петухова, по цвету кожи белая вполне, сбежав когда-то из села родного, осела на московской стороне. И, будучи особой непутевой, топила дни в гулянках и вине. Таких девиц в журнале “Крокодиле” тогда в рисунках часто выводили.

Короче, на одном из тех застолий, где не напиться в принципе слабо, она сошлась, вполне по доброй воле, с могучим негром — Жан-Луи Трельбо. Учился он у нас в спортивной школе и увлекался стендовой стрельбой. Его отца — Трельбо Эвангелиста — в Дурунди уважали как юриста.

Роман их длился чудное мгновение — цветы, вино и койка без забот... Но тут, как снег, свалилось сообщение: в Дурунди — путч, мятеж, переворот, произошло монарха низвержение и запрещение всяческих свобод; а папу Жан-Луи убили с ходу — как пацифиста и врага народа.

И Жан-Луи чернее стал, чем сажа. Сказал: “Прощай. Мой долг — начать борьбу за Родину — ценою жизни даже, недаром я всегда любил стрельбу!” — и улетел, бесстрашен и отважен, в свою страну — испытывать судьбу. А наша Ася через три квартала уже в роддоме девочку рожала.

Полина родилась, пицца забавно: смотрите, люди, к вам явилась я! Но Ася не горела счастьем явно: к чему ей было черное дитя? И, поступив, увы, неблагонаправно, свезла к себе в село — три дня спустя. А на вопросы мамы изумленной лишь ухмылялась неопределенно.

Сказала: “Ма! Ну, что ты смотришь плохо? Сама ж была когда-то молодой! Согласна: я — шалава и дуреха, но вот ведь человечек наш родной. Взгляни, какая прелесть эта кроха! Ее отец — невиданный герой, и в джунглях он командует отрядом, а я к нему лечу — сражаться рядом!”

И упорхнула, вольная, как птица, дни наполнять разгульной кутерьмой. А матери ее пришлось смириться и девочку воспитывать самой. И та росла юлой и баловницей, шокируя нездешней красотой. (Кому встречалось где-нибудь у Вятки лицо метиски или же мулатки?)

Ее вскормила русская природа — болото, лес и луг за бугорком... А песни, танцы нашего народа она впитала вместе с матерком. Блины любила и коврижки с медом, и голубику с козьим молоком. А став постарше — девушкой ядреной — не брезговала чаркой самогонной.

По всем предметам успевала средне, но обожала петь и танцевать! Бывало, как заглянет в дом соседний — на свадьбу — и давай часов на пять резвиться до скончанья сил последних, а после — рухнуть чуркой на кровать. Смеялись бабы: “Да у нашей Поли моторчик спрятан в черной попе, что ли?”

И вот Полине минуло семнадцать. Лежит в кармане школьный аттестат. Встает вопрос: куда же ей податься? Вопросы нет: в столицу, на Арбат, где Гнесинка и, как сказал Гораций, где музы просто стаями парят! В Москву, в Москву! Ведь тут еще, к тому же, родная мама проживает с мужем...

И этот муж — хмельной оплывший дядя, открыв замок и щурясь в полутьму, спросил Полину, удивленно глядя: "Товарищ негритянка, вы к кому?" Тут вышла мама и, поправив пряди волос невымытых и скривясь в дыму дешевых сигарет, проговорила: "Дочурка? Ты ко мне? Вот мило!"

Да, вместе им ужиться было сложно: скандалы, драки, тараканий гон... Готовиться к урокам невозможно, когда поют и пьют со всех сторон. И, поругавшись с матерью безбожно, Полина удрала из дома вон... Нет, общежитский быт мы тоже знаем — но он ей показался просто раем.

Уроки в Гнесинке — какое счастье! Сольфеджио, гармония, латынь... Она училась с неким сладострастьем и с жаром огнедышащих пустынь, себя едва ли не рвала на части, но не осталось в музыке твердых, которых бы она не покорила, поскольку знание, как известно, сила!

А после кинофильма "Мы из джаза!" студенты сколотили свой джаз-банд, где Поля исполняла парафразы на темы песен Эллы Фитцджеральд и набирала силу раз от раза как подлинный эстрадный музыкант (фамилию взял "Клин", а имя "Полли", созвучных знаменитой "Хэлло, Долли!").

Молва о ней пошла в кругах эстетских, народ заговорил о Полли Клине как о явлении в музыке советской, но кое-кто из дам среди причин ее известности, с заносчивостью светской, упоминал о слабостях мужчин: мол, знойный вид и яркие наряды — вот все, что этим кобелинам надо!

И вот однажды, во Дворце культуры завода органических пластмасс, при недосмотре бдительной цензуры, джаз-фестиваль открылся в первый раз. На нем вживую, без аппаратуры, джазмены свой показывали класс. Вот здесь-то и увиделась Полина с моим вагонным другом Константином...

3

Наш Костик по рождению был москвич, интеллигент в семнадцатом колене. Его отец — Илларион Ильич — как дирижер стажировался в Вене. А мама — Вера Саввична — достигла высот в колоратурном пенье. И Костик со младых ногтей впитал симфонию и оперный вокал.

Был паинькой и маминим сыночком, с двух лет сидел уже за фортепьяно, а с трех еще английским языком к тому же занимался постоянно, старательным прослыл учеником и нико-

* Clean — хорошо сложенный, ловкий (англ).

гда — драчливым хулиганом. А если обзывал, то только так: “свинья”, “какашка”, “задница”, “дурак”.

Он был дитя асфальта и машин, магнитофонов, “телеков” и смогов, нейлонов, хлорвинилов и резин — и вырос бледной немочью в итоге. Познал, короче, юный Шебаршин простых житейских радостей немного: во всех науках школьных преуспев, он как огня боялся юных дев.

К тому же наставлял его отец: “Учись, мой сын, зачем тебе девицы? Таланту и мечтам придет конец, когда ты рано вздумаешь жениться. Не убежит семейный твой венец. Держи себя в ежовых рукавицах!” А мама добавляла: “Это грех — менять на дев карьеру и успех!”.

И Константин, способный музыкант, учился от души и вдохновенно, шлифуя, полируя свой талант в стенах консерватории почтенной. Чуть-чуть зубрила и слегка педант, он выбился в солисты постепенно, боготворя свою виолончель, как нимфоманка — брачную постель.

Неглупый малый, Костик понимал, что он не Ростропович поднебесный, но что имеет свой потенциал и что добьется степеней известных, чинов, наград, отличий и похвал, оценок — пусть критических, но лестных; потом умрет в кругу своих друзей, учеников, соратников, детей...

Но все пошло буквально вкривь и вкось, как в старом несуразном водевиле, когда друзья сказали: “Костик, брось учебу на сегодня. Мы купили на фестиваль билеты!” — и пришлось поехать с ними на автомобиле, сидеть и думать: “Что за лажа, блин?” — пока не появилась Полли Клин...

Ее увидев, он офонарел и стон услышал собственного сердца, в которое попали сотни стрел крылатого игривого младенца. О, этот жизнерадостный пострел порой такие выдает коленца, что от любви хоть плачь, хоть волком вой... А тут — студент! Наивный! Молодой!..

Да и певица, доложу я вам, в тот вечер выступала превосходно, и трудно сразу подобрать слова, чтоб передать, как чисто и свободно Полина пела. Услыхав едва ее синкопы, зал свистел охотно — а это в джазе выше всех призов и даже слаще, чем обычный рев.

Триумф! Успех! А Костины друзья его спросили: “Познакомим — хочешь?” Но он замялся: “Да не знаю я...” — и долу опустился, как дева, очи. А те сказали: “Костик, ты сопля! Полина заходила, между прочим, на твой концерт и говорила, что ты Генделя играешь, как никто!”

И он кивнул. И вот среди кулис произошла та памятная встреча. Наш Константин смотрел все время вниз, утратив дар членораздельной речи. Для Полли это тоже был сюрприз, и вроде ей ответить было нечем... Они краснели первых пять минут, как будто их к сексологу ведут...

Потом она спросила: “Ты сюда приехал что, из интереса к джазу?” А он соврал: “Я джаз любил всегда — любовью, дохо-

дящей до экстаза. А вся консерваторская среда противней мне, признаться, раз от разу". И Полли улыбнулась: "Ты смешной. Возможно, мы поддужимся с тобой".

4

Да, их роман раскручивался бурно, накрыв обоих, точно горный сель. Хватило им полтора недель на весь этап начальнo-увертюрный, прогулочно-подарочно-культурный, когда любовный сладострастный хмель поступики красит розово-бравурно, а средства лишь оправдывают цель.

Висели сто часов на телефоне: "Привет!" — "Привет!" — "Ты грустный?" — "Нет. А ты?" Потом встречались. Он дарил цветы, она их принимала восхищенно, но говорила: "Не люблю пионы — в них нет какой-то детской простоты". Он улыбался: "Что ж, прошу прощенья — они твоей не стоят красоты!".

Гуляли под дождем. Затем сидели в каком-нибудь кафе или кино. Смотрели друг на друга озорно, губами губ коснувшись еле-еле, и даже не мечтая о постели — и без нее все было клево. Но... когда у вас гормоны бродят в теле, не избежать постели все равно!

Что скажешь тут? Они нашли друг друга и друг без друга больше не могли, как любящие люди всей Земли — и с севера, и с запада, и с юга... Приятней нет любовного недуга, несчастны одиночки-бобыли! Он предложил ей стать его супругой. "Согласна", — отвечала Полли Клину.

Итак, они у Константина дома. "Знакомьтесь, предки — вот моя жена". Певица-мама сделалась бледна и прошептала: "Будем знакомы..." — и в состоянии совершенной комы присела тихо в кресло у окна. А папа две площадных идиомы пробормотал, как неуч и шпана.

"Любви моей вы, стало быть, не рады? — спросил с упреком уязвленный сын. — Стыдитесь! Потому что Полли Клину — звезда и гений нынешней эстрады! И человек прекрасный! Мне не надо другой жены!" — отрезал Константин. "А нам в семье не надо зоосада!" — сказал сквозь зубы папа Шебаршин.

Услышав это, Полли от обиды с дивана, как пружина, поднялась и крикнула папаше: "Ах, ты мразь! Расист вонючий! Пакостная гнида! Отвратней не видала индивида! Да чтобы я терпела эту грязь?!" — и из квартиры с оскорбленным видом сбежала, трехэтажно матерясь.

Жених — за ней. Молил: "Останься, Поля! Я все улажу. Папа нас поймет. Конечно, он немного сумасброд и несколько консервативный, что ли... Но мне уступит он по доброй воле. Забудем этот глупый эпизод. Вы столько чуши оба намолодили, что хватит нам вперед на целый год".

Но Клину смотрелась крайне возмущенной и отвечала: "Костик, уходи. Не знаю, как там будет впереди, но к примиренью я пока не склонна. Мне просто не хватает лексикона, чтоб вы-

разить, какой в моей груди бушует гнев — священный и законный. Пойми. И по возможности — прости”.

Короче, разбежались. Дни за днями шли чередой — в разлуке роковой. Наш Константин болтался сам не свой, потерянный, с кругами под глазами, и повторял упорно папе-маме: “Хочу назвать ее своей женой! Я вас клянусь последними словами! О, Боже, что вы сделали со мной!..”

А между тем слетелись в это лето в Москву на молодежный фестиваль, плюя на неудобства и на даль, посланцы всей, практически, планеты — спортсмены, музыканты и поэты, политики, студенты... Мне едва ль нарисовать удастся их портреты — не хватит красок. (Что, конечно, жаль!)

Но суть в другом. Полина выступала на джаз-концерте в клубе “Самоцвет”. И к ней поднялся поднести букет солидный негр из зрительного зала. И сообщил: “Взволнован я немало. Чистосердечный дайте мне ответ”. — “Какой?” — спросила Полли. “Для начала — вам, извините, сколько полных лет?” — “Мне — двадцать два. И что же здесь такого?” — “Минутку! Я хочу спросить опять: а кто, простите, будет ваша мать?” — “Ну, предположим, Ася Петухова”. — “Я так и думал! Вы же, право слово, одно лицо. Глаза... манеры... стать... А вам слабо узнать отца родного?” — “Отца? Бог мой!.. Позвольте вас обнять!..”

Трельбо поведал, сколько в эти годы он вынес и страданий, и обид. Как их отряд был полностью разбит, сражавшийся в Дурунди за свободу, а он бежал, улегшись на подводу, под листья пальм, и не был тем раскрыт. Купил в Брюсселе Дом высокой моды и сделался немало знаменит. Но обращал в оружие и мины свой капитал и слал для партизан к себе в Дурунди. Их отважный план осуществился лишь наполовину: карательная рухнула машина, и был убит безжалостный тиран, но верх взяла левацкая община, власть обьявив рабочих и крестьян.

“И этот бред свергать придется тоже, — подвел итог родитель Полли Клин. — По счастью, я сражаюсь не один, и бизнес мой деньгами нам поможет. Поехали со мной?” — “Избави Боже! Политика — удел одних мужчин!” — “Не на войну! Певице темнокожей весь мир открыт! Поехали, Полин! С моими манекенщицами скопом отсюда мы отправимся в Париж. Осмотришься. Устроишься. Глядишь — прославишься сначала на Европу, а после — на Америку. Прохлопать нельзя такую выгоду, малыш. Со времени всемирного потопа певицам так везет впервые лишь!”

О, папа-искуситель! Без сомненья, она сказала: “Да”. И вот финал: ОВИР, анкеты, в Гнесинке — скандал, улыбки, слезы, крайнее волненье, с подругами последние мгновенья, багаж, машина, аэровокзал... А Костик, лежа в полном одуреньи, молчал и никому не отвечал.

...Тогда в вагоне я спросил его: "И ты с Полиной не встречался больше?" Он галстук распустил на шее тощей и улыбнулся: "Да, на Рождество мы виделись в Москве на их концерте... Не помнишь? "Джаз-певица Полли Клин"? Ее лицо везде — с афиш, витрин... Мне встречу эту не забыть до смерти..."

О, так она не пела никогда! Я слушал, трепеща и даже плача. И размышлял: какая незадача, что с нею мы расстались навсегда! Потом попер к Полине за кулисы, прорвался сквозь кордоны всех мастей и, просочившись через сто дверей, я постучал в уборную актрисы. Она сказала: "Да, войдите", — и... Я дверь открыл, дрожащий и смущенный. А Полли посмотрела изумленно: "О, Боже! Это ты?! Ну, проходи..." Я подарил ей, как тогда, пионы. Она вздохнула: "Ты неисправим". И предложила: "Ну, поговорим?" — коньяк достала с дольками лимона, кивнув на стул. А я ответил: "Что ж..." За встречу выпив, мы точили лясы, чтоб не соврать, никак не меньше часа, и тон беседы в целом был хорош.

Она жила по-прежнему в Брюсселе, имела дом, работу и успех, пластинки, клипы, деньги без помех, программу музыкальную на "теле", штук пять машин и даже свой журнал... "А как отец?" — "Отлично. В полной силе. Его друзья в Дурунди победили, и он у них премьер-министром стал". — "Вот это да! А как дела у мамы?" — "Она давным-давно живет со мной. Я дом купила ей недорогой и сделала великосветской дамой... Конечно, пьет порою, но не так... На Западе ведет себя трезвее. И о России как-то не жалеет. А ты? Женат?" — "Давно не холостяк. Работаю в оркестре — пусть не видном, но крепком и с зарплатой неплохой. Живу в квартире с тещей и женой, престижным псом и сыном-вундеркиндом... А у тебя? Есть дети и супруг?" Ее глаза-маслины потемнели, а губы прошептали елееле: "Супруга нет, но есть хороший друг... И дочка Конни. Ей уже двенадцать". Я вздрогнул: "Но позволь, двенадцать лет — всего, как ты уехала на запад. Тогда не понимаю, кто же папа?" — "А сам, — спросила, — можешь догадаться? Поскольку это вовсе не секрет..."

...Вагон стучал колесами бесстрастно. Мой спутник наконец проговорил: "Коньяк мне придает побольше сил, и нет о прошлом грусти ежечасной. Констанция... Моя родная дочь! Нас развели безжалостные люди. Но мы в дурном их обвинять не будем, и мстительность, и злость прогоним прочь. Что было, то прошло. Увы, на свете таков, должно быть, жалкий мой удел..." Он лег и моментально захрапел. А я сидел и думал о сюжете.

Наш поезд-тройка мчался, как ракета. Куда? Зачем? Как прежде — нет ответа. ■

Диплом диплому рознь

☒ *“Попытался устроиться на работу в госучреждение, но мне отказали, потому что у меня диплом негосударственного вуза. А в институте нас заверяли, что у них есть лицензия, что дипломы выдаются установленного образца и никаких проблем (по крайней мере, по этому поводу) с устройством на работу не будет. В чем же дело?”*

Николай Сильков, Смоленск

Дело, конечно, не в том, что вы окончили негосударственный вуз (для поступления на работу это не имеет значения), а в том, что его руководители оказались людьми не слишком добросовестными, а полученный вами диплом “установленного образца” – увы, не более, чем справкой об окончании мало кому известного учебного заведения. К сожалению, вы не первый, кто попался на подобную рекламную уловку предпринимателей, подвизающихся на ниве высшего образования.

В отличие от чересчур доверчивых и не очень хорошо юридически подкованных граждан, им-то самим хорошо известно: лицензия на образовательную деятельность – всего лишь документ, подтверждающий, что этим видом бизнеса они занимаются легально, так сказать, на законных основаниях и потому имеют право брать с вас за это деньги. Больше ни о чем лицензия не свидетельствует.

Знают они и то, что уважающий себя и своих студентов негосударственный вуз должен (согласно закону РФ “Об образовании”) пройти еще и государственную аккредитацию, т.е. проверку на соответствие уровня подготовки выпускаемых специалистов государственным образовательным стандартам.

Знают, но, как правило, стараются эту информацию не афишировать, ибо процедура государственной аккредитации – длительная и трудоемкая, и далеко не всем вузам оказывается по плечу подтвердить свою состоятельность. Но без этого высшее учебное заведение не вправе выдавать дипломы государственно-го (а не просто “установленного”, как в вашем случае) образца. Только такой диплом подтверждает, что полученные вами знания соответствуют уровню подготовки специалиста с высшим образованием. Что, в свою очередь, служит основанием для занятия определенной должности (с соответствующим окладом и надбавками к нему) в государственном или муниципальном учреждении (ст. 6 закона РФ “О высшем и послевузовском профессиональном образовании”).

Высшее образование карьеры не гарантирует

☒ "Работая на предприятии, закончил заочно институт и получил диплом специалиста по профилю работы. Имею ли я преимущества в продвижении по службе и в получении более высокой зарплаты?"

Юрий Митичкин,

г. Жуковский Московской обл.

Согласно ст. 133 КЗоТ РФ, преимущество при продвижении по службе (а с этим, как правило, связана и более высокая зарплата) имеют, прежде всего, работники, успешно и добросовестно выполняющие свои трудовые обязанности. Что касается повышения квалификации или получения высшего образования, то ст. 188 КЗоТ рекомендует учитывать и эти факторы наряду с другими обстоятельствами, характеризующими трудовую деятельность работника. Но окончательное решение остается за администрацией.

Другое дело, если в конкретном, заключенном лично с вами контракте закреплена обязанность работодателя предоставить вам преимущество в продвижении по службе в зависимости от получения высшего или дополнительного образования. Тогда по окончании учебы вы можете воспользоваться этим правом.

Пенсионный возраст — не повод для увольнения

☒ "Мне скоро исполнится 60 лет, и начальник мягко намекнул, что, мол, пора бы и на пенсию уходить, молодым дорогу освободить. А я чувствую себя

вполне работоспособным, как и раньше, не имею замечаний, а моей квалификации молодые могут позавидовать. Почему же я должен уходить с работы, которой отдал всю жизнь и без которой не мыслю своего существования?"

Александр Никонов,

Мурманская область.

Ваш начальник, судя по всему, отстал от жизни — до сих пор ориентируется на законы, действовавшие до 1992 года. Тогда п. 1(прим) ст. 33 КЗоТ, действительное, давал право администрации предприятий, организаций, учреждений расторгать трудовые договоры с работниками, достигшими пенсионного возраста и имеющими право на полную пенсию по старости (возрасту), под предлогом освобождения места для перспективных молодых работников.

Но, во-первых, законом РФ от 12.03.92 г. "О внесении изменений в КЗоТ РФ" действие этого пункта ст. 33 аннулировано. Во-вторых, с недавнего времени Россия признала Конвенцию № 111 Международной организации труда "О дискриминации в области труда и занятий" от 15.06.60 г. Согласно этому документу, который действует и на территории нашей страны, "всякое различие, недопущение или предпочтение, приводящее к уничтожению или нарушению равенства возможностей обращения к труду и занятиям, недопустимо и является дискриминацией". Поэтому, если начальник снова "наменнет" вам на необходимость ухода на пенсию, наменните ему на возможность ответить в суде по вашему иску. ■

Владимир МИХАЙЛОВ,

консультант "Смены"

по юридическим вопросам

Секция "Мягких игрушек"

Рубрику ведет
главный редактор журнала "Компьютер и мы"
Андрей БОРЗЕНКО

Часто компьютер сравнивают с одушевленным существом, приписывая ему недюжинные умственные способности. Без особого преувеличения можно сказать, что программное обеспечение — "душа" компьютера, без нее он остается просто грудой "железа" (точнее сказать, электронных и механических компонентов). Вдохнуть в него жизнь могут только наборы специальных (понятных компьютеру) команд — программы. С одной стороны, именно программы определяют то, что вы можете делать с помощью компьютера, с другой — каждая программа для своей работы требует вполне определенных аппаратных компонентов, обладающих соответствующими возмож-

ностями (ресурсами). Итак, компьютер состоит из аппаратного (hardware) и программного (software) обеспечения, которые часто в шутку называют "скобяными изделиями" и "мягкими товарами".

Большинство программ правильнее называть программными продуктами. Дело в том, что на их создание тратится не меньше усилий, чем на производство других компонентов компьютера. Практически любая программа, если это не оговорено особо, является коммерческим продуктом, продаваемым наравне с компьютером. Правда, существуют такие программы, которые распространяются бесплатно. Они называются свободно распространяемыми (freeware). Условно-бесплатные

программы (shareware) занимают промежуточное положение между коммерческими и бесплатными. Их можно получить и опробовать безвозмездно, но вот за постоянное пользование такими программами надо заплатить небольшую сумму.

Следует помнить о том, что не любая даже купленная вами программа является легальной. В большом ходу так называемые "пиратские" копии, то есть копии программ, сделанные с программных продуктов и нелегально распространяемые по меньшей цене.

Коммерческий программный продукт (то есть подготовленный для продажи) обычно упакован в специальную красочную коробку, внутри которой находятся сами программы, записанные на одном из носителей (дискеты, компакт-диск), документация, регистрационная карточка и лицензия на его использование. Заполнив регистрационную карточку и отослав ее по указанному адресу, вы становитесь легальным пользователем данного программного продукта и должны, как минимум, рассчитывать на технические консультации фирмы-продавца или ее партнера. Заметим, что "пиратская" копия, разумеется, не имеет лицензии и не дает права на технические консультации. Кратко перечислим, какие бывают программы.

Все программное обеспечение можно довольно грубо разделить на системное, служебное и прикладное. К системным программам относят в первую очередь операционную среду (ОС). Именно она заведует всем аппаратным обеспечением компьютера, управ-

ляет другими программами и ведет диалог с пользователем. Здесь стоит отметить, что современные версии ОС имеют удобный графический способ общения (так называемый "интерфейс") с пользователем, что существенно облегчает работу с ними. Наибольший успех у пользователей персональных компьютеров имеют такие ОС, как Windows 95 и Windows 98 корпорации Microsoft.

Практически для всех устройств в компьютере имеются специальные программы, называемые драйверами, которые и "вдыхают душу" в конкретное "железо". Как правило, программы-драйверы невидимы для пользователя и изначально входят в состав операционной системы. Если по тем или иным причинам для устройства нет подходящего драйвера, работать оно, конечно, не будет. В таком случае программму-драйвер надо специальным образом добавить к операционной системе. О том, как это сделать для каждой из ОС, обычно говорится в технической документации на конкретное устройство. К счастью, одной из замечательных способностей ОС Windows 95/98 является функция "Включи и работай". Она заключается в том, что при подключении нового устройства к компьютеру ОС самостоятельно определяет его тип и подбирает для него подходящие программы-драйверы.

Среди служебных программ можно выделить оболочки, архиваторы, антивирусы, коммуникационные программы, а также программы управления памятью, работы с дисковыми накопителями и общей диагностики компьюте-

ра. Это, разумеется, далеко не все.

Наиболее часто начинающие пользователи сталкиваются с программами-оболочками. Они должны обеспечивать более удобный и наглядный способ общения с компьютером, чем оболочка самой ОС. В противном случае их использование не имеет смысла. Так, для ОС MS-DOS в течение многих лет популярной оболочкой являлась программа Norton Commander. Несмотря на то, что Windows 95/98 имеет собственную удобную графическую оболочку, многие пользуются программой "Диско Командир", которая внешне очень схожа с Norton Commander.

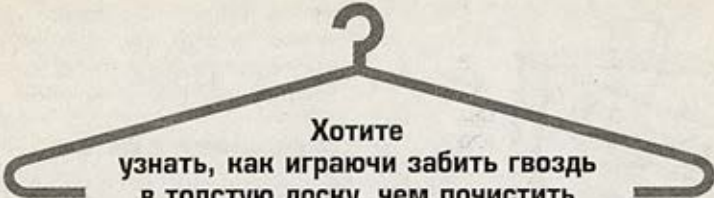
Антивирусные программы призваны бороться с так называемыми программами-вирусами, которые могут нанести непоправимый вред хранимым в компьютере данным. Об этом мы поговорим еще чуть позже, а здесь лишь заметим, что распространяются программы-вирусы в основном через нелегально полученное программное обеспечение. Коммуникационные программы позволяют (например, при наличии модема) одному компьютеру связаться с другим. Заметим, что служебные программы часто называют утилитами.

Конечно, наиболее разнообразны прикладные программы.

Именно они предназначены для выполнения конкретных задач пользователя. Перечислить все типы программ, относящихся к данному классу, довольно затруднительно. Вот только некоторые из них: текстовые процессоры, табличные процессоры (электронные таблицы), системы управления базами данных (СУБД), графические редакторы. Интегрированные системы (включают в себя, как минимум, все четыре типа перечисленных выше программ), бухгалтерские программы, системы оптического распознавания символов, обучающие и развивающие программы, музыкальные редакторы, игры, справочники, энциклопедии и т.д.

Большинство новых компьютеров изначально комплектуются операционной системой, программами-оболочками, антивирусными, коммуникационными или иными прикладными программами. Цена этих продуктов обычно включена в стоимость самого компьютера.

В состав операционной системы Windows 95/98 изначально входит большинство необходимых служебных и прикладных программ: текстовый редактор Word Pad, графический редактор Paint, калькулятор, проигрыватель лазерных компакт-дисков, Internet-обозреватель (браузер) и другие. ■

**Хотите
узнать, как игрушки забить гвоздь
в толстую доску, чем почистить
кожаную сумку, какое средство поможет
избавиться от простуды?
Читайте наш "Практикум"!**

Мелочи жизни

Чтобы стекла очков не запотевали при малейшей перемене температуры воздуха, надо протереть их смесью глицерина со спиртом (5 частей спирта и 1 часть глицерина).

Если замки застежки-"молнии" загрязнились или с трудом застегиваются, попробуйте почистить их старой зубной щеткой и слегка смазать вазелином.

Чтобы почистить сами зубные щетки, нужно опустить их на несколько минут в стакан с холодной водой, в которую добавлено немного нашатырного спирта.

Часто модная бижутерия из металла оставляет темные следы на коже или на одежде; этой неприятности можно избежать, если покрасить металлические украшения с "изнаночной" стороны лаком для ногтей.

Если вы обронили пуховку с пудрой на темное платье, не смахивайте пудру рукой, не чистите щеткой, а просто сдуйте ее и слегка встряхните испачканный участок ткани.

Грелка с горячей водой будет дольше оставаться горячей, если в воду добавить немного соли.

Серебряные предметы восстановят свой блеск, если опустить их на 2-3 часа в воду с нарезанным сырым картофелем, а затем сполоснуть чистой водой.

Ржавчина на раковине легко снимается горячим уксусом, а никелированные краны в ванной можно освежить, протерев их уксусом с солью.

Оконные рамы можно оклеивать на зиму бумагой, смоченной в свежем молоке.

Белые кожаные сумки, обувь, пояса дольше сохранят свой цвет, если чистить их смесью молока и взбитого яичного белка.

Кожаные сумки хорошо чистятся разрезанной луковицей. Пятна же можно удалить смесью уксуса и воды (в равных частях).

Если обувь имеет неприятный запах пота, ее следует протереть изнутри раствором марганцовки.

Гвоздь легко забить в самое твердое дерево, если его острие смазать мылом и окунуть в растительное масло.

Не стоит выливать воду, в которой вы промывали сырое мясо: это отличное средство для подкормки комнатных растений.

Со временем кухонная деревянная доска становится неровной и "занозистой", — потрите ее наждачной бумагой, и она снова станет гладкой.

Чтобы кожаная подошва обуви не скользила в гололед, нужно периодически проводить по ней грубой наждачной бумагой. А протерев водой с уксусом старенькие лайковые перчатки, вы вернете им утраченную мягкость и эластичность.

Белье, которое вы решили вывесить после стирки на зимнем балконе, не примерзнет к веревке, если протереть ее тряпочкой, смоченной в теплом растворе соды или соли. Однако следует помнить, что накрахмаленное белье

нельзя сушить на морозе: при низких температурах крахмал меняет свои свойства, и белье становится клейким.

Домашний доктор

Чем пахнет панацея? Чесноком!

Люди выращивают чеснок с незапамятных времен и для кулинарных, и для медицинских целей. О полезности чеснока, его целебных свойствах, способности защитить человека от гриппа мы слышим с раннего детства. "Съешь с супом зубчик чеснока, — тогда не заболешь, — уговаривают детишек взрослые, — ну, и что же, что он так пахнет, зато — полезный!"

"Полезный" — это еще очень слабо сказано! Чеснок — настоящее сокровище для человечества, которому приходится бороться с сотнями болезней. По широте применения его лечебных свойств с ним, пожалуй, не сравнится никакое другое целебное растение. Судите сами, насколько универсальным лекарством является чеснок, который используют для

лечения: респираторных (насморк, бронхиты, пневмония, астма и т.д.); желудочных (язва желудка, диарея, амёбная дизентерия, глисты и др.); сердечно-сосудистых (атеросклероз, гипертония и т.д.); кожных (экзема, угри, нервы, грибковые инфекции и др.) заболеваний.

Приведем несколько рецептов изготовления препаратов из чеснока в домашних условиях.

От простуд, бронхитов и пневмонии поможет чесночный пластырь. Измельчите 5-8 головок чеснока до пастообразного состояния. Выложите слоем на листе рыхлой (промокашка, салфетка) бумаги и приложите пластырь бумажной стороной к груди, сверху накройте более плотной тканью, а потом салфетками. Держать не более 20 минут.

При грибковых инфекциях попробуйте горячий чесночный компресс. 3-6 зубчиков измельченного чеснока смешайте с 0,5 литра горячей воды, затем добавьте сюда же еще 0,5 литра кипятка. Дайте смеси остыть так, чтобы она не обжигала, намочите в ней матерчатую салфетку и приложите на больной участок кожи. Следите, чтобы компресс оставался влажным и горячим, для чего поливайте на него сверху горячей чесночной смесью. Для каждого последующего компресса следует готовить свежую смесь.

Если вашего ребенка мучают глисты, хорошим средством борьбы с паразитами станут чесночные клизмы. 2 зубчика чеснока, измельчив, смешать с теплой водой. Бывает, одной-двух процедур оказывается достаточно, чтобы избавить малыша от неприятно-

стей. Чесночные клизмы полезно применять при гриппе и простуде.

А вот ножная чесночная ванна не только поможет побороть грибковые инфекции, но и станет прекрасным тонизирующим средством при переутомлении. 5-6 зубчиков чеснока измельчите и смешайте с 0,5 литра горячей воды. Настаивайте в течение часа. В тазик налейте, примерно по щиколотки, горячей (настолько, насколько можете терпеть) воды, добавьте чесночную смесь. Парьте ноги пятнадцать минут, при необходимости добавляя в остывающую воду горячую.

Для профилактики гриппа и простуды хороши чесночные капли, закапываемые в нос. Измельчите немного чеснока, отожмите сок, добавьте 10 частей воды — капли готовы!

При заболеваниях верхних дыхательных путей, хрипоте, болях в горле вам помогут чесночные сиропы. Вот рецепты двух таких:

1) 10-12 головок чеснока пропустите через мясорубку. Тонкими слоями полученной массы и слоями сахара, выкладываемыми попеременно, наполните банку. Настаивайте два дня. Процедите через ткань. Применяйте чесночный сироп с той же периодичностью, как и любой сироп от кашля.

2) Несколько головок измельченного чеснока положите в чистую стеклянную банку и залейте жидким медом комнатной температуры. Настаивайте сутки. Принимайте при болях в горле, бронхите, кашле каждые полчаса-час по чайной ложке. ■

"Практикум" вели
Елена ЕВДОКИМОВА,
Евгений ПРОМОХОВ.

	1		2		3	4		5		6		7		8	
9										10					
					11										
12				13						14					
			15												
16		17								18		19		20	21
				22	23		24		25						
26					27			28				29			
				30					31		32				
33								34					35		
				36					37			38			
39	40		41					42				43	44		45
					46		47								
48												49			
								50							
51												52			
								53							

ЭРУДИТ

По горизонтали. 3. Вселенная... — одно из диких развлечений в "Очерках бурсы" Г.Помяловского. 9. Шут Константина IX Мономаха. Обласканный византийским императором, стал верховодить во дворце. 10. Канждый из славян, считавших, что сломавший рябину либо умрет сам, либо накличет смерть в семью. 11. Весь народ Древнего Рима, кроме патрициев. 12. Человек, до которого доходит, как до жирафа. 14. Месяц очищения от смерти в античные времена. 15. Римский холм, колыбель города. 16. Математик, введший в 1801 году знак сравнимости. 19. Название всякого вулкана на Камчатке. 22. Играть на ... (на весь выигрыш). 25. Снаряд, необходимый в пентатлоне. 26. Чужая жизнь, проживаемая на сцене. 27. "Стадное" насекомое. 29. Днонос по старинке. 30. Каждое из исторических сочинений, использованных в "Повести временных лет". 33. Бурлацное прозвище Рахметова. 34. Храмовая утварь для просфор. 35. "Ахиллесова пята женщины" (Л.Леонидов). 36. Греческий полуостров со знаменитым мысом Афон. 37. Столь тонкая пластинка минерала для исследований, что она пропускает свет. 39. Художник, которым восхищался Эразм Роттердамский, говоря, что он превзошел Апенелеса.

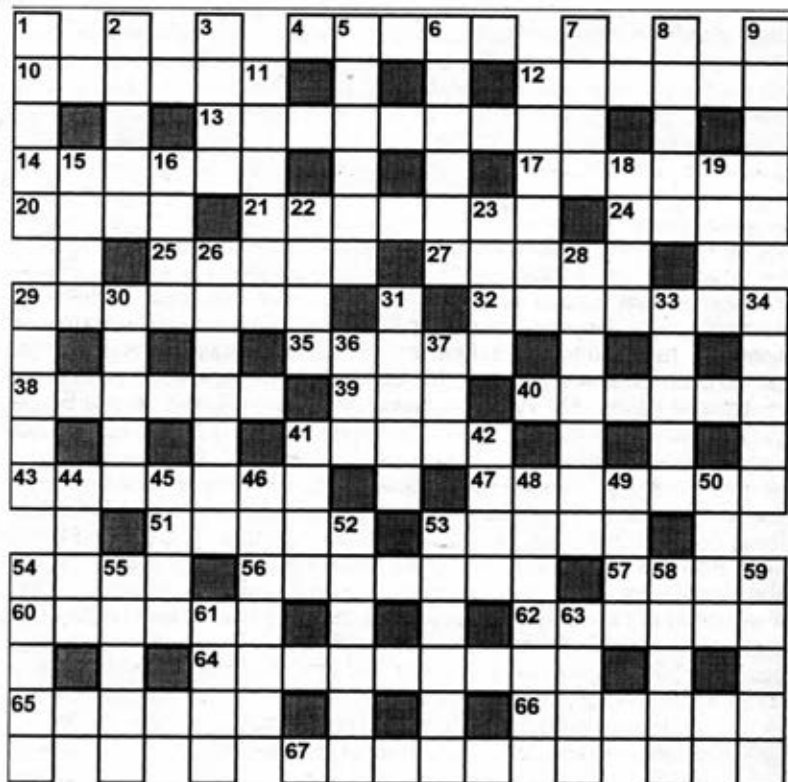
43. Дымящийся вулкан на Камчатке, заросший каменной березой. 47. Анкомпанемент гласа Божьего. 48. Лазающий родич муравьеда. 49. Нудрявая раса, считавшая себя потомками анулы. 50. Два по отношению к шести. 51. Народный музыкальный инструмент, от игры на котором, как писал В.Боков, "лесом пахнет". 52. Прочное знание, данное прантиной. 53. Обезьяна, называемая на Мадагаскаре лесной собаной.

По вертикали. 1. Каждый из пяти лежащих друг на друге предметов, которые должен был одним ударом рассечь мастер, прежде чем вручить меч самураю. 2. В басне И.Крылова "Синица" героиня задумала море снечь. "Не тут-то: море не горит" (стилистическая фигура). 4. Свойство человека, почитаемое англичанами. 5. Птица, обладающая чувством ревности. 6. Высокий дом, с которого молодой Иван Грозный любил швырять кошек и собак. 7. Итальянский поэт, чей "Влюбленный Роланд" стал основой "Неистового Роланда" Ариосто. 8. Синица, способная выдолбить дупло в мягкой древесине. 13. Немецкий философ, пытавшийся связать теорию об идеальном бытии с теорией ценностей. 16. В средние века он не только объявлял о начале рыцарских турниров, но и "ухаживал" за родословным древом господина. 17. Строительный инструмент, в Древнем Риме символизировавший правильную жизнь. 18. Близнец эхолота. 19. Представитель древнего народа, чьи дети учились ездить верхом сначала на козле. 20. Транспорт, раздавленный скалой вместе с лошадыо и мужиком (А.Пушкин. "Путешествие в Арзрум"). 21. Шрифт с округлыми контурами в отличие от готического. 23. Преступник, которого по законам Хаммурапи ждала смерть. 24. В "Чудной" В.Короленко "колокольчик выводит какую-то длинную однообразную песню в... запевающей метели". 28. Северный склон горы в Молдавии, Румынии. 30. Один из самых курортных островов Хорватии. 31. Фамилия сестер, антрис Голливуда, младшая из которых стала сниматься с четырех лет. 32. Древняя столица Армении, оказавшаяся на территории Турции. 38. Пан Древнего Рима. 40. Римский сатирик, упоминающий первых людей, рожденных дубом. 41. Река, из-за которой монголы назвали Туву "Большим мешком с маленьким отверстием". 42. Живописец, которого можно назвать первым русским импрессионистом. 44. Бельгийский скрипач и композитор, чей талант расцвел в России. 45. Русский поэт, которого, по его словам, "всякий олух зовет Сашей". 46. Лососевая рыба, часто называемая просто красной. ■

ОТВЕТЫ НА "ЭРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали. 4. Клещи. 7. Удав. 10. Вокализ. 13. Рейхсканцлер. 14. Пенни. 17. Аргуновы. 18. Хлебников. 22. Вогт. 25. Маринетта. 26. Твен. 27. Юнье. 28. Гильотина. 29. Ести. 34. Горностаи. 35. Чендлер. 39. Лодка. 40. Пенсильвания. 42. Омнибус. 43. Ненк. 44. Башня.

По вертикали. 1. Новелла. 2. Зазноба. 3. Дир. 5. ...лихо. 6. Шунар. 8. Долгоножка. 9. Варя. 11. Зет. 12. Инкуб. 15. Сибарит. 16. Колиньи. 19. ...отдел. 20. Цейтнот. 21. Штанины. 23. Этвеш. 24. Жертвенник. 30. История. 31. Банкрут. 32. Сдвиг. 33. Ведьма. 36. Шпон. 37. Фавн. 38. Нио. 41. Ямб.

КРОССВОРД

По горизонтали. 4. Дочь Марины Цветаевой, талантливая писательница и мемуаристка. 10. Элемент парного катания на коньках, когда фигурист "швыряет" партнершу. 12. Его, как и конца, нет у кольца. 13. Нустарник, с которого нарезали ветвей для мученического венка, надетого на Иисуса Христа. 14. Древнегреческий скульптор, первым выразивший в мраморе страсть. 17. Антилопа, эпитет легкой и стройной девушки на Востоке. 20. Обитель пиявок на дне пруда. 21. Морское рыболовное судно. 24. Единственный в России нулик, ловящий рыбу. 25. Название в Черногории омывающего ее моря. 27. Английская страховая монополия. 29. Римский сатирик, "по всему известному свету эпиграммами в книжках остроумных". 32. Декоративный нустарник, из чьих листьев получают сердечное лекарство. 35. "Моральная" наружность. 38. Искусник. 39. Выход мяча за пределы площадки. 40. Ничтожный друг рыбака. 41. Потомок испанцев в Латинской Америке. 43. Юрная бестия, способная "стать" брошней. 47. Область Греции, рай-

сная страна в пасторалях. 51. Остров Одиссея. 53. Премьер-министр Франции, ставший лауреатом Нобелевской премии мира. 54. Агава, дающая прочное волокно. 56. Певица, вдова Святослава Рихтера. 57. Нумир фанатов. 60. Еким Волков, шут Петра I, по росту. 62. Восточный панегирик в стихах. 64. Товары, постоянно нужные всем. 65. "Стреляющая" искусственная ткань. 66. Отрывистый удар грома. 67. Киноактер, сыгравший роль деревенского детектива Анискина.

По вертикали. 1. Собственная игрушка кошки. 2. Коронный трюк лихача. 3. Общее для дипломатии и музыки. 5. Водопровод в экстазе. 6. Южноафриканский шофер, которого у нас долго считали родоначальником кроссворда. 7. Крупный грызун тропической Америки, обладающий на редкость тонкой шкурой. 8. Светильник, открывающий Олимпийские игры. 9. Электрическая единица. 11. Дочь вашей матери, но не вы. 12. Цилиндровое масло. 15. Имя Воробьянинова с легкой руки Остапа Бендера. 16. Клоун, которому в опере Р.Леоннавалло предложили посмеяться над разбитой любовью. 18. Анаграмма к слову "узда". 19. Знаменитая певица, прозванная "шведским соловьем". 22. Старинное название сохи. 23. Буерак, рывина, яр, заросший лесом. 26. Причина взрывного роста капитала у Нобеля. 28. Жительница арабской страны, где в древности правила царица Савская. 29. Тело в пирамиде. 30. Писатель, заставивший барона Мюнхгаузена рассказать свои истории всему свету. 31. Молдавская флейта. 33. Снасть на золотую рыбку. 34. Сливовая водка у болгар и сербов. 36. Стойна с горячительным. 37. Японский писатель-модернист. 41. Буква в старой русской азбуке. 42. Имя героини в романе Б.Пастернака "Доктор Живаго". 44. Походная кладовая хомяка. 45. Иранская валюта. 46. Французский скульптор, эмигрант из России. 48. Русский книгоиздатель, выпускавший журналы "Врач" и "Зодчий". 49. Пряность. 50. Крайне жестокий человек. 52. Черная служанка у русских дворянок. 53. "Скоростной" пункт питания. 54. Северная "вобла". 55. Чернила для подписи договора с Дьяволом. 58. Несъедобная "часть" булки. 59. Плавники аквалангиста. 61. "Зачарованный принц" в повествованиях о Ходже Насреддине. 63. Древнейший предок компьютера. ■

Составил И.Горожанкин,

Челябинск

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали. 1. Ягдташ. 6. Щетина. 9. Рабле. 10. Грымза. 11. Колесо. 12. Мелба. 16. Бас. 18. Диной. 19. Чернышевский. 21. Цех. 24. Лондон. 25. Управа. 26. Фет. 29. Этноцентризм. 31. Игорь. 32. Аул. 33. Жанр. 37. Гризли. 38. Апелла. 39. Мазай. 40. Халява. 41. Хусейн.

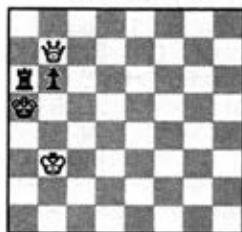
По вертикали. 2. Горб. 3. Тимпан. 4. Шрам. 5. Обол. 6. Щена. 7. Таллий. 8. Настой. 13. Елец. 14. Босх. 15. Пчела. 16. Брань. 17. ...сырость. 18. "Диспута". 20. Венец. 22. Тамил. 23. Магма. 26. Фора. 27. Тело. 28. Югурта. 29. Эрозия. 30. Рубенс. 33. Зима. 34. Жезл. 35. Райх. 36. Улей.

Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
VII международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

16. П. ЛЕБЕДЕВ

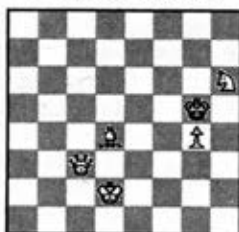
Бобруйск, Беларусь

2

17. В. РЯБЦЕВ

г. Енакиеве, Украина

2

18. Р. СУРНОВ

Москва

2

19. В. ЖЕГЛОВ

Москва

б) ЛнЗ-а6

3

20. Е. ФОМИЧЕВ

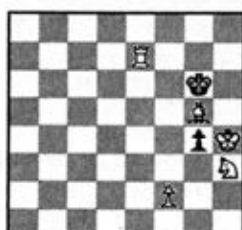
Нижегородская обл.

3

21. А. СТЕПОЧНИН

Тула

3

22. Ю. ЛЯЛЮШКИН

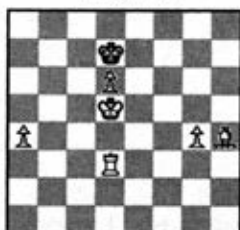
Екатеринбург

4

23. М. ЧЕРНУШКО

Уссурийск

4

24. Ю. СУШНОВ

Санкт-Петербург

5

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ, опубликованных в "Смене" №№ 1-4, 1998

Правильные ответы на все задания прислали **Ю. КАРТАШОВ** (Санкт-Петербург), **В. КОЖАКИН** (Магадан), **Г. ПОПОВ** (Янгутск), **В. СИМОНОВ** (Самара). Лишь по одной задаче не решили **В. ГАТИЛОВ** (пос. Строитель, Белгородская обл.), **А. МОТОВИЧЕВ** (Архангельск) и **Г. САДОВСКИЙ** (Москва).

"Смена" № 1, 1998

1. Н. Грюневельд. 1. Cf3!, 1. Cc4? Ng3!, 1. Cb3? Hf2!

2. Б. Женжерун. а) 1. g5!, б) 1. Hf2!

3. В. Дячук. 1. Lf5!, 1. Фс6? Hpe5!

4. Н. Кондратюк. 1. Лс4!, 1. Ла7? Hpd6!

5. В. Зиновьев. а) 1. Hd8, б) 1. Cc8, в) 1. Фg1

6. Х. Фреберг. а) 1. Cf5, б) 1. Cc8, в) 1. Лb3

7. Д. Махатадзе. а) 1. Ca7 Hpe6, Hpe4 2. Cb8, Фс4; б) 1. Cg1 Hpe6, Hpe4 2. Ch2, Фс4

8. В. Каландадзе. 1. Cf2 d4 2. Ce1; 1. Ca5? Ca7!

9. В. Коваленко. 1... Фd4, Фf6, Фf4 2. Cd4, Cf6, Cf4; 1. Cd6 Фd4, Фf6, Фf4 2. Ле3, Лf3, Лf3

10. Ю. Андриевский. 1. Hc6 Hpf4 2. Фе3, 1... f4 2. Hd4, 1...Cd1 2. Фh6

11. В. Луньянов. 1. Ce8 - 2. Фd7, 1... Hpc5, Hc5 2. Фс7, Cd4

12. С. Николаев. 1. Фf3 Hpd4 2. Ce7, 1... Hpb4 2. Фb3

13. Р. Упстрем. 1. Фb2! e5 2. Фb3 Cd5 3. Фd5; 1. Фb3? e6!

14. Д. Махатадзе. 1. Фb3 e1H 2. Hpa2 dH! 3. Фе2!

15. Ю. Базлов. 1. Hd4 a1H 2. Фе3 Hpa2 3. Фс1 Hc2 4. Фс2

16. А. Заезнай. а) 1. Hd4 Hpc5 2. Hc2 Hpd5 3. Hpd7 Hpc5 4. Cd4; б) 1. Hd2 Hpe6 2. H2e4 Hpd5 3. Hg3 Hpe6 4. Hh5

17. А. Журавлев. 1. Hd3! (2. Hb4) Ce6 2. Hc5! Cc4 3. He4! Cb5/Cd5 4. Hf6 Cc6 5. c4 Cd7/Ce4 6. Hd5/He8; 1... Cc8 2. Hb4! Cd7 3. c4! f5 4. c5 f4 5. c6 Cc6 6. Ha6

18. А. Манвелян. 1. He7! Hpb3 2. Hd5 Hpa3 3. Hf4 Hpb3 4. He2 Hpa3 5. Hd4 b3 6. Hc6 b4 7. Ha7

"Смена" № 2, 1998

19. А. Заезнай. 1. Ch3, 1. Фg5, Ch2? d5!

20. Р. Федорович. 1. Фh8

21. А. Хильдебранд. 1. Hd2

22. В. Дячук. 1. Фd2 Hpf3/Hpe5 2. Фе2/Фd3

23. А. Ярославцев. 1. Фg6 Hpc4, Hpc5, Hd3 2. Фе4, Фс6, Фd3

24. Х. Фреберг. 1. He5 - 2. Hc6 Hpc8/Hpa8 3. Cb7/Hc7x, 1...Hpa7 2. Hc6 Hpa6 3. Hc7x

25. В. Иванов, М. Марандюк. 1. Фе3? Hpc4 2. Фd2 Hpb5/Hpb3 3. Фb4/Hd6, 1...Hpe6 2. Фg5 Hpd7/Hpf7 3. Фе7/g4, 1...Hpc6 2. Hc3 Hpd7/Hpc7 3. Hpb7/Фe6, 1...Hpe5!; 1. Ce7! Hpd4 2. Hf2 Hpc4 3. Фb4 Hpd5 4. Фе4x, 1...Hpc4 2. Фd2 Hpb3 3. Hf2 Hpc4 4. Фd3x, 1...Hpe6 2. Hf6 Hpf7 3. Фе4 Hpg7 4. Фh7x, 1...Hpe5 2. Hd2 Hpd4 3. Cb4 Hpd3 4. Фе4x

26. Ю. Сушков. 1. Сb8! e6 2. Kpd2 Kpd4 3. Фс6 e3 4. Kpe2, 1... e5 2. Kpe2 e3 3. Kpd3 e4 4. Kpc3
27. Н. Зиновьев. 1. Kph2 Kpg5 2. g3 Kph5 3. Kph3 Kpg5 4. f4 Kph5 5. g4x, 1... Kph4 2. g3 Kpg5 3. Kpg2 Kph5 4. f4 Kpg4 5. Kf6x

"Смена" № 3, 1998

28. В. Дячук. 1. Сg1!, 1. Cf4?, Се5? Cd3!

29. Б. Жежерун. а) 1. f4!, б) 1. Cd5!

30. Л. Лебедев. 1. Kpf4, 1. Cd1? Kpd5!, 1. Cd7? Kpd3!

31. С. Демидюк. 1. Сg4 Kpd7, Kpd8, Kpe6 2. Ле5, Лf8, d8C

32. В. Сучков. а) 1. Kpc2 a2 2. Се6; б) 1. Ch8 a2 2. Лg6

33. В. Иванов, М. Музыка, Н. Пархоменко. 1. Ke6! Kpe6, Kpc6, Kpc8, Kc7, Kb6 2. Фd5, Фb5, Фа7, Фс7, Фb6

34. Ю. Сушков. 1. Kpf5! c6/c5 2. Kpe6 c5/c4 3. Kpd6, 1... Kpd5 2. Ke4 Kpd4 3. Фс3

35. В. Желтоножно. 1. Фе7? Kpg6 2. Фf8 Kph5 3. Фf5, 2... Kph7 3. Фf7, 1... Kpg4!; 1. Фс6! Kpg4 Фf3 Kph4 3. Фg2, 1... Kpe5 2. Фg6 Kpd5 3. Cd4

36. В. Луньянов. 1. Kpd7 c6 2. Kpd8 c5 3. Kd6 Кра7 4. Kpc7 Сb7 5. Kb5 Кра8 6. Kd7

"Смена" № 4, 1998

37. А. Тогер. 1. Фе4

38. Д. Гинно. 1. Лb5

39. В. Крижановский. а) 1. d8K!; б) 1. c6

40. Р. Упстрем. 1. Kpc8

41. Б. Жежерун. а) 1. e4; б) 1. Фh6

42. А. Панкратьев. *Нерешаемость*. При б. Фс1 — 1. Kd5

43. Л. Лебедев. 1. Фg3!; 1. Kpe5? e6!

44. Л. Тогооху. 1. Сс4

45. М. Матренин. 1. e8C!, 1. g8C, g8K? Kpc8!

46. Ю. Сушков. 1. Ka3 Kpd3, d5 2. Фс2, Фс1

47. А. Голубев. а) 1. Фе3 Kpd5(f5) 2. Лс8(g8); б) 1. Фе3 Kpd5(g5) 2. Фс3(g3); в) 1. Фе3 Kpd5(g5) 2. Фс3(g3)

48. Е. Чумбуридзе. 1. Ла5! Лg5 2. Фh5; 1. Ла6 (a3, a2, a1)? Лf7 (f3, f2, f1)!

49. Н. Резвов, В. Черноус. а) 1. b8L! Kph2 2. Лh7; б) 1. h8C! Kph2 2. Лh7

50. А. Варицкий. 1. Ле5 Се5, Ch6, Cf6 2. Kpe5, Лh5, Лf8

51. В. Морозов. а) 1. Ke6! Kpf3(d3) 2. Фh1(b1); б) 1. Kb3! Kpd3(f3) 2. Kd2, Фh1

52. В. Желтоножно. 1. Kpd7? e5 2. Фс3 Kpe4 3. Kpd6, 1... Kpc4!; 1. Kg5? e5 2. Фb3 Kpd4 3. Kpd6, 1... Kpc4!; 1. Фс3! e5 2. Kpd7 Kpe4 3. Kpd6, 1... Kpe4 2. Kpc6 Kpf5 3. Фf3

53. М. Чернушко. 1. Лb1 Кра3 2. Kb4 Кра4 3. Kc2, 1... Кра5 2. Лb4 Кра6 3. Лb5

54. А. Калинин. 1. Лd1 b2 2. Kpc2 b1Ф 3. Лb1 Kpd4 4. Лb4x

55. В. Новаленко. 1. Kd3 - 2. Kc5 Кра2 2. Фс2, 1... b6 2. Kc1 Кра4 3. Фс4, 1... Kc7 2. Kpc7 b6 3. Kpb6

56. С. Новалев. 1. Фb8 Кра4 2. f4 Кра3 3. Kf3 Кра2(a4) 4. Kd2(d4), 1...f4 2. Kh3 Кра4 3. Kf4 Кра3(a5) 4. Kd3 (d5)

57. В. Жеглов. 1. Kd2 Кра3 2. Kpc3 Кра2 3. Сс4 Кра1 4. Cd3 Кра2 5. Сb5! Кра3(a1) 6. Kb1(Kpc2) Кра2 7. Kpc2(Kb1) ■

Пусть будет прочен ваш союз

Шутливый тест для супругов

Милые МУЖЬЯ, высказывае-
те ли вы упреки жене по поводу
того, что...

- 1) она ходит дома в бигуди;
- 2) курит;
- 3) подолгу болтает по телефо-
ну с подругами;
- 4) много времени проводит в
паринмахерской;
- 5) любит поланомиться, даже
если эта привычка приводит ее к
избыточному весу;
- 6) а вот на кухне возиться не
любит;
- 7) да еще в последнее время
усиленно занимается своей внеш-
ностью — уж не появился ли у нее
"другой"?

8) и, наконец, — самое глав-
ное! — задает массу вопросов во
время телетрансляции хонкейного
или футбольного матча.

Милые ЖЕНЬ, упрекаете ли
вы мужа за то, что...

- 1) он большой любитель пова-
ляться на диване;
- 2) предпочитает смотреть те-
левизор, вместо того, чтобы про-
верить уроки у сына;
- 3) снова прожог дырку в ска-
терти;
- 4) постоянно забрызгивает
зеркало в ванной зубной пастой;
- 5) придя домой, никогда не по-
целует, лишь буркнет "Привет!";
- 6) при этом одежду не уберет,
как положено, а бросит где попа-
ло, ноги как следует не вытрет;
- 7) мусор без пяти напомина-
ний не вынесет;
- 8) и вообще, приятели ему до-
роже, чем жена!

Ответы могут быть: "да" — 3
балла; "нет" — 1 балл; "иногда" —
2 балла.

А теперь подсчитаем очки.

До 10 баллов: ваш союз иде-
ален! И в дальнейшем у вас не бу-
дет оснований упрекать друг дру-
га.

11-14 баллов: вы можете по-
радоваться, ваш муж (или же-
на) — человек разумный и рассу-
дительный, с миролюбивым харак-
тером, всегда снисходителен к
маленьким недостаткам вашей
натуры.

15-19 баллов: ваш спутник
(или спутница) жизни имеет харак-
тер неустойчивый, при неудачах
падает духом и старается вину пе-
реложить на вас... Постарайтесь
быть терпимым к этому и помочь
ему (или ей) заналить дух и волю.

20-24 балла: очень жаль, но
что-либо посоветовать вам нелег-
но... Вас, может быть, и не за что
упрекать, вы очень стараетесь со-
хранять мир в семье. А вот ваш
избранник совсем другого харак-
тера, привычек, жизненных уста-
новок, нежели вы. Чтобы сохра-
нить ваш союз, ему (или ей) необ-
ходимо изменить себя.

25-27 баллов: скажем пря-
мо, вы имеете дело с человеком
раздражительным, придирчивым,
ворчливым. Это плохо, конечно.
Но взаимная любовь и терпение
помогут избавиться от этих недос-
татков. ■

Тест подготовила
Елена КОХРЕЙДЗЕ.

ПЕТРОВ

Павел

Сюжеты картин Павла Петрова незатейливы — небо, деревья, цветы. Изображает все то, что окружает человека, и на что городской житель уже редко обращает внимание. Обыденность, сказали бы мы, и были бы неправы. Потому что за всем этим стоит красота и гармония мира. Художник словно возвращает нас в те времена, когда человек и природа были едины и жили в ладу друг с другом. Павел создает своеобразный образ природы. Романтичный, порой с налетом мистики, и очень лиричный. Вот "кусочек" леса: огромные вековые деревья замерли, притихла лесная живность, поникла трава, а над ними зависла тяжелая, налитая свинцом туча. Лес застыл в ожидании бури. А вот легкая дымка утреннего тумана лениво поднимается над еще спящей рекой. Небо розовеет, первые лучи солнца мягко скользят по верхушкам деревьев. Каждый листочек, каждая травинка наполняются радостью в предвкушении нарождающегося дня.

Есть у Павла и жанровые сценки. Одинокий турист в рыжей ветровке отогревается у костерка, рыбак застыл над удочками. Но и в этих картинах человек скорее служит фоном для главного героя — природы. Художник пишет с натуры, на пленэре, много путешествует, выискивая новые места, куда порой и добраться-то трудно. В его работах нет вымысла, поэтому картины очень реалистичны. Все как в жизни: и деревья, и полевые цветы, разноцветным узором "разбросанные" в бескрайней зелени поля, и небо, своей пронзительной синью оттеняющее пышные, словно взбитый пух, облака. Но в каждой работе — выраженная через цвет и свет личность художника, его настроение, эмоции.

Петров — коренной москвич, и свой родной город, его улицы, площади и бульвары так же переносит на холст. Их условно можно разделить на серии, потому что Москва предстает во все времена года: заснеженной, изнывающей от летней жары, усыпанной увядающей листвой. И здесь царит и властвует природа.

Павел считает, что "живопись — олицетворение жизненного опыта, мироощущения. И для духовно самостоятельной, развитой личности искусство может стать формой индивидуальной религии". ■

Людмила КАНДАЛОВА

Ностер.

Морозное утро.

**ФЛЕГРЕАН
ТУРИСТ
СЕРВИС**

ОСТРОВ ИСКЬЯ (ИМАЛИЯ)

**Отдых и лечение
целебными
термальными водами**

*(ревматизм, артрит,
остеохондроз, астма,
гинекология, кожные болезни,
в т.ч. псориаз).*

Москва,
Б. Саввинский пер., 8а
тел.: (095) 246-71-26,
246-71-32, 246-89-80

